

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИИ)

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова»

В. А. Филатова

ДЕТИ В АДУ АУШВИЦА

Монография

Горловка
2025

УДК 82+94(4)»1940-1945»+81'276
ББК 83.3(0)6:63.3(4)62:81.025.7
Ф51

*Рекомендовано к изданию на заседании Учёного совета
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет
им. В. Шаталова»
(протокол № 11 от 27.06.2025 г.)*

Рецензенты:

Дьякова Т. А. – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии и социально-гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Луганская государственная академия культуры и искусств им. Михаила Матусовского»;

Любимцева-Наталуха Л. Н. – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры мировой литературы и сравнительного литературоведения ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова»

Исследование проведено в Донецком государственном педагогическом университете им. В. Шаталова в рамках выполнения Государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации (№1024122500024-1-5.3.1;6.2.3;6.2.1;5.1.1) по теме «Механизмы обеспечения безопасности детства в контексте социально-культурных изменений во взаимодействии социальных институтов, семей и детей с разной социальной активностью».

Ф51 **Филатова, В. А. Дети в аду Аушвица : моногр. / В. А. Филатова.** – Горловка : Изд-во ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – 248 с.

ISBN 978-5-907859-41-8

Монография «Дети в аду Аушвица» посвящена одному из наиболее трагических и мало исследованных аспектов истории Холокоста – опыту детей, выживших в нацистском лагере смерти Аушвиц (Освенцим). Работа опирается на междисциплинарный подход, объединяющий методы исторической реконструкции, нарративного анализа и лингвистики. Структура монографии охватывает как культурные образы Аушвица, так и конкретные этапы детского пребывания в лагере, специфику лагерного языка и персонализированные биографии жертв и палачей.

Предназначается для филологов, историков, психологов, педагогов, студентов, а также всех, кто интересуется темой Холокоста и памяти о детях войны.

УДК 82+94(4)»1940-1945»+81'276
ББК 83.3(0)6:63.3(4)62:81.025.7

ISBN 978-5-907859-41-8
©Изд-во ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ГЛАВА 1. АУШВИЦ В ДЕТСКИХ ВОСПОМИНАНИЯХ И ПОСЛЕВОЕННЫХ МЕМУАРАХ	9
1.1. Детство в Аушвице: от селекции до уничтожения	9
1.1.1. Освенцим–Аушвиц: от польского города к лагерю смерти	9
1.1.2. Детские судьбы в концлагере	13
1.2. Аушвиц глазами детей: личные истории и свидетельства	31
1.2.1. Лидия Максимович: рассказ одной из самых юных узниц	32
1.2.2. Майкл Борнштейн: история ребёнка, пережившего заключение в четырёхлетнем возрасте	34
1.2.3. Тova Фридман: свидетельство шестилетней узницы Аушвица	35
1.2.4. Ева Мозес Кор: воспоминания жертвы экспериментов над близнецами	36
1.2.5. Броня Брэндман: одна из выживших	37
1.2.6. Ева Хейман: дневник из гетто перед депортацией и гибелью в Аушвице	38
1.2.7. Имре Кертес: лагерный опыт в юношеском восприятии	39
1.2.8. Томас Гив: три года в Аушвице глазами подростка	40
1.2.9. Ева Шлосс: долгое молчание сводной сестры Анны Франк	41
1.2.10. Эли Визель: пережитый опыт узника и его литературное осмысление Холокоста...	42
1.2.11. Эдит Ева Эгер: выживание, травма и путь к восстановлению	43
1.2.12. Хеди Фрид: юность в условиях лагеря и забота о младшей сестре	45
1.3. Детская тема в первых послевоенных свидетельствах узников (1945–1947)	45
1.3.1. Зофья Налковская: «Медальоны»	46
1.3.2. Северина Шмаглевская: «Дым над Биркенау»	47
1.3.3. Тадеуш Боровский: «А у нас в Аушвице»	48
1.3.4. Виктор Франкл: «Сказать жизни “Да!”»	50
1.3.5. Примо Леви: «Человек ли это?»	51
1.3.6. Кристина Живульская: «Я пережила Освенцим»	53
ВЫВОДЫ К ПЕРВОЙ ГЛАВЕ	54
ГЛАВА 2. ХРОНОЛОГИЯ АДА: КЛЮЧЕВЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ ЛАГЕРЯ АУШВИЦ	55
2.1. 1940 год: создание концлагеря и начало депортаций	55
2.2. 1941 год: структурное расширение и первые массовые казни	58

2.3. 1942 год: центр реализации «окончательного решения»	67
2.4. 1943 год: конвейер смерти и лагерная рутина	89
2.5. 1944 год: массовое прибытие венгерских евреев	102
2.6. 1945 год: эвакуация, уничтожение улик и освобождение лагеря	126
ВЫВОДЫ КО ВТОРОЙ ГЛАВЕ	135
ГЛАВА 3. ЯЗЫК В АУШВИЦЕ: ЛЕКСИКА ЛАГЕРЯ СМЕРТИ	136
3.1. Административная иерархия и распределение ролей	137
3.1.1. Анвайзерка	137
3.1.2. Ауфзеер / Ауфзеерка	138
3.1.3. Блоковой / Блоковая	139
3.1.4. Капо	140
3.1.5. Привилегированные заключённые	142
3.2. Пространство и структура лагеря	143
3.2.1. Аппель	143
3.2.2. Аппельплац	146
3.2.3. Аусенкоманды	146
3.2.4. Блок	148
3.2.5. Блок смерти	149
3.2.6. Брама	150
3.2.7. Канада	151
3.2.8. Койа	154
3.2.9. Лагерштрассе	155
3.2.10. Мексика	157
3.2.11. Ревир	158
3.2.12. Штуба	160
3.3. Практики принуждения и уничтожения	162
3.3.1. «В газ» / «в печь»	162
3.3.2. Зондеркоманда	164
3.3.3. Команда «эффектенкамер»	165
3.3.4. Кролики	166
3.3.5. Лайхенкоммандо	167
3.3.6. Проволока	169
3.3.7. Селекция	171
3.3.8. Транспорт	173
3.3.9. Центральная сауна	175
3.3.10. Эвакуация	176
3.4. Проституция и сексуальное насилие	177
3.4.1. Пипель	177
3.4.2. Пуф	178
3.4.3. Пуфф-мама	180
3.5. Повседневность и лагерный жаргон	180
3.5.1. Абганг	180
3.5.2. Бибельфоршер	181

3.5.3. Ветеран	182
3.5.4. Винкель	183
3.5.5. Дурхфаль	185
3.5.6. Миллионер / миллионщик	186
3.5.7. Мусульманин	186
3.5.8. Номер	188
3.5.9. Организовать	191
3.5.10. Хефтлинг	193
3.5.11 Цуганг	194
ВЫВОДЫ К ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ	196
ГЛАВА 4. ЛИЧНОСТИ АУШВИЦА. «Жертвы» VS «Палачи»	198
4.1. Анна Франк	198
4.2. Рудольф Врба	201
4.3. Альма Розе	204
4.4. Рудольф Франц Фердинанд Хёсс	211
4.5. Палич – Герхард Арно Макс Палич	216
4.6. Макс Грабнер	219
4.7. Доктор Менгеле	221
4.8. Зондерфюрер	225
ВЫВОДЫ К ЧЕТВЁРТОЙ ГЛАВЕ	228
ПОСЛЕСЛОВИЕ	229
ЛИТЕРАТУРА	234
СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ	239
ИСТОЧНИКИ	241

ПРЕДИСЛОВИЕ

**«Дети в Освенциме знали,
что должны умереть».**

Зофья Налковская

Настоящая монография под названием «Дети в аду Аушвица» посвящена одному из наименее изученных, но предельно значимых аспектов истории Холокоста – опыту детей, прошедших через нацистский лагерь смерти Аушвиц (Освенцим) и сохранивших жизнь. В центре исследования находятся судьбы тех, кому удалось выжить в условиях систематического террора, голода, медицинских экспериментов и потери всего, что ранее считалось нормой. Употребление слова «ад» в названии монографии неслучайно: практически все выжившие узники независимо друг от друга называли Аушвиц именно так – адом, местом вне человеческой морали и существования, в котором уничтожалась не только жизнь, но и сама идея человечности.

Выбор темы продиктован не только уникальностью опыта уцелевших детей, но и необходимостью более глубокого осмысления феномена детства в условиях крайнего насилия. Исторический опыт XX века наглядно показал: в ходе вооружённых конфликтов дети становятся наиболее уязвимой частью населения. Война разрушает привычный уклад их жизни, наносит тяжёлые психологические травмы, тормозит развитие личности и серьёзно осложняет последующую адаптацию в обществе. Эти закономерности легли в основу создания международной системы правовой и гуманитарной защиты детства. После Первой мировой войны, унёсшей более 20 миллионов жизней – значительную часть которых составляли несовершеннолетние, – мировое сообщество предприняло первые шаги к институционализации охраны детства. В 1920 году в Женеве был основан Международный союз помощи детям (UISE), а в 1924 году принята первая международная Декларация прав ребёнка – Женевская декларация. В ней провозглашалась обязанность человечества предоставить детям всё самое лучшее: защиту от голода, насилия, эксплуатации, а также условия, способствующие их физическому и психическому благополучию.

Тем не менее, эти гуманистические принципы грубо нарушались в годы Второй мировой войны, особенно на территориях Восточной Европы, которые захватили нацисты. Самым ужасающим примером стал концентрационный лагерь Аушвиц, где были полностью проигнорированы все декларируемые механизмы защиты детства.

Из 1,3 миллиона заключённых, прошедших через Аушвиц, около 234 000 составляли дети и подростки, включая примерно 220 000 еврейских, 11 000 цыганских, а также тысячи белорусских, русских, украинских и польских детей [Dzieci w KL Auschwitz]. Подавляющее большинство было убито в газовых камерах практически сразу после прибытия в лагерь. Те, кому временно сохранили жизнь, подвергались жестоким медицинским экспериментам,

непосильному труду и постоянному унижению. Хронический голод, холод, отсутствие медицинской помощи, постоянный страх, ожидание смерти приводили к разрушению не только телесного, но и психического состояния ребёнка. Даже после освобождения лагеря многие дети были неспособны выражать эмоции, говорить или плакать – их травматический опыт оказался настолько укоренённым, что осмысление и выражение пережитого стало возможным лишь спустя годы, а у многих – только через десятилетия.

Несмотря на масштаб трагедии и её долгие последствия, опыт детей в нацистских лагерях остаётся малоизученной темой. В существующих исследованиях основное внимание уделяется историческому контексту, устройству лагерной системы и судьбам взрослых узников, тогда как детское восприятие, стратегии выживания и формы последующего свидетельствования исследованы значительно меньше.

Центральное место в настоящей монографии занимает анализ литературных свидетельств – воспоминаний, автобиографической прозы и художественно-документальных текстов, написанных бывшими малолетними узниками. Эти тексты позволяют реконструировать уникальный опыт детства в лагере и осмыслить, как предельно экстремальное существование ребёнка преломляется в литературе и переосмысляет границы человеческого опыта.

Монография опирается на междисциплинарный подход, объединяющий методы теории повествования, исторической реконструкции и лингвистического анализа, что позволяет рассматривать материал на пересечении литературоведения, истории и языкознания. Основная цель работы – осмыслить опыт выживания детей в лагере Аушвиц как особый феномен, отразившийся в мемуарной и автобиографической литературе; проанализировать, каким образом дети фиксировали и интерпретировали лагерную реальность как в момент переживания, так и ретроспективно, а также выявить роль языковых стратегий и временного контекста попадания в лагерь как факторов, влияющих на возможность выживания и характер последующего свидетельства.

Структура монографии отражает движение от общего к частному. В первой главе рассматриваются образы Аушвица в свидетельствах, литературе и культурной памяти, в том числе через призму детского взгляда. Во второй главе реконструированы ключевые этапы лагерного существования с 1940 по 1945 год, при этом основные хронологические вехи «Дневника Аушвица» подкрепляются свидетельствами очевидцев, извлечёнными из воспоминаний и архивных документов. Третья глава монографии – «Язык Аушвица» – представляет собой исследование специфического лагерного жаргона, сложившегося внутри концлагеря. В главе подробно рассматриваются понятия, выражения и термины, которые употребляли заключённые и охрана в лагере. Эти слова стали частью повседневной реальности узников и отражали структуру власти, иерархию, распределение ролей, функции, объекты страха и насилия. Особое внимание уделено анализу значений таких понятий, как «аппель», «селекция», «зондеркоманда», «транспорт», «организовать», «Канада» и других. Эти слова становятся ключом к реконструкции детского восприятия лагерной

действительности и позволяют глубже понять способы выживания, страхи и особенности языкового осмысления ужаса в детской памяти. Заключительная, четвёртая глава монографии – «Личности Аушвица: “Жертвы” VS “Палачи”» – сосредоточена на персонализированном осмыслении лагерной истории через судьбы конкретных людей. Глава построена на контрастном противопоставлении. С одной стороны – биографии тех, кто стал жертвами нацистского террора, в первую очередь детей и молодых узников (таких знаковых фигур, как Анна Франк и Рудольф Врба), а также личность Альмы Розе – скрипачки с мировым именем, ставшей узницей Аушвица. С другой – подробный анализ личностей тех, кто олицетворял репрессивный механизм лагеря, включая Рудольфа Хёсса, Макса Грабнера, доктора Менгеле и других представителей лагерной администрации и охраны.

Основу исследования составляют воспоминания выживших, написанные сразу после освобождения или в более поздние десятилетия. Важнейшую роль играют редкие тексты, появившиеся в советской и зарубежной прессе вскоре после освобождения лагеря. Существенную ценность представляют материалы, освещавшие тему Освенцима в советских газетах сразу после Победы, формируя первые представления общества о масштабах нацистских преступлений. Внимание уделяется свидетельским показаниям, прозвучавшим на Нюрнбергском процессе (20 ноября 1945 года–1 октября 1946 года), в ходе которого были представлены также свидетельства, специально касающиеся уничтожения детей в Аушвице.

Монография адресована исследователям в области филологии, истории, психологии, культурологии и педагогики, преподавателям, студентам и всем, кто интересуется темой Холокоста, историей детей войны, а также вопросами исторической и культурной памяти. Автор осознаёт невозможность исчерпывающего ответа на поставленные вопросы, но надеется, что предпринятая попытка системного осмысления детского опыта в Аушвице позволит расширить представления о природе лагерного зла и одновременно – о границах человеческой стойкости.

ГЛАВА 1.

АУШВИЦ В ДЕТСКИХ ВОСПОМИНАНИЯХ И ПОСЛЕВОЕННЫХ МЕМУАРАХ

1.1. Детство в Аушвице: от селекции до уничтожения

В Освенцим заключённые прибывали, как правило, целыми семьями из разных стран Европы. Люди, недавно проживавшие в столицах и провинциальных городах, а также депортированные из гетто и пересыльных лагерей, после селекции становились узниками лагеря, получая идентификационные номера, вытатуированные на теле. Лишь немногие из взрослых попадали в рабочие блоки – при наличии удовлетворительного физического состояния и по усмотрению лагерной администрации. Остальных отправляли в газовые камеры на немедленное уничтожение.

Положение детей в лагере было особенно трагичным: случаи их выживания носили исключительный характер и самими детьми впоследствии осмысливались как нечто чудесное и необъяснимое. Подавляющее большинство несовершеннолетних узников подвергались немедленной селекции и уничтожению. Те, кто не был направлен в газовую камеру, зачастую погибали в огне – случаи сожжения живыми зафиксированы в свидетельских показаниях. Таким образом, детям, оказавшимся в Аушвице, предоставлялся выбор не между жизнью и смертью, а между различными формами неминуемой гибели.

1.1.1. Освенцим – Аушвиц: от польского города к лагерю смерти

Аушвиц (Концентрационный лагерь Аушвиц – нем. *Konzentrationslager Auschwitz*) – общее название комплекса немецких концентрационных лагерей, которое использовала нацистская администрация (1940–1945). В советских и русскоязычных источниках употреблялось польское слово, по названию города Освенцим, на территории которого был возведён лагерь смерти.

Освенцим – (в переводе с польского – священный город) – город в Польше в шестидесяти километрах от Кракова.

В воспоминаниях узников, переживших пребывание в концлагере в детском возрасте, город Освенцим и лагерь описываются следующим образом:

«Первые поселения появились здесь примерно в XI веке. Место было действительно подходящее: здесь с Бешидских гор текла река Сола с очень чистой и свежей водой. Сола впадала в Вислу. Если обзавестись надежной лодкой и пристанью, отсюда можно было плавать с товаром до Кракова, а потом и до Варшавы. Поколения жителей города и представить себе не могли, что когда-нибудь он станет в глазах всего мира символом одной из величайших трагедий человечества. Что соседний народ захватит его и назовет по-своему: Аушвиц. И город перестанет быть тем благословенным, тихим местом, каким его считали раньше.

Однако признаки грядущего разорения замечали и раньше, словно судьба Освенцима непостижимым образом была предначертана. Как и многие польские города, Освенцим постоянно подвергался вторжениям. Самым крупным было вторжение шведов в 1665 году. Прошло несколько десятилетий, и в город пришла чума. Потом был большой пожар. После этих бед Освенцим двести лет не мог прийти в себя. Он так и остался в подвешенном состоянии в самом сердце Европы, в ожидании лучших времен.

Лучшие времена пришли в середине XIX века. Освенцим стал важным железнодорожным узлом на линии Краков – Вена. С приходом современной аппаратуры оживилась работа кожевенного завода, объединения заводов машинного оборудования и автотранспорта Прага – Освенцим, производство водки и ликеров Якуба Хаберфельда, фабрики удобрений и рыбных консервов «Острига» и «Атлантик» и завода сельскохозяйственных машин Потенга-Освенцим. Но тут же начались стихийные бедствия: на город обрушились наводнения и пожары. В 1863 году огонь уничтожил две трети города: кроме жилых домов сгорела колокольня приходской церкви, две синагоги, муниципалитет и дешевая больница для бедняков.

В XX веке, после аннексии Польши Третьим рейхом, Освенцим, как и вся страна, оказался под властью Гитлера и его заправил. Его выбрали как территорию для строительства фабрики смерти, одного из лагерей уничтожения, столь желанного для нацистов. Это был не просто лагерь, это был Аушвиц, снискавший себе славу самого страшного и жестокого места» [Максимович 2022, с. 109–111].

«Изначально Аушвиц был польским городом под названием Освенцим, где проживали 12 000 человек, в том числе 5 000 евреев. После того как сюда вторглись немцы, большинство из этих людей были выселены из своих домов. Нацисты переименовали город и построили на его территории огромный лагерь» [Шлосс 2021, с. 138].

«В мирное время это было приятное местечко с красивыми домами и старинным живописным еврейским кварталом, привлекавшим туристов. Он стоял на слиянии Вистулы и Солы» [Дронфилд 2023, с. 215].

«Я и раньше слышала название Аушвиц и понимала, что значение этого слова было зловещим. Люди произносили это слово со смесью страха и благоговения. С тем же тоном произносили слова Треблинка или Майданек – так назывался еще один лагерь уничтожения к востоку от Стараховице, где погибли около восьмидесяти тысяч человек» [Фридман 2023, с. 146].

«Одной из главных причин, по которой Освенцим выбрали в качестве места для большого лагеря, было хорошее железнодорожное сообщение и многочисленные пути и дороги, которые вели в разные направления» [Шлосс 2021, с. 137].

Под территорию, названную «Сферой интересов лагеря Аушвиц», отводилось 40 квадратных километров, поэтому местные жители из семи польских деревень вынуждены были переселяться. В июне 1940 года было выселено около 2 тысяч человек, проживающих недалеко от бывших казарм польской армии; в июле 1940 года своих домов лишились жители улиц Короткая, Польная и Легионов, а в ноябре – жители района Засоле; в марте и апреле 1941 года были изгнаны жители деревень Бабице, Буды, Райско, Бжезинка, Броцковице, Плавы и Харменже. С 1941 по 1943 годы на этой территории было построено более 40 вспомогательных лагерей, подсобные лагеря сельскохозяйственного профиля: птицеводческие и скотоводческие фермы, рыбные хозяйства [Гесс 1975, с. 38].

«Многие семьи были вынуждены искать себе хоть какое-нибудь жильё. Из разрушенных домов нацисты построили лагерные бараки. Кирпич пошел на стены, а мебель – на дверные и оконные проемы» [Максимович 2022, с. 111].

«Концентрационный лагерь Освенцим, известный в Польше как “лагерь смерти”, находился недалеко от города с тем же названием. Основанный в 1940 году, лагерь занимал болотистые земли между Вислой и её притоком Солой. Бывшие казарменные и фабричные постройки послужили основой для дальнейших развернутых строительных работ. Сначала существовал так называемый “материнский лагерь” Освенцим, который тянулся параллельно шоссе, идущему по берегу Сола и связывающему деревню Райско с городом Освенцим. С шоссе можно было увидеть, рядом с главным входом в лагерь, роскошную виллу коменданта лагеря Гесса, оберштурмбанфюрера СС. Въезд в лагерь преграждал шлагбаум. Рядом с ним эсэсовцы, несущие вахту, тщательно проверяли каждого входящего или выходящего будь то военный или гражданский. С правой стороны за этим шлагбаумом находилась главная караульная, а чуть наискосок напротив – комендатура [Гесс 1975, с. 127].

Сам Рудольф Хёсс подробно описал процесс строительства лагеря в своих автобиографических записках, написанных в 1946 году, находясь под стражей в польской тюрьме после завершения Нюрнбергского процесса. Он вспоминал, как создавал Аушвиц, ещё не зная, что спустя год – 16 апреля 1947 года – будет повешен именно там, на территории бывшего концлагеря, рядом с руинами газовой камеры.

Стоит отметить, что в некоторых переводных изданиях фамилия коменданта концлагеря указывается как Гесс, что нередко вызывает путаницу. Дело в том, что среди немецких политических деятелей того времени был и другой Рудольф – Рудольф Вальтер Рихард Гесс (нем. *Rudolf Walter Richard Heß*; 1894–1987), занимавший пост заместителя фюрера в Национал-социалистической немецкой рабочей партии с 1933 по 1941 год. В 1941 году он в одиночку совершил перелёт в Великобританию с предложением заключить мир, был арестован британцами и оставался в заключении до конца жизни. На

Нюрнбергском процессе его приговорили к пожизненному заключению, которое он отбывал в тюрьме Шпандау (Западный Берлин) более сорока лет.

Описание Р. Хёссом благополучной жизни своей семьи в Освенциме резко контрастирует с условиями содержания и судьбой заключённых в лагере: «Это правда, что моей семье было хорошо в Освенциме. Выполнялось каждое желание моей жены и детей. Дети могли играть, сколько хотели, у жены было столько любимых цветов, что она чувствовала себя, как в раю. Узники старались изо всех сил делать приятное жене и детям, стараясь оказать им хоть какую-нибудь услугу. Мне кажется, что никто из узников не мог бы сказать, что в нашем доме к нему относились плохо. Моя жена охотнее всего сделала бы подарок каждому, работавшему в нашем доме. Дети постоянно просили у меня сигареты для узников. Особенно сильно они привязались к садовникам. Вся наша семья отличалась необыкновенной любовью ко всему, что было связано с природой; все мы особенно сильно любили животных. Каждое воскресенье я ездил с женой и детьми по полям, ходили по конюшням, невозможно было обойти и псарни. Больше всего мы любили двух наших лошадей и жеребёнка. У детей в саду всегда были редкие животные, которых приносили узники. Это были черепахи, куницы, кошки, маленькие ящерицы. Летом дети плескались в садовом бассейне или в реке Соле. Самой большой радостью для них было, когда и я купался вместе с ними. Но у меня было слишком мало времени для моих детей» [Гесс, с. 97–98].

«Для детей Хёссов сад был площадкой. Летом они плескались в небольшом бассейне с приставной горкой. Играли со своими далматинцами во дворе и лепили куличики в песочнице. Зимой они катались на санках и прибежали домой обниматься с мамой и пить тёплое какао. Заключённые мастерили им игрушки: огромный деревянный аэроплан с крутящимся пропеллером для Клауса, маленький автомобиль для Занса-Юргена, чтобы он мог в нём кататься, как эсэсовские офицеры по Освенциму» [Эдлингтон 2022, с. 173].

Лагерь постепенно разрастался и делился на три основные части: Аушвиц I выполнял преимущественно административные функции; Аушвиц II (Биркенау) был разделён на мужской и женский сектора; Аушвиц III (Моновиц, или Буна) представлял собой мужской лагерь, связанный с промышленным производством. Каждое из этих подразделений имело собственные вспомогательные лагеря. «Управление лагеря состояло из нескольких отделов: комендатура, политический отдел (Гестапо), управление коменданта лагеря, отдел труда, административный отдел и больница. Начальниками всех отделов были офицеры СС. Служебный персонал всех отделов состоял исключительно из членов СС» [Смолень 1981, с. 48].

Территория, прилегающая к лагерю, была тщательно контролируема и использовалась не только в административных целях, но и как элемент системы подавления.

«Поляки были выселены из всех домов. На их место приехали немецкие семьи. Это было сделано из-за осторожности, а одновременно значительно усложняло побег из лагеря. Кроме того, члены семей эсесовцев были для узников, работавших на этой территории, как бы дополнительной охраной. В этих домах жили лагерные власти: Фритш, Аумейер, Гоффман, Гесслер, начальник отдела труда Шварц, главный рапортфюрер Палитш, который собственноручно расстрелял несколько тысяч заключённых у стены смерти во дворе 11 корпуса. Здесь же жил начальник лагерного гестапо Грабнер и многие другие. Вместе с ними жили их дети» [Смолень 1981, с. 93].

1.1.2. Детские судьбы в концлагере

Массовое уничтожение детей в Аушвице подтверждается многочисленными свидетельствами очевидцев, узников и участников следственных комиссий. Особое значение приобретают воспоминания тех, кто лично наблюдал или документировал происходящее, поскольку они позволяют восстановить реальную картину лагерной повседневности и практики истребления несовершеннолетних.

Гизелла Перл, автор книги *I was a Doctor in Auschwitz* (1948, «Я была врачом в Аушвице», на русский не переведена) была свидетелем того, как детей, приехавших со всех концов Европы, не отправляли в газовые камеры, а забирали у матерей и увозили, плачущих и кричащих, с диким ужасом в глазах, раздевали, обливали каким-то горючим материалом и сжигали заживо. Гизела Перл пишет, что такая участь постигла сотни тысяч маленьких детей, среди которых – голубоглазые белокурые польские дети, темноволосые маленькие венгры, круглолицые голландские младенцы, торжественные маленькие французские мальчики и девочки [Perl 1948, с. 28].

В феврале-марте 1945 года после освобождения концлагеря по поручению Чрезвычайной Государственной Комиссии Прокуратурой 1-го Украинского фронта совместно с представителями Чрезвычайной Государственной Комиссии на основании опросов и медицинских освидетельствований узников, освобождённых Красной Армией, изучения обнаруженных документов, исследования взорванных немцами при отступлении крематориев и разрушенных газовых камер, оставшихся после пожара складов с личными вещами и волосами жертв, найденных на территории лагеря трупов, было проведено расследование злодеяний фашистов в концлагере.

Сообщение о работе Чрезвычайной Государственной Комиссии было опубликовано в газете «Правда» за 7 мая 1945 года под названием «Чудовищные преступления германского правительства в Освенциме». Информация о работе комиссии была также размещена в газете «Красный флот» от 08 мая 1945 года («Злодеяния германского правительства в Освенцимских лагерях»), «Известия» от 8 мая 1945 года («О чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме»), «Красная звезда» от 8 мая 1945 года («Освенцим»).

В большой статье «Грозный обвинительный акт преступному германскому правительству», опубликованной в газете «Звезда» за 9 мая 1945 года, приводятся свидетельства выживших, которые подтверждают зверское отношение к детям в концлагере: «Бывшая заключенная Бакаш Вельдтраут, из города Дюссельдорф (Германия), показала: “В 1943 году, в то время, когда мы огораживали крематорий № 5, я лично видела, как эсэсовцы бросали в горящие костры живых детей”» [О чудовищных преступлениях 1945, с. 2].

Северина Шмаглевская, польская еврейка, которая находилась в Аушвице с октября 1942 по январь 1945 года и смогла сбежать во время марша смерти, 27 февраля 1946 года дала показания на Нюрнбергском процессе в качестве свидетеля обвинения по вопросу отношения фашистов к детям в Аушвице. Ниже приводится отрывок из её выступления:

«Смирнов: Вы были очевидцем отношения эсэсовцев к детям в Освенциме?»

Шмаглевская: Да.

Смирнов: Я прошу вас рассказать об этом.

Свидетель: Я могу рассказать о детях, которые родились в концентрационном лагере, о детях, которые были привезены в лагерь с еврейскими транспортами и которых вели прямо в крематории, а также о детях, которые были привезены в лагерь как интернированные.

Уже в декабре 1942 года, когда я шла на работу в 10 км от Биркенау...

Смирнов: Простите, я вас перебую, вы были в отделении Биркенау?

Свидетель: Да, я была в лагере Биркенау. Это часть лагеря Освенцима, которая называлась Освенцим № 2.

Тогда я заметила женщину, которая была беременна на последнем месяце беременности. Это было видно по ней. Эта женщина вместе с другими шла 10 км к месту своей работы и там работала весь день с лопатой в руках по раскопке траншеи. Она уже была больна, и она попросила мастера-немца, штатского немца, чтобы он разрешил ей отдохнуть. Он на это все-таки не согласился, смеялся и вместе с другим эсэсовцем начал бить ее и очень сурово надзирать за ней при работе. Таково было положение всех женщин, которые были беременны. И только в последнюю минуту им разрешалось не идти на работу. Дети, которые были рождены, если это были еврейские дети, немедленно посылались на смерть.

Смирнов: Я прошу извинить меня, свидетель. Что значит немедленно посылать на смерть? Когда это было?

Свидетель: Немедленно отбирались у своих матерей.

Смирнов: Когда? Когда прибывал эшелон?

Свидетель: Нет, я говорю о детях, которые родились в лагере. Через несколько минут после рождения ребенка отрывали от матери. Мать больше никогда не видела ребенка. После нескольких дней мать шла опять на работу. В 1942 году не было еще отдельных блоков для детей. В начале 1943 года, когда начали татуировать заключенных, дети, которые были рождены в лагере, были также татуированы. Номер был татуирован на ноге.

Смирнов: Почему на ноге?

Свидетель: Так как ребенок очень мал и номер, составляющий пять цифр, не поместился бы на маленькой ручонке. Дети не имели отдельных номеров, у них были те же номера, которые имели взрослые, иначе говоря, порядковые номера.

Дети помещались в отдельном блоке, и через несколько недель, а иногда и через месяц они увозились из лагеря.

Смирнов: Куда?

Свидетель: Нам никогда не удавалось узнать, куда эти дети увозились. Их увозили за все время существования этого лагеря, т.е. в 1943, 1944 годах. Последний транспорт детей был вывезен в январе 1945 года. То не были исключительно польские дети, так как известно, что в Биркенау были женщины со всей Европы. И до сегодняшнего дня неизвестно, живы эти дети или нет.

Я бы хотела от имени женщин всей Европы, которые делались матерями в лагерях, спросить сегодня немцев: где эти дети находятся?

Смирнов: Вы были очевидцем фактов, когда детей отправляли в газовые камеры?

Свидетель: Я работала очень близко от железнодорожной ветки, которая вела в крематорий. Иногда по утрам я проходила возле помещения немецкого клозета, откуда я тайно могла присматриваться к транспортам. Тогда я видела, что вместе с евреями, которые привозились в лагери, приезжало много детей. Иногда в семье имелось несколько человек детей. Трибунал, вероятно, знает, что перед крематорием имел место отбор – селекция...

Смирнов: Селекция производилась врачами?

Свидетель: Не всегда врачами, но и эсэсовцами.

Смирнов: Но и врачами, в том числе?

Свидетель: И врачами. Во время этой селекции самые молодые и самые здоровые еврейки в очень малом количестве входили в лагерь. Те женщины, которые несли детей, вместе с этими детьми посылались в крематорий. Детей отделяли от родителей перед крематорием и вели их отдельно в газовую камеру.

В то время, когда больше всего евреев уничтожалось в газовых камерах, вышло распоряжение, что детей будут бросать в печи крематория или ямы крематория без того, чтобы их раньше задушить газом.

Смирнов: Как следует вас понимать: их бросали в огонь живыми или перед сожжением их убивали другими способами?

Свидетель: Детей бросали живыми. Крик этих детей был слышен во всем лагере. Трудно сказать, сколько было этих детей.

Смирнов: Почему же все-таки это делалось?

Свидетель: На это трудно ответить. Не знаю, потому ли, что они желали сэкономить газ, или потому, что не было места в газовых камерах.

Я хотела бы еще сказать, что нельзя определить количество этих детей, как, например, число евреев, так как их везли прямо в крематорий и они не были зарегистрированы, не были татуированы, очень часто их даже не считали. Мы, заключенные, которые хотели себе дать отчет в количестве людей, которые погибали в газовых камерах, могли ориентироваться только по тому, что мы

узнавали о количестве детских смертей по числу колясок, которые были препровождены в магазины. Иногда было сотни колясок, иногда тысячи.

Смирнов: В день?

Свидетель: Не всегда одинаково. Были дни, когда газовые камеры работали с ранних часов утра до позднего вечера» [Нюрнбергский процесс 1954, с. 909–911].

Северина Шмаглевская в своём обвинительном выступлении подразделяет детей на три основные категории: 1) дети, рождённые в концентрационном лагере; 2) дети, привезённые с еврейскими транспортом; 3) дети, которые были привезены в лагерь как интернированные.

О судьбе детей, рождённых в Аушвице, как никто лучше рассказала Гизела Перл, еврейка по происхождению, врач-гинеколог из венгерского города Сигет, которая в силу обстоятельств вынуждена была работать ассистенткой доктора Менгеле, но по долгу выбранной профессии, главное своё предназначение видела в том, чтобы помогать женщинам выжить в аду Аушвица. В своей книге она объясняет, какое событие стало причиной её дальнейшего отношения к новорожденным.

Через несколько дней после прибытия нового транспорта из Венгрии, один из начальников СС обратился к женщинам, призывая беременных выйти вперед. Будущих матерей обещали отвезти в другой лагерь, где условия жизни были бы лучше, где им гарантировалась двойная порция хлеба, чтобы к моменту рождения ребёнка, они были полны сил и здоровья. Беременные женщины, поддавшись на убеждения, перестали скрывать беременность и отбывали в неизвестном направлении. Гизела Перл называет и себя достаточно наивной, потому что тоже поверила немцам, и порадовалась за женщин. Но однажды она оказалась по делам возле крематориев и собственными глазами увидела последствия веры в фашистские обещания. Беременных окружала группа эсэсовцев, среди которых были мужчины и женщины, и развлекались тем, что истязали их. Женщин избивали дубинками и кнутах, таскали за волосы, били ногами в живот тяжелыми немецкими сапогами. На них натравливали собак, которые рвали их зубами. Вдоволь навеселившись, измученных, но ещё живых женщин бросали в крематорий.

Испытанный Гизелой Перл ужас стал толчком к внутреннему сопротивлению, которое придало ей новый смысл существования. Она поставила перед собой цель – спасти беременных женщин в лагере от неминуемой гибели ценой жизни их нерождённых детей. Первое, что она сделала, вернувшись в лагерь, – рассказала женщинам об увиденном и предупредила, чтобы никто не открывал своего положения. Потом стала в ночное время после тяжёлого рабочего дня, когда все остальные спали, делать аборт и вызывать искусственные роды. Стоя на коленях в туалете или на грязном полу барака, покрытом человеческими экскрементами, в темноте и в антисанитарных условиях, без капли воды и медицинских инструментов. Она прерывала беременность на девятом месяце, путем разрыва плодных оболочек,

после чего в течение одного-двух дней происходили самопроизвольные роды без дальнейшего вмешательства. После рождения ребенка она перевязывала живот матери и отправляла ее обратно на работу. Если это было возможно, она помещала роженицу в больницу, где работала врачом, на несколько дней. Ставила безопасный диагноз «пневмония», из-за которого больную не отправляли в крематорий, и позволяла женщинам отлежаться после болезненных манипуляций с организмом. Она вызывала роды на восьмом, седьмом, шестом и пятом месяцах, и молила Бога, чтобы помог спасти мать и её. Чудом, она называет то, что каждая из этих женщин выздоровела и смогла работать. И это на какое-то время спасало ей жизнь [Perl 1948, с. 80–82].

Первой женщиной, ребёнка которой убила Гизела Перл, была её землячка по имени Иоланда. После замужества она долго не могла забеременеть и обратилась за помощью к врачу, которая имела у них в городе хорошую репутацию. Гизела Перл долго лечила её, пока Иоланда не забеременела. Мечта всей её жизни – иметь ребёнка – была почти осуществлена. Иоланда обещала после рождения малыша подарить врачу самый красивый подарок на свете. Никто из них тогда и не подозревал, как изменится их жизнь. В концлагере доктор Перл каждый день наблюдала за состоянием Иоланды, перевязывала ей живот и закрывала своим телом на ежедневных переключках. Три дня длились конвульсивные родовые схватки у Иоланды, и когда ребёнок родился, Гизела Перл прятала его в течение двух дней, не в силах уничтожить. Если бы ребёнка обнаружили, то убиты бы были и Иоланда, и врач, принимавший роды, погибли бы и все беременные женщины, которым гинеколог могла помочь. Она взяла тельце в руки, поцеловала его, погладила волосы, после чего задушила и похоронила под горой трупов, ожидающих кремации [Perl 1948, с. 82–83].

Потом из Берлина пришел новый приказ, согласно которому еврейские матери не только могли рожать своих детей в «родильном отделении» больницы, но и детям разрешалось жить. Этот приказ очень обрадовал Еву Бенедек, молодую скрипачку из Будапешта. Ей было восемнадцать лет, она была красивой и талантливой молодой женщиной, которую разлучили с мужем всего через несколько дней после свадьбы. Ева Бенедек верила, что её жизнь и жизнь ребенка будут спасены. Когда в Аушвице организовали женский оркестр из заключенных, Ева стала скрипачкой этого оркестра. Доктор Гизела Перл перевязала ей живот, и в бесформенных лохмотьях, Ева не выделялась среди женщин, у которых от недоедания были раздуты животы.

После того, как у неё родился маленький мальчик в «родильном отделении», она повернулась к ребёнку спиной, не стала на него смотреть и не взяла на руки. Она плакала, не переставая, и ни с кем не хотела говорить. Когда врач-гинеколог разговорила её, она с трудом объяснила своё решение не прикасаться к нему, потому что чувствовала, что его собираются отобрать. Так и случилось.

Через двадцать четыре часа после того, как Ева Бенедек родила сына, вышел новый приказ, согласно которому еврейских матерей лишали дополнительной еды, жидкого молочного супа, смешанного с мукой, что позволяло им кормить младенцев. В течение восьми дней Ева Бенедек наблюдала, как ее сын медленно умирал от голода. Его белая кожа пожелтела и покрылась пятнами, гладкое лицо сморщилось, и на восьмой день доктор Перл вынесла его и бросила на кучу гниющих трупов [Perl 1948, с. 83–84].

Кристина Живульская, автор воспоминаний «Я пережила Освенцим», описывает случай, свидетелем которого она была, находясь в больнице (ревире). Здорового и красивого ребёнка родила еврейка. Это был её первый ребёнок, и она, надеясь на чудо, упростила помочь ей сохранить сына. У молодой матери оказалось достаточно молока, и целый месяц малыша удавалось прятать и скрывать во время неожиданных визитов эсэсовцев. Но вскоре вышел приказ – всех евреек перевести в блоки, независимо от состояния их здоровья. Никто не решался сказать об этой женщине. Тогда одна из докторов достала где-то снотворное и вспрыснула ребёнку, а обезумевшую от горя мать вытащили из больничного блока [Живульская].

Станислава Лещинска, польская акушерка, заключённая из Аушвица II-Биркенау, поочерёдно в течение двух лет до января 1945 года выполняла функции акушерки в трех бараках. Только в 1965 году она написала отчёт о своей работе. Её рапорт – это ещё одно доказательство бесчеловечного отношения к детям.

«До мая 1943 года все дети, родившиеся в освенцимском лагере, зверским способом умерщвлялись: их топили в бочонке. Это делали медсестры Клара и Пфани. Первая была акушеркой по профессии и попала в лагерь за детоубийство. Поэтому она была лишена права работать по специальности. Ей было поручено делать то, для чего она была более пригодна. Также ей была доверена руководящая должность старосты барака. Для помощи к ней была приставлена немецкая уличная девка Пфани. После каждого родов из комнаты этих женщин до рожениц доносилось громкое бульканье и плеск воды. Вскоре после этого роженица могла увидеть тело своего ребенка, выброшенное из барака и разрываемое крысами.

В мае 1943 года положение некоторых детей изменилось. Голубоглазых и светловолосых детей отнимали у матерей и отправляли в Германию с целью денационализации. Пронзительный плач матерей провожал увозимых малышей. Пока ребёнок оставался с матерью, само материнство было лучом надежды. Разлука была страшной.

Еврейских детей продолжали топить с беспощадной жестокостью. Не было речи о том, чтобы спрятать еврейского ребенка или скрыть его среди нееврейских детей. Клара и Пфани попеременно внимательно следили за еврейскими женщинами во время родов. Рождённого ребёнка татуировали номером матери, топили в бочонке и выбрасывали из барака.

Судьба остальных детей была еще хуже: они умирали медленной голодной смертью. Их кожа становилась тонкой, словно пергаментной, сквозь неё просвечивали сухожилия, кровеносные сосуды и кости. Дольше всех держались за жизнь советские дети – из Советского Союза было около 50% узниц. В наш блок принесли несколько грудных младенцев. Матери их уже работали. Одного где-то под бараком родила греческая еврейка. Ребёнка никто не кормил. И для своих молока не было. Да и к чему было его кормить? Как только будет обнаружено, что это дитя еврейки, смерть ждёт и его и мать. Ребёнком никто не интересовался. Он плакал, скулил, слабел, распухал и наконец умер. Все вздохнули с облегчением» [Лещинска].

И гинеколог Гизела Перл, и акушерка Станислава Лещинска в своих свидетельствах подчёркивают, что все дети, рождённые в концлагере, появлялись на свет живыми и здоровыми. Но их систематически и безжалостно лишали права на существование.

Ота Краус и Эрих Кулка, политзаключённые из Праги, арестованные в 1940 году за активное участие в борьбе против фашизма, в своих воспоминаниях «Фабрика смерти», написанных после освобождения, утверждали, что эсэсовские законы запрещали рождение детей в Биркенау, потому что «фашисты всеми средствами старались истребить так называемые неполноценные расы». Эти взрослые мужчины называют случаи умерщвления детей «ужасающими», а поведение медсестры, которая на их глазах привычно готовилась убить ребёнка – «циничным». Помочь новорожденному они ничем не могли [Краус 1960, с. 120].

Как ничего не могла сделать и Кристина Живульская, которая однажды ночью пробиравась на территорию больницы и стала свидетелем сцены, о которой вспоминает так: «Перед 24-м бараком лежала гора трупов. Что-то шевелилось у самой проволоки. Первым побуждением было бежать... однако что-то тянуло посмотреть... я подошла ближе. Маленький трёхлетний ребенок сидел подле трупа и сосал мёртвый палец» [Живульская]. Она прошла мимо, потому что оказание ему помощи неизбежно повлекло бы для неё смертный приговор.

В книге О. Крауса и Э. Кулки рассказывается о случае проявления бескорыстной помощи, который в условиях жизни в концлагере они расценивали как подвиг: «Однажды в августе 1944 года в Биркенау было душно и знойно, как перед грозой. Заключённых в лагере осталось мало, почти все в это время работали за территорией лагеря. В полдень, в самую жару прибыл эшелон с двумя тысячами заключённых. Началась обычная селекция. Одну группу заключённых, очень многочисленную, направили в лагерь.

Остальных повели в обход. Мы знали, что они идут на смерть. Мы стояли около барака, недалеко от забора из колючей проволоки, и пытались узнать, из какой страны привезли новые жертвы, но безуспешно: эсэсовцы зорко следили за ними. Долгий путь, зной, палящее солнце и пыль окончательно измучили

несчастных. В основном это были старики. Они страдали от жажды и просили воды. Около нас стоял один из советских подростков. Вдруг он исчез в бараке, но вскоре вернулся и остановился перед самой проволокой. Неожиданно он выхватил из кармана бутылку воды и кинул ее через проволоку проходящим мимо старым женщинам. Прежде чем мы успели сообразить, через забор полетела вторая бутылка. Все проделано было с такой ловкостью, что эсэсовцы ничего не заметили.

Это был необыкновенно смелый в условиях лагеря поступок. Никто из нас не отважился сделать то, что сделал четырнадцатилетний русский мальчик Алёша. В лагере мы учились у советских людей не только отваге и ловкости, но и большой моральной силе» [Краус 1960, с. 121–122].

Старики и дети, прибывающие в концлагерь, не имели шанса выжить.

Зофья Налковская, польская писательница, которая после окончания Второй мировой войны принимала участие в работе Главной комиссии по расследованию фашистских преступлений, совершённых на территории Польши, по материалам допросов обвиняемых, их жертв и свидетелей, написала цикл «Медальоны», который состоит из восьми очерков. Последним – «Взрослые и дети в Освенциме» – она поднимает вопрос отношения к детям в концлагере. «В газовые камеры, – пишет З. Налковская, – посылали самых маленьких, еще не пригодных для работы» [Налковская]. Не в силах противостоять отлаженному механизму убийств, эти крошечные создания, тем не менее, цеплялись за жизнь по мере своих сил.

Кристина Живульская в своих воспоминаниях «Я пережила Освенцим» описывает такой случай: «Однажды после открытия газовых камер мужчины из зондеркоманды услышали писк ребенка. Они были свидетелями самых ужасных сцен, какие можно только вообразить, но на этот раз и они оцепенели от ужаса.

Оказывается, ребенок остался живым потому, что сосал грудь матери и газ не получил доступа в легкие. Дежурный эсэсовец Моль, разъярившись, бросил живого ребенка в пылающую печь» [Живульская].

О подобном случае рассказывает и Андрей Погожев, советский военнопленный, которому удалось бежать из лагеря 6 ноября 1942 года в группе русских пленных из семидесяти человек, в воспоминаниях «Смерть стояла у нас за спиной...»: «Удивительная загадка! Не раз мы слышали от членов зондеркоманды взволнованные рассказы о том, что газ, применявшийся для массового уничтожения в газовой камере, в дозах, смертельных для взрослых, иногда, не всегда, но иногда, не убивал детей грудного возраста. Чем меньше был возраст, тем больше оставалось младенцев с признаками жизни. Они теряли голос и беззвучно шевелили ручками и ножками. Вот этих-то детей и мог Бык спокойно добивать из своего пистолета. Были случаи, когда он и другие эсэсовцы брали детей за ножки и кидали в пламя костра. Видеть равнодушно этот садизм и оставаться спокойными могли немногие» [Погожев 2005, с. 163–164].

Зофья Налковская, со слов выживших узников, описывает, как дети пытались избежать смерти: «Во время селекции дети по очереди становились под металлическую линейку, укрепленную на высоте одного метра двадцати сантиметров от земли. Понимая важность минуты, малыши, приближаясь к линейке, выпрямлялись, поднимались на цыпочки, чтобы коснуться головой линейки и тем самым спасти себе жизнь» [Налковская].

Дети, прошедшие пересыльные лагеря и гетто, понимали, что их ждёт.

Маша Рольникайте не была узницей Освенцима. С 1943 по 1945 год она была в других лагерях на территории оккупированной Польши, Штрасденгоф и Штуттгоф. И всё время вела дневник. Не писала, а заучивала наизусть события каждого дня. О том, как погибли её мама, младшая сестра и брат при закрытии Вильнюсского гетто, она вспоминает так:

«Выпускают по одному. Мама беспокоится, чтобы мы не потерялись, и велит мне идти первой. За мной пойдёт Рувик, за ним Раечка, а последней – мама. Так она будет видеть всех нас.

Выхожу. Солдат хватается меня и толкает в сторону. Машин там не видно. Поворачиваюсь сказать об этом маме, но её нет. Поперек улицы – цепочка солдат. За нею – ещё одна, а дальше большая толпа. И мама там. Подбегаю к солдату и прошу пустить меня туда. Объясняю, что произошло недоразумение, меня разлучили с мамой. Вон она там стоит. Там моя мама, я хочу быть с нею.

Говорю, прошу, а солдат меня даже не слушает. Смотрит на выходящих из калитки женщин и время от времени толкает то одну, то другую в нашу сторону. Остальных гонит туда, к толпе.

Вдруг я услышала мамин голос. Она кричит, чтобы я не шла к ней! И солдата просит меня не пускать, потому что я ещё молодая и умею хорошо работать...

Ещё боясь понять правду, я кричу изо всех сил: «Тогда вы идите ко мне! Иди сюда, мама!» Но она мотает головой и странно охрипшим голосом кричит: «Живи, моё дитя! Хоть ты одна живи! Отомсти за детей!» Она нагибается к ним, что-то говорит и тяжело, по одному, поднимает, чтоб я их увидела. Рувик так странно смотрит... Машет ручкой...

Их оттолкнули. Я их больше не вижу» [Рольникайте 2017, с. 270].

Прибывали в Освенцим дети из концентрационного лагеря Терезин (немецкое название – Терезиенштадт) – город-крепость XVIII века, расположенный в 60 км от Праги, с 1941 по 1945 служил транзитным лагерем для европейских евреев. О своём пребывании в Терезине рассказал Майкл Грюнбаум в книге «Где-то в мире есть солнце. Свидетельство о Холокосте» (соавтор – писатель Тодд Хазак-Лоуи), который был депортирован из Праги в Терезин в 1942 году. Перевалочный пункт, откуда евреев депортировали на Восток, в лагеря смерти, лицемерно был использован немцами для того, чтобы демонстрировать мировому сообществу лояльность по отношению к евреям.

Ежедневно с ужасом узники Терезиенштадт ожидали списков на включение в «транспорт» как приговора, потому что предполагали, что их может ожидать.

В книге Майкла Грюмбаума, написанной в форме дневника, рассказывается, каким образом его семья узнала, как обстоят дела в Биркенау. Они знали, что прибывающих в концлагерь заставляли отправлять родственникам открытки. Его мама договорилась с сестрой об условном знаке: если там всё хорошо, строчки будут загибаться вверх, а если всё плохо – вниз. Полученная открытка с загибающимися вниз строчкам, подтвердила их догадки. Но насколько всё плохо было в Освенциме, в Терезине даже не представляли [Грюмбаум 2020, с. 198–199].

О. Краус и Э. Кулка в «Фабрике смерти» рассказывают о детях, прибывших в Терезин из Белостока 24 августа 1943 года. «Их поместили в так называемых западных бараках гетто, окруженных колючей проволокой. Воспитателями этих детей стали заключённые, отобранные начальством из среды заключённых. Они не имели права общаться с прочими узниками.

Разместив детей в гетто, нацисты приказали их группами отводить на дезинфекционную станцию. Там и разыгрывались страшные сцены. Дети уже раньше слышали о газовых камерах. Они не хотели входить в душевые, упирались и отчаянно кричали: “Нет, нет, там газ, газ!”

Наконец эсэсовцы загнали их в душевую. Дети истошно кричали, плакали. Заключённым из Терезина их испуг не был понятен, однако они не могли успокоить детей; им строго-настрого запрещалось встречаться с НИМИ.

Однако некоторым работникам дезинфекционной станции удалось поговорить с детьми. Один заключённый отвел старшего из них в сторону и убедил его, что дети только подвергнутся дезинфекции и получают чистое белье. Сперва мальчик не верил. И только когда заключённый показал ему всё оборудование дезинфекционной станции и выход из душевой, мальчик успокоился. Подбадривая остальных детей, он первым вошел в душевую. Мальчик рассказал, что все дети из Белостока. Старшим из них якобы не больше 14 лет. В самом же деле многие из них были старше, но скрывали это, надеясь вместе с малышами избежать смерти. Перед отъездом из Белостока всех их собрали вместе с родителями и разделили на три группы: мужчины, женщины и дети до 14 лет.

Никто из заключённых не мог отделаться от мысли, что польские дети пережили что-то невообразимо страшное. Однако никто не разрешил этой загадки, а эсэсовцы старались устранить всякое подозрение. Дети получали двойные порции пищи, им выдавалась хорошая одежда, бельё и обувь.

Вначале в детском лагере царила тишина, потом дети ожили. Из барачных стали доноситься голоса, пение. В гетто поговаривали, что детей подготавливают для отправки за границу в порядке обмена.

И действительно, через шесть недель пришел приказ об их отъезде. Для сопровождения детей назначили 53 воспитателя, с которых взяли подписку, что

за границей они не будут распространять сведений, неугодных нацистской Германии.

Терезинцы пожелали детям счастливого пути. Они были убеждены, что дети скоро окажутся на свободе. Эшелон отбыл из Терезина 5 октября 1943 года. Однако все дети и их воспитатели попали не за границу, а в газовые камеры Освенцима» [Краус 1960, с. 127–128].

Казимеж Смолень – польский политзаключённый, арестованный в 1940 году и заключённый в Аушвиц в возрасте двадцати лет. Он провёл в лагере пять лет, а после освобождения вернулся в Польшу. Смолень стал одним из инициаторов создания Государственного музея Аушвиц-Биркенау, открытого в 1947 году, и возглавлял его в течение тридцати пяти лет, с 1955 по 1990 год. К. Смолень является автором нескольких документальных работ о концлагере. Его путеводитель «Освенцим 1940–1945» был переведён на многие языки и неоднократно переиздавался. В книге собраны не только архивные материалы, но и свидетельства узников, которые разными способами пытались сохранить память о происходящем, надеясь, что их слова будут найдены и услышаны.

В своих работах он уделяет внимание теме уничтожения детей, вынося эти сведения в отдельные параграфы. В числе прочего К. Смолень приводит цитаты из записок, найденных в стеклянной банке, зарытой в землю: «Днём вывели 600 еврейских мальчиков в возрасте от 12 до 18 лет; они были одеты в тонкие полосатые лагерные халаты... Они были так хорошо сложены, а лица их были так прекрасны, что даже лагерные лохмотья не могли их изуродовать... Ребята заметили дым, поднимающийся из трубы, и поняли, что их ведут на смерть. Их охватил ужас, в отчаянии они бегали по площади, рвали на себе волосы. Многие из них плакали. Все искали спасения...» [Смолень 1981, с. 31].

Врач-гинеколог Гизела Перл вспоминает, что когда они прибыли в Освенцим, дети до шестнадцати лет, будь то мальчики или девочки, могли сопровождать своих матерей в женские лагеря. Позже вышел новый приказ, и всех детей четырнадцати, пятнадцати и шестнадцати лет отобрали, чтобы поместить в отдельный детский лагерь, где им обещали двойной хлебный паек. Вместе с подростками отобрали и преподавателей гимнастики. Их поместили вместе с детьми, чтобы те могли обучать их физической культуре. После отбора, женщины могли наблюдать, как дети тренируются с утра и до вечера, уставшие, слабые и худые, без обещанного им двойного хлебного пайка. Однажды ночью лагерь разбудили страшные крики. Проснувшиеся женщины увидели, как отряд эсэсовцев бросал обнаженных, плачущих и кричащих мальчиков в чёрные грузовики. Тех, кто пытался бежать, тащили за волосы и беспощадно избивали дубинками. Их сожгли заживо в крематории. Никто не мог понять, для чего тренировали мальчиков, чтобы всех убить за одну ночь. Через несколько дней Гизеле Перл пришлось работать в бараке, в котором жили эти дети. На тонких дощатых стенах она увидела написанные их кровью имена, истории их жизни и последнее прощание. Они знали, что им предстоит умереть [Perl 1948, с. 49–52].

Такой случай был не единичным. Зофья Налковская в последнем очерке цикла «Медальоны» рассказывает историю, известную со слов очевидцев: «Около шестисот детей, отобранных для отправки в газовую камеру, жили в особом бараке. Они ждали, пока наберется полный комплект, необходимый для загрузки камеры.

Дети понимали и это. Они разбегались по лагерю, прятались, но эсэсовцы снова сгоняли их в барак. Уже издали слышны были крики и плач.

– Мы не хотим идти на газ! Мы хотим жить!

Как-то ночью один из лагерных врачей услышал, что кто-то стучится в окошко его приёмной. Он отворил дверь, и в комнату вошли два мальчика, совершенно голые и окоченевшие на морозе. Одному из них было лет двенадцать, другому четырнадцать. Они сумели выскочить из машины в последнюю минуту, когда она подъезжала к газовой камере. Доктор спрятал мальчиков у себя, достал им одежду, кормил их.

В крематории ему удалось найти верного человека, который при учёте трупов приписал на два больше, чем было на самом деле. Подвергая свою жизнь смертельному риску, доктор прятал мальчиков до тех пор, пока они, не вызывая ни у кого подозрений, снова смогли вернуться в лагерь» [Налковская].

Това Фридман, автор воспоминаний «Дочь Аушвица», рассказывает свою историю, когда её шестилетнюю с группой детей вели в газовую камеру. Проведя к тому моменту в лагере какое-то время, привыкнув отзывать на номер, а не на имя, смирившись с мыслью, что «смерть – это судьба» и что «все еврейские дети должны умереть», она вполне спокойно шла туда, куда их вели. Услышав неожиданно своё имя, она поняла, что кричит её мать, которая находилась в женском лагере. Их разговор она описывает так:

«– Мы идем в крематорий, – ответила я до непристойности бодро. Внезапно все женщины за проволокой начали кричать и завывать. Мы продолжали идти, а их крики становились всё громче и отчаяннее. Я повернулась к своей юной соседке и сказала: – Я не понимаю, почему они плачут. Каждый еврейский ребенок рано или поздно должен пойти в крематорий. О чём же они плачут?». Что произошло в тот день и почему именно так всё случилось, она точно не знает. Минут через пятнадцать их привели к длинному одноэтажному зданию, завели, как потом выяснилось, в прихожую газовой камеры Крематория III, велели развесить одежду так, чтобы точно знать, где она находится, когда они выйдут и выдали старые рваные полотенца. Комната наполнилась всеобщим чувством обречённости, дети плакали, предчувствуя неизбежную смерть. Операция затягивалась, раздетые дети замёрзли, кутались в выданные тряпки. Неожиданно раздалась команда на выход, и малыши, услышав разговор немцев (“Это не тот блок”, “Этих мы возьмём в другой раз”) поспешили исполнить команду. Снова проходя мимо женского отделения и услышав вопрос матери, девочка крикнула ей в ответ, что немцы ошиблись блоком, и их поведут в другой раз [Фридман 2023, с. 196–200].

Дети сохраняют особенности восприятия, отличающиеся от взрослых, вследствие чего они реагируют на угрозы и опасности иначе. Ота Краус и Эрих Кулка описывают случай, который они однажды наблюдали: «Перед газовой камерой среди других женщин стояла одна женщина с пятилетней дочкой. Девочке надоело бесконечное ожидание. Она всё время спрашивала, когда же они поедут. Мать со слезами на глазах успокаивала её: “Подожди, осталось уже недолго, скоро мы поедем туда же, где бабушка и дедушка. Сперва мы выкупаемся, оденемся в чистую одежду и поедем...”»

Девочка не могла успокоиться; она будто предчувствовала что-то необычное. Мать, страшась, что это может вызвать гнев эсэсовцев, жестоко избивавших детей, сказала: “Мы ещё немножко потанцуем, а потом уж поедем к бабушке”. И девочка начала танцевать. Женщины и дети столпились вокруг девочки, радостно плясавшей кадрили у двери газовой камеры. Некоторые эсэсовцы, удивленные таким оборотом дела, тоже стали смотреть на маленькую танцовщицу. Но она не успела дотанцевать... В помещение неожиданно вошёл Крамер и со словами: “Здесь не театр!” приказал идти в газовые камеры» [Краус 1960, с. 121].

Девочка, которую описывают авторы «Фабрики смерти» уже находилась в лагере какое-то время. Дети, прибывающие в лагерь (особенно венгерские дети в 1944 году) не предполагали, что взрослые способны на такие жестокие убийства.

Кристина Живульская, которая заполняла документы прибывающих в лагерь, описывает несколько случаев с детьми, которые она наблюдала. Один из них о девочке с прыгалкой: «В “зал” вошел эсэсовец с лицом гориллы. Массивная челюсть, голый, желтый череп мертвеца, маленькие бегающие глазки, почти скрытые за выступающими вперед скулами, резкие, нервные движения, – один вид его вызывал дрожь. Наступило зловещее молчание.

Девочка с прыгалкой остановилась и посмотрела туда, куда смотрели все.

– Хустек... – услышала я тихий мужской голос. – Этого дьявола зовут Хустек, – он будет производить отбор.

Тут только я обратила внимание, что рядом со мной стоит Вацек. Мне его показали всего один раз, но я сразу запомнила его озорное лицо в очках, – сейчас оно горело ненавистью.

– Уходите отсюда, шеф может войти. Как вы сюда попали?

– Через дверь.

– Посмотрите на эту девочку...

– Эту, со скакалкой?

– Да.

Хустек неистовствовал, данное ему право решать человеческие судьбы, их жизнь или смерть – пьянило его. Он метался по “залу”, вылавливал своими глазками испуганные, искажённые болью лица, хватал за плечи старых женщин и толкал их в “сторону смерти”, изрыгая отрывистые приказания:

– Здесь! Вперед! Стоять! Иди!

Он даже расстегнул мундир, устав от этого своего упоительного занятия, и огляделся вокруг.

Девочка со скакалкой решила, вероятно, что теперь уже ничто не мешает ей прыгать. Впрочем, ей, видно, вовсе незнакомо было чувство страха. Может быть, в окружавшей её прежде жизни не было злых людей. Она прыгнула через верёвку, не сводя огромных детских глаз с лица Хустека. На какую-то секунду им овладело удивление, затем он протянул руку, указывая ей направление.

– Вперёд! Живо!

Улыбка озарила её прелестное личико, когда она, ничего не подозревая, прыгнула в “сторону смерти”» [Живульская].

Детей в Освенциме убивали не всех сразу. Привилегии были у близнецов, на которых проводил свои опыты доктор Менгеле. Но за возможность спать на отдельной полке, иметь в блоке туалет, возможность носить ту одежду, в которой прибыли и мыться в душе раз в неделю, они расплачивались своим здоровьем, а потом и своими жизнями.

На какое-то время оставляли в лагере детей, которые могли работать. В Отчёте Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков сказано: «Только небольшую часть здоровых подростков оставляли для лагерных работ. Следствием установлено, что детей в возрасте от 8 до 16 лет немцы наравне со взрослыми изнуляли на тяжёлых физических работах. Непосильный труд, истязания и побои быстро доводили каждого ребёнка до полного истощения, и тогда его убивали» [Нюрнбергский процесс 1954, с. 628].

Северина Шмаглевская в своей обвинительной речи на Нюрнбергском процессе говорит:

«Я бы ещё хотела сказать о тех детях, которые были в немалом количестве привезены в концентрационный лагерь в качестве заключённых. В начале 1943 года приехали в лагерь вместе с родителями польские дети из Замойщины. Одновременно начали прибывать русские дети из областей, оккупированных немцами. Потом к этим детям прибыло ещё небольшое количество еврейских детей. В меньшем количестве можно было встретить в лагере итальянских детей. Положение для детей было так же тяжело, как положение всех остальных заключённых, может быть, даже более тяжелым. Эти дети не получали никаких посылок, так как их некому было посылать. Посылки Красного Креста никогда не доходили до заключённых.

В 1944 году стали прибывать в лагерь в большом количестве итальянские и французские дети. Все эти дети были больны экземой, лимфатическими нарывами, страдали от голода, были плохо одеты, часто были без обуви и не имели возможности мыться. Во время варшавского восстания приехали в лагерь заключённые дети из Варшавы. Самым маленьким из этих детей был мальчик шести лет. Дети были помещены в отдельном бараке. Когда начался

систематический вывоз заключённых из Биркенау вглубь Германии, этих детей использовали для тяжёлых работ.

В то же время прибыли в лагерь дети венгерских евреев, которые работали вместе с детьми, которых привезли после варшавского восстания. Эти дети работали на двух возах, которые они собственной силой должны были везти. Перевозили они из одного лагеря в другой уголь, железные машины, дерево от полов и другие тяжёлые предметы. Они также работали при разборке бараков во время ликвидации лагеря. Эти дети остались в лагере до самого конца. В январе 1945 года они были эвакуированы и должны были идти пешком в Германию в таких же тяжёлых условиях, как и фронт, под обстрелом эсэсовцев, без пищи, покрывая около 30 километров в день.

Смирнов: В этом марше дети умирали от истощения?

Свидетель: Я не была в той группе, в которой были дети; я бежала на второй день этого марша.

Я бы ещё хотела сказать о методах деморализации человека в лагере. Всё то, что переживали заключённые, было результатом системы унижения человека. Вагоны, в которых заключённые прибывали в лагерь, – это были вагоны для скота, и на время, когда транспорт двигался, эти вагоны забивались гвоздями. В каждом из этих вагонов было много людей. Конвой, состоявший из эсэсовцев, не думал о том, что люди имеют физиологические потребности...

Смирнов: Что вы можете ещё сказать об отношении к детям в лагере? Вы осветили в своих показаниях все факты, известные вам по этому поводу?

Свидетель: Я хотела бы сказать, что дети подвергались той же системе деморализации и унижения через голод, как и взрослые, причем голод доводился до того, что дети искали среди помоев и грязи картофельную шелуху для того, чтобы её есть.

Смирнов: Скажите, вы подтверждаете свои показания о том, что иногда количество колясок, оставшихся в лагере после умерщвления детей, доходило до тысячи в день?

Свидетель: Да, были такие дни» [Нюрнбергский процесс 1954, с. 911–912].

Отто Краус и Эрих Кулка пишут о том, что подростков, «почему-либо оставшихся в живых, нацисты использовали как учеников на строительстве крематория в Биркенау. Считалось, что дети обучаются в так называемой школе каменщиков». Они жили в Биркенау, где им была обеспечена чрезвычайно тяжёлая работа, отвратительное питание и притом самые свирепые капо. «После окончания строительства крематория, – пишут О. Краус и Э. Кулка, – мальчиков из школы каменщиков отвезли в Освенцим I. Там вместе с другими детьми их умертвили впрыскиванием фенола» [Краус 1960, с. 120]. Среди учеников школы каменщиков был Томас Гив, которому повезло выжить, и который в подробностях рассказал о своём выживании в лагере в книге «Мальчик, который нарисовал Освенцим».

Свидетельства подростков, прозвучавшие на Нюрнбергском процессе, демонстрируют, что в отношении принудительного труда не делалось различий

между детьми и взрослыми. Из показаний итальянского мальчика 1930 года рождения известно, что их, «детей, заставляли работать по 15–20 человек – на лямках возить груженные повозки с разным грузом, но больше отвозили трупы умерших к специальному блоку, где они складывались и оттуда увозились в крематорий». Работать приходилось «с четырёх часов утра до вечера». Подростков наказывали так же жестоко, как и взрослых: били палками, заставляли стоять голыми на улице в зимнее время после обливаний холодной водой [Нюрнбергский процесс 1954, с. 628].

Подростков, которые жили в отдельных блоках, часто принуждали становиться «подружками» тех, кто имел какие-то посты. Томас Гив отмечает, что «такие предложения поступали почти каждому мальчику. Гомосексуальность была секретом полишинеля». Некоторые из них соглашались на подобные предложения с целью выживания, при этом тщательно скрывая свои связи со взрослыми узниками. Помимо голода, холода, болезней и тяжёлого труда, мальчики подвергались сексуальному насилию, включая принудительную кастрацию [Гив 2022, с. 145].

Актом защиты себя и своих детей, попыткой избавить семью от страданий, ожидавших в случае депортации или заключения в концентрационный лагерь, можно рассматривать добровольное принятие яда. В книге Гизелы Перл описывается история Шарлотты Юнгер – пятнадцатилетней девушки, происходившей из уважаемой семьи врачей. Родители проявляли к ней исключительную заботу: Шарлотта была не только отличницей и одарённой балериной, но и обладала выдающимися личными качествами, благодаря которым пользовалась симпатией окружающих. Её способности в учёбе и искусстве позволяли говорить о перспективах профессионального успеха, особенно в области танца. После прихода нацистов к власти размеренная жизнь семьи была нарушена. Её отец, доктор Юнгер, осознавая возможные последствия и будучи осведомлённым о жестокости, царившей в нацистских концентрационных лагерях, принял решение предотвратить страдания своих близких. Он использовал заранее приготовленное ядовитое вещество: сначала ввёл его своей жене и дочери, затем – себе. Родители скончались практически сразу, однако организм Шарлотты оказал сопротивление. Несмотря на перенесённое отравление, Шарлотта Юнгер выдержала тяжёлую дорогу до Освенцима, прошла селекцию на железнодорожной платформе и скончалась через несколько дней после прибытия в концлагерь на руках у Гизелы Перл [Perl 1948, с. 53–54].

Подобные случаи не были редкостью. В «Чёрной книге» – сборнике свидетельств о нацистских преступлениях, составленном под редакцией Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга, – приводится рассказ выжившей узницы Аушвица, озаглавленный «Девушка из Освенцима (№ 74233)». Её свидетельство начинается с описания событий 16 августа 1943 года: «Немцы окончательно

ликвидировали Белостокское гетто. Всех ещё уцелевших собрали и повели в тюрьму в Гродно. Там мы пробыли два дня, а затем нас погрузили в автомобили – по 60 человек в каждой. По дороге мой отец умер, а мы – мои близкие и я – приняли морфий, который я заранее приготовила. Мой брат дал своему сыну, тринадцатимесячному ребёнку, люминал в соответствующей дозе. Однако из-за тряски морфий не подействовал, и мы, измученные, прибыли в Ломжинскую тюрьму. Ребёнок брата скончался» [Чёрная книга 1980, с. 410].

Подобные трагические действия отражают отчаянные попытки сохранить человеческое достоинство и защитить родных в условиях абсолютного бесправия и насилия. Они также демонстрируют, насколько глубоко осознание предстоящего ужаса проникло в повседневность жертв нацистской политики уничтожения, осуществлявшейся на территории разных стран Европы.

Ещё одной формой отчаянной попытки спасти детей в условиях нацистской депортационной политики становилось преднамеренное выбрасывание их из движущихся товарных вагонов по пути в концентрационные лагеря. Этот крайний поступок со стороны родителей, понимавших, что в лагере ребёнка почти наверняка ждёт смерть, отражает трагический выбор между верной гибелью и слабой, но всё же существующей надеждой на спасение вне лагерной системы, несмотря на страх и боль расставания.

Приведём один из таких случаев, зафиксированных в воспоминаниях Мордехая Цирулытцкого, бывшего заключённого № 79414, единственного выжившего из всей своей семьи: «Я родился в 1899 году в местечке Острино, ныне Гродненской области. Там же я жил со своей семьей до гитлеровского нашествия. Семья у меня была большая: пять человек детей. Славные у меня были дети. Учились все. Старшая дочка Галя – ей сейчас было бы уже двадцать два года – с приходом советской власти поступила в Гродненский инженерно-строительный техникум и весной 1941 года перешла на второй курс. Старший мальчик, семнадцатилетний Яков, учился в полиграфическом фабзавуче. Остальные учились ещё в школе: шестнадцатилетний Йозель перешёл в девятый класс, тринадцатилетний Вигдор – в восьмой класс, а самая младшая – Ланя – ей было всего девять лет – перешла бы уже в четвёртый класс. Острино расположено недалеко от границы. Уже 23 июня 1941 года местечко со всех сторон было окружено немцами, и те жители, которые пытались бежать, вынуждены были вернуться обратно. А 25-го немцы вошли в Острино. <...> 2 ноября 1942 года все еврейское население местечка Острино было вывезено в лагерь Келбасино, возле Гродно. До того там помещался лагерь для советских военнопленных. К моменту нашего прибытия в Келбасино военнопленных там уже не было. Туда постепенно свозили евреев из всех городов и местечек Гродненского района. Люди были размещены в небольших землянках, причем на каждую приходилось до трехсот человек. Не то что лежать, – стоять подчас негде было. Теснота, смрад, грязь невероятная. Гнали в болота на тяжелые работы. Хлеба выдавали по сто пятьдесят граммов в день, да и то совершенно несъедобного и одну-две мерзлых картофелины <...> В Келбасинском лагере мы

провели месяц. 1 декабря 1942 года мы получили приказ подготовиться к отъезду. Вещи предписано было упаковать, надписать имена и фамилии владельцев: их обещано было послать вслед за нами на новое место поселения; 2 декабря нас всех, вместе с семьями, погрузили в вагоны без крыш. Вагоны набили людьми до отказа и заперли. Ехали мы трое суток. Ни хлеба, ни воды не получали. Больше всего страдали люди от жажды, особенно дети. Во время движения поезда мы всячески ухищрялись раздобыть хоть несколько капель влаги: на верёвочке спускали банку, стараясь захватить немного снега, смочить губки изнывавшим от жажды детям; спускали тряпочки, куски бумаги, – тряпка намокнет на снегу, тогда можно было выжать несколько капель. Несмотря на строжайшую охрану, мне удалось на ходу спустить из вагона двух моих мальчиков: Якова и Йоэля. Авось, думал я, хоть они как-нибудь спасутся. Не спаслись... Яков решил бежать в лес, к партизанам. Уже теперь, после войны, будучи дома, я узнал, что он погиб, не дойдя до партизан. Йоэлю удалось пробраться в Гродно, где в гетто жила еще моя сестра. Он был привезён в Освенцим несколькими месяцами позже вместе со всей семьей моей сестры и прямо с поезда отправлен в “газ”. А я вместе с женой Саррой и тремя детьми были привезены в Освенцим 5 декабря 1942 года. <...> Начался отбор. Больных и слабых отвели туда же, где лежали тела умерших. Здоровых на вид мужчин выделили в особую труппу. Всех остальных – женщин, стариков, детей – посадили на машины и увезли. Так я навеки расстался с женой и детьми, даже не попрощавшись с ними, не сознавая, что их увезли на смерть» [Чёрная книга 1980, с. 419–422].

Данный рассказ подтверждает, что даже в условиях тотального террора и полной безысходности родители не теряли способности к проявлению человеческих чувств, стремились защитить своих детей, спасти самое ценное – их жизнь и здоровье.

Выжившие в концлагере дети долго не могли освободиться от чувства вины за то, что они остались живы, а их родители погибли. Об этом пишут в своих воспоминаниях Броня Брэндман и Хэди Фрид. Или от чувства обиды на родителей, за то, что те не смогли защитить их. Еве Мозес пришлось прибегнуть к помощи психологов, и через много лет она смогла простить их. Эли Визель, напротив, признаётся в том, как он предал умирающего отца и не отозвался на его крики, чтобы сохранить себе жизнь. Многие пытались забыть про концлагерь. Были те, которые хотели открыть миру глаза и поделиться пережитым сразу. Другие рассказали об ужасах Аушвица через много десятилетий. Они выжили для того, чтобы рассказать.

Из отчёта Чрезвычайной Государственной Комиссии: «Среди освидетельствованных врачами освобожденных узников Освенцима имеется 180 детей, из них: в возрасте до 8 лет – 52 человека, от 8 до 15 – 128 человек. Все они в лагерь прибыли в течение второго полугодия 1944 года, т.е. находились в лагере от 3 до 6 месяцев. Все 180 детей были подвергнуты медицинскому освидетельствованию, которым установлено, что 72 ребенка больны лёгочно-железистым туберкулезом, 49 детей – алиментарной дистрофией (крайнее

истощение), 31 ребёнок имеет обморожения и т.д.» [Нюрнбергский процесс 1954, с. 629].

Зимой 1945 года фронтовой группой из пяти кинооператоров 1-го Украинского фронта (М.Ф. Ошурковым, Н.В. Быковым, К.А. Кутуб-заде, А.В. Павловым, А.Е. Воронцовым) были сняты кадры кинохроники, которые вошли в документальный фильм «Освенцим» и стали на Нюрнбергском процессе основой доказательств злодеяний гитлеровцев. Выжившие дети запечатлены на этих кадрах и упоминают о событиях этого дня в своих воспоминаниях.

Чтобы понять, в каком аду удалось этим детям выжить, нужно иметь представление о том, что это было за место, на каком языке приходилось там общаться детям и кто их окружал.

1.2. Аушвиц глазами детей: личные истории и свидетельства

В данной части рассматриваются воспоминания бывших узников Аушвица, прежде всего детей и подростков, чьи свидетельства были опубликованы в разное время и в разных жанрах – от автобиографических воспоминаний и дневников до книг, написанных в соавторстве или оформленных в виде художественного произведения.

Свидетельства детей упорядочены по возрасту, в котором они попали в лагерь (по возрастающей):

Лидия Максимович (за десять дней до третьего дня рождения),

Майкл Борнстейн (4 года 2 месяца),

Това Фридман (6 лет 6 месяцев),

Ева Мозес Кор (10 лет 3 месяца),

Броня Брэндман (около 12 лет),

Ева Хейман (13 лет 4 месяца),

Имре Кертес (около 14 лет),

Томас Гив (около 14 лет),

Ева Шлосс (15 лет),

Эли Визель (15 лет 8 месяцев),

Эдит Ева Эгер (16 лет 7 месяцев),

Хеди Фрид (19 лет 11 месяцев).

Далее рассматриваются воспоминания, написанные взрослыми узниками и опубликованные сразу после освобождения или в первые годы после окончания Второй мировой войны. Эти свидетельства стали важнейшими источниками для историков и общественности, формируя раннее восприятие трагедии Холокоста. Их авторы (в скобках указан год первой публикации): Зофья Налковская (1946), Северина Шмаглевская (1945), Тадеуш Боровский (1946), Виктор Франкл (1946), Примо Леви (1946), Кристина Живульская (1947).

Несмотря на то, что с момента освобождения лагеря прошло более восьми десятилетий, интерес к теме Освенцима не ослабевает. В последние годы опубликован ряд новых исследований и документально-художественных

произведений, в которых освещается тема детей в Аушвице – как непосредственных узников, так и свидетелей нацистских преступлений. Среди таких работ – книга Джереми Дронфилда «Мальчик, который пошёл в Освенцим вслед за отцом», исследование «Их было 999: в первом поезде в Аушвиц», труд Люси Эдлингтон «Портнихи Освенцима: правдивая история женщин, которые шили, чтобы выжить», документальное расследование Жана-Жака Фельдштейна «В оркестре Аушвица», посвящённое судьбе его матери – скрипачки, участницы лагерного оркестра и ряд других изданий.

1.2.1. Лидия Максимович: рассказ одной из самых юных узниц

Имя при рождении – Людмила Бочарова. Номер в концлагере – 70072. Лидия-Людмила Рыдзиковская – по фамилии польской пары, удочерившей её после освобождения. Скибицкая – фамилия по первому мужу, Максимович – по второму мужу).

Родилась 14 декабря 1940 года в городе Самбор Львовской области (ныне – Украина). Самбор был оккупирован немецкими войсками и стал окружным центром дистрикта «Галиция» 29 июня 1941 года. 1 июля 1941 года местными националистами был организован еврейский погром. Вскоре в городе был создан юденрат, административный орган еврейского самоуправления, позже – еврейское гетто.

Отец Лидии – офицер Красной армии Алексей Бочаров (в книге «Девочка, не умевшая ненавидеть» – назван именем Александр), родом из Курска, жил в Енакиево, куда его родители переехали после Первой мировой войны. С матерью Лидии, Анной, познакомился в Белоруссии, где служил пограничником. После свадьбы был переведён служить во Владивосток, где у супругов родилась первая дочь Светлана. Незадолго до начала войны Алексея перевели в Самбор, где родилась вторая дочь Лидия. В первые дни войны Алексей уходит на фронт, Анне с трудом удаётся выехать в Енакиево, к родителям мужа. Вскоре она решает перебраться к своим родителям, в белорусскую деревню. Старшую дочь ей удаётся отправить на поезде, с младшей решает идти в деревню Прыбытки (недалеко от Витебска) пешком. Добравшись до деревни, узнаёт, что немцы её сожгли, но родители и дочь спрятались в соседней деревне, где она их и находит. Вскоре по подозрению за связь с партизанами, немцы задерживают всех жителей деревни и отправляют в тюрьму г. Витебска.

На глазах у матери во время допроса убили Светлану. Затем взрослых и оставшихся в живых детей загрузили в вагоны для скота и 29 ноября 1943 отправили в Аушвиц, куда они прибыли 4 декабря 1943 года.

В лагере Людмила получила номер 70072, ее мать – номер 70071, бабушка – 70073. Дедушку живым по прибытию в Аушвиц никто не видел. Девочка стала одной из подопытных Йозефа Менгеле. В концлагере её воспринимали как еврейку. В последний раз она видела свою мать Анну 18 января 1945 года. Люда Бочарова не знала, что маму отправили маршем смерти в Равенсбрюк (женский концлагерь в 90 км от Берлина), потом – в Берген-

Бельзен, откуда она была освобождена британскими войсками 15 апреля 1945 года.

После того, как Аушвиц был освобождён советскими войсками, супружеская пара Рудциковских из Освенцима забрала девочку и выходила, а в 1947 году официально удочерила ее. Во время оформления польских документов участковый врач написал приблизительный возраст, указав 2 января 1940 года датой рождения девочки. Никто не знал из какой она страны, из какого города. В 1947 году её крестили в католическом соборе под именем Людмила-Лидия. «Спустя много лет Бронислава Рыдзиковская говорила, что от одного воспоминания, как выглядела Лидка в первые месяцы после освобождения, у неё всегда на глаза наворачивались слёзы. Истощённое тело, похожее на обтянутый кожей скелет, было покрыто вшами, изъязвлено гноящимися ранами, а на бёдрах виднелись недавние следы от укусов лагерной овчарки. На губах был глубокий порез неизвестного происхождения, а ноги были обморожены по колено. Долгое время организм Лидки не воспринимал почти никакую еду. Узников в концлагере кормили водянистой жижой из гнилых овощей и давали кусочек хлеба на целый день. Приученный к такому “питанию” организм ребёнка не принимал другую пищу, отторгал ее. <...> Лагерный синдром еще долго проявлялся в поведении девочки. Когда Лидка видела плачущих детей, она не понимала, почему и зачем они плачут – ведь в лагере никто не плакал, как она говорила. Во время игр с другими детьми во дворе приказывала им стоять на коленях с поднятыми руками. Выкрикивала команды и угрозы по-немецки: “Молчать или пойдете в крематорий!” <...> Во время игры девочка ставила детей в ряд и организовывала «селекцию»: этих – в медицинский блок, тех – в газовую камеру. Деревянными палочками вместо термометров она измеряла детям температуру и решала, кого отправить в барак и на работы, а кого – на смерть. Взрослые, видевшие это, были шокированы. Они не понимали, почему девочка продолжает “играть” в концлагерь. Что же она пережила? Почему она помнит Йозефа Менгеле? И главное, станет ли она когда-нибудь нормальным ребёнком?» [Клиймук 2019, с. 18, 21–22].

Лидия считала, что мать убили в концлагере, а Анне сказали, что всех детей увезли в Советский Союз. Вернувшись на родину мужа, в Енакиеве, Анна устроилась работать в детский дом, и не прекращала поиски дочери. Люда начала искать отца, но через несколько лет поисков узнала, что выжили оба её родителя, и после войны у неё родились три сестры.

С матерью встретилась в 1962 году уже будучи замужней женщиной через 17 лет после освобождения из Аушвица. Тогда она и узнала точную дату своего рождения. Подробности их встречи освещены в газете «Комсомольская правда» за 30 апреля 1962 года. 26 мая 2021 года во время коллективной аудиенции в Ватикане Папа Римский Франциск после короткого разговора наклонился и поцеловал лагерный номер на руке 80-летней Лидии Максимович. Эпизод, ставший событием, был размещён на портале «Ватиканские новости», видео и фото облетели весь мир.

В 2017 году вышла электронная книга «Девочка из Аушвица. История пани Лидии» историка Александра Клиймука, сотрудника Института Пилецкого в Берлине. В 2019 году в Польше была опубликована её печатная версия. В 2022 году в соавторстве с итальянским журналистом Паоло Родари была написана книга *La Bambina Che Non Sapeva Odiare*, которая в 2023 году вышла на русском языке под названием «Девочка, не умевшая ненавидеть».

26.05.2021 г.

Встреча Папы Римского с
Лидией Максимович (на
итальянском языке)

1.2.2. Майкл Борнштейн: история ребёнка, пережившего заключение в четырёхлетнем возрасте

Имя при рождении – Михаэль Борнштейн. На иврите имя означает «кто как Бог»). Номер в концлагере – В 1148.

Родился 2 мая 1940 года в польском городе Жарки, в котором к началу Второй мировой войны больше половины жителей были евреи. 2 сентября 1939 года стал для города днём ужаса. Во время бомбардировки сгорело 256 домов, принадлежащих евреям, которые в это время прятались в подвалах. Немцы, вошедшие в город Ченстохово, в 30-ти километрах от Жарки, убили большое количество мирного населения, евреев и поляков. Это событие вошло в историю как «Кровавый понедельник». Убийства евреев продолжались. В апреле 1940 года Жарки превратили в открытое гетто.

Отец – Израиль Борнштейн, мать – Софи Йониш-Борнштейн. Майкл родился в большой и дружной еврейской семье. У него были дяди и тёти по линии матери и отца, двоюродные братья и сёстры, и родной старший брат Самюэль. В марте 1941 года старейшины еврейского городского общества выбрали отца Майкла председателем Юденрата города Жарки, а немцы – начальником полиции гетто Жарки. Ему пришлось принимать тяжёлые решения: он составлял списки тех, кого отправляли в концлагерь. В одном из списков были мать и отец его жены. Из Жарки семью Майкла переселили в Пионики, откуда в июле 1944 их отправили в Аушвиц. По прибытии в концлагерь семью разделили. Самюэля отправили с отцом в мужские бараки, вскоре они погибли. Майкл был помещён в детский барак, откуда его выкрала мать и долго прятала в женском бараке. После того, как мать отобрали и отправили работать в другой лагерь, мальчика стала прятать бабушка. Перед освобождением Майкл заболел, и бабушка отвела его в госпиталь. Там они оставались до того момента, когда их освободили советские войска.

Через несколько дней после освобождения детей попросили надеть поверх одежды лагерные робы и сняли кинохронику. Увидев через несколько десятилетий эти кадры и прочитав комментарий под одним из своих фото о том,

что Холокост – это обман, Майкл решил рассказать о том, что ему пришлось пережить в детстве.

Книгу *Survivors Club. The True Story of a Very Young Prisoner of Auschwitz* он написал в соавторстве с дочерью, Дебби Борнстейн Холинстат, в 2017 году. На русском языке книга под названием «Клуб выживших. Реальная история заключённого из Аушвица» была опубликована в 2022 году.

Архивные кадры из Освенцима

1.2.3. Това Фридман: свидетельство шестилетней узницы Аушвица

Имя при рождении – Тола Гроссман. Номер в концлагере – А 27633. Фридман – фамилия мужа, имя сменила после замужества.

Родилась 27 января 1938 года в Гдыне – городе на севере Польши, который возник после Первой мировой войны на месте рыбацкой деревни. Немцы, оккупировавшие город во время Второй мировой войны, переименовали его в *Gotenhafen*. Родной город родителей – Томашув-Мазовецки – был захвачен немцами 6 сентября 1939 года и в декабре 1940 года превращён в гетто. В 1939 году в Томашуве-Мазовецком проживало около 13 000 евреев (что составляло 30% населения), тогда как в 1945 году их осталось всего около 200 человек, пятеро из пятеро – дети.

Отец – портной, имел свой магазин одежды. Хорошо пел и танцевал, снялся статистом в танцевальной сцене в фильме «Юдеп играет на скрипке» (1936). Мать из религиозной ортодоксальной семьи. В 1940 году по приказу немцев Юденраты создали в гетто специальные полицейские отряды из евреев для соблюдения порядка. Отец стал членом этого подразделения. Сам отвёл своих родителей к грузовику, который отвозил стариков в концлагерь, о существовании которых знали тогда на уровне слухов.

В гетто прожили 3,5 года.

В 1943 году их переселили в трудовой лагерь в Страховице, где в начале 1944 года произошло массовое убийство детей. Родителям удалось спрятать девочку. 30 июля 1944 года семью разделили: Толу с матерью отправили в Аушвиц, а отца – в Дахау. Толу поместили в один барак с матерью, но вскоре она заболела и попала в лазарет. После выздоровления её перевели в детский барак, где она стала одной из подопытных доктора Менгеле. Мать нашла её в детском бараке до начала эвакуации лагеря, спрятала в лазарете в кровати под телом молодой девушки, недавно умершей. Сама спряталась аналогичным образом.

Воспоминания о лагере Това Фридман написала через много лет – в 2022 году в соавторстве с Малкольмом Брабантом. Оригинальное название книги –

The Daughter of Auschwitz: My Story of Resilience, Survival and Hope. На русском языке книга издана в 2023 году под названием «Дочь Аушвица. Моя дорога к жизни».

На кадрах советской кинохроники Това стоит рядом с Майклом Борнштейном. Спустя 75 лет после освобождения Това, Майкл Борнштейн и Сара Людвиг (ещё одна девочка с военного снимка) нашли друг друга в Нью-Джерси и сделали совместное фото.

Кадры кинохроники,
снятые в январе 1945 года (на английском языке)

Фото спустя 75 лет

1.2.4. Ева Мозес Кор: воспоминания жертвы экспериментов над близнецами

Имя при рождении – Ева Мозес. Номер в концлагере – А 7063.

Родилась 31 января 1934 в деревне Порт в Трансильвании, Румыния на границе с Венгрией. В то время в Порте проживала сотня семей. Кроме Мозесов евреев в деревне не было.

Отец – Александр Мозес, мать – Яффа Мозес, состоятельные фермеры. У близнецов Евы и Мириам были две старшие сестры Эдит и Алис. В 1935 году отец испытал на себе, что такое антисемитизм, когда вместе с братом Аароном был заключён в тюрьму по надуманному предлогу за неуплату налогов. После освобождения мужчины пробовали перебраться в Палестину. После возвращения через несколько месяцев, брат с женой продали своё имущество и подготовились к эмиграции. Семья Евы не переехала, так как их мать не захотела оставлять свой дом и престарелых родителей. В сентябре 1943 года пытались бежать из дома ночью, но им не позволила это сделать группа венгерских подростков-нацистов. Они, как тогда выяснилось, караулили их ферму, чтобы предотвратить побег. В марте 1944 года семья была депортирована в гетто, организованное в городе Шимлеу-Силванией, где на тот момент содержались около семи тысяч евреев, вывезенных со всей Трансильвании. Здесь Ева впервые увидела такое большое количество евреев. В мае 1944 года семья была отправлена в Аушвиц. Еву и Мириам отобрал доктор Менгеле, проводивший опыты над близнецами. Остальные члены семьи были сразу отправлены в газовые камеры. Ева и Мириам подвергались опытам, но выжили.

Сёстры Мозес есть вместе с Майклом Борнштейн и Товой Фридман на кадрах кинохроники, которые были сняты после освобождения лагеря советскими солдатами в январе 1945 года. После войны девочек забрал к себе брат отца Аарон, который смог уехать до войны в Израиль. Близких отношений

с родственниками у девочек не возникло. Повзрослев, Ева переехала в США, вышла замуж, родила двоих детей. Мириам из-за проводимых над нею опытов не смогла стать матерью. Она страдала болезнью почек. Несмотря на то, что ей пересадили одну из почек Евы, Мириам умерла, не дожив до 60 лет. Ева Мозес умерла в 2019 году.

В 1995 году Ева Мозес Кор основала музей CANDLES («Свечи», расшифровывается как *Children of Auschwitz Nazi Deadly Lab Experiments Survivors* – «Дети, пережившие смертельные лабораторные эксперименты в Аушвице»). Публично призналась, что смогла простить своих мучителей во времена Холокоста, доктора Менгеле и своих родителей, которых ненавидела за то, что они допустили то, что случилось в их жизни.

В 1995 году была опубликована книга Евы Мозес Кор *Echoes from Auschwitz: Dr. Mengele's twins: the story of Eva and Miriam Mozes*, которая на русский язык не переводилась. В 2009 году в соавторстве с Лизой Рохани-Буччери, американской детской писательницей и редактором, была написана книга *Surviving the Angel of Death. The Story of a Mengele Twin in Auschwitz*, переведённая на русский язык в 2022 году под названием «Близнецы Освенцима. Правдивая история близнецов Доктора Менгеле».

Видео: «Девочки-близняшки попали в руки к нацисту Менгеле, что он с ними творил»

1.2.5. Броня Брэндман: одна из выживших

Имя при рождении – Броня Рубин. Номер в концлагере – 52643.

Родилась в 1931 году в польском городе Явожно. С 15 июня 1943 года и до его эвакуации в январе 1945 года в Явожно функционировал концентрационный лагерь как один из подлагерей Аушвица. К моменту открытия лагеря местные евреи Явожно (которых до войны насчитывалось около 3 000 человек) в основном уже были уничтожены. Заключённые были заняты на добыче угля в Явожно и на строительстве электростанции «Вильгельм».

Отец – Израиль, мать – Эда (Иттель), поженились в 1921 году. Броня – четвёртый ребёнок в семье. Сестра Мила 1923 г.р, братья Мендек – 1926 г.р. и Тулек – 1928 г.р., две младшие сестры – Рутка – 1933 г.р. и Хана Масия 1937 г.р.

Жили в большом доме дедушки, который умер в 1933 году. Родители владели магазинами.

После начала войны семья бежала в город Мелец, но место не оказалось безопасным. Немцы оккупировали город 9 сентября 1939 года. В первую же ночь всех мужчин-евреев согнали в синагогу и сожгли. Семье Броне посчастливилось в ту ночь избежать смерти, и они вернулись в родной город. В 1941 году немцы пришли за старшей сестрой Брони, чтобы отправить её в трудовой лагерь. Мать упростила сына пойти вместо неё. Мендек сменил 9 лагерей. В августе 1942 года

родителей и второго брата Броня во время облавы задержали и отправили в Аушвиц, где они были сразу убиты. Сёстры в то время уже прятались, а Броне удалось бежать. Какое-то время она жила на ферме у пожилой супружеской пары и могла безопасно прожить там до окончания войны, так как внешне не была похожа на еврейку. Но она решила найти сестёр и вместе они прятались в Сосновице. Когда немцы приняли решение о ликвидации гетто в Сосновице, все его обитатели, включая трёх сестёр, были депортированы в Аушвиц в августе 1943 года. На первом отборе на железнодорожной платформе доктор Менгеле разделил их. Броня, нарушив распоряжения, самовольно покинула младших и присоединилась к старшей сестре Миле. Это спасло ей жизнь. Вскоре Мила заболела тифом и была отправлена из госпиталя в газовую камеру.

Броню несколько раз в лагере и во время марша смерти спасала медсестра-еврейка Бозенка Тейнерова, с которой они дружили потом в течение всей жизни. Из всей семьи выжили только Броня и Мендек. После войны оба уехали в США, создали семьи, имеют детей и внуков.

В течение пятидесяти лет Броня Брэндман не могла ни с кем говорить о пережитом в Аушвице. И только в 2010 году в соавторстве с Кэрол Бирман – профессором кафедры социальных наук общественного колледжа SUNY Rockland, преподавателем истории Холокоста и английского языка, она написала книгу *The Girl Who Survived: A True Story of the Holocaust*. На русский язык книга пока не переведена.

Статья на английском языке про Броню Брэндман

1.2.6. Ева Хейман: дневник из гетто перед депортацией и гибелью в Аушвице

Ева Хейман родилась 13 февраля 1931 в городе Орадя, в северной Трансильвании. Румынское название Орадя происходит от венгерского названия Надъварад, или Варад. После Первой мировой войны в 1919 году город Орадя вошёл в состав Королевства Румыния. В 1940 году по решению Второго Венского арбитража северная Трансильвания, включая Орадя, была передана Венгрии, а в марте 1945 года – снова возвращена Румынии.

Родители Евы были в разводе. Отец – Бела Хейман, архитектор из состоятельной семьи. Мать – Агнес (Аги) Жолт (фамилия по второму мужу, писателю-социалисту Беле Жолт) из семьи фармацевтов, владеющих сетью аптек. Когда немцы вторглись в Польшу, Агнес Жолт была во Франции, но она убедила мужа вернуться в Будапешт. В начале мая 1944 года их переселили в гетто.

Ева начала вести дневник в день своего тринадцатилетия, 13 февраля 1944 года. Обрываются записи 30 мая того же года за три дня до её отправки в Аушвиц. Девочка передала дневник на хранение до её возвращения Маришке Сабо, которая долгое время служила в семье кухаркой, когда женщина пришла к ним в гетто. Она вернула дневник матери Евы, когда та вернулась из концлагеря Бергель-Бензен. Агнес подготовила дневник к публикации, в предисловии указала дату смерти Евы – 17 октября 1944 года и имя её непосредственного убийцы – Йозефа Менгеле, который, во-первых, вынес ей приговор во время селекции, во-вторых, нашёл Еву, которую спрятала в одном из барачков женщины-врач, и лично втолкнул в кузов грузовика, отъезжающего в крематорий.

В 1948 году после публикации дневника под названием *Eva lanyom* («Ева, доченька») мать Евы покончила жизнь самоубийством, приняв яд. На русском языке «Дневник Евы Хейман» впервые был издан в 2021 году.

Рассказ про Еву Хейман
(на английском языке)

1.2.7. Имре Кертес: лагерный опыт в юношеском восприятии

Имя при рождении – Имре Кертес. Номер в концлагере – 64921.

Родился 9 ноября 1929 в Будапеште, столице Венгрии. Миклош Хорти, регент Венгерского королевства в 1920–1944 годах, был союзником Гитлера. Но в марте 1944 года Венгрия была оккупирована немецкими войсками, а Хорти отстранён от власти. Цыган и евреев стали депортировать. До окончания второй мировой войны большая часть еврейского населения города была уничтожена.

Отец – Ласло Кертес, мелкий коммерсант, мать – Аранка Якаб. Родители разошлись, когда Имре было около пяти лет, и его отправили в школу-интернат, а в 1940 году перевели в среднюю школу в специальный класс для еврейских учеников. Весной 1944 года в возрасте 14 лет вместе с другими венгерскими евреями был депортирован в Аушвиц, а затем переведён в Бухенвальд.

В Аушвице подросток добавил себе два года и этим спас жизнь, так как не был отправлен в газовые камеры по прибытию в концлагерь. После освобождения вернулся в Будапешт, продолжил образование, стал работать журналистом и переводчиком.

Уже будучи пожилым человеком, он получил из мемориального комплекса «Бухенвальд» копию списка заключённых от 18 февраля 1945 года, в котором в графе «Выбыли» значилась запись о смерти узника № 64921 – Имре Кертеса. На самом деле благодаря тяжёлой болезни, из-за которой он оказался в лагерном лазарете, ему удалось выжить и дождаться прихода американских войск в апреле 1945 года.

В 2002 году удостоен Нобелевской премии по литературе. В 2005 году в Венгрии по роману «Без судьбы» был снят одноимённый фильм, для которого Имре Кертес написал сценарий. В рецензиях отмечалось, что фильм получился более автобиографичным по сравнению с книгой.

Работа над полуавтобиографическим романом продлилась с 1969 по 1973 год. Впервые на русском языке роман был опубликован в «Иерусалимском журнале» под названием «Обездоленность» в 2002 году. Отдельным изданием книга «Без судьбы» вышла в 2007 году.

Имре Кертис. «Без судьбы». Отрывок из книги

1.2.8. Томас Гив: три года в Аушвице глазами подростка

Томас Гив – псевдоним, настоящее имя (Стефан Кон) не называется.

Родился 27 октября 1929 года в Германии, в городе Штеттин (Stettin – немецкое название, Щецин – польское). В начале Второй мировой войны Штеттин – третий по площади город в Германии. С 1945 года – город на северо-западе Польши).

Отец – врач, ветеран Первой мировой войны, родом из Бойтена (город в трёхстах километрах от Берлина. С марта 1945 года – польский город Бытом). Мать родилась и жила в Штеттине.

С приходом к власти Гитлера в 1933 году, отец потерял врачебную и хирургическую практику, семья вынуждена была переехать в Бойтен. Отец планировал переезд в Англию, потом – в Палестину. Планам не суждено было сбыться. Летом 1939 года отец уехал из Берлина в Англию, семья последовать за ним не смогла из-за начала Второй мировой войны. Томасу пришлось несколько месяцев работать на Вайсензейском кладбище (еврейское кладбище в Берлине). Летом 1943 года тринадцатилетний Томас и его мать, не выдержав условий, созданных для существования евреев в Германии и под влиянием пропаганды, добровольно отправились в центр задержания в Берлине. В концлагерь они прибыли 29 июня 1943 года, где их сразу разлучили. Благодаря высокому росту, Томасу удалось скрыть свой возраст во время первого отбора на перроне. Официально в лагере не было мужчин младше 15 лет. Его отправили в мужской лагерь, и свою мать после этого он видел мельком только один раз. Подробностей её смерти в Аушвице он так и не узнал. Томас пережил марш смерти (в котором участвовало приблизительно 60 000 заключённых, 15 000 из которых умерли). Он попал в концлагерь Гросс-Розен, потом – в Бухенвальд. После освобождения в апреле 1945 года, его отправили в Швейцарию, где в течение полугода подросток восстанавливал подорванное здоровье, а потом – самолётом в Англию к отцу. Рисунки

Томаса, которые он делал в Аушвице, не сохранились, он воссоздал их по памяти в Бухенвальде после освобождения. Прежде всего, он хотел показать и рассказать отцу обо всём, что им с матерью пришлось пережить. Потом – всему миру. Но послевоенная Европа не готова была слушать, и в 1946 году он не смог найти издателя для своей книжки с рисунками. В 1950-е Томас уехал жить в Израиль. Первая небольшая книга воспоминаний в мягкой обложке (*Youth in Chains*) была издана в 1958 году, вторая – на немецком языке в 1997 году.

В 2022 году нью-йоркский Музей еврейского наследия представил на YouTube канале большую программу о Томасе, в которой дочь Томаса Гива Ифат Кон-Меир и журналист Чарли Инглфилд, ставший его соавтором, обсудили процесс написания книги «Мальчик, который нарисовал Освенцим» (оригинальное название – *The Boy Who Drew Auschwitz*, 2021). В программе также представлены записи, на которых 92-летний Томас Гив рассказывает свою историю. На русском языке книга вышла в 2022 году.

Интервью на английском языке

1.2.9. Ева Шлосс: долгое молчание сводной сестры Анны Франк

Имя при рождении – Ева Герингер. Номер в концлагере А 5272.

Родилась 11 мая 1929 года в Вене, столице Австрии. Довоенная Вена была культурной и промышленной столицей, еврейская община здесь не была многочисленной.

Отец – Эрих Герингер, мать – Эльфрида (Фрици) Марковитс-Герингер. Дед по линии отца, Давид Герингер, выходец из Венгрии. После переезда в Вену открыл обувную фабрику «Герингер и Браун», которая к моменту рождения сына процветала. Мать происходила из обеспеченной семьи, которая владела виноградным хозяйством в Налиции и минеральными источниками в Бадене, но к 1919 году разорилась. Отцу было семнадцать, матери – четырнадцать, когда они познакомились, поженились в 1923 году, когда Фрици исполнилось восемнадцать. В 1924 году после смерти отца Эрих Герингер возглавил руководство обувной фабрикой. В 1926 году в семье родился сын – Хайнц, в 1929 – дочь Ева.

В 1938 году после присоединения Австрии к Германии семья вынуждена была эмигрировать в Бельгию, потом – в Нидерланды. В Амстердаме они поселились по соседству с Франками и подружились. Ева и Анна Франк не стали близкими подругами, так как у них был разный круг интересов.

Брат Евы Хайнц, как и Марго Франк, старшая сестра Анны Франк, получил повестку в транзитный лагерь Вестерборк 5 июля 1942 года, после чего Герингеры решили прятаться. В отличие от Франков, у них не было подготовленного убежища, они разделились по двое и снимали комнаты в разных местах города. Им также удалось скрываться в течение двух лет, но они

тоже были обнаружены и отправлены в Вестерборк, а в конце мая 1944 года – в Аушвиц. Еве и матери в лагере помогла двоюродная сестра Фрици, которую они случайно встретили в лазарете, где она работала медсестрой, а её муж – врачом. В январе мать заболела, и Ева осталась с ней в лазарете, где они и дождались прихода советских войск. Эрих и Хайнц умерли в дороге по пути в Маутхаузен во время марша смерти. Когда после освобождения Ева пришла в мужскую часть Аушвица, то нашла там больного Отто Франка, отца Анны.

После войны Ева с матерью вернулись в Амстердам, куда вскоре приехал и Отто Франк. В 1953 году Эльфрида вышла за него замуж.

Ева вышла замуж за Цви Шлосса, немецкого еврея, которому повезло избежать концлагеря. В семье родилось три дочери, они переехали жить в Лондон. Ева помогала матери и Отто в работе фонда Анны Франк, но о своём опыте начала говорить не сразу. Впервые она рассказала о себе в 1986 году, когда на открытии передвижной выставки «Анна Франк в мире, 1929–45» в Лондоне ей неожиданно предоставили слово. Ева Шлосс стала известным во всем мире лектором, рассказывающим о Холокосте.

В 1988 году в соавторстве с писательницей Эвелин Джулией Кент издала книгу *Eva's Story: A Survivor's Tale by The Step-sister of Anne Frank*, которая не была переведена на русский язык. В 2013 году в соавторстве с английской писательницей и журналисткой Карен Барлетт написала книгу *After Auschwitz: A Story of Heartbreak and Survival by the Stepsister of Anne Frank*. Русская версия вышла в 2021 году под названием «После Аушвица».

История Евы Шлосс.
(на английском языке)

1.2.10. Эли Визель: пережитый опыт узника и его литературное осмысление Холокоста

Имя при рождении – Элиэзер Визель. Номер в концлагере – А 7713.

Родился 30 сентября 1928 года в городе Сигет, Трансильвания. Полное название города – Сигету-Мармацей, расположен он был вдоль реки Тиса на границе с Украиной. После распада Австро-венгерской монархии Трансильвания была передана Румынии в 1920 году. Во время Второй мировой войны в августе 1940 года перешла под управление Венгрии. Первая депортация евреев из Сигета состоялась в 1941 году, вторая – в 1944. В городе было создано два еврейских гетто: большое – в центре города, меньшее – на окраине. В мае 1944 года всех евреев из гетто отправили в Аушвиц. В январе 1945 года, после освобождения советскими войсками, область была передана Румынии.

Отец – Шломо Визель, мать – Сара (Сура) Фейг-Визель. Две старшие сестры Беатрис и Хильда и младшая Ципора. Религиозная еврейская семья.

Родители – владельцы магазина. В семье говорили на нескольких языках, среди которых – идиш, венгерский, немецкий, румынский. В мае 1944 года вместе с другими евреями города их депортировали в Аушвиц. Мать и семилетнюю сестру Ципору отправили в газовую камеру по прибытию. Отца и Эли, которые скрыли свой возраст, отправили в трудовой лагерь Моновиц.

Для Эли Визеля Аушвиц открылся пылающим бездушным пространством, когда он собственными глазами увидел, как тела маленьких детей сбрасывали в пылающие ямы. Эта первая встреча с фабрикой смерти навсегда врезалась в его память, лишив сна и покоя [Визель 2021, с.70].

В январе 1945 года Эли Визеля и его отца, вместе с другими узниками перегнали в Бухенвальд. Истощённый, избитый и сломленный многодневными издевательствами во время марша смерти, отец Визеля скончался 29 января 1945 года – всего через несколько дней после прибытия в лагерь.

После окончания войны мальчиков из Бухенвальда отправили в реабилитационные центры в Швейцарию и Францию. Эли Визель был в группе тех, кого в июне 1945 года фонд «Общество помощи детям» (OSE) отправил во Францию. Позже в одном из приютов Парижа он нашёл своих старших сестёр, выживших в концлагере. В 1948 году он поступил в Сорбонну, чтобы изучать литературу, философию и психологию. Безуспешно пытался издать свою книгу «А мир молчал» (*Un di velt hot geshvign*) о концлагере, написанную на идиш. Добился публикации только в 1956 году в Аргентине. В 1958 году сокращённый вариант вышел на французском языке под названием «Ночь» (*La Nuit*). Предисловие написал французский писатель, лауреат Нобелевской премии Франсуа Мориак. Позже вышли продолжения «Рассвет», «День» и составили трилогию. На русском языке «Ночь» впервые была издана в 1989 году.

Эли Визель и Ребе

1.2.11. Эдит Ева Эгер: выживание, травма и путь к восстановлению

Имя при рождении – Эдит Ева Элефант.

Родилась 29 сентября 1927 года в Кошице – город в Словакии, который в 1938–1944 годах был оккупирован Венгрией и назывался Кашша. Днём 26 июня 1941 года с юго-востока прилетели три бомбардировщика с жёлтыми полосами на фюзеляже и сбросили на город 27 тонн бомб. Были погибшие и раненые, здания в центре города разрушены. Венгерские власти бездоказательно обвинили в бомбардировке советскую авиацию. Милош Хорти – регент Королевства Венгрия в 1920–1944 годах – санкционировал объявление войны Советскому Союзу. 27 июня 1941 года Совинформбюро сообщило об объявлении Венгрией войны СССР и опровергло обвинение в авиаударе. После

Второй мировой войны Кошице стал частью Чехословакии, а с 1993 года – Словакии.

Отец – Лайош Элефант был известным в городе портным. Мать – Илона Элефант. У Евы было две сестры. Старшая Клара считалась в семье самой талантливой: уже в пять лет она исполняла концерт Мендельсона для скрипки с оркестром. Вторая сестра, Магда, играла на фортепиано, а Эдит с пяти лет занималась балетом, позже – увлеклась гимнастикой.

В августе 1943 года отца забрали в трудовой лагерь, но через несколько месяцев он вернулся домой. В марте 1944 года всю семью, кроме Клары, которая в то время была на выступлении в Будапеште, вывезли на Якабский кирпичный завод, куда согнали двадцать тысяч евреев. Им говорили, что их отправят в лагерь для интернированных Кеньермезо, но это была ложь, такого места не существовало. В апреле 1944 года их депортировали в Аушвиц. Родителей по прибытии сразу отправили в газовые камеры, а Эдит и Магда оказались вместе в одном бараке. Однажды Эдит пришлось танцевать вальс «На прекрасном голубом Дунае» перед Менгеле, который, как она знала, отправил на смерть её родителей.

В декабре 1944 года, когда нацисты начали частями эвакуировать Аушвиц, сестёр вместе с другими девушками вывезли в Германию, на ниточную фабрику, где они проработали несколько недель. Потом их повезли дальше по стране, разместив на крыше поезда в полосатой униформе. Это был отвлекающий манёвр, чтобы англичане не бомбили поезда. На самом деле, в вагонах перевозили боеприпасы. В Германии они работали на разных заводах по производству боеприпасов. Потом девушек перевезли в мужской лагерь Маутхаузен, позже – в Гунскирхен, филиал Маутхаузена. Американские военные освободили лагерь в мае 1945 года. Эдит не могла ходить, у неё был переломан позвоночник, она лежала больная среди трупов, весила 32 килограмма.

Сёстры вернулись в родной дом, где жила их сестра Клара. Позже – эмигрировали в Америку.

Внутренние проблемы и душевные травмы, полученные в концлагере, не отпускали Эдит. Бороться за своё психологическое здоровье она начала в 1966 году после прочтения книги «Человек в поисках смысла» Виктора Франкла, психолога, пережившего концлагерь. В 1990 году нашла в себе силы посетить Аушвиц.

Доктор психологии. Учитель года в Эль-Пасо в 1972 году, Женщина года в 1987.

В 2017 году в соавторстве с Эсме Шваль-Вейганд написала книгу – *The Choice*, которая на русском языке была издана в 2023 году под названием «Выбор».

Эдит Ева-Эгер – биография

1.2.12. Хеди Фрид: юность в условиях лагеря и забота о младшей сестре

Имя при рождении – Хеди Шмук. Номер в концлагере – А 7603.

Родилась 15 июня 1924 года в городе Сигет, Трансильвания, Королевство Румыния. В этом же городе родился Эли Визель.

Отец Игнац Жмук – совладелец фабрики по выпуску картонных коробок, мать – Фрида Жмук-Клейн воспитывала двух дочерей, Хеди и её младшую сестру Ливи (1929 г.р.). При скромном семейном достатке родителям удалось накопить деньги и купить дом, о котором они мечтали. С началом ариизации стали выходить законы, ущемляющие права евреев. Один из них – запрет на высшее образование. Увлечённая учёбой и стремящаяся к знаниям, Хеди переехала в сентябре 1941 года в Клуж, столицу Трансильвании, где училась в течение двух лет. Получив диплом преподавателя, вернулась в родной город, но смогла найти работу только в яслях.

В апреле 1944 года было образовано гетто, куда переселили из своих домов всех евреев. 15 мая 1944 года семья Хеди была отправлена в Аушвиц. По прибытии в ночь на 17 мая 1944 года родители были отправлены в газовые камеры, Хеди и её подруга Дора взяли под опеку младших сестёр: кузине Хеди Сюзи было пятнадцать, Ливи – четырнадцать, а Иле, кузине Сюзи – двенадцать. Она выглядела старше своих лет, но была самой младшей среди прибывших в том транспорте и выживших. Хеди несколько раз спасала сестру от смерти. Из Аушвица их с сестрой перевели на работы в Вильгельмсхафен, потом – в Берген-Бельзен, откуда они были освобождены 15 апреля 1945 года британскими войсками. В июле 1945 года их отправили на лечение в Швецию. Вернуться в родной город девушки не смогли. Хеди вышла замуж за Михаила, с которым была знакома ещё в гетто, Ливи – за немецкого еврея. Дора и Сюзи вернулись в Сигет, создали семьи.

Её книга *Skärvor av ett liv. Vägen till och från Auschwitz* вышла в 1992 году, русская версия – «Осколки одной жизни. Дорога в Освенцим и обратно» – в 1993 году.

Интервью с Хэди Фрид
(на английском языке)

1.3. Детская тема в первых послевоенных свидетельствах узников (1945–1947)

Важным источником для изучения восприятия и описания судьбы детей в лагере Аушвиц являются первые мемуарные и литературные свидетельства, созданные взрослыми узниками вскоре после освобождения концлагерей. Эти тексты, написанные в 1945–1947 годах, фиксируют непосредственную память о

травматическом опыте, зачастую ещё не структурированную литературной традицией или историографическим каноном.

Произведения Зофьи Налковской, Северины Шмаглевской, Тадеуша Боровского, Виктора Франкла, Примо Леви и Кристины Живульской представляют различные подходы к изображению лагерной реальности. Несмотря на индивидуальные особенности повествования и жанра, в них можно проследить общую тенденцию – стремление запечатлеть трагедию детей в Аушвице не только как факт, но как моральный и культурный вызов, адресованный будущим поколениям.

Ниже рассмотрим, каким образом каждый из этих авторов показывает концлагерь и осмысляет детскую тему в своих произведениях.

1.3.1. Зофья Налковская: «Медальоны»

Зофья Налковская / *Zofia Nałkowska* (1884–1954) – писатель, журналист, драматург, эссеист, автор дневников, опубликованных посмертно.

Дебютировала в 1898 году со стихотворением «Я помню» (*Pamiętam*), первое прозаическое произведение, рассказ «Орлица» (*Orlica*) был напечатан в 1903 году. С 1929 года З. Налковская жила в Варшаве, была заместителем председателя Польского ПЕН-клуба (международной правозащитной неправительственной организации, в состав которой входили профессиональные поэты, писатели, журналисты), позже стала выполнять функции председателя. Вела литературный салон. В 1933 году стала членом Польской академии литературы и была там единственной женщиной. К началу Второй мировой войны Зофья Налковская состоялась как писательница. Её перу принадлежали «Романы Терезы Хеннерт» (1926), «Граница» (1935), и другие произведения. В годы войны Налковская, изгнанная фашистами из своего дома, продавала сигареты в табачной лавке, зарабатывая тем самым на жизнь, и активно участвовала в подпольном движении.

Книга «Медальоны» (оригинальное название – *Medaliony*), написанная Зофьей Налковской весной–летом 1945 года и опубликованная в 1946 году, является одним из ключевых произведений польской литературы о Холокосте и нацистских преступлениях. Этот сборник вошёл в школьную программу в Польше и изучается как пример литературы свидетельств, фиксирующей опыт жертв тоталитарного насилия.

Заглавие сборника носит метафорический характер: слово «медальоны» может отсылать к портретам-памятникам – небольшим, но ёмким зарисовкам человеческих судеб, своеобразным миниатюрам, которые хранят память о погибших. Книга включает восемь рассказов, основанных на реальных свидетельствах жертв и очевидцев: «Профессор Спаннер», «Дно», «На кладбище», «У железнодорожной насыпи», «Двойра Зелёная», «Виза», «У человека сил много», «Взрослые и дети в Освенциме». Эти тексты написаны сдержанным, лаконичным языком, лишённым художественных украшений. Тем не менее, за внешней сухостью и документальностью скрыта глубокая

эмоциональная и этическая напряжённость, которая оказывает мощное воздействие на читателя.

Тематика рассказов варьируется от описаний преступлений против человечности, таких как случай с немецким профессором-анатомом, изготавливавшим мыло из человеческого жира («Профессор Спаннер»), до трагедий на уровне частной судьбы: мужчина, отобранный в лагере для уничтожения трупов, находит среди них тела своей жены и детей («У человека сил много»).

Заключительный рассказ, «Взрослые и дети в Освенциме», начинается словами, отражающими масштаб и беспрецедентность лагерного террора: «Если мы мысленно попытаемся представить себе ту огромную фабрику смерти, которая всё это время, независимо от того, где проходили военные действия, гнездилась на территории Польши, то, кроме ужаса, самым сильным из охвативших нас чувств будет, пожалуй, удивление.

За несколько лет сожгли и удушили газом бесчисленное количество людей, и всё это было сделано “на научной основе”, чётко, методично, планомерно» [Налковская].

Эта фраза отражает не только масштаб уничтожения, но и парадокс цивилизации, при которой наука и техника использовались для массового истребления. Рассказ завершается описанием игровой сцены, наблюдаемой доктором Эпштейном, профессором из Праги.

«В ясное летнее утро, проходя между бараками в Освенциме, он заметил двух маленьких детей, ещё живых, сидевших на песке у дороги и передвигающих какие-то щепки. Остановившись, он спросил:

– Во что вы играете, дети?

И услышал ответ:

– Мы сжигаем евреев» [Налковская].

Этот эпизод показывает, что жестокая реальность лагеря проникала даже в детские игры, способствуя искажению восприятия мира в условиях систематического насилия и вызывая глубокие психологические травмы у детей.

На русском языке книга впервые была опубликована в 1974 году.

Нюрнбергский процесс.
Видео

Зофья Налковская.
Медальоны.

1.3.2. Северина Шмаглевская: «Дым над Биркенау»

Северина Шмаглевская (*Seweryna Szmaglewska*, 1916–1992), узница концлагеря под номером 22090, родилась в небольшой деревне недалеко от города Пётркув-Трыбунальский. После окончания местной двухклассной

начальной школы она продолжила образование в Государственной учительской женской семинарии им. Королевы Ядвиги в Пётркуве. В годы учёбы потеряла родителей и была взята на воспитание учительницей. В 1937 году Шмаглевская поступила в Социально-педагогический колледж Свободного польского университета в Варшаве, где получила психолого-педагогическое образование, а затем продолжила обучение в Ягеллонском университете.

После начала Второй мировой войны вернулась в родной город, где работала фельдшером в больнице и преподавала в подпольной школе. В 1940 году присоединилась к студенческой организации Сопротивления. В июле 1942 года была арестована, а 6 октября того же года депортирована в лагерь смерти Аушвиц-Биркенау. В январе 1945 года бежала во время марша смерти.

В том же 1945 году Северина Шмаглевская написала книгу воспоминаний «Дым над Биркенау» (*Dym nad Birkenau*), которая стала одним из первых свидетельств женщин о нацистских лагерях, опубликованных вскоре после окончания войны, где она подробно описывает условия содержания и смерти узников, включая детей, в лагере.

Образ дыма, вынесенный в заглавие, обретает символическое значение: это постоянное напоминание о сожжённых телах, о людях, исчезнувших без следа, чья память воплощается в этом мрачном и зримом следе. Северина Шмаглевская описывает повседневную жизнь заключённых женщин в лагере с поразительной детализацией и предельной честностью. Важно отметить, что книга была написана сразу после освобождения, «по горячим следам» пережитого опыта, что придаёт тексту особую документальную силу и эмоциональную достоверность. Авторский стиль отличается сдержанностью, почти полным отсутствием открытой эмоциональности, что, однако, только усиливает воздействие: за внешне простым, ясным языком чувствуется отчаяние, боль, усталость, но и внутреннее сопротивление, достоинство и жажда истины.

На русском языке книга впервые вышла в 1970 году.

Как уже было сказано выше, показания Северины Шмаглевской были использованы как доказательства на Нюрнбергском процессе в части разоблачения зверств нацистов в отношении детей и подростков. Её свидетельства способствовали формированию юридической базы для осуждения военных преступников.

Свидетельство Северины Шмаглевской на Нюрнбергском процессе
(на польском языке с переводом)

1.3.3. Тадеуш Боровский: «А у нас в Аушвице ...»

Тадеуш Боровский (*Tadeusz Borowski*, 1922–1951), узник концлагеря под номером 119198, после войны обрёл известность как писатель, чьё имя стало

символом трагического опыта заключённого в лагерях смерти и послевоенного морального кризиса.

Его родители, Станислав Боровский и Теофила Карпинская, были поляками, проживавшими на юго-западе Российской империи (ныне территория Украины). Они поженились в Житомире в 1917 году; в семье родились два сына – Юлиуш и Тадеуш. В 1926 году Станислав был арестован советскими властями и сослан в лагерь в Карелии, а в 1930 году Теофила – в Сибирь. После освобождения семья переехала в Польшу, где жила в крайне тяжёлых условиях.

Когда Германия захватила Польшу в 1939 году, Тадеушу не исполнилось и 17 лет. Из-за оккупационной политики, направленной на уничтожение польской интеллигенции и использование поляков в качестве «колониальных унтерменшей», он не мог продолжить официальное обучение. Как и многие польские подростки, он учился в подпольной школе, которую окончил весной 1940 года, а осенью поступил на факультет польской филологии подпольного университета. Параллельно работал кладовщиком и ночным сторожем в строительной компании, жил на складе.

В это же время в северной части Варшавы немецкие власти создали еврейское гетто. Девушка Тадеуша, Мария Рундо, происходила из еврейской семьи, но идентифицировала себя как поляка. Её семью, несмотря на происхождение, не переселили в гетто. Вскоре Марию арестовали за помощь коммунистическому подполью. Осознавая риск, Боровский сознательно отправился на подпольную квартиру, где его арестовали – так он нашёл возможность найти в тюрьме свою девушку. Из варшавской тюрьмы Павяк их депортировали в Аушвиц в апреле 1943 года.

В лагере Боровский сначала работал чернорабочим, затем – санитаром в лазарете. Он сумел наладить тайную переписку с Марией, которая находилась в другой части лагеря, передавал ей письма и необходимые вещи. Позже, когда его перевели в кровельную бригаду, обслуживавшую женский лагерь, ему несколько раз удалось встретиться с ней лично. В январе 1945 года Боровского перевели в Дахау, где он едва не умер от голода.

После освобождения он провёл некоторое время в американском лагере для перемещённых лиц, расположенном на территории бывшего гарнизона СС. В сентябре 1945 года переехал в Мюнхен, где работал в Красном Кресте, помогая разыскивать пропавших без вести. Там он узнал, что Мария выжила и находится в Швеции. В 1946 году он вернулся в Польшу; вскоре Мария приехала к нему и стала его женой.

Боровский начал писать стихи ещё в студенческие годы; его поэтический дебют состоялся незадолго до ареста. В лагере он продолжал заниматься творчеством, но большая часть лагерных стихотворений не сохранилась. После войны он согласился на публикацию сборника, включающего стихи, написанные до и во время заключения. В 1946 году в соавторстве с Кристином Ольшевским (номер узника – 75817) и Янушем Нелем Седлецким (номер – 6643) он выпустил сборник воспоминаний «Мы были в Освенциме» (*Byliśmy w Oświęcimiu*),

который стал одним из первых коллективных свидетельств о жизни в концлагере.

Позднее Боровский создал несколько прозаических произведений, посвящённых лагерной тематике, среди которых наиболее известны сборники «Прощание с Марией» (*Pożegnanie z Marią*) и «Пожалуйте в газовую камеру, дамы и господа» (*Proszę państwa do gazu*). В том же 1946 году был опубликован сборник рассказов Боровского «У нас в Аушвице...» (*U nas w Auschwitzu...*) – художественное произведение с ярко выраженными автобиографическими элементами, основанное на его личном опыте пребывания в концлагере.

На русском языке книга была опубликована в 1989 году и заняла важное место в корпусе литературы о Холокосте и лагерях смерти. В книге Тадеуша Боровски отражены ужасающие издевательства над телами детей, совершавшиеся даже после их смерти, что служило своеобразным способом эмоциональной разгрузки для охранников лагеря. В заключительной части своего рассказа Т. Боровски приводит разговор с бывшим членом зондеркоманды, ответственным за сжигание трупов в крематории. Тот описывает новый метод уничтожения тел детей: «Берём четырёх ребятишек с волосами, приставляем головами вместе и поджигаем волосы. Потом уже само горит и – gemacht (готово)». Осознав отсутствие положительной реакции, он «как-то странно засмеялся» и, глядя в глаза Т. Боровски, добавил: «... должны же мы у нас в Аушвице развлекаться как умеем. Иначе разве можно выдержать?» [Боровски]. Этот фрагмент свидетельствует о бесчеловечном отношении к жертвам, когда даже смерть не прекращала мучений, а жестокость использовалась как механизм психологической защиты исполнителей.

Жизнь Тадеуша Боровского трагически оборвалась в 1951 году. Считают, что он покончил с собой, отравившись бытовым газом. Его смерть связывают как с личностным кризисом, так и с глубоким разочарованием в послевоенной политической реальности.

Тадеуш Боровски

1.3.4. Виктор Франкл: «Сказать жизни “Да!”»

Виктор Франкл (*Viktor Emil Frankl*, 1905–1997), узник концлагеря под номером 119104, – всемирно известный австрийский психиатр и невролог, основатель логотерапии.

Интерес к психологии проявился у него ещё в подростковом возрасте. В 16 лет он написал письмо Зигмунду Фрейду, в котором изложил свои размышления о психоанализе. Фрейд не только ответил, но и опубликовал статью Франкла в одном из научных журналов. Уже в студенческие годы Франкл разработал и

внедрил бесплатную программу психологической помощи для старшеклассников, оказавшуюся весьма эффективной.

В 1937 году он открыл в Вене частную психоневрологическую клинику, а с 1940 года возглавил неврологическое отделение больницы Ротшильда – единственного на тот момент медицинского учреждения в Вене, где допускалось лечение и трудоустройство евреев. Получив визу для выезда в США, Франкл осознанно отказался от эмиграции, чтобы остаться рядом с родителями.

В декабре 1941 года он женился на Тилли Гроссер – их брак был зарегистрирован в Национальном управлении еврейских браков, созданном нацистами. Это был один из последних случаев официального заключения еврейского брака в нацистской Австрии.

В 1942 году Франкл вместе с семьёй (родителями, женой и братом) был арестован и отправлен в Терезиенштадт, а в октябре 1944 года – в Аушвиц. Его сестре удалось эмигрировать ранее. Предвидя арест, Франкл спрятал в подкладке пальто рукопись своей научной работы, но по прибытии в лагерь все вещи, включая рукопись, были утрачены. Его отец умер в Терезиенштадте от пневмонии, мать и брат погибли в газовых камерах Аушвица, а жена умерла от тифа в Берген-Бельзене. Сам Франкл позже был переведён в один из лагерей системы Дахау, где и дождался освобождения.

После войны он вернулся в Вену. С 1946 по 1971 год Франкл возглавлял Венскую неврологическую клинику, одновременно являясь профессором неврологии и психиатрии Венского университета. В 1947 году он женился повторно, его дочь стала детским психологом. За свою жизнь Франкл опубликовал более тридцати книг, переведённых на десятки языков.

Его главная работа – книга «Сказать жизни “Да!”: Психолог в концлагере» (*...trotzdem Ja zum Leben sagen. Ein Psychologe erlebt das Konzentrationslager*) – была впервые издана в 1946 году в Вене анонимно, без указания авторства, под названием *Ein Psychologe erlebt das Konzentrationslager* («Психолог переживает концлагерь»). В расширенном и переработанном виде книга вышла в 1977 году. На русском языке она была впервые опубликована в 1984 году и с тех пор неоднократно переиздавалась.

Виктор Франкл и его
поразительная история

Виктор Франкл.
Сильные цитаты

1.3.5. Примо Леви: «Человек ли это?»

Примо Леви (*Primo Levi*, 1919–1987), узник концлагеря под номером 174517, – итальянский писатель еврейского происхождения, химик по образованию.

Он родился в Турине в семье инженера, получил хорошее образование. До вступления в силу закона, запрещающего евреям иметь высшее образование, успел поступить на химический факультет Туринского университета и окончить курс лучше всех. В 1943 году примкнул к антифашистскому движению, но вскоре был арестован и в феврале 1944 года депортирован в концентрационный лагерь Аушвиц-Моновиц (*Buna-Monowitz*), где вначале работал на одном из заводов химического концерна I.G. Farben, а позднее был переведён в лабораторию, благодаря чему ему удалось выжить. В январе 1945 года он оказался в лазарете и тем самым избежал марша смерти. После освобождения лагеря провёл несколько месяцев в советском пересыльном лагере в Катовице, вернувшись в Турин только в октябре 1945 года, проделав долгий путь через Восточную Европу.

После войны Леви вернулся к профессии химика и продолжал работать на химическом предприятии до 1977 года. Одновременно он начал активно писать. Его литературное наследие занимает центральное место в корпусе свидетельств о Холокосте.

Ключевым произведением Леви стала книга «Человек ли это?» (*Se questo è un uomo*, 1946; на русском языке опубликована в 2001 году), в которой он с поразительной честностью и аналитической точностью описал собственный опыт пребывания в лагере. Написанная вскоре после освобождения, она стала не только автобиографией, но и философским размышлением о границах человечности, унижении, выживании и морали в условиях крайней деградации. Леви с поразительной честностью отмечает, что «человек, если он ещё человек, должен сохранить чувство собственного достоинства даже в аду» [Леви, 2001, с. 15].

В этом контексте особенно важны рассказы, иллюстрирующие судьбы самых уязвимых – детей. Так, Леви описывает трогательную сцену заботы родителей о трёхлетней Эмилии, дочери миланского инженера Альдо Леви, которую «за время пути в переполненном вагоне отец с матерью ухитрились даже выкупать в цинковой ванночке, получив разрешение у немца-машиниста (как говорится, в семье не без урода) нацедить немного теплой воды из крана паровоза» [Леви, 2001, с. 22]. Несмотря на эту заботу, Эмилия была немедленно отправлена в газовую камеру, поскольку, по словам Леви, «уничтожение еврейских детей немцы считали исторической необходимостью» [Леви, 2001, с. 22].

Позднее, в 1986 году, незадолго до смерти, Леви опубликовал ещё одну значимую работу – «Канувшие и спасённые» (*I sommersi e i salvati*, на русский переведена в 2010 году). Эта книга представляет собой глубокий анализ лагерного опыта – не только его собственного, но и обобщённого, коллективного – с особым вниманием к вопросам памяти, вины, искажений в послевоенных интерпретациях и механизмах психологической защиты.

Примо Леви также занимался переводами с немецкого, английского и французского языков, среди его авторов – Гейне, Киплинг, Кафка, Леви-Стросс.

В 1987 году он погиб в результате падения с лестничного пролёта. По официальной версии – это самоубийство, но этот вывод до сих пор вызывает сомнения у исследователей и биографов.

Уроки гуманизма Primo Леви

Ужасающая книга о лагере смерти.
Примо Леви. Человек ли это?

1.3.6. Кристина Живульская: «Я пережила Освенцим»

Кристина Живульская – (*Krystyna Żywulska*, 1914–1993 года). Настоящее имя – Соня Ландау (*Zofia (Sonia) Landau*), номер в Аушвице – 55 908.

Родилась в Лодзи (Польша). После окончания еврейской гимназии, поступила на юридический факультет в Варшаве. После оккупации немцами Польши, не смогла продолжать образование и вернулась домой к родителям и младшей сестре. Когда нацистские преследования евреев в Лодзи ужесточились после присоединения города к Третьему Рейху, семья Ландау бежала в Варшаву, откуда в 1941 году их переселили в гетто. Рискую жизнью, вместе с матерью покинула гетто 26 августа 1942 года. Под именем Зофьи Вишневецкой, она присоединилась к польскому сопротивлению и оказывала помощь скрывающимся евреям, подделывая им документы. В августе 1943 года ее арестовали, на допросе она назвала себя Кристиной Живульской. Её отправили в тюрьму Павяк, потом – в Аушвиц, где её зарегистрировали как польскую политзаключённую.

В концлагере она стала писать стихи, стихотворение «Апель» спасло ей жизнь. Его услышала заключённая по имени Вала Костецка, имеющая хорошее положение в лагере, и предложила защиту находящейся на грани смерти Живульской, обеспечила её перевод в Биркенау в один из лучших отделов. Она заполняла документы прибывающих евреев. Работа позволяла нелегально добывать еду, одежду, книги, спать в бараке на отдельной кровати, носить гражданскую одежду и отращивать волосы. Но здание, где они работали располагалось рядом с крематорием, поэтому они вынуждены были наблюдать ежедневные массовые убийства, слушать крики и вдыхать запах горящих тел. Тяжелее всего было общаться с людьми, которые не знали, что это их последние минуты жизни. Тайну Живульской о том, что она еврейка не знал никто, так как внешне она не походила на представительниц своего народа. Бежала 18 января 1945 года во время марша смерти.

Книга воспоминаний Кристины Живульской «Я пережила Освенцим» (*Przeżyłam Oświęcim*), впервые опубликованная в 1946 году (по другим источникам – в 1947), а в русском переводе вышедшая в 1960 году, стала одним из первых женских свидетельств о пребывании в нацистском лагере смерти. Это

произведение отличается живым, выразительным языком, насыщенным лагерным жаргоном, диалогами и образами, через которые передаётся отчаянная попытка сохранить человеческое достоинство в условиях крайнего морального и физического унижения.

К. Живульская. «Апель»

ВЫВОДЫ К ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Воспоминания детей и послевоенные мемуары, собранные в первой главе, показывают, что Аушвиц был не только местом массовых убийств, но и пространством, где у ребёнка отнимали детство – доверие, игру и ощущение защищённости. В лагере постепенно разрушалось всё, что делает нас людьми: тело, ощущение времени и пространства, речь, отношения, память, вера в себя и в других. Истории маленьких узников ясно дают понять, насколько беззащитным может быть человек перед системой насилия, лишившей его внутренней опоры и веры в добро.

Эти свидетельства показывают не только физическую боль, но и глубокие психологические травмы, которые оставались с выжившими на всю жизнь. В то же время в их рассказах можно увидеть разные способы сохранить себя – телесные, душевные, символические – в этом тоже проявляется сопротивление, даже в самых нечеловеческих условиях.

Особое значение имеют воспоминания, написанные в первые послевоенные годы и ставшие точкой отсчёта для дальнейшего осмысления катастрофы. Книги Северины Шмаглевской, Кристины Живульской, Тадеуша Боровского и других авторов передали самые первые эмоциональные и нравственные отклики на опыт лагеря и тем самым заложили основы языка памяти о Холокосте. Уже в этих свидетельствах есть упоминания о малолетних узниках.

Изучение темы детей в Аушвице показывает, до какой крайности может быть разрушена человеческая жизнь и достоинство в условиях тоталитарного насилия. Этот материал поднимает важные вопросы: можно ли сохранить детство в ситуации геноцида, как передать память о самых беззащитных жертвах, и какую роль играют детские свидетельства для понимания масштабов трагедии.

ГЛАВА 2. ХРОНОЛОГИЯ АДА: КЛЮЧЕВЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ ЛАГЕРЯ АУШВИЦ

Представленная в главе хронология ключевых этапов истории Аушвица подкрепляется источниками различной природы: воспоминаниями узников, оказавшихся в лагере в детском возрасте, показаниями первого коменданта Рудольфа Хёсса и других нацистских должностных лиц, а также мемуарными свидетельствами, которые позволяют проследить эволюцию лагерной структуры и её целей.

2.1. 1940 год: создание концлагеря и первые депортации

27 апреля 1940 года рейхсфюрер Генрих Гиммлер отдаёт приказ о создании в городе Освенцим региональной тюрьмы и пересыльного лагеря на десять тысяч человек для польских политических заключенных.

4 мая 1940 года Гиммлер официально назначает гауптштурмфюрера СС Рудольфа Хёсса комендантом нового концлагеря. Рудольф Хёсс получает деньги на подготовку уже стоящих 22 зданий, которые раньше служили казармами для польской артиллерии, и на дальнейшее строительство, подразумевающее также питьевое водоснабжение, канализацию и дренаж участка. Достраивают вторые этажи к одноэтажным зданиям, возводят ещё несколько зданий (всего получается 24 двухэтажных блока), бывшее овощехранилище переоборудуют в крематорий с моргом.

В связи с военной неразберихой тех лет, с частичным (или полным) уничтожением документов нацистами, пытающимися скрыть свои военные преступления, некоторые данные или сведения неточные.

Так, дата назначения Рудольфа Хёсса комендантом концлагеря в некоторых источниках указана как 29 апреля 1940 года, в других – 1 мая, или – 4 мая. Варьируется и первоначальное количество зданий, на базе которых был построен лагерь, от 18 до 22.

«Эсэсовцы не строили Освенцим I: его переделали из старых казарм, возведенных австрийской армией незадолго до Первой мировой войны. После 1918-го его использовали поляки, а теперь СС превратило в концентрационный лагерь. Там достроили еще бараки, поставили электрифицированный забор, но место все равно можно было узнать» [Дронфилд 2023, с. 224].

Рудольф Хёсс в своих автобиографических записках писал: «Что касается меня лично, то я никогда не думал, что так скоро стану комендантом: несколько опытных начальников лагерей уже давно ждали назначения на этот пост. Задачи, стоявшие передо мной, не были лёгкими. Используя уже существующие здания, которые, что правда, были хорошо построены, но находились в плохом состоянии и кишели паразитами, я должен был в самый короткий срок организовать пересыльный лагерь для 10 000 узников. С точки зрения гигиены

не хватало всего <...> Я понимал, что из Освенцима можно сделать что-то полезное только благодаря коллективной неустанной работе, начиная с коменданта лагеря и кончая последним узником» [Гесс 1975, с. 31–32].

20 мая 1940 года считается датой основания концлагеря Аушвиц. В этот день из концентрационного лагеря Заксенхаузен (город Ораниенбург, Германия) прибывает 30 заключённых, которые получают лагерные номера от 1 до 30. Это немецкие преступники, которые впоследствии занимают должности лагерных функционеров.

14 июня 1940 года из тюрьмы города Тарнува в лагерь привозят 728 поляков, среди которых военнопленные, интеллигенция, члены Сопротивления, католические священники. Они получают лагерные номера от 31 до 758. Их задача – начать строительство концлагеря. Несмотря на нечеловеческие условия, в которых велось строительство, многим из прибывших первым транспортом, удалось пережить Аушвиц, так как они постепенно стали занимать должности лагерных функционеров или рабочих командос.

Комендант концлагеря Рудольф Хёсс приказывает сделать большой лозунг *Arbeit macht frei*, что буквально означает «Работа освобождает». Подобный лозунг «украшал» входные ворота лагерей: Дахау (Германия, 1933–1945), Заксенхаузене (Германия, 1936–1945), Гросс-Розен (Польша, 1940–1946), Терезин (Чехия, 1941–1945). Одним из тех, кто выковал лозунг для Освенцима был кузнец Ян Ливач (1898–1980), который попал в концлагерь в самом начале его существования, в июне 1940 года, и получил ранний лагерный номер 1010. Перевернутая буква *B* в слове *ARBEIT* воспринимается как акт неповиновения со стороны изготовивших его заключённых.

«На воротах лагеря – сплетённые из железных прутьев буквы: “Труд даёт свободу”. Пожалуй, они и впрямь в это верят, эти эсэсовцы и заключённые немцы. Те, которые воспитывались на Лютере, Фихте, Гегеле, Ницше» [Боровский].

«Свернув влево, они оказались перед воротами, залитыми электрическим светом: ворота распахнулись, решётка поднялась, и бухенвальдцы прошли под кованной железной аркой с девизом:

ARBEIT MACHT FREI

Труд освобождает. Решетка опустилась, и ворота захлопнулись у них за спиной. Теперь они находились в концентрационном лагере Освенцим» [Дронфилд 2023, с. 223].

«“Труд освобождает!” гласила кованная надпись, презрительно взиравшая на нас с главных ворот Освенцима.

Этот ненавистный девиз был не просто смешон. Рифма, которую придумали к нему циники, вскрывала мерзкую иронию, сквозившую в послании,

что мы изо всех сил старались выкинуть из головы: “*Arbeit macht frei, durch Krematorium Number drei!*”» (Труд освобождает, крематорий номер три отпускает) [Гив 2022, с. 150].

В июне 1940 года немецкая инженерная компания “Topf und Söhne” («Топф и сыновья»), которая изначально занималась производством систем отопления, строительством дымоходов и печей для сжигания бытовых отходов, строит современную двухкамерную печь в здании бывшего склада боеприпасов, которое позднее получит название Крематорий I. Предполагаемая вместимость камеры – 70 мёртвых тел в сутки. Из-за того, что тела заключённых были истощены, за 24 часа в одной двухкамерной печи можно было кремировать до 140 трупов. К сентябрю становится ясно, что одной печи в крематории недостаточно, и компания строит еще одну двухкамерную печь. После этого крематорий способен кремировать 230 трупов в сутки.

5–11 июня 1940 года впервые используют газ «Циклон Б» (*Zyklon B*) для дезинфекции казарменных помещений СС.

Летом 1940 года создают Блок 13, который в 1941 году переименовывают в Блок 11. Здесь располагается политический отдел лагеря, начальником которого назначен Максимилиан Грабнер, австрийский унтерштурмфюрер СС. На первом этаже размещается гестапо из Мысловице (*Mysłowice*), польский город, где в 1940 году была создана немецкая полицейская тюрьма. В подвале блока 11 эсэсовские инженеры соорудили импровизированную газовую камеру. Здесь заключённых пытаются, морят голодом и просто оставляют умирать.

В подвале сооружают также четыре стоячие камеры. Одна из форм пыток – немцы закрывают на ночь четыре или пять заключённых в одну камеру, где люди могут только стоять, тесно прижимаясь друг другу. На следующее утро их отправляют работать наравне с остальными. Многие не выдерживают такого испытания и умирают.

В блоке 11 находятся камеры для политических заключённых, которых привозят со всего региона. Расстреливают осуждённых в прилегающих дворах между 10-м и 11-м блоками. Трупы складывают у ворот, позже отвозят в крематорий.

«В Освенциме I имелось собственное помещение для массовых убийств – печально знаменитый блок 11, или Блок Смерти, в подвале которого проводились первые эксперименты с отравляющими газами. В закрытом дворике возле 11-го блока находилась «Чёрная Стена», возле которой расстреливали заключённых [Дронфилд 2023, с. 227].

«Большинство из тех, кто вошёл внутрь обратно уже не возвращались. Заколоченные окна, хранившие тайны о хладнокровных казнях, чудовищных пытках и бесчеловечных экспериментах, выходили во двор» [Гив 2022, с. 154].

15 августа 1940 года – пробное тестирование Крематория I. С сентября 1940 года Крематорий I начинают использовать, но в январе 1941 года временно приостанавливают из-за выявленных дефектов.

В декабре 1940 года в Аушвице создают мужской оркестр. Семерым заключенным-музыкантам присылают из дома их инструменты (скрипку, ударные, контрабас, аккордеон, трубу, саксофон).

2.2. 1941 год: структурное расширение и первые массовые казни

6 января 1941 года в блоке № 24 начинаются репетиции мужского оркестра. Оркестр быстро увеличивается и вскоре разделяется на два коллектива: 80 музыкантов составляют симфонический оркестр, 120 – духовой.

«Справа от кованых ворот со знаменитой подлой фразой *Arbait macht frei*, на маленькой площадке стоит зданье. Видимо, пост охраны. Со слепой стены смотрит снимок, сделанный кем-то из эсэсовцев в 1940-м или 1941 году: мужской лагерный оркестр играет у ворот. Десять почти нормально одетых человек сидят на стульях, напоминающих садовые. На ящике, сбитом из сосновых досок, стоит дирижер. Он командует несколькими скрипачами, флейтистами и аккордеонистом. Чуть в стороне, сбившись в кучу на земляной площадке, музыкантов слушают заключённые [Фельштейн 2021 с. 234].

Весной 1941 года немцы выселяют всех евреев из польского города Освенцим. Решение о переселении объявляют у синагоги.

«Их выстроили в шеренгу, чего раньше никогда не делали с горожанами, пересчитали и занесли в список. А потом вывезли, кого куда. По большей части – в гетто в Бендзине, Сосновицах и Хжанове. Всё старались обставить как предложение переехать в новые, более комфортные условия. В это практически никто не поверил. На самом деле так начался первый этап на пути к уничтожению евреев» [Максимович 2023, с. 120–121].

В феврале 1941 года начинают приводить в порядок русла рек Висла и Сола, восстанавливают рыбные пруды, очищают и строят оросительные каналы, прокладывают дренажные трубы. Десятки тысяч заключенных работают над этим до конца 1944 года.

Исследование воды из водопроводных труб в лагере свидетельствует о том, что её употребление приводит к заболеваниям, вызывающим диарею и дизентерию.

В марте 1941 года Генрих Гиммлер впервые посещает Аушвиц. Он отдаёт приказ Рудольфу Хёссу об увеличении лагеря от десяти до тридцати тысяч заключенных и о начале строительства лагеря-спутника для военнопленных вокруг села Бжезинка вместимостью 100 тысяч заключенных. Кроме того, он приказывает дать в распоряжение крупнейшего производителя химической продукции в нацистской Германии концерну IG Farben (ИГ-Фарбениндурии) 10 тысяч узников для использования на строительстве промышленных объектов.

Гиммлер требует разносторонне использовать земли, прилегающие к лагерю, активизировать работу механических мастерских лагеря, создавать на основе лагеря большие оборонные предприятия.

«...Освенцим II, построенный в деревне Брженска, который немцы называли Биркенау – «буковый лес» (нацистам нравилось давать своим лагерям смерти красивые имена). Биркенау был больше по размеру и предназначался для содержания более ста тысяч человек и уничтожения их в промышленных масштабах» [Дронфилд 2023, с. 227].

Рудольф Хёсс описывал это так: «Приезд в лагерь рейхсфюрера СС в марте 1941 года выдвинул новые задачи, но не оказал мне ни малейшей помощи в наиважнейших, горящих делах. <...> Освенцим, по воле рейхсфюрера СС, должен был стать мощным центром военной промышленности. Заявления, сделанные Гиммлером по случаю посещения лагеря в марте 1941 года, не оставляли в этом никаких сомнений. Новый лагерь для 100 000 военнопленных, расширение старого лагеря до 30 000 узников, приготовление для Буны 10 000 узников – все эти цифры говорили сами за себя. В то время эти масштабы были новыми в истории концентрационных лагерей; лагерь, рассчитанный на 10 000 узников казался тогда необыкновенно большим» [Гесс 1975, с. 40, 43].

Летом 1941 года расширение Аушвица и строительство нового лагеря идёт в ускоренном темпе. Вместе с тем, увеличивается число казней. Убивают не только новоприбывших заключённых, но и тех, кто слишком слаб, чтобы работать.

Свои воспоминания, написанные в 1945 году в британском плену, Перри Брод – бывший унтершарфюрер СС и переводчик в штабе лагеря Аушвиц – начинает с описания концлагеря, в котором Аушвиц II (Биркенау) представлен следующим образом: «Вечером из окон поезда, идущего из Вельска в Освенцим, видно было по левой стороне, словно нить сверкающих жемчужин, бесконечный шнур ярких ламп и ряд оштукатуренных бетонных столбов. Это было ограждение концентрационного лагеря Бжезинка. Сотни бараков-конюшен без окон и примитивные каменные домики служили помещениями для узников. Лагерь делился на три строительных участка: женский лагерь – участок 1, строительство участка 2 было закончено раньше всех, и он был разделён на шесть секторов, предназначенных для разных целей. <...>

Условия жизни в Бжезинке были ещё более невыносимыми, чем в самом Освенциме. На каждом шагу непроходимая грязь, воды, чтобы помыться вообще не было. Узники спали на трёхэтажных деревянных нарах по шесть человек на каждой полке. Сенников почти не было. Поверки были два раза в день, а это означало многочасовое стояние в грязи, воде, холоде. Если днём шёл дождь, то ночью узникам приходилось спать на нарах в мокрой одежде. Ничего удивительного, что каждый день умирали сотни людей» [Гесс 1975, с. 127–128].

22 июня 1941 года фашистская Германия нападает на Советский Союз. Вскоре сотни тысяч советских солдат и офицеров становятся военнопленными. Точное число неизвестно до сих пор, но многие источники утверждают, что немцы взяли в плен 5,7 миллионов советских солдат. 3,3 миллиона из них погибли.

Сразу после нападения на Советский Союз специальные патрули Гиммлера, известные как «айнзатцгруппы» (*Einsatzgruppen*), начинают устраивает крупные погромы евреев, изначально убивая только мужчин. Но с августа 1941 года члены немецких спецподразделений начинают массовое убийство российских евреев, включая женщин и детей.

В июле 1941 года в лагерь прибывают первые советские военнопленные. Отношение к ним более жестокое, чем к польским заключённым.

Первый комендант концлагеря характеризует их как «многочисленную группу» и указывает: «Их силами мы должны были вести строительство нового концентрационного лагеря в Бжезинке, предназначавшегося для советских военнопленных. Русских привезли из лагеря военнопленных в Ламбиновицах в Верхней Силезии в состоянии полного истощения. В Ламбиновице их пригнали пешком; шли они несколько дней и во время этого марша не получали, почти, никакой еды. Иногда во время остановок их загоняли на ближайшие поля и там они собирали и ели всё, что можно было съесть. В Ламбиновицах находилось около 200 000 советских военнопленных. Жили они, в основном, в землянках, которые сами же выкопали. Им выдавали еду в недостаточном количестве и к тому же нерегулярно; они варили себе в ямах, большинство “сжирало” свою порцию сразу же, не дожидаясь, когда еда будет готова. Впрочем, едой это назвать было нельзя» [Гесс 1975, с. 53–54].

О повседневной реальности в Аушвице по-своему свидетельствует советский военнопленный Павел Стенькин, оказавшийся в лагере в возрасте 17 лет: «Условия содержания военнопленных были поистине адскими. Сил не хватало даже на то, чтобы познакомиться с товарищами по несчастью, а уж об организации подпольной группы не могло быть и речи. Мозг отказывался работать. Постоянное ожидание неминуемой и мучительной смерти погружало нас в какое-то аморфное состояние, сил хватало лишь на то, чтобы механически выполнять команды наших мучителей. Мысль была одна: “только бы вытерпеть сегодня, а завтра как-нибудь убежать”, но зато эта мысль не покидала нас ни на минуту. Мы скрывали свои настоящие имена, давая друг другу клички, а эсэсовцы и вовсе выкликали узников по номерам, выколотым у каждого на груди» [Стенькин 2005, с. 244–245].

Во второй половине августа 1941 года лагерь посещает оберштурмбаннфюрер СС Адольф Эйхман, известный как «архитектор Холокоста». Он ездит по Европе, выискивая неучтенных евреев, договаривается с транспортными компаниями и местными властями. Адольф Эйхман скрупулезно подсчитывает, сколько нужно уничтожить евреев, составляет карты

расселения еврейского населения в Европе, подготавливает списки. Именно он становится инициатором того, чтобы все евреи носили на одежде жёлтую звезду, чтобы их легче было опознать. Он настаивает на выселении евреев в гетто, откуда их проще отправлять в концлагеря. Его интересует возможность одновременного убийства большого количества людей. Принимается решение о проведении эксперимента над советскими военнопленными.

Карл Фритцш, заместитель Рудольфа Хёсса, предлагает испытать действие дешёвого газа-инсектицида «Циклона Б», разработанного для уничтожения вредителей на полях. Вещество в больших количествах хранится на складах в Аушвице. При соединении с воздухом при температуре 27 градусов по Цельсию начинает выделяться смертоносный цианистый газ. При вдыхании происходит паралич дыхательных мышц и смерть наступает в течение нескольких минут. Считается, что Карл Фритцш проводит первый эксперимент над советскими военнопленными во время отсутствия в лагере коменданта Хёсса 3–5 сентября 1941.

Рудольф Хёсс описывает это так: «До того, как началось массовое уничтожение евреев, почти во всех концентрационных лагерях в течение 1941–1942 гг. были уничтожены политруки и политкомиссары Советской армии. В соответствии с тайным распоряжением фюрера, специальные отделения гестапо разыскивали политруков и политкомиссаров в лагерях для военнопленных; если таковые были найдены, их сейчас же переводили в ближайший концентрационный лагерь и там быстро ликвидировали. Чтобы обосновать эти меры, были распространены слухи о том, что русские убивают на месте каждого немецкого солдата, являющегося членом НСДАП, а особенно членов СС. К тому же утверждали, что политическим работникам Советской армии было приказано в случае, если они попадут в плен, сеять панику в лагерях для военнопленных и саботировать работу. Политработники Советской армии были присланы в Освенцим из лагерей для военнопленных. Первые транспорты, являвшиеся немногочисленными, были расстреляны специальными отрядами. Во время моего отсутствия, когда я находился в служебной командировке, мой заместитель, начальник лагеря Фрич, уничтожил группу советских военнопленных при помощи газа, циклон Б, который обычно использовали в лагере против насекомых; на складах всегда имели запасы этого газа. После моего возвращения Фрич доложил мне об этом и при следующем эшелоне снова был применён этот газ. Происходило это в подземельях 11 блока. Я сам, с противогазовой маской на лице наблюдал за этим. В переполненных камерах смерть наступала быстро: сразу после того, как был вброшен циклон. Короткий сдавленный крик – и всё было кончено» [Гесс 1975, с. 84–85].

Андрей Погожев, шахтёр из Донбасса, советский военнопленный, выживший после побега, в воспоминаниях писал так: «С 1941 года в Освенциме изыскивались средства для массового уничтожения людей. Однажды, в отсутствие коменданта лагеря Рудольфа Гесса, его заместитель Фрич испытал в

подвалах блока № 11 на советских военнопленных действие газа – цианистый водород – циклон Б, который имелся в лагере и использовался для борьбы с крысами. Результаты превзошли надежды садиста. Дальнейшие опыты не только в подвале блока № 11, но и в мертвецкой крематория подтвердили надежность циклона Б для массового уничтожения» [Погожев 2005, с. 132].

«Когда двери закрывались, через вентиляцию начинал поступать смертельно ядовитый газ “Циклон-Б”, который действовал словно удавка. Через несколько минут всех, кто находился внутри, начинало рвать, они хватали ртом воздух и, в конце концов, задыхались. Все газовые камеры соединялись с крематорием – печью, где сжигались тела» [Борнштейн 2022, с. 103].

3 сентября 1941 года в подвале блока 11 при помощи газа «Циклон Б» убивают 860 человек: 600 советских военнопленных, 250 тяжелобольных поляков и 10 польских штрафников. Большинство из них задыхается в течение двадцати минут, выживших – расстреливают.

«...в Освенцим была доставлена большая группа советских военнопленных. Было их около 600 человек. 3 сентября 1941 года на них произвели первый опыт умерщвления циклоном Б в подвалах блока № 11. Первоначальная доза газа оказалась недостаточной. При проверке 4 сентября многие были еще живы. Эсэсовцы дали добавочную порцию. И только 5 сентября началась уборка трупов. Но трупы отравленных газом в крематории не сжигались. Их куда-то увезли» [Погожев 2005, с. 133].

«Однажды из одной темницы вытащили трупы советских военнопленных и положили их во дворе. Трупы были относительно свежие, но имели странные опухоли и голубой оттенок. Несколько старых узников, которые участвовали в первой мировой войне, припомнили, что видели на фронте такого рода трупы; и вдруг они поняли в чём дело... газ!

Это была первая проба перед началом массового уничтожения, запланированного Гитлером и его помощниками, и эта проба прошла удачно» [Гесс 1975, с. 161].

Из заключённых евреев и поляков формируют первую «коммандо» по обслуживанию крематория (*Leichenträger* – переносчики трупов). Им обещают дополнительную еду и приказывают хранить молчание о проведённой операции. Разделившись на четыре группы, они очищают подвал блока 11. Первая группа, надев противогазы, вытаскивала трупы во двор. Вторая группа снимала с тел одежду. Третья группа загружала их в грузовики, а четвёртая – увозила в крематорий.

На то, чтобы освободить тела от одежды, уходило много времени. Поэтому после этого массового «экспериментального» убийства, заключённых заставляют полностью раздеться под предлогом дезинфекции.

Так поступают **16 сентября 1942 года** со второй группой советских военнопленных из 900 человек, которых убивают газом «Циклон Б» в морге Крематория I, общая площадь которого составляет 78,2 квадратных метра. Нацисты считают эксперимент успешным, так как все умирают, надышавшись газом.

«Первый случай уничтожения людей при помощи газа не дошёл до глубины моего сознания, может быть потому, что я находился под сильным впечатлением от всей процедуры. Лучше я припоминаю себе уничтожение газом 900 русских; это было вскоре после этого, в старом крематории, потому что использование помещений 11 блока требовало слишком много приготовлений. Пока шла разгрузка транспорта, в потолке морга этого крематория было сделано несколько отверстий. Русские должны были раздеваться в помещении перед моргом, а потом входить в него. Люди делали это совершенно спокойно, потому что им было сказано, что они должны пройти дезинфекцию. Морг смог вместить как раз такое количество людей, какое прибыло с транспортом. Как только все вошли, двери закрыли и через отверстия в потолке высыпали газ. Я не знаю долго ли умирали люди, но какие-то шорохи слышались довольно продолжительное время. Когда вбрасывали газ, несколько военнопленных догадались в чём дело и закричали. Их крики подхватили остальные, люди стали напирать на дверь изнутри, однако она выдержала этот напор. Морг открыли только через несколько часов, помещение проветрили, и тогда первый раз я увидел в таком большом количестве трупы загазованных людей. Хотя я значительно хуже представлял себе смерть от газа, мне всё же стало не по себе – меня охватил страх. Смерть от газа всегда казалась мне особенно мучительной, потому что наступала в результате удушья, но на трупах не было видно никаких следов судорог. Как мне объяснили врачи, циклон Б парализует лёгкие и действие его так сильно и молниеносно, что не оставляет признаков удушья, как это бывает с углекислым газом или при смерти от недостатка кислорода. Над вопросом уничтожения советских военнопленных я тогда не задумывался: таков был приказ, и я обязан был его выполнить. Но я скажу открыто, что загазование этого транспорта успокоило меня: ведь скоро нужно было начать массовое уничтожение евреев, а ни я, ни Эйхман, оба мы не знали точно каким способом можно это осуществить. Должны были применить какой-то газ, но не знали какой и как. А теперь мы нашли как газ, так и способ его применения» [Гесс 1975, с. 85–86].

«Нацисты очень гордились Аушвицем, он был жемчужиной в короне концентрационных лагерей. Нацистские лидеры, включая Гиммлера, лично следили за расширением и развитием лагеря. После того как в 1941 году там провели первый эксперимент по отравлению советских военнопленных газом, для заключённых недавно построенного лагеря Биркенау специально разработали газовые камеры и крематорий. Эти машины смерти попыхивали день и ночь до конца 1944 года, покрывая пространство вокруг серым жирным

пеплом. Иногда они ломались из-за колоссального количества убитых» [Шлосс 2021, с. 134].

15 сентября 1941 года для советских военнопленных отводят и обносят колючей проволокой под током территорию лагеря слева от браны: блоки 1–3, 12–14 и 22–24.

1 октября 1941 года в структуре лагерного управления создают Спецотделение по организации лагеря для военнопленных под началом группенфюрера СС инженера Ганса (Хайнца) Каммлера, которое 3 ноября объединяют с Управлением нового строительства СС Аушвиц, образуя тем самым Центральное управление строительства СС под началом штурмбанфюрера СС Карла Бишофа.

6 октября 1941 года в лагере официально зарегистрированы первые советские военнопленные.

В начале октября 1941 года в лагерь прибывают 9908 советских военнопленных. Их используют в качестве рабочей силы для строительства лагеря Аушвиц II-Биркенау.

«В конце октября в Освенциме для советских военнопленных отвели девять бараков и окружили их забором из колючей проволоки, так что внутри лагеря возник еще один, особый лагерь, так называемая изоляция. В начале ноября нацисты привезли 12 тысяч советских военнопленных и разместили их в этих блоках. В бараках не было ни матрацев, ни одеял, ни столов, ни стульев. В первый же день военнопленным приказали сдать форму в дезинфекцию. И никто, кроме заключённых, носивших еду, и рабочей команды, в которую входили всего несколько сот человек, никто из этих 12 тысяч заключённых обратно ни одежды, ни обуви, ни белья не получил. Военнопленные остались без одежды. Три раза в день их выгоняли на перекличку в любую погоду. Заключённые гибли от мороза и непогоды. Кормили их еще хуже, чем нас, – одной свеклой. К концу марта 1942 года в живых осталось всего 450 человек. Их отправили в Биркенау, где использовали на тяжёлых строительных работах» [Краус 1960, с. 238].

«Ранним морозным утром эшелон наконец остановился. Началась выгрузка людей, обречённых на уничтожение. Крики, стоны, немецкая ругань. Мы с товарищами ехали в последнем вагоне, но вскоре очередь дошла и до нас. В распахнувшиеся двери вагона ворвался ледяной воздух, а за ним – несколько эсэсовцев. Посыпались удары – били прикладами автоматов, чтобы мы выходили из вагона. Тот факт, что мы связаны по ногам и рукам и не можем идти, не имеет значения. Наконец до них это доходит, и с громкой руганью нас выбрасывают из вагона на мерзлую землю. Снова бьют. Потом, наконец, развязывают руки и ноги, но, в добавок ко всему, раздевают догола. Не давая опомниться, гонят на территорию лагеря, ставят в общий строй – к таким же обнаженным, посиневшим от холода людям, уже несколько часов (на ноябрьском ветру!) ожидающим очереди на «санобработку». Очень холодно. Люди жмутся друг к другу, чтобы хоть немного согреться, но это им не позволено – малейшее

движение вызывает лавину палочных ударов. Бьют за все: за то, что мы худые, за то, что не можем, голые, стоять на морозе в течение нескольких часов, за плохое равнение в строю, за то, что мы советские люди, в конце концов!» [Стенькин 2005, с. 239–240].

В октябре 1941 года с представителями компании «Топф» согласовывается строительство трёхкамерных печей для большого крематория возле лагеря Аушвиц I. В результате, Крематорий II построен в лагере Аушвиц II-Биркенау.

В ноябре 1941 года в Аушвице начинает работу специальная комиссия гестапо из Катовице по селекции советских военнопленных.

Из сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, опубликованных впервые в газете «Известия» от 08 мая 1945 года известно следующее: «В канцелярии лагеря найден следующий приказ о советских гражданах: «Ораниенбург. 15 ноября 1941 года.

“Касается: казни русских военнопленных.

Лагерным комендантам концентрационных лагерей.

Копии: лагерным врачам, лагерфюреру заключенных под надзором управления.

Рейхсфюрер СС и шеф германской полиции дал свое принципиальное согласие откладывать казнь для тех из общего количества русских военнопленных, направленных на казни в концлагеря (особенно комиссаров), если они по своему физическому состоянию способны работать на каменоломне. Для этого мероприятия необходимо получить согласие начальника полиции безопасности и полиции СД. Поэтому приказываю:

По прибытии эшелонов для казни в лагеря, физически здоровые русские, годные для работы на каменоломнях, отбираются начальником лагеря (Е) и главным лагерным врачом. Именной список отобранных русских в двух экземплярах должен быть нам направлен. На этом списке лагерный врач должен отметить, что не возражает против привлечения этих лиц на работы с медицинской точки зрения. После получения согласия со стороны начальника полиции безопасности и полиции СД пересылка соответствующих русских в каменоломни будет отсюда оформлена приказом.

фюрер бригады СС и генерал-майор”. Подпись: Глюкс.

На основании этого приказа часть советских пленников оставляли для самых тяжёлых изнурительных работ, при этом отношение к ним со стороны эсэсовцев и надсмотрщиков было наиболее жестоким и бесчеловечным» [Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии 1945, с. 2–3].

26 ноября 1941 года начинается интенсивное строительство Аушвиц II–Биркенау, на которое выделено 8,9 миллиона рейхсмарок. Лагерь должен вмещать 97 тысяч заключенных. Его строят советские военнопленные, которые

каждое утро совершают сорокаминутный путь на строительную площадку и каждый вечер возвращаются в лагерь Аушвиц I.

«Большинство заключённых были вынуждены преодолевать это расстояние дважды в день – на работу и с работы – после 10–12 часов тяжкого труда. У них не было с собой бутылок с водой или подкрепляющих шоколадок. Они жили на корке хлеба в день, зловонном чае и баланде из конины и овощей – большей частью гнилых» [Макадэм 2022, с. 205].

Советские военнопленные в течение двух месяцев работают, выдерживают ежедневные проверки, передвигаются по лагерю без одежды, подвергаясь ежедневным побоям и издевательствам.

«Эсэсманы и лагерная аристократия из уголовников уже одеты были по-зимнему. Они надели от холода даже специальные овальные матерчатые наушники, а мы все еще стояли совершенно нагие. Единственное, что я и многие скрытно имели, это тоненькие дощечки, которые мы незаметно привязывали к ступням ног, чтобы не так чувствовать холод цементного покрытия площади» [Погожев 2005, с. 25–26].

«Житель города Освенцим Гандзлик Мариан показал: “...Зимой 1941 года, в тридцатипятиградусные морозы, по дороге из лагеря Освенцим в село Бабице ежедневно в течение двух недель, как скот, гнали плетью и палками русских военнопленных. Многие из них были без шапок, в одних гимнастерках в одних кальсонах, с изорванной обувью. Вечером из села Бабице направлялось несколько подвод полные трупами этих русских военнопленных. На каждой подводе наверху сидели по два-три их товарища, с обмороженными лицами, руками и ногами, до крайности измученные”» [Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии 1945, с. 3].

Военнопленных начинают клеймить, цифры наносят на грудь.

«Подходят двое. Один из них прижимает к моей груди, выше левого соска, небольшую колодочку с набранным номером 1418, цифры которых образуются из специальных коротких иголок, тупыми концами закрепленных на пластинках. После того как первый рывком отрывает от груди колодку, второй чем-то втирает черную краску в образовавшиеся от острых иголок углубления в теле. С чёрным пятном на груди выхожу в коридор, где с радостью встречаю ранее ушедших товарищей с такими же черными пятнами» [Погожев 2005, с. 61–62].

В конце ноября русские заключённые подвергаются ещё одному мучительному испытанию. Их гонят в баню и принудительно «купают» под напором из пожарных кранов-брандспойтов. После купания каждому выдают гимнастерку, брюки, ботинки военного образца.

«От грязных гимнастерок, брюк, пропитанных потом и выцветших от него, веяло чем-то родным и дорогим. Ведь все это, от ниточки до пуговицы со звездой, было наше, советское» [Погожев 2005, с. 25–26].

После ледяного купания, перехода от барака к душевым и обратно, большая часть военнопленных умирает. В грязной одежде, полученной после купания, разводятся вши. Начинается эпидемия тифа. Из-за высокого процента больных, поверку начинают проводить в помещении. На нарах во время подсчёта здоровые лежат вместе с больными, умирающими, мёртвыми. Советские военнопленные собирают тифозных вшей в бумажные пакеты и незаметно во время проверки обстреливают ими эсэсовцев. Их действия успешны. Среди эсэсовцев есть случаи заболевания тифом. Распространяющаяся эпидемия тифа, случаи смерти среди эсэсовцев вынуждают администрацию лагеря в конце декабря открыть в одном из блоков больницу специально для русских.

Андрей Погожев описывает это так: «Тифозными вшами стали “стрелять” во всех комнатах. Невозможно было ограничить стихийное проявление мести. Каждый в глубине души думал, что таких, как он, мало, что именно он забросит на одежду ненавистных врагов самую заразную вошь, что только по его воле и желанию заболеет и заслуженно отправится на тот свет тот или иной палач.

Но наше торжество было непродолжительным. Кто-то донёс, трусливо и подло. Что это предательство, мы убедились сразу по предпринятым мерам. Как-то днём переводчики, открыв дверь, с порога объявили, что с сегодняшнего дня изменяется порядок проверок в комнатах. По сигналу проверки все должны ложиться, как раньше, лицом к проходу, но подбородок держать на боковых досках нар на кистях обеих рук с растопыренными пальцами.

За невыполнение, за движение пальцами во время проверки – смерть» [Погожев 2005, с. 67].

В конце декабря 1941 года пересматривается план строительства лагеря Аушвиц II–Биркенау. Вместо кирпичных зданий в секторах VII и VIII решено собирать деревянные постройки, которые изначально были армейскими конюшнями. Материал для их строительства поступает в лагерь в начале весны 1942 года.

2.3. 1942 год: центр реализации «окончательного решения»

20 января 1942 года в предместье Берлина на вилле «Марлир», вблизи озера Ванзее, состоялась конференция, участники которой (всего их было 15 человек) согласовали действия по «Окончательному решению еврейского вопроса», т.е. ликвидации «недочеловеков» и процесс «зачистки территории» для «высшей расы». На Ванзейской конференции начальник Главного управления имперской безопасности Рейнхард Гейдрих объяснил высшим чиновникам Третьего Рейха, что задача партии и государства – уничтожить всех евреев. Цифры для доклада Гейдриха подготовил Адольф Эйхман. Нацисты стремились скрыть свои намерения, называя массовые расстрелы «санитарными мероприятиями», умерщвление в газовых камерах – «особым обращением», а отправка в концлагеря и гетто – «эвакуацией».

До конца 1941 года геноцид евреев не сопровождался массовым истреблением. После утверждения «окончательного решения еврейского вопроса» Гитлер и нацистская элита внедрили программу полного физического уничтожения евреев. На поездах или грузовиках их стали депортировать в шесть «лагерей смерти», которые были расположены в оккупированной Польше, – Хелмно, Трешлинка, Собибор, Белжец, Освенцим-Биркенау и Майданек-Люблин. Освенцим II (Аушвиц II-Биркенау) стал главным центром депортации, а в последствии – основным звеном в программе «окончательного решения еврейского вопроса».

«После того как на Ванзейской конференции в январе 1942 года нацисты определили пути “окончательного решения еврейского вопроса”, в Польше: в Трешлинке, Хелмно, Собиборе и Белжеце – были построены четыре лагеря с единственной целью – уничтожить евреев. Практически всех людей, которых привозили туда, убивали по прибытии. Эти “лагеря истребления” на самом деле были очень маленькими по размеру: не было необходимости строить казармы или административные здания, поскольку тысячи обречённых проводились через лес и немедленно отравлялись газом» [Шлосс 2021, с. 133].

«Окончательное Решение вступило в действие, и даже тех евреев, кто отличался физической крепостью и отлично работал, планомерно и методично уничтожали. Их ценность как рабочей силы не имела значения – умер, значит, одним евреем в мире стало меньше. На его место придут десять новых. Если кому-то и удавалось выживать, то только благодаря профессионализму, поддержке друзей и огромной удаче» [Дронфилд 2023, с. 242].

«Эшелон за эшелоном пропадал в освенцимском крематории. Каждый день прибывало всё больше и больше эшелонов, нужно было наладить массовое убийство в огромном масштабе. Помещение было слишком маленьким, сжигание трупов занимало много времени, а Гитлер с нетерпением ждал уничтожения миллионов французских, бельгийских, голландских, немецких, польских, греческих, итальянских, словацких, чешских и венгерских евреев.

Их привозили в Освенцим в товарных вагонах из пересыльных лагерей, например, из Берн около Парижа, из Вестерборк в Голландии, из Терезина в Чехословакии и из Антверпена, Варшавы, Салоник, Кракова, Берлина, а позднее также из Будапешта. Бжезинку нужно было расширить. И через год это уже выглядело иначе» [Гесс 1975, с. 154].

В феврале 1942 года министерство иностранных дел Германии официально обращается к правительству Словакии с просьбой отправить на работу в Германию 20 тысяч молодых и здоровых евреев. Правительство Словакии удовлетворяет просьбу и обязуется выплачивать по 500 рейхсмарок за каждого депортированного для возмещения расходов на их профессиональную переподготовку и обустройство на новом месте. На самом деле Словакия таким образом получает гарантию, что депортированные никогда не вернутся назад и

не будут претендовать на свою собственность. За четыре месяца, с конца марта по конец июля, из Словакии в оккупированную Польшу высылают около 54 тысяч евреев. Их отправляют в Аушвиц.

5 марта 1942 года от имени еврейских общин и 6 марта 1942 года от имени раввинов Словакии еврейское руководство, встревоженное слухами о готовящихся депортациях, выступает с обращениями, предупреждая власти о том, что депортация означает физическое уничтожение. 14 марта 1942 года Ватикан направляет ноту протеста, через несколько дней по прямому указанию Папы Пия XII послом Словакии в Риме Каролом Сидором было высказано устное предупреждение. Предостережения игнорируются властями и с 26 марта по 20 октября 1942 года около 60 000 евреев депортируют в Освенцим и район Люблина, в концлагеря Аушвиц и Майданек, для истребления.

15 февраля 1942 года начало массового уничтожения евреев. Прибывает первый транспорт евреев из города Бытом в Верхней Силезии. Всех прибывших без регистрации отправляют сразу в крематорий Аушвица I, где убивают газом.

Рудольф Хёсс описывает это так: «Я не могу сказать, когда началось уничтожение евреев, возможно это было еще в декабре 1941 года, а может быть только в январе 1942 г.; вначале это были евреи из восточной части Верхней Силезии, арестованные по приказу катовицкого штата. Эти транспорты разгружались на железнодорожной ветке Освенцим-Дзедзице, насколько я ещё помню, каждый из них насчитывая не более, чем 1 000 человек» [Гесс 1975, с. 104].

27 февраля 1942 года лагерь посещает Ганс Каммлер, который с 1 июня 1941 года и до конца войны руководит строительными проектами СС. Он разрабатывает проект пятилетней программы по организации концентрационных лагерей СС на оккупированных территориях СССР и Норвегии. Принимается решение о переносе нового крематория из Аушвица в Биркенау.

С весны 1942 года над заключёнными начинают проводить опыты: на них тестируют медикаменты от фармацевтических компаний, испытывают лекарство от брюшного тифа для компании *Bayer*, производят специальное лечение туберкулеза.

13–15 марта 1942 года ликвидируют больницу для русских, открытую в декабре в одном из блоков. Около 500 больных убивают уколами яда, рабочий персонал, который также состоял из бывших пациентов больницы, переселяют в блок к русским.

«Первоначально вызывали из палат тех, кто мог еще передвигаться. В отдельной комнате ничего не подозревавшего больного укладывали на стол и под видом укола лекарства вводили в руку выше локтя мгновенно действующий яд. Ещё теплое тело выносили в другую комнату. Открывалась дверь, и впускали следующего. Вечером трупы увозились в крематорий. Утром уколы возобновились. Тяжелобольных, не способных передвигаться, умерщвляли прямо на нарах, где они лежали. Ходили слухи, что заключённый-врач, немец по

национальности, руководивший и принимавший участие в ликвидации больных, через несколько часов после окончания процедуры сошёл с ума и сам был убит тем же способом» [Погожев 2005, с. 87].

В книгу регистрации смерти «Totenbuch» вносят мнимые причины смерти (четырнадцать различных диагнозов) советских военнопленных (сохранились записи с 7 октября 1941 по 28 февраля 1942 гг.). Фактические причины смерти – пытки и убийства в блоке 11, побои, антисанитарные условия, переохлаждение, опыты, убийства ядом – в списки не вносятся.

«16 марта 1942 года – Бжезинка, или Биркенау, или Освенцим II, как концентрационный лагерь, как филиал центрального Освенцима начал свое существование, чтобы в скором времени превратиться в ту фабрику смерти, черная слава которой стала известна всему миру» [Погожев 2005, с. 87].

В марте 1942 года вводят татуирование узников. В самом начале у заключённых были номера на одежде. Когда их раздевали перед казнью, на теле несмываемым маркером писали эти номера, чтобы трупы можно было идентифицировать перед отправкой в крематорий. Потом порядковый номер заключённых стали татуировать на левой груди. Позже начинают выбивать на предплечье.

«Раньше в практике лагеря бывали случаи, когда заключённые подменяли номера, которые нашивались на одежду. Именно по этим номерам и регистрировали мертвых. Заключённые часто снимали с мертвых крепкую одежду, одевая на них свои лохмотья. Причем, чтобы не быть замеченным капо, им приходилось делать это как можно скорее, так что на перешивку номеров времени не хватало. Получалось, что живой заключённый был мертв по номеру, а мёртвый жив... В системе лагерного учета решающую роль играл номер заключённого, имя же его имело второстепенное значение. Иногда, попадая на допросы, заключённым приходилось доказывать, что они не имеют ничего общего с мёртвым, чей номер они носят. Эта путаница привела к тому, что эсэсовцы ввели в Освенциме точный учет мёртвых и живых. Был создан специальный отдел так называемых “политических писарей и татуировщиков”. Каждого заключённого, которого прямо из эшелона не посылали в газовые камеры, заносили в картотеку и на левой руке ему накалывали номер» [Краус 1960, с. 95].

«Аушвиц – единственный лагерь, где маркировали заключённых. Эта уникальная система перманентной нумерации была эквивалентом регистрации. <...> Если номер на униформе не соответствовал номеру на руке, узнику расстреливали. <...> Нанесение татуировки – практика поистине бесчеловечная, унижающая достоинство, но в ней крылся и еще один смысл, который поступающие сюда узники не могли позволить себе осознать. Вечная татуировка означает пожизненный срок» [Макадэм 2022, с. 150–151].

20 марта 1942 года фермерский дом, который называли «Красный дом» из-за цвета неоштукатуренных стен, или Бункер I, начинают использовать как газовую камеру. Первыми в качестве эксперимента убивают небольшую группу евреев из Верхней Силезии. Постепенно в двух переделанных из комнат камерах одновременно убивают до 800 человек. Умерших хоронит команда по очистке и захоронению (*Räumungs-und Begrabungskommando*) в братских могилах на соседнем поле.

«Всю эту работу – помощь при раздевании, заполнение бункера, чистка бункера, вывозка трупов, выкапывание ям и их засыпка – всё это выполняла зондеркоманда, состоявшая из евреев, которые жили в специальных помещениях. Согласно планам Эйхмана, они тоже должны были быть уничтожены после выполнения определённого количества такого рода работы» [Гесс 1975, с. 104].

Массовые убийства начинают происходить по следующей форме: прибывшие в лагерь евреи проходят селекцию (отбор), здоровых мужчины и женщин (в возрасте от 16 до 45 лет) оставляют для тяжёлого рабского труда; женщин, которые не захотели оставить своих детей, беременных женщин, детей и стариков сразу отправляют в газовые камеры. По этой инструкции убийства происходят до октября 1944 года.

Даже сотрудник гестапо концлагеря, Перри Брод, охарактеризовал сцены разделения родных как ужасающие: «Прежде всего отделяют мужчин от женщин; страшные сцены прощания. Разделяют супругов, матери последний раз машут рукой сыновьям <...>».

Теперь врач СС начинает делить людей на тех, кто, по его мнению, трудоспособен, и тех, кто непригоден к работе. Матери с детьми, по принципу, считались непригодными к работе, а также и те, кто производил впечатление слабого или больного. К кузову грузовика подставляют передвижную деревянную лестницу. По ней нетрудоспособные люди должны взойти на грузовик; входящих по этой лестнице пересчитывают эсэсовцы из отдела приёма. Пересчитывают и трудоспособных, которые пойдут в женский и мужской лагеря. <...>.

Недавно ещё элегантные и полные жизни женщины и девушки одеты теперь в мешковатую лагерную одежду в сине-белую полоску, волосы их острижены. Каждой из них на левом предплечье вытатуировали лагерный номер; большинство скоро заломается под ударами судьбы.

Грузовики с нетрудоспособными людьми отъехали от платформы. Люди, находящиеся в них, спрашивают эсэсовцев, что означает огонь, видимый издали. Молчаливые эсэсовцы дают малоубедительные ответы. Чаще всего они уже не стараются обманывать людей относительно их дальнейшей судьбы. Постоянные передачи заграничного радио о Германии позволяли несчастным предчувствовать, что их ждёт в Освенциме. Но многие до последней минуты не считают возможным, чтобы немцы, которые любят говорить всему свету о том,

что являются народом мыслителей и поэтов, были способны на такое варварство» [Гесс 1975, с. 166–167].

«Когда мы сошли с поезда в тот день в Освенциме, испуганные, ошеломленные и сбитые с толку, нас загнали прямо в машинное отделение Холокоста. <...>

– Кто очень устал или сильно болен, садитесь в грузовик – мы довезем вас до лагеря, – крикнул охранник СС. Многие люди были измучены дорогой и с огромным облегчением доползли до грузовиков и сели в них.

– Увидимся там, наверху! – кричали они родственникам, оставшимся на платформе. Грузовики тронулись с места во главе с автомобилем, украшенным фальшивым символом Красного Креста для придания иллюзии законности. Никто не понимал, что это уловка: нацисты просто отсеивали тех, кто слишком слаб и не годен к работе, и везли их прямо в газовую камеру» [Шлосс 2021, с. 135].

«Одна из них, знающая немецкий, стала что-то обсуждать с подругами. Видно было, что вопрос, который она собиралась задать, казался ей рискованным, все же, глядя на меня подозрительно, она спросила:

– Куда повезли на машинах наших родителей?

– На машинах? – удивилась я. Мне самой необходимо было проверить, как они подстраивают эту ловушку. – Как было дело при выходе из поезда, расскажите?

– Подошли три грузовика, – взволнованно рассказывала женщина. – Нам сказали, – кто устал, может ехать машиной. Мы посадили старших, и они уехали... И вот нас привели сюда, а их нет. Скажи, куда их повезли? Ты должна знать.

– Наверно, в какое-то другое место, впрочем, не знаю. Я в самом деле ничего не знаю.

– Так мы с ними не увидимся?..

– Думаю, что нет.

Остальные напряженно вслушивались» [Живульская].

Чтобы сократить время на обработку трупов, нацисты заставляют людей раздеться во дворе крематория, перед бункерами, или в раздевалках, убеждая их, что они должны пройти дезинфекцию перед входом в лагерь. После проветривания камер, умерших вытаскивают и обыскивают, чтобы найти спрятанные драгоценности и вырывать золотые зубы. После каждого убийства камеры чистят, моют, белят окровавленные стены.

«Не раз еще у меня была потом возможность поговорить с людьми из зондеркоманды. Они подробно рассказывали, как это происходит внутри. Как после “таза” приступает к работе парикмахер, снимая волосы с трупов; если бы собрать все эти волосы, они весили бы тонны.

Как затем специальный зубной врач осматривает у трупов рот и вырывает золотые зубы. Волосы идут на пароходные канаты, а людские тела на производство мыла.

Ничего не должно пропасть. Гитлеровская Германия – великая, хозяйственная, бережливая страна» [Живульская].

26 марта 1942 года в лагерь прибывает первый транспорт с молодыми женщинами. Это 999 здоровых словацких евреек, которых обманным путём завлекли в лагерь. Аушвиц-Биркенау еще не был полностью достроенным на тот момент, поэтому девушек разместили в основном лагере, наспех разделив женский и мужской секторы стенами.

«Когда двери вагонов для скота открыли, глазам девушек открылась панорама – серое небо и ровная, скучная земля. Вдоль горизонта тянулась полоса снега. Темно-серые пятна. Светло-серые. Буро-серые. Черно-серые. Пейзаж, напоминавший абстракции Марка Ротко. <...>

Эсэсовцы приказали пригнанным к составу заключенным вытаскивать девушек из скотных вагонов. Орали мужчины. Лаяли собаки. Щелкали плети.

– Raus! Raus!

Мужчины в полосатых тюремных робах уставились на вагоны пустыми глазами. Это были поляки, арестованные как за мелкие нарушения вроде распространения листовок, так и за преступления посерьезнее вроде саботажа. Они не видели женщин с самого ареста, некоторые – уже почти два года. А сейчас они стояли под взглядами сотен девушек – прилично одетых, с прическами, хоть и утратившими первоначальную укладку, но всё равно вполне ещё аккуратными. Девушки, жмурясь, смотрели на них из скотных вагонов. Они стояли у дверей, теребя свой багаж и не зная, что делать дальше.

Первым порывом потрясенных мужчин было протянуть руки и помочь девушкам, но те, кто двигался медленно или проявлял доброту, тут же получали удары от эсэсовцев. Вагоны стояли высоко над землей, а под насыпью была канава. Одетые в платья или в узкие юбки девушки не могли решить, как им быть, – карабкаться вниз или прыгать? Они застыли у самого края своих вагонов. Эсэсовцы заорали еще сильнее. Наконец первые несколько девушек сбросили свои чемоданы и нерешительно прыгнули на землю. Остальные, словно ягнята, стали прыгать следом. Они нетвердо держались на ногах, разглаживая складки на платьях и юбках. Горожанки постарше осматривали чулки – не спустилась ли где петля. Вскоре в поле стояла толпа девушек, обращающихся по-словацки к мужчинам, а те шёпотом и по-польски их о чем-то настоятельно предупреждали. Нескольким прибывшим в этом эшелоне полякам было полегче – они хотя бы знали язык. И всем им на головы сыпались и сыпались немецкие приказы. <...> К концу апреля в Аушвице было зарегистрировано 6 277 молодых женщин, в основном – евреек, включая 197 чешских и немногочисленных уроженок Польши, которые до лагеря прятались в Словакии. Остальные были словацкими еврейками» [Макадэм 2022, с. 122–123, 180–181].

С 26 марта по 29 апреля 1942 года в лагерь из Словакии прибыло 9 транспортов с женщинами-еврейками общей численностью 6 250.

«Условия жизни в женском лагере – со всех точек зрения – были значительно труднее уже в самом начале его существования, когда он являлся ещё частью основного лагеря. Уже тогда он был переполнен и означал для узниц психическую смерть, приводившую позже или раньше к тяжёлому физическому надлому. Когда в лагерь доставили евреек из Словакии, бараки оказались забитыми до чердаков, водные и канализационные устройства едва могли обслужить 1/3 общего числа узниц» [Гесс 1975, с. 73].

7 апреля 1942 года принято решение о строительстве на территории польской деревни Моновице (нем. *Monowitz*; в наши дни – часть города Освенцим) фабрики по производству синтетического каучука для компании I.G. Farben и, соответственно строительстве нового лагеря – Аушвиц III-Моновиц.

«В нескольких километрах от Освенцима на земле проступал еще один шрам: большая темная прогалина в излучине Вистулы. Когда-то там находился сонный хуторок под названием Дворы; теперь же участок в три километра длиной и километр шириной лежал оголённый, исчерченный дорогами и тропинками, пестрящий стройплощадками, мастерскими, фабричными корпусами – уже готовыми и только строящимися, – с лабиринтами труб, башнями и высокими стальными дымоходами. Там находился химический комбинат Буна, возведение которого значительно отставало от сроков.

На дальнем конце участка, где когда-то располагалась деревушка Моновиц, давно опустошенная эсэсовцами, заложили новый лагерь. Среди поля был размечен простой прямоугольник – крошечный по сравнению с площадью комбината, – с горсткой барачных, парой недостроенных дорог и заложенных фундаментов, и испещренный точками – фигурками заключённых, занятых тяжёлой работой» [Дронфилд 2023, с. 234].

В мае 1942 года переделывают крематорий в Аушвице I, что позволяет кремировать 340 тел в сутки. Работу крематория в две смены обеспечивает небольшая рабочая группа из евреев, так называемые зондеркоманды, которые размещаются в отдельном блоке.

15 мая 1942 года был закон принят о легитимности депортации евреев. Адольф Эйхман лично заверил правительство Братиславы, что словацкие евреи, за переселение которых правительство заплатило 500 рейхсмарок за человека, благополучно живут в новых домах. В следующие месяцы в Аушвиц отправят более 20 тысяч словацких евреев. Семьи вывозят в полном составе.

В мае 1942 года – вспышка тифа среди узников Аушвица I и Аушвица II-Биркенау, пик эпидемии приходится на летние месяцы. Эпидемии способствуют массовые захоронения в Биркенау; тела разлагаются, земля лопается и из неё сочится невероятно зловонная красно-чёрная масса. Разлагающиеся тела

загрязняют подземные воды; это вызывает жалобы людей, проживающих в окрестностях лагеря.

«Когда летнее солнце стало сильнее пригревать землю Бжезинки, трупы, которые не раскладывались, а гнили, начали шевелиться, и на потрескавшейся поверхности земли булькала чёрно-красная жидкость, распространявшая неопиcуемый запах.

Нужно было как можно скорее что-то с этим сделать. <...>

Гауптшарфюрер СС позднее оберштурмфюрер Франц Геслер, арестованный в 1945 году в Бельзен, получил приказ в полной тайне выкопать трупы и сжечь. Для выполнения этого задания он выбрал около 20–30 самых лучших эсэсовцев. Но даже и они должны были подписать специальный документ о том, что им известно, что в случае нарушения служебной тайны или какого-нибудь намёка на вид их службы, им грозит смерть. Безусловно никто не намеревался приказывать эсэсовцам, чтобы они хоть, раз копнули лопатой для уничтожения следов зверского убийства, для этого было достаточно узников. Геслер начал работу со специальной командой, которая состояла из евреев, привезённых из всех оккупированных немцами стран. Они работали в две смены.

Тех узников, которые отказывались выполнять эту работу, убивали из пистолетов. Эсэсовцы, руководившие этой работой, имели право получать каждый вечер на кухне СС специальный паёк: литр молока, колбасу, сигареты и, конечно, водку. Откопанные трупы были не распавшимися, а только гнившими.

Узники зондеркоманды жили в Бжезинке в специальных блоках, отделённых от других лагерных помещений деревянным забором. В течение нескольких недель в районе, окружавшем лагерь, не таком уж болотистом и даже живописном, можно было увидеть огромные беловатые тучи дыма» [Гесс 1975, с. 158].

4 июня 1942 года после покушения, совершённого в пражском пригороде Либень, умирает один из организаторов «окончательного решения еврейского вопроса», геноцида евреев в Германии и оккупированных странах, начальник Главного управления имперской безопасности, обергруппенфюрер СС Рейнхард Гейдрих.

«Все значительные события, как в лагере, так и за его пределами, в какой-то мере отражались и на больнице. Так, убийство в Чехословакии гитлеровского ставленника гауляйтера Гейдриха (чешскими патриотами покушение совершено 27 мая 1942 года) отдалось и в лагере, и в больнице волной жестокого террора. Почти все чехи и словаки, несмотря на свое состояние, были уведены и унесены своими же товарищами из больницы. Куда, точно никто не знал, но что участь их решена, не было сомнения» [Погожев 2005, с. 125].

В июне 1942 года в Аушвице II-Биркенау создаётся школа каменщиков. Молодых заключённых-евреев обучают строительному делу, чтобы использовать их труд для дальнейшего строительства лагеря.

Ученик школы-каменщиков, немецкий еврей Томас Гив, описывает её так: «Молодые узники, разбившись на группы, стояли или сидели в окружении баков с раствором и гор влажных красных кирпичей со стесанными углами. Кто-то выкладывал перевязки, строил стены, а затем разбирал их и осторожно соскабливал раствор обратно в баки. Один из инструкторов раскрывал секреты возведения арок, а другой показывал, как правильно штукатурить. Это была *Maurerschule* – школа каменщиков Освенцима.

Персонал блока и учителя встретили нас на удивление тепло и записали наши данные. Кем бы они ни были по национальности, они очень старались проявить свои лучшие качества. Старшего по блоку, которому и предстояло решить нашу судьбу, на месте не оказалось. <...>

Когда объявили о том, что он пришёл, мы сняли шапки и выстроились в ряд по стойке смирно. Походкой моряка, которого отпустили в увольнение, в помещение вошёл узник; на нем была выцветшая, но тщательно отглаженная форма, а штанины расширялись книзу. Это строгое угловатое лицо вполне могло принадлежать обычному немецкому рабочему. Треугольник на груди был красным, а рядом тысячный номер. С первого взгляда стало ясно, что перед нами политический противник нацистов, который провёл в лагерях долгие годы, а пару лет назад был переведен в Освенцим. Теперь же он управлял приютом для детей – школой каменщиков. Ему было около сорока, и для 400 подростков, родившихся на просторах от Сибири до Франции, он был отцом и диктатором» [Гив 2022, с. 92–93].

В конце июня 1942 года ещё один фермерский дом, известный как «Белый дом» или Бункер II в Аушвице II-Биркенау, начинают использовать как вторую временную газовую камеру. Комнаты в доме больше, чем в Бункере I, вентиляция лучше, и в четырёх камерах одновременно можно убить до 1 200 человек. Трупы хоронят в глубоких ямах на соседнем лугу, укладывая их слоями. Баллоны с Циклоном Б доставляют в газовые камеры на машине скорой помощи с эмблемой Красного Креста.

«На некотором расстоянии от Бжезинки, которая быстро расширялась, стояли в укромном месте два крестьянских домика, отделённые друг от друга лесом. Это были чистенькие, милые домики, оштукатуренные, выкрашенные ослепительно белой краской и покрытые соломой. Вокруг них росли фруктовые деревья, которых в этом районе было много. Таково было первое поверхностное впечатление. Никто не считал бы возможным тот факт, что в этих обыкновенных домах убито столько людей, что их количество могло бы равняться населению большого города. Внимательный наблюдатель обратил бы прежде всего внимание на вывески, сделанные на разных языках: “На дезинфекцию”. Потом он бы заметил, что у домов нет окон, а зато непропорционально много, слишком массивных дверей с резиновыми прокладками. Двери эти завертывались на гайки, рядом с которыми находились небольшие деревянные клапаны. Не соответствовали виду этих домов и многочисленные конские бараки, такие же как те, что в Бжезинке служили помещениями для людей. Странными казались и

дороги, ведущие к домам: на них были следы тяжёлых машин. Когда же оказывалось, что от задних дверей домов идут в направлении ям, закрытых плетёными крышками, рельсы узкоколейки, то уже не было сомнений, что эта территория имеет специальное назначение» [Гесс 1975, с. 164].

4 июля 1942 года создается стабильная еврейская зондеркоманда, члены которой задействованы в убийстве газом и захоронениях тел.

«Омерзительная работа зондеркоманды заставляла узников сторониться её. Общение с членами команды было запрещено. Попавшие в зондеркоманду не имели права возвращения в лагерь. Это была самая несчастная команда лагеря.

Первая зондеркоманда была создана в конце 1941 года. Она рыла котлованы и производила массовые захоронения трупов узников, которые по какой-то причине не попали в крематорий. Захоронения производились в Бжезинке. В марте 1942 года была создана вторая зондеркоманда. Проживали они изолированно в центральном лагере, и никто не знал, что же происходит в лесочке, вплотную примыкающем к территории лагеря с северо-западной его стороны. <...> В конце июля 1942 года или начале августа обе зондеркоманды были объединены и переведены на постоянное место жительства в Биркенау» [Погожев 2005, с. 158–159].

15 июля 1942 года – начало систематической депортации евреев из Нидерландов. Изначально их переводят в пересылочный лагерь Вестерборк, а потом – в «лагеря смерти». В Биркенау было отправлено – 60 000.

«Вестерборк был первоначально построен голландцами как временный лагерь для еврейских беженцев, прибывших сюда в 1930-х годах. После того как нацисты оккупировали страну, он стал лагерем для евреев, а затем депортационным центром для отправляемых в концентрационные лагеря и лагеря смерти. <...> На пике расцвета Вестерборка, с июля 1942 года до осени 1943 года, поезда покидали его территорию каждые четыре дня, перевозя в среднем по 1 000 человек в тесных темных вагонах для скота. Весной и в начале лета 1943 года некоторые крупные поезда перевозили до 3 000 человек одновременно в лагерь смерти в Собиборе.

(Нацистские лидеры в Собиборе, в Восточной Польше, решились на строительство специальной станции с привлекательно украшенным поддельным залом ожидания, чтобы заставить людей поверить в то, что они прибывают в обычный город.) <...> К лету 1944 года людей стали вывозить намного реже (почти все голландские евреи уже были арестованы, депортированы и убиты)» [Шлосс 2021, с. 122, 126–127].

17 и 18 июля 1942 года Гиммлер посещает Аушвиц, наблюдает за отравлением газом транспорта из Нидерландов в «Белом доме», избиением женщин-заключенных, обсуждает будущее строительство спутниковых концлагерей.

«Это случилось 17 или 18 июня 1942 года. Был чудесный солнечный день. В крематории проводилась генеральная уборка. Носились взволнованные эсэсовцы. Мы знали: что-то готовится, но что именно, нам не было известно. Но все мы предчувствовали: ожидается чей-то приезд. В десятом часу во дворе крематория показался высокий эсэсовский офицер в белой форме – это был сам Гиммлер. Он осмотрел весь крематорий. Когда зашел в наше помещение, мы занимались разборкой вещей, оставшихся после казнённых. Гиммлер увидел окровавленную одежду и удивлённо спросил эсэсовцев, почему одежда в крови.

Их ответ его не устроил. Гиммлер сказал: «Одежда этих проклятых псов нужна немцам! Безобразие, что в газовую камеру вводят в одежде». После этого посещения газовые камеры были оборудованы, как душевые, так что люди перед входом в них должны были раздеваться» [Краус 1960, с. 95].

«Гиммлера повели на экскурсию по сельскохозяйственным угодьям, кухням и медпунктам, где якобы проходили лечение жертвы эпидемии тифа, а также показали ему железнодорожную платформу, где к тому моменту выгрузка голландских евреев уже завершилась, и они со своими вещами стояли в беспорядочных очередях. <...>

Гиммлер и его свита проследили, как проходит селекция, после которой 1 251 мужчина и 300 женщин были допущены в лагерь. Оставшиеся – 399 женщин и девочек и 50 мужчин и мальчиков – погибли в газовой камере бункера 2. Поскольку крематории еще не действовали, Гиммлера особенно интересовал процесс освобождения камеры от тел и перемещения тел к ямам для массового захоронения. День выдался очень насыщенный. <...>

Вечером в честь Гиммлера устроили приём, чтобы дать возможность офицерам СС лично познакомиться со своим рейхсфюрером и поднять тост за его здоровье. Затем последовал торжественный ужин у бригаденфюрера СС, гауляйтера Брахта, в Катовице, в 36 километрах от Освенцима. Офицеры ужинали с женами. По традиции настало время позволить женам уединиться в женской компании, чтобы мужчины за сигарами и виски обсудили прошедший день и планы на завтра. Главным пунктом программы был женский лагерь» [Макадэм 2022, с. 199].

Летом 1942 года создаётся специальная группа заключённых, задача которой сортировать вещи убитых и интернированных. Вещи начинают сортировать в блоке 26 Аушвица I, но их становится настолько много, что для этого специально строят шесть корпусов.

Заключённые называют это место «Канадой», так как считают, что Канада – страна изобилия. Это привилегированный работниками; они имеют доступ к еде, которую находят в вещах жертв. Они быстро учатся незаметно забирать («организовывать») ценности, обменивать их и торговать ими. Многие офицеры СС позволяют им воровать ценные вещи специально и подкупить себя. Начинает процветать коррупция.

«Сортировочная бригада в то время была довольно малочисленна, но на ранних порах она помогла спасти многие жизни. Сортировка одежды – тем более под крышей – быстро стала одним из самых желанных назначений. Мало того, что работа сама по себе сравнительно нетяжёлая и не на холоде, она ещё и дает возможность – когда не смотрит охрана – быстро кинуть в рот какой-нибудь найденный в карманах кусочек. Разумеется, если тебя поймают, то 20 плеток и – обратно на холод. Но “организовывание” стоило этого риска» [Макадэм 2022, с. 182].

«Евреи, прибывшие из “богатых” стран, таких как Венгрия и Италия, где стали жертвой хитрой и продуманной пропаганды “переселения на восток”, везли с собой едва ли не все свои пожитки, иногда целыми вагонами. Когда решался вопрос с владельцами, внимание переключалось на их имущество. Чемоданы, одежда, постельное бельё, велосипеды, швейные машинки, мешки с продуктами. Пачки писем, фотографии, кольца, бриллианты, спрятанные доллары – всё это поступало в сортировочный барак, где раскладывалось с уважением к бывшим владельцам, которого они, как считалось, не были достойны.

Оценив награбленное и удалив с вещей все именные нашивки, их отгружали в поезда и отправляли в Германию. На каждом вагоне висели таблички, гласившие: “Из Освенцима в Бреслау”» [Гив 2022, с. 171].

«Сама “Канада” казалась зловещей страной чудес, полной удивительных вещей. Я подошла к одной огромной куче металла, блестящей на солнце, и, к своему изумлению, обнаружила, что она состояла из тысяч пар очков. Одно складское помещение до потолка было завалено перинами, а в другом я увидела груды протезов. Также там было бесчисленное количество туфель, чемоданов и сундуков любой формы и размера. В одной комнате лежали детские чемоданы, большинство из них – с фамилией и датой рождения владельца, тщательно написанными родителями на лицевой стороне. В другой комнате можно было увидеть сотни пустых детских колясок, как в вековой комнате ожидания в яслях, из которых не вернулся ни один ребёнок.

Цель “Канады” заключалась в том, чтобы награбить все мыслимые еврейские ценности и отправить их обратно в Германию, где они затем распределялись среди солдат, их семей и обычных граждан. Немецкие мужчины брились еврейскими бритвами, в то время как добропорядочные немецкие матери катали еврейские коляски, а бабушки и дедушки надевали еврейские очки, чтобы читать газетные сообщения о военных действиях. [Шлосс 2021, с. 153–154].

«Одежда хранилась в одном из блоков. Линда и другие сортировщицы аккуратно складывали блузы, юбки, пальто и брюки, затем упаковывали их в свертки по десять штук. Затем эти упаковки перемещались в другой блок, где их собирали для отправки в пустых скотных вагонах в Германию. Чтобы не гонять

порожняком вагоны, в которых привезли евреев, их набивали еврейскими вещами. Надпись на вагонах гласила: “Для семей, чьи сыновья воюют на фронте”.

Продолжая пребывать в наивном недопонимании обстоятельств, в которых они оказались, некоторые узницы писали на клочках бумаги: “Achtung! Это одежда евреев из концлагеря!” – в надежде, что немецкая семья, получив вместе с одеждой такую записку, привлечет к ситуации внимание властей и поможет девушкам. Они не осознавали, что властям всё прекрасно известно» [Макадэм 2022, с. 182].

Первый комендант Освенцима описывает это по-своему: «Акция Рейнхардт – это было зашифрованное название целого ряда мероприятий, связанных с конфискацией, сортировкой и продажей вещей, привозимых евреями в транспортных и оставшихся после уничтожения этих людей. <...>

При разгрузке еврейских эшелонов весь привезённый ими багаж оставался на железнодорожной платформе до того момента, пока все прибывшие не были отправлены в лагерь или в крематории. Потом специальные транспортные команды перевозили все вещи сначала на сортировочный склад Канада I, где их дезинфицировали и сортировали. Так же и вся одежда, оставшаяся после уничтожения в бункерах I и II и крематориях I [II] – IV [V] перевозилась на этот сортировочный склад. Однако в 1942 году Канада I не успевала сортировать вещи; несмотря на постройку дополнительных сараев и барачков, увеличение числа узников, работавших на сортировке днём и ночью, несмотря на загрузку большого количества товарных вагонов с отсортированными вещами – часто около 20 – горы багажа всё росли. Тогда в 1942 г. было приступлено к строительству нового склада Канада II в западной части строительной площадки II в Бжезинке, а также бани и дезинфекционного барака для прибывавших узников. Тот час же, после окончания строительства, тридцать новых барачков были заполнены до отказа, а горы неотсортированных вещей продолжали возвышаться между ними. Количество команд, работавших на сортировке, всё время увеличивалось, но не могло быть и речи о том, чтобы справиться вовремя с привозимыми вещами, если каждое мероприятие длилось от 4 до 6 недель; только в период между ними можно было навести хоть какой-то порядок.

Одежду и обувь подвергали осмотру, чтобы найти спрятанные там ценные предметы (в таком количестве вещей этот осмотр мог быть только поверхностным); затем одежду и обувь или отдавали на склад, или отправляли в лагерь для узников. Позднее вещи эти стали высылать и в другие лагеря. Значительную часть этого добра передавали переселенческим общественным организациям, а позже жертвам воздушных бомбардировок. Много вещей получили предприятия военной промышленности для рабочих-иностранцев. Одежда, бельё и т.п., тоже передавали общественным организациям или оставляли для нужд лагеря; большие партии белья шли и в другие лагеря.

Ценные предметы принимал особый административный отдел лагеря, после чего специалисты сортировали их; так же поступали с найденными

деньгами. Если речь идёт о ценных предметах, то это бывали необычайно дорогие вещи, особенно, если приходили еврейские эшелоны с Запада: драгоценные камни, стоимость которых исчислялась миллионами, золотые и платиновые часы, украшенные бриллиантами, кольца, серьги, очень дорогие из-за своей тонкой работы колъе. Деньги всех стран исчислялись миллионами; часто при одном человеке находили сотни тысяч, обычно в банкнотах по тысячи долларов. Каждый уголок одежды, багаж и человеческое тело – всё это использовалось, чтобы спрятать дорогие предметы.

Отсортировав эти драгоценные вещи после каждого большого мероприятия, их грузили вместе с деньгами на машины и отправляли в Берлин, в главное административно-хозяйственное управление СС, а оттуда в имперский банк. В этом банке был специальный отдел, занимавшийся только ценностями, поступавшими в ходе операции против евреев. Эйхман сказал мне однажды, что эти драгоценности и валюту продавали в Швейцарии и, что ими был полностью наводнён швейцарский рынок» [Гесс 1975, с. 117–119].

29 июля 1942 года немецкий промышленник и противник нацистов Эдуард Шульте едет в Цюрих. Он информирует еврейские организации США о происходящем в Аушвице II-Биркенау. В частности, он сообщает Герхарту М. Ригнеру, швейцарскому представителю Всемирного еврейского конгресса, подробности о реализации нацистской политики «окончательного решения еврейского вопроса». В свою очередь, Ригнер отправляет 8 августа 1942 года телеграмму Стивену Сэмюэлю Уайзу, президенту Всемирного еврейского конгресса, которую тот не получает до конца месяца. Союзники не предпринимают никаких эффективных действий для спасения европейских евреев.

В августе 1942 года прибывают транспорты с французскими евреями и евреями из Словакии, Бельгии и Нидерландов. Тех, кто не может работать, по прибытии сразу же травят газом.

В августе 1942 года построен завод IG Farben. При его строительстве погибли тысячи заключённых; многих забивают до смерти, когда считают, что они неэффективны, или расстреливают прямо на стройке. Основан лагерь Аушвиц III-Моновиц.

В середине августа 1942 года женщин-заключённых из Аушвица I переводят в Аушвиц II-Биркенау. Их помещают в сектор VIa, поскольку в секторе VIb проживают заключённые-мужчины. Стену, отделяющую женский сектор в Аушвице I сносят, и весь лагерь служит для заточения мужчин.

«8 августа над лысыми головами девушек еще только всходило солнце, но уже успела опуститься жара. Мухи липли к нематым телам узниц, стоявших на поверке вплотную друг к другу. Начинался обычный день. Девушки – сомнамбулы в русской форме – привычно разбились на рабочие бригады, но тут они увидели, как по ту сторону ворот целую секцию узниц развернули куда-то не в ту сторону. Оставшиеся повернули головы и с тревогой наблюдали, как их сёстры и подружки идут по длинной грязной дороге. <...>

В Аушвице I оставшиеся девушки тем временем испытывали тревогу за ушедших. Куда их повели? Вернутся ли они? Те несколько капо, которые сохранили человечность, в ходе своей “шепотливой кампании” заверили девушек, что исчезнувших перевели в новый лагерь. На следующее утро, когда еще часть бригад направилась в том же направлении, девушки уже отнеслись к этому спокойнее, хоть и с некоторой подозрительностью. Полный перевод женского лагеря из Аушвица I в Биркенау занял четыре дня. <...> ... узникам, слишком большим и слабым для ходьбы на такие расстояния, позволили доехать в кузове грузовика. Эти девушки стали первыми, кого в августе 1942 года отправили в газовые камеры. Их смерть нигде не зафиксировали.

Во время переезда возникла проблема с нумерацией. Женщины с новых словацких транспортов проходили “обработку” и регистрацию в Биркенау сразу по прибытии. Но некоторые из прибывших в июле регистрировались и получали номера еще в Аушвице I, и номера таким образом дублировались. Для наведения порядка в нумерации потребовалось несколько дней.

Биркенау был пустыней в буквальном смысле. Жившие там русские пленные ели траву. Девушки вскоре после переезда тоже стали её есть.

Единственный кусочек растительности находился в дальнем конце лагерштрассе – березовая рощица, от которой лагерь и получил свое название. В Аушвице I были и другие вещи, которых в Биркенау сильно не хватало. Там, например, в подвалах капала вода, а в каждом здании стояли раковины и унитазы. Здесь же девушкам приходилось идти через весь лагерь, чтобы попасть в так называемую уборную – сколоченное из досок сооружение с 58 дырками над выгребной ямой.

Для многих девушек Биркенау стал последним ударом. При всех ужасах жизни в Аушвице I, там все же присутствовал лёгкий налет надежды, подкреплявшейся религиозной верой. Здесь же никаких надежд не осталось. В Аушвице девушки, решившие свести счеты с жизнью, могли выброситься из окна второго этажа. Здесь их лишили и этой возможности, и выход оставался лишь один. “Многие из самоубийц бросались на проволоку под напряжением, – рассказывает Эдита. – По утрам ограда была, как рождественская ёлка. Обугленные, чёрные тела, свисающие с проводов”. Аушвиц I был лишь чистилищем перед адом Биркенау» [Макадэм 2022, с. 204–209].

Всего с лета 1942 года по октябрь 1944 года из лагерного комплекса Аушвиц советские узники, среди которых русские, евреи, белорусы, украинцы, совершили более 90 побегов, как одиночных, так и групповых. Не всем удалось уйти от погони. Задержанных доставляли в лагерь и либо вешали в назидание другим узникам, либо отправили в штрафную роту на мучительную смерть.

«К августу 1942 года нас осталось всего 120 человек. Это была дружная и спаянная семья. Советские военнопленные теперь имели авторитет у узников из других стран, даже эсманы нас побаивались, а если и били, то только поодиночке. Вместе мы были грозной силой. С каждым днем росли масштабы нашего неповиновения врагам, вскоре и пленные других национальностей стали

присоединяться к нам. Командование лагеря встревожилось и решило принять экстренные меры, при этом оно отлично понимало, что в случае массового расстрела военнопленных на территории лагеря, русские непременно окажут серьёзное сопротивление, а к ним присоединится и вся двухсоттысячная армия узников лагеря» [Стенькин 2005, с. 251–252].

«Побег! Побег! Сколько надежд, тревог, радости и переживаний таило в себе это слово. Побег – это глубоко затаённая мечта заключённых лагеря смерти. Побег – это маленький шанс на жизнь. Побег – это свобода или ужасная, мучительная смерть. <...>

Русские бесследно исчезли. Даже свора овчарок, рыскающая по всему лагерю, не обнаружила никаких следов как сквозь землю провалившихся смельчаков. Заключённые облегченно вздохнули. <...>

Утром следующего дня, сразу же после подъема, ошеломило всех известие – бежавшие в бункере. <...>

Прошло несколько дней.

В обеденный перерыв неожиданно все команды заключённых построили и повели в одном направлении – к площади у кухни. Все недоумевали – зачем? Собралось много тысяч. Перед воротами лагеря демонстративно установили станковый пулемет. Наружная охрана укреплена автоматчиками. И тут мы увидели виселицу. К ней подошла толпа капо и эсэсовцев с лестницей и табуретками. Они быстро установили лестницу, к перекладине стали привязывать верёвки с петлями. Один из эсэсовцев встал на табурет и с хохотом примерил верёвку на себе по своему росту.

Подошла крытая машина. Шатающихся, с опухшими в кровоподтеках лицами, со скрученными проволокой назад руками вывели трёх заключённых. Немногие с трудом узнали их (к сожалению, память не сохранила их фамилий).

Вдруг один из приговоренных, собрав силы, качнувшись, выдохнул кляп.

– Будьте вы прокляты, палачи! Убегайте! Расскажите всем!..

Рядом стоявший капо бросился к нему, но он, подняв ногу, ударил в искажённое злобой лицо, и от удара, потеряв равновесие, зашатался, табурет накренился, выскользнул из-под ног, и он повис, успев громко крикнуть:

– Прощайте, товарищи!» [Погожев 2005, с. 146, 148].

19 августа 1942 года на специальном совещании решается вопрос о строительстве четырёх крематориев в лагере Аушвиц II-Биркенау. Инженеры и архитекторы понимают, для чего будет предназначено оборудование. Таким образом, количество немцев-гражданских служащих, знающих о массовых убийствах в лагере, достаточно велико.

В конце августа 1942 года принято решение о радикальной борьбе с эпидемией брюшного тифа. Глубокой ночью после тяжёлого рабочего дня заключённые проходят отборы. Они стоят по стойке смирно, раздеваются догола и бегут перед нацистским врачом. Кого он находит слабым или больным, отправляют в группу смерти.

В сентябре 1942 года начинают строительство Крематория III. Он должен стать зеркальным отражением уже построенного Крематория II. В нём одновременно могут быть убиты до 2 500 человек.

В сентябре 1942 года концерн I.G. Farben начинает строительство фабрики по производству синтетического каучука в Аушвице III. Выбор концлагеря в качестве места для строительства завода был обусловленным вескими причинами: близкое расположение угольной шахты; достаточное поступление воды, благодаря трём рекам; развитое транспортное сообщение, которое обеспечивала государственная железная дорога и шоссе. Но главная причина заключалась в том, что концентрационный лагерь представлял собой неиссякаемый источник рабского труда. До 1944 года через лагерь Моновиц проходит около 35 тысяч заключенных, из них 23 тысячи не выдерживают тяжёлых принудительных работ на предприятии.

«Геринг оказывал всяческую поддержку этому концерну. Именно по его распоряжению были выселены жители из Моновиц и его окрестностей, когда концерн ИГ-Фарбен-индустрии начал там строительство фабрики, производящей синтетический бензин и резину» [Смолень 1981, с. 55].

15 сентября 1942 года комендант лагеря Хёсс вместе с оберштурмфюрером СС, начальником лагерной охраны Францем Хёсслером и унтерштурмфюрером СС Вальтером Дежако, архитектором из Австрии, который стал во главе планового отдела строительного управления Аушвица, едет в лагерь в Хелмно (*нем. Kulmhof, Кульмхоф*; 1941–1945 гг.), первый нацистский концлагерь в оккупированной Польше, где началось массовое уничтожение евреев. Цель поездки – посмотреть, как кремируют мёртвых, так как захоронение убитых узников стало представлять большую проблем из-за невыносимого запаха и черноватой жидкости, которая сочилась из-под земли. Сложившаяся ситуация грозила новой эпидемией не только в лагере, но и в его окрестностях.

«Вскоре после посещения Гиммлера приехал штандартенфюрер СС Блобель из управления Эйхмана и привёз приказ, согласно которому было необходимо очистить все массовые могилы и сжечь трупы. К тому же с пеплом нужно было поступать так, чтобы в будущем было невозможно определить число погибших.

В Хелмне Блобель уже испробовал разные способы сжигания трупов и Эйхман приказал ему показать мне эти устройства. С этой целью вместе с Геслером я поехал в Хелмно. По приказу Блобеля там были построены временные печи разного типа. Сжигание производилось с помощью бензина и дров; были сделаны пробы уничтожения трупов с помощью взрывчатых материалов, но это не дало положительных результатов. Пепел рассыпали по лесистой территории, причём до этого кости подвергали перемолке, превращая их в порошок. <...>

Будучи в Хелмне, я видел тамошние приспособления для уничтожения людей – грузовые машины, оборудованные так, что в них уничтожали людей выхлопными газами. Однако начальник команды, выражая своё мнение об этом

способе уничтожения, назвал его очень ненадёжным, потому что газ образовывался нерегулярно и его количество часто было недостаточно, чтобы вызвать смерть» [Гесс 1975, с. 106–107].

21 сентября 1942 года начинаются раскопки и сжигание тел, захороненных в общих могилах. Под командованием Хёсслера создается специальная команда по эксгумации и сжиганию (*Exhumierungs-und Verbrennungskommando*), которая должна постепенно выкопать более 107 тысяч разложившихся мужских, женских и детских останков. Работа в две смены 24 часа в сутки продолжается до ноября, когда кремируют последние трупы. Заключённых, которые не выносят этой работы, расстреливают на месте. Из 1 400 заключённых, привлечённых на выполнение этого задания, 1 100 убиты во время него, а остальные 300 после.

Сначала трупы кремируют в огромных пирамидах, состоящих из двух тысяч тел. Нацисты называют это зрелище «театром природы». Потом выкапывают четыре большие ямы (30 метров в длину, семь метров в ширину и три – в глубину) и начинают сжигать тела в них. Зловонный запах слышен не только на территории лагеря, но и в окрестных деревнях. Фрагменты костей, которые не сгорели, заключённые должны раздробить. Золу вывозят грузовиками на реку Сола и сбрасывают.

26 сентября 1942 года реконструкция трудового лагеря в лагерь смерти одобрена. Частью плана также является строительство двух больших крематориев с газовыми камерами, обозначенных как Крематории II и III, и двух небольших крематориев с газовыми камерами, обозначенных как Крематории IV и V. Комендант лагеря Хёсс получает из Берлина приказ о том, что делать с имуществом отравленных газом.

2 октября 1942 года прибывают женщины-преступницы из лагеря в Равенсбрюке. Им предстоит начать работу в женском лагере в качестве функционеров и следить за порядком. Многие из них склонны к проявлению жестокости, и подвергают женщин-заключённых сексуальному насилию. То же самое происходит и в мужском лагере. Должности капо и других чиновников занимают в основном уголовники. Они часто выбирают молодых и красивых юношей из заключённых для оказания сексуальных услуг. Часто садистские оргии заканчиваются гибелью заключённых.

«Бывшие в Освенциме “зелёные” узницы (уголовницы), относились к особому роду; я думаю, что в Равенсбрюке отобрали для Освенцима самый плохой элемент. По сравнению с мужчинами-уголовниками они были ещё более подлыми, никчёмными, хамоватыми. В большинстве своём это были проститутки, имевшие по несколько судимостей, многие из них вызывали отвращение. Можно было предполагать, что такие бестии будут мучить находящихся под их властью узниц, однако невозможно было этого избежать. Во время посещения Освенцима в 1942 году рейхсфюрер СС выразил мнение, что именно такого типа должны быть надзирательницы в женском лагере» [Гесс 1975, с. 70].

«Старшим в Аушвице эсэсовцы назначили немецкого преступника, которого специально перевели к нам из другого концлагеря. Как опытные руководители, они сумели найти того, кто постоянно будет держать нас в страхе. Его любимым развлечением было схватить ни о чём не подозревающего зеваку и без всякой на то причины избить его до полусмерти. Большинство руководящих постов в Освенциме занимали уголовники из Германии, которые, как и наш старший по лагерю, имели склонность к насилию. Русские, евреи и цыгане не могли подняться выше младших капо» [Гив 2022, с. 88].

В октябре 1942 года в лагерь привозят слабоумных со всех концов Европы. Первый транспорт прибывает из Голландии, и в нем 1 000 мужчин и женщин, которые идут прямо в газовые камеры без отбора.

10 октября 1942 года прибывает первый транспорт чешских евреев из Терезиенштадта. После отбора оставшиеся из трех тысяч человек отправляются в газовые камеры.

6 ноября 1942 года, в канун 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, состоялся первый в истории нацистских концлагерей массовый побег узников. Семьдесят выживших советских военнопленных из доставленных в лагерь в октябре 1941 года разработали и осуществили задуманный побег. Под видом поиска пропавшего узника (мёртвое тело которого они предварительно спрятали), они прорвали цепь эсэсовской охраны и бежали за пределы лагеря Аушвиц II-Биркенау. После войны в Советском Союзе становится известно о четырёх выживших участниках побега. Это – Андрей Погожев, Павел Стенькин, Андрей Марченко и Николай Писарев.

«После полугодового пребывания в Биркенау из всей группы советских военнопленных уцелело всего 100 человек. Тогда в отношении к ним со стороны эсэсовцев произошли странные изменения. Оставшиеся в живых советские военнопленные стали предметом особой заботы эсэсовцев! Из числа военнопленных была создана особая команда, работавшая исключительно на продовольственном складе. Их кормили довольно сносно.

Цель этих мероприятий сводилась к тому, чтобы подкупить советских людей и использовать против заключённых из других стран. Эсэсовцы думали уже, что им это удалось, поэтому доверили советским военнопленным очень важное задание: если исчезал кто-либо из заключённых, то их одних, без сопровождения эсэсовцев, посылали на поиски в пределах большой цепи заграждений.

Как же эсэсовцы ошиблись! Однажды, когда советские пленные искали беглеца за лагерем, на самой границе большой цепи заграждений они неожиданно свалили сторожевую вышку вместе с находившимися в ней эсэсовцами, убили их и, забрав оружие, бежали» [Краус 1960, с. 202–203].

«Сейчас можно только восторгаться мужеством узников Биркенау, людей, истощённых физически, но сильных духом, которые решили бежать в ноябре, перед холодами и морозами, когда природа из надёжного союзника

превращалась в пособника смертельного врага; бежать по территории, специально освобожденной от коренного ненадёжного населения и заселенной людьми, для которых вылавливание беглецов приносило не только моральное удовольствие, но и материальные выгоды, бежать без знания языка и местности; бежать, противопоставив смелость и решительность десятков физически слабых русских сотням вооруженных эсэсовцев со сворой дрессированных овчарок, с продуманной сигнализацией, которая в первые же минуты побега воем мощных сирен извещала о нём далеко вокруг, – для этого нужна большая сила воли» [Погожев 2005, с. 197–198].

«Покончив с эсэсовцами, мы, 70 человек, с криком “Ура!” побежали за зону лагеря, будто и не убегали, а наступали на противника. Этот “крик души” только помешал нам: не успели мы отбежать на достаточное расстояние, как в лагере эсэсовцев, примерно в километре от нас, была объявлена тревога. Через пару минут мы слышали приближающийся гул автомашин. Из всех бежавших я был, наверное, самым слабым – прошло всего полмесяца после выписки из больницы, и я сильно хромал. Бежать нам нужно было строго на юго-восток, так как справа находился эсэсовский лагерь, а сзади и слева – зоны» [Стенькин 2005, с. 256].

«И вдруг тишину прорезал чей-то срывающийся крик: “За Родину! Вперед!” Нестройное, но громкое «ура» взорвало вечернюю тишину.

Одновременно с криком темное облако камней, кусков чугуна, железа, палок с шумом, свистом, вихрем вырвалось из толпы и понеслось в постового эсэсовца.

Узники бушующей лавиной бросились к сторожевой вышке, опрокинули её и в образовавшийся проход кинулись в лес. <...>

Нас бежит целая группа. Держимся кучно. Присутствие товарищей радует, придает силу и бодрость. Неожиданно лес кончился. Перед нами река. Не раздумывая, с ходу скатываемся в воду по отлогому берегу. На наше счастье, глубина её была не больше полутора метров. Течение сильное. Ширина реки метров двадцать. Намокшая одежда затрудняет движение. Разгоряченное бегом и нервным напряжением тело не чувствует холода ледяной воды. Наконец, выходим на противоположный берег, сплошь поросший мелким кустарником. Выбираемся из воды, помогая друг другу. Теперь я вижу – нас восемь человек» [Погожев 2005, с. 202].

В отчёте, составленном эсэсовцем Перри Бродом, несмотря на ценность документа как свидетельства очевидца, имеются неточности: в частности, ошибочно указано время прибытия первых советских военнопленных – на самом деле первый транспорт прибыл осенью 1941 года. Побег советских военнопленных он описывает так: «Зимой 1941–1942 гг. в Освенцим прибыл транспорт с советскими военнопленными, в нём было около 12 000 человек. Из сухих официальных цифр видно, что уже через полгода от этого числа осталось

в живых только 150. Однако этой группе удалось завоевать доверие эсэсовцев, особенно начальства лагеря. Поэтому их направили в рабочие команды, где условия работы были немного легче. Со временем доверие начальства так возросло, что из этих людей создали группу, которая искала беглецов, проникших за “большую цепь стражи”. Каким-то странным образом не привлёк внимания тот факт, что никогда им не удалось отыскать узника, который спрятавшись, пережидал погоню, чтобы ночью продолжить свою дорогу. Начальство лагеря было неприятно удивлено, когда однажды вечером пришёл рапорт о том, что девяносто русских во время “поисков” прорвали частую цепь стражников и сбежали. Погоня началась незамедлительно, искали с помощью собак и других средств, бывших в распоряжении солдат. Но это не принесло значительных результатов» [Гесс 1975, с. 130–131].

«Их было 60 человек, и побег удался большинству. Ни живых, ни мёртвых из этой группы мы в лагере уже никогда не видели. Отважный побег поднял самосознание всех заключённых. Побегι участились, несмотря на все крутые меры эсэсовцев» [Краус 1960, с. 203].

В ноябре 1942 года принято решение о строительстве лагерей-спутников. Ими стали: лагерь в Моновицах, где возвели гигантский завод концерна «И. Г. Фарбен», который производил буну (синтетический каучук); лагерь в Явишовицах для заключённых, работающих в Шахта Бжеще и небольшой лагерь, который предоставляет рабочих для фабрики Батя (Baťa) в Хелмеке. В 1943 году создаются еще пять лагерей, а в 1944 году – еще 19. К этому моменту в лагерях-спутниках проживает 33 тысячи заключённых.

«– Биркенау, Аушвиц, Моновиц – главные лагеря. Вокруг них разбросаны всевозможные подразделения, роль которых – высосать из каждого узника все силы до последней капли. Янина, Явожно, Явишовиц, Мысловиц, Сосновиц, Свентохловице, Фюрстенгрубе, Гюнтергрубе, Айнтрахтхютте – в основном это угольные шахты.

Мы молчали, осмысливая то, что он сообщил. Оглядевшись и убедившись, что никто не мешает рассказывать, заключённый с «уголовным» треугольником продолжил:

– В Глейвице, Бобреке, Альтхаммере и Блеххаммере – фабрики, в Бабице, Буду, Харменсе и Райско – сельскохозяйственные объекты. Некоторые больше напоминают клетки, в которых содержат около двухсот узников. В других, также без удобств, ютятся до пяти тысяч. Общее число рабов эсэсовской империи, именуемой Освенцим, может насчитывать сто пятьдесят тысяч, и с каждым днем их становится все больше» [Гив 2022, с. 79–80].

В ноябре 1942 года начаты строительные работы Крематориев IV и V. За работу отвечает фирма Huta, так как они уже строят Крематории II и III. Крематории IV и V окружены деревьями и получили название «лесные крематории».

6 декабря 1942 года прибывает транспорт с 2 500 польскими евреями, из которых 2 094 человека не проходят отбор. Часть из них отправляют сразу в газовые камеры в Бункере II, остальные вынуждены ждать смерти в раздевалке до следующего утра и слушать крики казненных всю ночь. Утром их также убивают в газовых камерах.

9 декабря 1942 года около 300 человек зондеркоманды Бункера I и Бункера II отравлены газом в Крематории I лагеря Аушвиц I. Их тела кремируют в крематории. Вечером формируют новую зондеркоманду из прибывшего транспорта из польского гетто Млава, которое существовало с декабря 1940 года по декабрь 1942 года. Оберштурмфюрера СС Франца Хёсслера заменяют на посту коменданта Бункера II.

В декабре 1942 года происходит изменение отношения нацистских врачей к врачам-евреям. Увеличение количества заключённых порождает потребность в большем количестве докторов. Врачей-евреев размещают в больничных корпусах, и они начинают работать как полноправные медики.

В период с мая по декабрь 1942 года в лагерь прибыли 183 270 депортированных евреев из Польши, Франции, Словакии, Бельгии, Германии, Богемии, Моравии, Норвегии и Югославии. Около 120 000 из них убиты вскоре после прибытия. В основном, это – старики, женщины и дети.

2.4. 1943 год: конвейер смерти и лагерная рутина

С января 1943 года детей, попадающих в лагерь, все чаще убивают при помощи инъекций.

«Бывший заключенный Гордон Яков, врач из города Вильнюс, показал: “...В начале 1943 года в лагере Биркенау были отобраны 164 мальчика и отвезены в больницу, где при помощи уколов в сердце карболовой кислоты все они были умерщвлены”» [О чудовищных преступлениях 1945, с. 2].

В январе 1943 года заключённые Аушвица II-Биркенау проходят так называемую «финскую сауну». В секторе VI есть два специальных здания, которые состоят из двух комнат, разделенных герметичной дверью. В первой комнате массивная кирпичная печь нагревает большие камни. У противоположной стены – спускающиеся с потолка скамейки. На скамьях усаживают максимальное количество голых заключённых. Вода льется на раскаленные камни, заставляя людей потеть. Через время заключённых загоняют в соседнюю комнату под холодный душ. После душа одним полотенцем вытираются до десяти заключённых. В следующей комнате они получают продезинфицированную одежду. В происходящем хаосе многие не получают одежду. В зимние месяцы подобная «сауна» часто заканчивается пневмонией и последующей смертью заключённых.

Обливание водой голого заключённого и оставление его на морозе – одно из лагерных наказаний. Так, в декабре 1942 года женщин-заключённых из Аушвица II-Биркенау заставляют стоять голыми на морозе. Многие из них не

переживают эту процедуру: одни замерзают на месте, другие умирают от последствий переохлаждения позже. Наказания продолжаются.

В январе 1943 года мужчин из «Канады», которые занимались зачисткой камер и сортировкой вещей, переводят в лагерь Аушвиц II-Биркенау, в блок 16 сектора ВIb. В команде, созданной летом 1942 года, работало 100 мужчин и 100 женщин в дневную смену и 50 мужчин и 100 женщин в ночную смену. После расширения в дневную смену вошли 400 мужчин и 200 женщин, а в ночную смену – 150 мужчин и 200 женщин. Летом 1944 года сортировочная площадка и складское помещение перемещаются в лагерь Аушвиц II-Биркенау, в специальный сектор ВIIg, расположенный недалеко от центральной сауны, а также Крематориев IV и V.

В феврале 1943 года увеличивают зондеркоманду, работающую в Крематории I Аушвица I. Один из членов команды, польский еврей Хенрик Таубер, стал исключением. Он смог проработать в зондеркоманде почти два года (продолжительность работы зондеркоманды, в среднем, составляли три месяца). Таубер пережил восстание в крематориях 1944 года, в ходе которого 3 из 23 солдат СС были убиты и совершил побег во время марша смерти. Он считается единственным выжившим свидетелем, который смог точно и подробно описать в мае 1945 года на польском судебном следствии в Освенциме под председательством судьи Яна Сена оборудование и работу крематориев и газовых камер. Он одним из первых свидетельствовал о применении Циклона Б в крематориях Аушвица и упомянул в своих показаниях «Ангела смерти» Йозефа Менгеле.

В феврале 1943 года 119 еврейских мальчиков в возрасте от 13 до 17 лет доставляют в лагерь из Замостья. Их помещают в мужской лагерь ВIIId Аушвица II-Биркенау, но не переодевают в лагерную робу.

23 февраля 1943 года убивают 39 мальчиков из прибывших. Им приказывают раздеться в туалете и по одному представляют медикам СС Герберту Шерпе и Эмилю Хантлю, которые убивают их инъекциями фенола в сердце. У Шерпе случается нервный срыв, и он отказывается убивать мальчиков, но Хантл завершает начатое. Судьба 80 оставшихся еврейских мальчиков решается 1 марта 1943 года. Их также заставляют раздеться и убивают по одному инъекцией фенола. Доктора Шерпе заменяет Йозеф Клер.

26 февраля 1943 года из Германии прибывает первый транспорт цыган в Аушвиц II-Биркенау.

«В феврале 1943 года комендант Освенцима получил по телеграфу важный документ из отделения V главного управления имперской безопасности, фигурирующего под названием управление уголовной полиции. В этом циркуляре говорилось, что вскоре в Освенцим будет направлено несколько тысяч цыган; в нём подчёркивалось, что временно “не надо относиться к цыганам, как к евреям”. И вскоре в Освенцим прибыл живописный цыганский люд; это были цыгане из Франции, Венгрии, Чехии, Польши и Германии. Они приехали с детьми и со всем своим движимым имуществом. Их поместили в Бжезинку, на специальном участке цыганского лагеря. Более подробные

инструкции относительно судьбы цыган пришли в марте; это были срочные письма на бумаге с красной каймой. В них говорилось, что по приказу рейхсфюрера все цыгане, “вне зависимости от степени смешения крови” должны быть направлены на работу в концентрационные лагеря» [Гесс 1975, с. 175].

«В 1942 г. был издан указ, согласно которому цыгане, проживающие на территории Германии, а также и те, у которых была примесь цыганской крови, должны быть арестованы и высланы в Освенцим. Исключение было сделано только для цыган двух главных родов, считавшихся чистыми с расовой точки зрения; этих цыган должны были поселить в Оденбургском округе около озера Нейзидлер. Цыгане, привезённые в Освенцим, должны были оставаться в так называемом семейном лагере до конца войны. Указания, на основании которых были проведены аресты, не были достаточно подробными; разные отделения уголовной полиции проводили их в жизнь по-разному, а потому дошло до того, что среди арестованных были такие лица, которые никак не должны были там оказаться. Не раз арестовывали солдат, приехавших с фронта в отпуск; многие из них были несколько раз ранены или имели высокие награды. Причиной этого было то обстоятельство, что отец, мать или дед их были цыганами или просто имели примесь цыганской крови» [Гесс 1975, с. 58–59].

«Некоторые цыгане только от нацистов узнали о том, что они не являются подлинными представителями немецкого народа, так как принадлежат к цыганской расе. Сложилась трагикомическая обстановка: в цыганском лагере очутились цыгане, награжденные железными крестами – так нацисты отблагодарили их за героизм на фронтах» [Краус 1960, с. 213].

«Девушки-машинистки из Вермахта, рабочие из ОТ, ученики консерваторий и другие, живущие солидно и работающие многие годы – все они вдруг оказались в лагере. Им вытатуировали номер на предплечье, остригли волосы, одели в бело-голубую полосатую лагерную одежду. Но это было ещё не всё, безумство ширилось. Были привезены с фронтов сотни солдат, которые даже и не подозревали, что в них есть примесь цыганской крови. Им приказали снять мундиры, а затем доставили в лагерь только потому, что они имели двенадцать процентов или ещё меньше цыганской крови. Каждый день люди, награждённые железным крестом, вдруг становились “антиобщественными” и попадали за колючую проволоку в Освенцим» [Гесс 1975, с. 175].

«Среди арестованных оказался даже один из видных партийных деятелей, дед которого прикочевал в Лейпциг, как цыган. Сам он был владельцем большого предприятия в Лейпциге, участвовал в мировой войне и был награждён. Одна из арестованных студенток оказалась председательницей союза немецких девушек в Берлине. Были и другие похожие случаи. Я написал об этом рапорт в управление имперской уголовной полиции, в результате чего были пересмотрены дела цыганского лагеря и последовали многочисленные

освобождения. Однако это было каплей в море среди огромной массы других узников. Я уже не помню сколько цыган и людей с примесью цыганской крови было в концентрационном лагере Освенцим. Знаю только, что они целиком занимали часть лагеря, рассчитанную на 10000 человек» [Гесс 1975, с. 58–59].

«Лагерь был переполнен детьми цыган, для которых устроили специальную площадку с большой надписью: «Детский сад». Туда загоняли детей и фотографировали их. Детей в лагере кормили очень плохо: начальство дополнительно выделяло им масло, но оно раскрадывалось, и дети его не видели» [Краус 1960, с. 213].

28 февраля 1943 года в лагере в Аушвиц II-Биркенау нацистские врачи отбирают больных и слабых и отправляют их на смерть. Отбор происходит на улице, и заключённые должны раздеться на морозе, поэтому часть из прошедших отбор позже заболевает пневмонией и умирает.

В мужском секторе VIb отбор опустошает блок 7, где находится больница; более 1000 женщин из женского сектора VIa не проходят отбор. Всех отобранных ведут в блоки смерти, после этого – в газовые камеры. Женщин везут в крематорий на кузовах грузовиков голыми и ещё живыми сваливают в кучу во дворе. Многие из них очень слабы и не могут встать, поэтому члены зондеркоманды уносят их в газовые камеры. Все заключённые знают, что их ждёт, но сопротивляться не могут.

«12 января 1943 года нашу команду переселили в Биркенау. Аушвицу немцы старались внешне придать вид рабочего лагеря. На территории лагеря редко можно было увидеть труп заключённого. Совершенно иначе дело выглядело в Биркенау. Здесь всё свидетельствовало о том, что мы находимся на фабрике смерти. Повсюду возле блоков лежали мёртвые или умирающие люди. Грязь в бараках царила неопишная. В зимние, морозные дни людей посылали в холодные бани, окатывали ледяной водой. Заболевших отправляли в газовые камеры. Сначала отправки производились раз в неделю, потом стали отправлять всё чаще и чаще. Ослабевшие, изможденные люди еле вытаскивали ноги из грязи, которой была покрыта вся площадь лагеря. А эсэсовцы, забавляясь, ставили им палки под ноги. Упадет человек, ему уже не встать. Однажды вечером, выходя на работу, я увидел два грузовика с прицепами, полные трупов» [Чёрная книга 1980, с. 423].

В марте 1943 года секретная радиостанция Польского Сопротивления сообщает, что в лагере убито 65 тысяч поляков, 26 тысяч советских военнопленных и 520 тысяч евреев. Эти цифры неточные, но они подтверждают, что Польша и союзники, воюющие с Гитлером, получают сведения и знают о массовых убийствах, происходящих в лагере.

2 марта 1943 года прибывает очередной транспорт из Франции. Из 1 132 депортированных евреев 100 человек выбираются для пополнения рядов зондеркоманды в составе трехсот человек. Большую часть людей из транспорта

отправляют в газовые камеры. Одним из избранных является сорокадвухлетний Хаим Герман. Перед смертью в ноябре 1944 года он успевает написать сообщение о своей работе в зондеркоманде и спрятать его в стеклянной бутылке под кучей пепла. Это свидетельство в виде письма родственникам от 6 ноября 1944 г. найдено в феврале 1945 г.

«Наш транспорт, который состоял из 1 132 человек, покинул Дранси 2 марта чуть свет, и мы прибыли сюда в сумерках 4 марта в скотном вагоне без воды. Когда мы выходили, уже было много мертвых и сумасшедших. 100 человек отобрали, чтобы выйти в лагере, там был и я, остальные поехали на газ и потом в печи. На следующий день после холодной ванны и без всего, что у нас было с собой (кроме пояса, который я все еще ношу на себе), с бритыми даже головами, не говоря об усах и бородаках, нас как будто случайно назначили в знаменитое “Зондер Коммандо”. Там нам объявили, что мы прибыли в качестве подкрепления, чтобы работать как похоронное бюро или как “хевра кедиша”. С тех пор прошло 20 месяцев, мне кажется – век, абсолютно невозможно написать вам обо всех испытаниях, которые я пережил тут, если вы будете жить, вы прочтете много произведений, написанных об этом зондер коммандо. Но я прошу вас никогда не судить обо мне плохо, и, если среди наших были хорошие и плохие, то я, конечно же, не был среди последних. В этот период я делал всё, что было в моей возможности, не боясь ни риска, ни гибели, чтобы облегчить участь несчастных или, если я из соображений такта не могу написать вам об их участии, знайте, что моя совесть чиста и накануне моей смерти я могу гордиться этим.

Вначале я много страдал, даже просто от голода, я иногда думал о куске хлеба и ещё больше о глотке горячего кофе. Многие мои товарищи пали либо от болезней, либо их просто убивали, каждую неделю их насчитывалось всё меньше, в настоящее время нас осталось только 2 (двое) из нашей сотни. Правда, что, в общем, многие встретили более или менее славную смерть, и, что если я не был среди них, то это не от трусости, нет, но просто случайно. В любом случае, моя очередь придёт в течение этой недели, быть может.

Мои физические страдания закончились к сентябрю 1943. С тех пор, как я учу своего шефа играть в белот, играя с ним, я был освобожден от тяжелых и утомительных работ. За это время я стал просто скелетоподобным, мои руки даже не узнавали моего тела, когда терли его, но с тех пор я исправляюсь и сейчас, когда у нас всё есть, и особенно с мая 1944, у нас в досталь всего (кроме драгоценной свободы). Я очень хорошо одет, проживание и питание хорошие, я в полном здоровье, без живота, конечно, вполне стройный и спортивный, только голова седая, мне дают 30 лет.

Во время всех этих двадцати месяцев здесь, я всегда считал самым приятным время на своей кровати, на которую я ложился с мыслью, что я среди вас, что я с вами говорю и часто я видел вас в моих снах...» [Полян 2013, с. 435–436].

4 марта 1943 года начало пробной эксплуатации Крематория II в Аушвице II-Биркенау. Из Крематория I Аушвица I прибывают двенадцать обученных заключенных-евреев. Из крематория в лагере Бухенвальд прибывает тридцатилетний немецкий заключенный Август Брюк, профессиональный преступник, который становится главой капо специального отряда всех четырех крематориев.

5 марта 1943 года в Крематории II происходит показательная кремация 45 мужских трупов, доставленных из Бункера II. Кремация происходит под наблюдением экспертной комиссии из Берлина. Они наблюдают за процессом с секундомерами в руках, регулярно заглядывают в печи, чтобы оценить горение трупов. Выясняют, что тела горят около 45 минут – дольше, чем рассчитывают эксперты. По их мнению, это вызвано недостаточным просушиванием печей. Дается команда топить печи в течение недели без сжигания тел.

13 марта 1943 года в Крематории II проводят первые отравления газом. Жертвами стали 1 492 мужчины, женщины и дети из гетто в Кракове. За событием также наблюдают эксперты из Берлина. Для их удобства свет в газовой камере не выключается, что позволяет почётным гостям через глазок наблюдать за умирающими людьми. Смерть от отравления газом наступает через пять минут, но сжигание тел занимает два дня.

20 марта 1943 года транспорт в составе 2 800 человек прибывает из Салоников. Селекцию проходит малая часть, остальные отправлены в газовые камеры.

«До весны 1943 года транспорты людей шли преимущественно из польских областей, отнесенных гитлеровцами к Третьему Рейху, частично также из “генерал-губернаторства”. Затем стали прибывать первые транспорты из Греции, Чехословакии, Германии, Франции» [Чёрная книга 1980, с. 424].

22 марта 1943 года Крематорий IV официально начинает свою работу. После двух недель работы печь с четырьмя двойными камерами ломается, и после тщетных попыток починить её крематорий закрывается в мае 1943 года.

31 марта 1943 года – официальное открытие Крематория II.

4 апреля 1943 года официально открыт Крематорий V.

Бесполезный Бункер I и раздевалки возле Бункера II решают снести.

В апреле 1943 года начинаются эксперименты в печально известном женском Блоке 10 Аушвица I. В оборудованной исследовательской лаборатории доктор Карл Клауберг продолжает свои эксперименты по стерилизации. Постепенно в закрытом Блоке 10 создаются три палаты. Одна принадлежит доктору Клаубергу, одна доктору Шуману и главврачу Виртсу, третья является лабораторией Гигиенического института.

«... блок десятый, экспериментальный. Там производят искусственное оплодотворение (так говорят), прививают тиф, малярию, делают хирургические операции. Я мельком видел того, кто занимается этой работой: в зелёном охотничьем костюме, в тирольской шляпе, утыканной спортивными значками, лицо добродушного сатира. Говорят, профессор университета» [Боровски].

«Безумный доктор жаждал окончательно утвердить нацистское верховенство над миром и искал самый быстрый и экономичный способ массовой стерилизации человеческих существ. Клауберг прибегал к изощренным, диким, абсурдным средствам – высоким дозам рентгеновского облучения, впрыскиванию растворов, обжигавших и убивавших «пациенток», и работал он по приказу и под наблюдением самого Гиммлера» [Фельштейн 2021, с. 156].

В апреле 1943 года оберштурмфюрер СС, начальница женского отделения концентрационного лагеря Аушвиц-Биркенау Мария Мандель добивается у коменданта лагеря Рудольфа Хёсса разрешение на создание женского оркестра, который размещают в Блоке 12 и называют «музыкальный блок». Руководителем и дирижёром становится политзаключённая из Польши, бывшая учительница музыки Зофья Чайковска (Зофия Чаковска). Оркестр начинает увеличиваться, когда в мае 1943 года в него разрешают принимать евреев, которые прибывают из разных стран, включая Австрию, Бельгию, Венгрию, Германию, Голландию, Грецию, Польшу, Францию, Чехословакию и Советский Союз. С июня 1943 года женский оркестр провожает и встречает музыкой узниц, работающих за пределами лагеря. Репертуар оркестра совершенствуется, когда в августе 1943 во главе его становится скрипачка с мировым именем Альма Розе, изначально попавшая в конце июля 1943 в блок №10, где на женщинах проводили опыты по стерилизации.

«Слухи о прибытии Альмы Розе – скрипачки из Вены – быстро дошли до Марии Мандель. Альма была как раз тем человеком, который мог помочь удовлетворить её амбиции. Перевести Альму в “музыкальный блок” не составляло труда – просьба начальницы женского лагеря была выполнена без промедлений» [Штильман].

В мае 1943 года в результате слияния австрийской группы сопротивления и польской группы сопротивления образована нелегальная организация «Боевая группа Освенцим» (нем. *Kampfgruppe Auschwitz*). Основным местом её деятельности является лагерь Аушвиц I, но её контакты распространяются на лагерь Аушвиц II-Биркенау и на другие лагеря-спутники. Значительную роль в этой группе играют польские военнопленные. Постепенно они начинают сотрудничать и с заключёнными-евреями.

«В конце 1943 года в лагере возникла организация сопротивления. Как в саму организацию, так и в руководство входили люди различных национальностей. Работа велась первое время среди заключённых каждой национальности отдельно. Мы знали, что во главе организации стоят коммунисты. <...> Первое время организация ставила перед собой главным образом задачу оказания помощи наиболее нуждавшимся товарищам. Затем организовали передачу информации. Через товарищей, работавших в радиомастерской, удалось установить более или менее регулярное слушание советского радио, и сведения о победах Красной Армии, передаваемые из уст в

уста, вливали в нас бодрость и веру в то, что приближается час расплаты с гитлеровскими людоедами. Мы на заводе тайком заготовили ножницы, готовясь в соответствующий момент перерезать провололочные заграждения вокруг лагеря. Мы перешли к проведению актов саботажа на заводе: замедлению темпа работы, порче станков» [Чёрная книга 1980, с. 428–429].

В мае 1943 года немецкий врач и бактериолог, оберштурмфюрер СС Бруно Мария Вебер становится главой Гигиенического института в Аушвице. С этого времени в лаборатории Блока 10 многие пациенты спасаются, так как эксперименты, проводимые над ними, менее опасны.

С другой стороны, большое количество крови, которое берут у заключённых, сильно их ослабляет, а иногда и приводит к смерти. Также в лаборатории занимаются культивированием бактерий. Поначалу для этой цели используют говядину, но её начинают воровать, и тогда, культивировать бактерии решают в человеческом мясе. Его получают, отрезая куски от ягодиц и бедер, казнённых в соседнем дворе, или привозят из Крематория III.

22 мая 1943 года обшивка дымохода Крематория II начинает разрушаться, и поэтому он приостанавливает работу на целый месяц.

Конец мая 1943 года в лагерь прибывает тридцатидвухлетний нацистский врач гауптштурмфюрер СС Йозеф Менгеле. Его пятилетняя армейская карьера завершена после ранения. В историю он войдёт не как военный, а как «Доктор смерть из Аушвица».

В июне 1943 года в лагере начинается новая эпидемия тифа. Лекарств, которые могли бы спасти заключённых, катастрофически мало. Перед лагерными врачами стоит непростой выбор, кого спасать, а кому дать умереть. Предпочтение отдается привилегированным заключённым или тем, у кого есть связи.

«Брюшной тиф, сыпной тиф и скарлатина забирали людей с пугающей частотой, не уступая первенства не менее смертельным диарее и дизентерии. <...> Вши появились у нас в начале зимы 1943 года, и мы каждое воскресенье после вечерней переключки выстраивались для проверки на наличие паразитов, попутно вытряхивая все из швов на одежде на тот случай, если нас обвинят в распространении этой заразы» [Гив 2022, с. 175].

В июне 1943 года прибывает транспорт с заключёнными из польского города Люблин. Обнажённых людей запирают в блоках смерти и оставляют без еды и воды дожидаться отравления газом в течение двух дней. Когда их перевозят в крематории, многие из них настолько слабы, что членам зондеркоманды приходится нести их в грузовики, а потом – в газовые камеры.

24 июня 1943 года открывают Крематорий III. На момент передачи в газовой камере уже установлено 14 фальшивых душевых насадок.

Летом 1943 года происходят значительные изменения.

Евреев стали назначать капо и лидерами блоков.

В июне 1943 года в Блоке 24 лагеря Аушвиц I (сразу же за воротами с лозунгом «Труд освобождает») открыт бордель для привилегированных узников. Заключённые немцы и поляки допускаются, с соблюдением расовых норм: немцы должны ходить только к немецким женщинам, славяне – к славянкам. Заключённые-евреи и русские в бордель не допускались.

Девушки, большинству из которых только исполнилось 20 лет, обслуживали мужчин в часы посещений с 20.00 до 22.00. Через дверные глазки надзирательницы следили, чтобы женщина не проводила с посетителем более 15 минут. Мужчин, которые награждались посещением борделя, называли на проверке, в здание их конвоировала охрана, перед посещением они подвергались унижительному медосмотру.

Проститутки, преимущественно немки и польки, имели отдельную комнату с мебелью, получали пищу с эсэсовской кухни и красивое бельё со складов «Канады».

Открытие публичного дома преследовало и ещё одну цель – борьба с безудержными гомосексуальными связями между заключёнными. Эсэсовцы не могли не заметить, что многие тюремные служащие используют красивых мальчиков или юношей для своего физического удовлетворения. Раскрытие любых заключённых-гомосексуалистов превращало их жизнь в ад.

«... самая большая толпа собирается перед канцелярским блоком, и не потому, что там есть зал для оркестра, библиотека и музей, но просто потому, что на втором этаже там – «пуфф» <...> Внутрь можно проникнуть только через канцелярию, по талону, который является наградой за хорошую, усердную работу» [Боровски].

«Как нам потом объяснили, эта затея возникла у лагерного начальства не случайно. В мужском лагере все больше заключённых участвовало в политических заговорах. Начальство решило придумать что-нибудь такое, что отвлечло бы мужчин от политики. Мужчины должны отныне интересоваться “пуфом”» [Живульская].

«Не так давно для образцовых работников в Освенциме ввели систему бонусных купонов. Получать их могли только неевреи в статусе квалифицированных специалистов; на купоны в лагерьном буфете предлагалось покупать предметы роскоши вроде табака или туалетной бумаги. <...>

Для многих главная привлекательность купонов заключалась в том, что ими можно было расплачиваться в лагерьном борделе. Это нововведение также являлось инициативой Гиммлера в поддержку интенсивного труда. Бордель стоял за колючей проволокой рядом с лагерьными кухнями и проходил под эвфемизмом «женский блок». Там работали арестантки из Биркенау – немки, польки, чешки, но ни в коем случае нееврейки, – вызвавшиеся «добровольно», когда им пообещали последующее освобождение. Для посещения борделя требовалось записаться в очередь, а записывали в нее только заключённых-арийцев с достаточным количеством набранных купонов. Перед визитом

клиенту делали укол от венерических заболеваний, и эсэсовский офицер назначал ему женщину и комнату. Днем, когда бордель был закрыт, женщин нередко видели прогуливающимися за пределами лагеря, каждую в сопровождении блок фюрера. <...>

Через некоторое время женщин заменили новой партией молоденьких полек. Первая партия, пережившая несколько месяцев унижений ради обещанной свободы, отправилась назад в Биркенау. Из лагеря их так и не выпустили» [Дронфилд 2023, с. 302–304].

«На последнем этаже двадцать четвёртого блока, прямо над помещением лагерного оркестра, располагался бордель. В него попали женщины со всей Европы, большинство из которых занимались древнейшей профессией ещё до того, как оказались в лагере.

Заключённым-немцам позволялось нанести визит одной из двух десятков женщин раз в две недели. Узникам, за исключением русских и евреев, раз в несколько месяцев выдавался металлический диск, служивший входным билетом. У высокопоставленных сотрудников лагеря тоже были свои любимцы, женщины, которые им нравились. В обмен на подарки, которые за верёвку поднимались к заднему окну, девушки разрешали им задержаться дольше положенных пятнадцати минут.

По странной иронии, проститутки, арестованные за своё ремесло, теперь должны были работать по приказу тех, кто их арестовал. Они обслуживали и узников, и охранников, а поэтому им редко дозволялось покидать свои комнаты. В те короткие мгновения, когда они могли подойти к окнам, мы не упускали случая полюбоваться ими.

Зачастую они высматривали во дворе совсем юных или обессиленных узников. Они подзывали их встать под окно и бросали им хлебный паёк. Это был их способ по-матерински помочь нам, несмотря на трудности, которые все мы преодолевали. Женщины вызывали у нас искреннее уважение» [Гив 2022, с. 164–165].

12 июля 1943 года заключённых-мужчин из блока ВІb переводят в ВІІd, а женский лагерь расширяется на весь сектор ВІ Аушвица II-Биркенау. Членов зондеркоманды переводят в изолированный Блок 13 в секторе ВІІd. Этот блок окружён высокой стеной, а вход в него охраняет заключённый из зондеркоманды.

Зондеркоманда делится на пять групп. За каждым крематорием закрепляется одна команда, а пятая убирает останки в Бункере II.

«У нас укрепилось убеждение, что люди из зондеркоманды – чудовища, ибо как иначе они могли бы выполнять такую работу. Смотрю поэтому на них холодно и презрительно. Задерживаюсь взглядом на одном, лицо которого кажется мне интеллигентным. Как может он сжигать человеческие трупы!

Человек из зондеркоманды выпрямляется и глядит на меня вызывающе.

– Почему вы на меня так смотрите, что вам во мне не нравится?

– Ваша работа, – отвечаю я зло.

Он подходит ближе и начинает объяснять – нервно, возбужденно, взволнованно, – будто каждое слово решает вопрос его жизни. Меня испугала его реакция на один только взгляд.

– А вы думаете, я напрашивался на эту работу? Вы ведь должны знать, как нас набирают, как нам приказывают. Как мы ни голодаем, но стараемся любым способом скрыться во время этих кошмарных переключек, чтобы не быть выловленными. Но меня нашли, вытащили из толпы. Конечно, я мог броситься на проволоку, это всегда возможно. Некоторые так и делали, не выдержали. А я хочу жить. Вдруг произойдет чудо, которого мы все ждём! Может, сегодня, может, завтра нас освободят. Тогда я буду мстить, тогда я, непосредственный свидетель, расскажу миру, как там ... внутри ... как это происходит» [Живульская].

19 июля 1943 года Крематорий I в Аушвице I прекращает работу. Последних узников, которые там служили, переводят в зондеркоманду Аушвица II-Биркенау.

В августе 1943 года одобрены медицинские гранты для проведения экспериментов над заключенными. Доктор Менгеле получает два гранта. Первый – для изучения специфических белковых структур, второй – для исследования цвета глаз.

7 сентября 1943 года основан семейный лагерь для чешских евреев в Аушвице II-Биркенау. Более 5 000 человек прибывает на транспорте из Терезиенштадта. В отличие от всех остальных депортированных, они не проходят отбор, им разрешают оставить свои вещи и не стричься. Их помещают в сектор ВІІЬ с пометкой, что они находятся на шестимесячном карантине.

Причина создания этого лагеря неизвестна. Есть предположения, что он был нужен нацистам из пропагандистских соображений, чтобы показать хорошие условия, в которых живут евреи в концлагерях.

«Весь лагерь поразило то, что впервые в истории Биркенау никого из вновь прибывших евреев не отправили в газовые камеры. Всех их, мужчин, женщин и детей, стариков и больных, отправили в новый лагерь ВІІ, который стал называться семейным лагерем чешских евреев.

В то время строительство лагеря ещё не закончили. В недостроенных блоках не было ни нар, ни постелей. И долгое время заключённые не имели воды. Старшим по лагерю командование по старой традиции назначило немецкого преступника, убийцу Арно Бема из Франкфурта-на-Майне. Ему было поручено руководить работами по достройке лагеря. Прежде всего он оборудовал себе квартиру, роскошно обставил её и в услужение взял самых красивых молодых узниц. Этот убийца побоями и издевательствами отравлял жизнь заключённым. Особенно он любил бить женщин» [Краус 1960, с. 180].

23 октября 1943 года прибывает транспорт из Берген-Бельзена из 1 800 человек. У еврейских семей с собой документы для иммиграции в Южную

Америку, и они считают, что едут в Швейцарию, откуда должны отправиться в конечные пункты назначения. Оказавшись в раздевалке, они оказывают сопротивление, во время которого ранены немецкие офицеры. Восстание подавлены, все прибывшие – убиты.

В октябре 1943 года начинает работу компания “Weichsel Union Metallwerke”. 2 000 заключенных работают, изготавливая воспламенители для артиллерийских снарядов. У них есть доступ к пороху.

Часть зондеркоманды начинает обдумывать план восстания.

Осенью 1943 года в лагерь прибывает следственный судья оберштурмфюрер СС Конрад Морган; задача которого выявить любую коррупцию и обогащение офицеров СС. В начале расследования он находит в шкафчиках золото, жемчуг, кольца и деньги в различной валюте. Два охранника арестованы.

Судья также расследует сексуальное поведение офицеров СС в лагере, исследует наличие запрещенных сексуальных отношений с еврейскими женщинами. В одном деле оказывается замешанным сам комендант Хёсс.

В ноябре 1943 года арестован комиссар лагерного гестапо Максимилиан Грабнер. В ходе расследования выявляются не только факты коррупции, но и произвольные убийства заключенных. Грабнер предстает перед судом, но его дело откладывается. Палачу Бернарду Паличу также инкриминируют обогащение и коррупцию, его переводят в Брно. Снят с должности комендант лагеря Рудольф Хёсс.

«Новый комендант лагеря, Артур Либехеншель, вступил в должность в ноябре 1943 года. Он устроил ротацию всему персоналу лагеря и снова вернул в ряды лагерного СС порядок и дисциплину» [Макадэм 2022, с. 281].

После этого, жизнь заключённых немного улучшается, но ненадолго.

После ранения на фронте в звании обершарфюрера СС в Аушвиц переводят Вильгельма Богера. В его обязанности входит наблюдение за заключёнными, поддержание порядка в лагере, борьба с сопротивлением и проведение допросов. Его жестокие методы продолжаются до января 1945 года.

Он изобретает орудие пыток из двух вертикальных столбов, известное как «Качели Богера». Обнажённого заключённого подвешивали вверх ногами, а запястья привязывали к лодыжкам или брускам. Охранник бьет заключённого по ягодицам ломом до тех пор, пока с жертвы не свисает кожа. Некоторые из допрошенных умирают во время пыток. После пыток на полу оставались куски кожи и мяса.

Рудольф Хёсс получает повышение и переводится в Инспекцию концлагерей, но семью оставляет на своей комендантской вилле на окраине Аушвица I.

«“Присвоение” вещей охранниками нацисты считали серьёзной проблемой. Все официально разграбленное имущество должно было быть учтено в Берлине, но многие солдаты в лагере занимались полномасштабной коррупцией и основывали целые состояния на кражах из “Канады”. На одном

этапе, до нашего прибытия, нацисты начали расследовать дела коррупции в лагере и арестовали многих охранников, а также временно отстранили коменданта Рудольфа Хесса. (На самом деле он был повышен до должности берлинского инспектора всех концентрационных лагерей, но он так любил Аушвиц, что вернулся обратно ко времени нашего приезда)» [Шлосс 2021, с. 155].

28 ноября 1943 года последних советских военнопленных отравляют газом.

«Последний раз массовое отравление советских военнопленных было проведено 28 ноября 1943 года, когда в Освенцим прибыл эшелон советских военнопленных из эстонского лагеря. В эшелоне находилось всего 334 человека, в основном тяжело раненные или обмороженные солдаты. Их погрузили в автомашины с фальшивым пропуском до Люблина и отправили в газовые камеры» [Краус 1960, с. 201].

В декабре 1943 года газом отравлены евреи из бельгийских, французских и голландских транспортов, а также итальянские евреи из Риеки, Триеста и Рима.

12 декабря 1943 года в женском лагере Аушвица II-Биркенау 2 000 заключённых отправляются в газовые камеры.

16 декабря 1943 года прибывает новый транспорт из Терезиенштадта. 2 491 чешских евреев не приходится проходить отбор и их размещают в семейном лагере в секторе ВІІб Аушвиц II-Биркенау.

20 декабря 1943 года транспорт доставляет еще 2 471 еврея из чешского Терезиенштадта. Их также без селекции размещаются в секторе ВІІб.

В семейном лагере мужчины и женщины живут в одном секторе, но отдельно. Взрослые работают в различных командос, около пятисот детей в возрасте до 15 лет допущены к обучению. Двухлетним Фреди Хирш, который был заместителем надзирателя за детьми в Терезиенштадте, становится надзирателем детского блока в семейном лагере Терезиенштадт в Биркенау.

«В этом эшелоне находились также начальник терезинского гетто Якуб Эдельштейн и его ближайшие помощники. Их отделили от семей и отправили в лагерь Освенцим I и там поместили в тюремный блок № 11. Это было наказание за содействие побегам из Терезина.

Чешский семейный лагерь получил лекарства, в нем оборудовали амбулаторию. Чешских врачей командование лагеря призвало к сотрудничеству с эсэсовскими врачами. Врач-эсэсовец часто ходил в детский дом лагеря и следил за воспитательной работой и состоянием медицинского обслуживания. Однажды начальник детского дома Гирш получил распоряжение направить в Швейцарию “объективный” отчет о положении детей и состоянии воспитательной работы в чешском лагере» [Краус 1960, с. 182–183].

24 декабря 1943 года в канун Рождества в Аушвице II-Биркенау проходит обширный отбор и в газовые камеры увозят пять грузовиков с заключёнными, не прошедшими отбор.

27 декабря 1943 года от тифа умирает главный надзиратель зондеркоманды Август Брюк. Временно главой Капо назначается еврей Яков Камински. Он производит хорошее впечатление на офицеров СС: внешне привлекательный, ходит с тростью и вежлив с сокамерниками. Он умеет «организовывать», поддерживает порядок и пользуется уважением как офицеров СС, так и подчинённых. Он часто кричит, но никогда никого не бьёт. На своей новой работе он может свободно передвигаться по лагерю и начинает устанавливать контакты с тайным движением сопротивления.

В декабре 1943 года лагерь разделяется на три административные единицы. Артур Либехеншель, который также является комендантом всего комплекса, возглавляет Аушвиц I, оберштурмфюрер СС Фридрих Харьенштейн возглавляет Аушвиц II-Биркенау, а Генрих Шварц возглавляет Аушвиц III-Моновиц.

В конце 1943 года устанавливается связь между группой сопротивления в Аушвице II-Биркенау и членами зондеркоманды. С одной стороны, контакты поддерживает член зондеркоманды, словацкий еврей Филип Мюллер, позже – Капо Камински; с другой стороны – рабочие слесарной мастерской, сорокачетырёхлетний Ота Краус и тридцатидвухлетний Эрих Кулка.

2.5. 1944 год: массовое прибытие венгерских евреев

«Зимой 1943–1944 года было доставлено несколько транспортов людей из Белостока – участников восстания Белостокского гетто. Многие из них были расстреляны эсэсовцами сразу же, при выгрузке из вагонов, это был первый случай массового расстрела на железнодорожной платформе. Остальные были отправлены в газовые камеры. В лагерь из этих транспортов не было доставлено ни одного человека» [Чёрная книга 1980, с. 426].

В начале января 1944 года пять членов зондеркоманды пытаются сбежать и подкупают для этого офицера СС. Последний не только не сдерживает обещание, но и расстреливает беглецов. Он получает «взятку» от пытающихся сбежать, и неделю дополнительного отпуска от руководства в качестве поощрения.

«Узники зондеркоманды жили в Бжезинке в специальных блоках, отделённых от других лагерных помещений деревянным забором. В течение нескольких недель в районе, окружавшем лагерь, не таком уж болотистом и даже живописном, можно было увидеть огромные беловатые тучи дыма. Хотя никто без специального пропуска не мог приблизиться к этому месту, запах и белые тучи над Бжезинкой подтверждали расползавшиеся слухи. Тяжёлые наказания ждали эсэсовцев, если кому-нибудь из узников этой команды удалось бы сбежать» [Гесс 1975, с. 158].

24 февраля 1944 года 200 заключенных из зондеркоманды выбирают для отправки в Майданек якобы в качестве специалистов по эксплуатации крематориев. Их сразу же расстреливают и кремируют по прибытии в новый лагерь. Об этом становится известно в Аушвице. Члены зондеркоманды воспринимают этот акт устрашения как месть за январскую попытку побега.

Весной 1944 года внутри лагеря Аушвиц II-Биркенау строится новая железнодорожная рампа (сооружение, предназначенное для производства погрузочно-разгрузочных работ) по которому де-факто жертвы доставляются во двор Крематориев II и III.

«Раньше транспорты останавливались на станции Освенцим. Там их разгружали, там же проходил отбор, и “счастливые” входили в ворота лагеря, а остальных, приговоренных к смерти, отвозили на машинах прямо в крематорий. Но это показалось немцам невыгодным, и от железной дороги в Освенциме построили силами заключённых ветку, которая вела к самим печам. <...> Как страшно было смотреть на идущих без конца в сторону крематория женщин, мужчин, стариков и детей. Они настолько не понимали того, что их ждет, что сокрушались о своем багаже, оставленном на дороге. Транспорты в это время приходили так часто, что багаж не успевали убирать; гора вещей росла, а их хозяев в живых уже не было...» [Чёрная книга 1980, с. 415].

В начале марта 1944 года убивают всех заключённых, прибывших из Терезиенштадта в сентябре 1943 года. Рудольф Врба, который совершит успешный побег в апреле 1944 года, сообщает Хиршу о подготовке к ликвидации семейного лагеря и призывает его возглавить восстание. Хирш просит час на размышление, но, когда Врба возвращается, то находит Хирша в коме. Не установлено, было ли это самоубийство или его отравили врачи.

«2 марта 1944 года заключенным семейного лагеря чешских евреев роздали специальные бланки для корреспонденции и приказали письма пометить 25 марта 1944 года. Уже 4 марта распространились слухи о том, что лагерь будет ликвидирован, так как кончается полугодовой карантин. 5 марта в канцелярию лагеря пришел сам комендант Шварцгубер и объявил, что заключённые, прибывшие в сентябре 1943 года, будут отправлены в другое место. <...>

7 марта 1944 года Шварцгубер распорядился всех заключённых, прибывших в сентябре 1943 года (а их было 3 800 человек), перевести в мужской карантинный лагерь ВIIа. И он снова успокоил людей тем, что речь идет об их переброске в новый семейный лагерь в Гейдебреке. Заключённым разрешили взять с собой все носильные вещи и постельные принадлежности. Шварцгубер сказал также, что поедут только здоровые, а больные и старики могут остаться в Биркенау. Это была ложь. В ночь на 8 марта 1944 года всех заключённых отравили. <...>

Большинство наших соотечественников, прибывших в Биркенау позднее, не верило, что нацисты уничтожили весь эшелон, приехавший в лагерь в сентябре 1943 года. Они ссылались на письма заключённых, помеченные 25 марта 1944 года и отправленные якобы из Дахау (так было указано в обратном

адресе). А ведь это письма, отправленные из Биркенау 2 марта 1944 года с датой 25 марта» [Краус 1960, с. 183, 184, 188].

19 марта 1944 года немецкие войска оккупируют Венгрию.

В апреле 1944 года выходит приказ о переселении всех венгерских евреев, кроме жителей Будапешта, в гетто, откуда их постепенно депортируют в концлагеря. Приказ министра внутренних дел Венгрии о создании гетто в Будапеште вышел 15 июня 1944 году. Сразу после образования гетто будапештских евреев депортируют в лагеря смерти.

«Весной 1944 года Освенцим был в расцвете своей деятельности. Длинные составы курсировали между лагерем в Бжезинке и Венгрией, туда и обратно. Предполагали уничтожить всех венгерских евреев за один раз. Ответственность за это мероприятие нёс бывший комендант Освенцима штурмбанфюрер СС Гесс, возглавлявший теперь отделение Д I главного административно-хозяйственного управления СС в Берлине. Комендантом лагеря в Бжезинке был тогда гауптштурмфюрер СС Крамер, позднее продолжавший свою бесчестную деятельность в Бельзен. Железнодорожная ветка, ведущая к новым крематориям, состояла из трёх путей. Это давало возможность пропускать больше составов с людьми, обречёнными на смерть.

В среднем в Бжезинку привозили каждый день около 10 000 человек» [Гесс 1975, с. 171–172].

10 апреля 1944 года два словацких еврея, девятнадцатилетний Рудольф Врба (лагерный номер – 44070) и двадцатилетний Альфред Ветцлер (номер – 29162) совершают побег.

«Чтобы выбраться из лагеря, нужны подробный план, поддержка и удача – без последней у охраны под носом незаметно не пробраться. Днем рабочие команды окружали по несколько вооруженных часовых. По ночам территорию лагеря освещали дуговые лампы высокого напряжения, установленные над ограждением из колючей проволоки. На смотровых башнях всегда стояли вооруженные часовые. Лагерь Биркенау также окружал широкий и глубокий ров, заполненный водой. В распоряжении СС находилось 3 тысячи охранников и тысяча собак.

Потенциального “бегуна” мог выдать другой заключённый ещё до попытки побега. В лагере было много осведомителей – ими руководили озлобленность, жажда вознаграждения, даже страх массовых наказаний, которые нередко применялись, стоило завывать охранной сирене. <...>

Не последнюю роль в попытке побега играл внешний вид. Истощённая, крапчатая фигурка с бритой головой и татуировкой на руке – сразу ясно, что человек бежал из Освенцима. Чтобы сойти за “человека” вместо “недочеловека”, согласно категориям нацистов, нужна была соответствующая одежда. Администрация Освенцима прекрасно знала, что полосатая или помеченная одежда заключённых сразу их выдаст. Она много раз предпринимала конкретные попытки запретить гражданским лицам передавать одежду заключённым и

напоминала эсэсовцам, что предметы формы оставлять без присмотра ни в коем случае нельзя» [Эдлингтон 2022, с. 239–240].

11 апреля 1944 года прибывают 2 500 греческих евреев из Афин, 320 мужчин отбирают для работы в лагере; большая часть из которых направляется в изолированный блок 13 для укрепления рядов зондеркоманды.

«Заключенные греки рассказывали нам, что немцы создали в Греции особые канцелярии по закупке земли.

Выплатившие за землю получали квитанцию, которую должны были предъявить по прибытии на новую территорию. Однако никто из несчастных греков в эту обещанную землю не попал – все очутились в Биркенау. А когда они показывали свои удостоверения, эсэсовцы издевались над ними и избивали их.

Большую часть греческих заключённых посылали прямо в газовые камеры, остальных же отправляли в лагерь на самые тяжелые работы. Незнание немецкого языка осложняло их положение в лагере, а суровый климат ускорил гибель. <...>

Поскольку нацисты в Греции очень опасались, что преследуемые ими люди перейдут на сторону партизан, то Вислецини [*Вислецини – гауптштурмфюрер СС, работал под руководством Адольфа Эйхмана по делам еврейской эмиграции. С октября 1943 года начальник полиции в Афинах, в марте-августе 1944 руководит депортацией евреев из города Салоники*], организуя отправку греков в Освенцим, прибегал к хитрости и лжи. Каждый человек, отправляемый в Освенцим, получал обычный железнодорожный билет. Это обманывало людей, и они спокойно ехали на новое место жительства. Тысячи таких железнодорожных билетов теперь хранятся в музее Освенцима» [Краус 1960, с. 203–204].

«В одном из греческих транспортов был доставлен детский дом. На железнодорожной платформе эсэсовцы хотели отделить от детей прибывшую вместе с ними воспитательницу. Она категорически отказалась оставить детей одних и ушла вместе с ними в газовую камеру» [Чёрная книга 1980, с. 425].

29 апреля 1944 года первый транспорт из 1 800 венгерских евреев прибывает в лагерь Аушвиц II-Биркенау.

«Первые венгерские эшелоны пришли из Закарпатской Украины в конце апреля 1944 года. В июле 1944 года поступило столько эшелонов, что пришлось открыть новые лагеря в секторе VII. Но их тоже не хватало, поэтому заселили недостроенный сектор VIII. Поезда прибывали беспрестанно. Вереница вагонов протянулась от Биркенау до самого Освенцима. На платформе скопились груды вещей, потому что машины не успевали отвозить их на склады. Команда Канада, а в ней было тогда 2 тысячи человек, работала и днем, и ночью, однако масса продуктов, одежды, детских колясок, белья, обуви, различных инструментов, книг и так далее не убывала. Все это лежало прямо на улице, ничем не

защищённое от дождя, и многие вещи портились. Эсэсовцы от бесконечной приёмки новых эшелонов и неумеренного употребления спиртных напитков валились с ног» [Краус 1960, с. 205].

В мае 1944 года начинаются систематические депортации венгерских евреев в Аушвиц. Всего депортировано около 440 000 евреев.

Подготовка к убийству большого числа венгерских евреев велась активно. Готовят все имеющиеся лагерные помещения, предназначенные для массовых убийств. Крематории II и III работают с перерывами с конца 1943 г. Крематории IV и V не работают. Крематорий IV практически прекратил свое существование с момента запуска. Крематории переоборудуют и ремонтируют, в том числе двери, ведущие в камеры у печей. Сведения о работе Крематория IV расходятся, он или запускается на очень короткое время, или находится в таком плохом состоянии, что уже не подлежит ремонту и остается закрытым.

«Все четыре крематории работали в полную силу. Однако в результате перегрузки, снова перегорели печи и только крематорий IV ещё дымил. Ничего не помогло, снова нужно было разжигать костры, чтобы уничтожать растущие за крематориями горы из тысячи трупов. Едва замирал последний стон, газовые камеры открывали для проветривания. Лагерные улицы были переполнены некончающимися колоннами новых жертв. Зондеркоманды работали лихорадочно, чтобы освободить как можно быстрее газовые камеры. Один из белых крестьянских домиков снова начал работать» [Гесс СС 1975, с. 172].

2 мая 1944 года прибывают два эшелона с 3 800 венгерскими евреями, большинство из которых сразу после отбора отправляют в газовые камеры.

«Нацистская пропаганда старалась успокоить родственников жертв Биркенау, оставшихся в Венгрии. Венгерских заключённых заставляли писать на листках для писем один и тот же текст: “Мне живётся хорошо”. Даже те, кто прямо из поезда попадал в газовые камеры, должны были написать перед смертью на родину и тем создать фашистам своеобразное алиби. В раздевалке крематория им раздавались листки для писем и приказывалось немедленно писать домой. В строке для обратного адреса они должны были указывать адрес, существовавший только в головах эсэсовцев: “Трудовой лагерь Вальдзее”» [Краус 1960, с. 205].

«Первые партии венгерских евреев доставлялись в лагерь. Их заставляли писать домой письма о том, что они находятся в районе Вальдзее, вблизи Вены, и живется им хорошо. Вскоре, однако, эшелоны стали подвозить прямо к газовым камерам. Людей убеждали, что их ведут в баню, и они спокойно стояли у камер, дожидаясь своей очереди. Газовые камеры “пропускали” тогда ежедневно по двадцать-двадцать шесть тысяч человек. Крематории не в состоянии были справиться с таким огромным количеством трупов, и вокруг лагеря день и ночь пылали костры. Казалось, что всё кругом охвачено пламенем, отовсюду доносился запах горелого человеческого тела. Клубы дыма стлались

по земле. Мы вдыхали этот запах, этот дым – он душил, сводил нас с ума» [Чёрная книга 1980, с. 427].

8 мая 1944 года Рудольф Хёсс возвращается в качестве главного коменданта лагерного комплекса Освенцим, а Артура Либехеншельда назначают комендантом концлагеря Майданек. Подготовка к убийству венгерских евреев завершена.

«Рудольф Хёсс вернулся из Берлина, чтобы лично наблюдать за операцией. Он немедленно приказал построить железную дорогу прямо посередине лагеря и отремонтировать крематории, чтобы они могли работать на полную мощность. Хёсс отдал приказ даже покрыть стены газовых камер свежим слоем краски. Он знал по своему предыдущему опыту, что главная проблема заключается не в убийстве людей, а в утилизации тел, поэтому он организовал рытье нескольких огромных новых ям за крематорием, где трупы можно было сжигать на открытом воздухе» [Шлосс 2021, с. 163].

9 мая 1944 года Хёсс назначает Отто Молля надзирателем всех крематориев, а Восс остается главой крематориев IV и V. Хёсс считает фанатичного и жестокого Молля более подходящим для запланированного убийства венгерских евреев. Молл проверяет состояние всех крематориев и приказывает их отремонтировать. Кроме того, он также приказывает подготовить к использованию Бункер II, а рядом с ним снова строят раздевалки. Он приказывает вырыть четыре ямы для кремации под открытым небом за Бункером II. Позже Молл не только руководит процессом убийства, но, проявляя признаки садизма, упивается им.

«Когда бывало много работы, Молл сам помогал нам бросать трупы в эти ямы: засучив рукава, он работал за двоих. Этот фанатик и безумец не курил и не пил. Он любил говорить, что приказ есть приказ, и, если бы ему Фюрер приказал, он сжёг бы и собственную жену с ребёнком. Расстрелы и зрелище человеческой крови доставляли ему колоссальное удовольствие. А самым его любимым развлечением была игра с детьми матерей, ожидающих смерти. Он с улыбкой подходил к такой женщине, целовал её ребёнка, давал ему шоколад и уносил ребёнка, пообещав вскоре вернуться. А затем бросал его в кипящее человеческое сало. Так он делал по несколько раз в день, а потом восклицал: “Для родины я сделал уже достаточно!» И заказывал завтрак своему слуге, заключённому французу» [Краус 1960, с. 173–174].

В середине мая 1944 года прибывает транспорт из Терезиенштадта. Около 10 000 человек отправляют в семейный лагерь в секторе ВІІb Аушвиц II-Биркенау.

«Командование лагеря запрещало всякое общение с заключёнными этого лагеря. Оно отрицало все сведения об уничтожении терезинского эшелона и через своих агентов распространяло слухи о том, что заключённых просто перевели в другой лагерь» [Краус 1960, с. 187].

15 мая 1944 года официально начинается кампания Эйхмана, целью которой является полное уничтожение венгерских евреев. В этот день из Венгрии прибывают три поезда для скота, в которых находится от 9 000 до 10 000 человек. Такое количество депортированных становится нормой в последующие дни.

«Первый поезд с венгерскими евреями прибыл 15 мая, всего за несколько дней до нас. Вскоре за ними последовали все новые и новые, и большинство из новоприбывших отправлялись прямо в лапы смерти. Конечно, не всех можно было убить сразу, даже если газовые камеры работали сверх максимальной мощности – поэтому большие группы людей сидели на деревьях и траве за газовыми камерами, пока не наступала их очередь» [Шлосс 2021, с. 163].

«Во вторник, 16 мая, лагерь Биркенау перешёл на режим строгой изоляции. Всех заключённых под охраной заперли в бараках. Исключение составляли только члены зондеркоманды и, как ни странно, лагерьный оркестр. Вскоре после этого по железнодорожной ветке с грохотом и дымом подкатился железнодорожный состав, въехал под кирпичную арку КПП и остановился у перрона. Двери распахнулись, и из каждого вагона высыпалось едва ли не по сотне людей. Старые и молодые, женщины, мужчины, дети. Казалось, никто из них понятия не имел, куда их привезли, и многие высаживались с поезда с лёгким сердцем, усталые и дезориентированные, но полные надежд. Они не пугались, когда видели членов зондеркоманды в полосатых пижамах. Беззаботность обстановке придавала и музыка, исполняемая лагерным оркестром.

Дальше производился отсев. Всех, кто был старше пятидесяти, всех больных или слабых, детей и их матерей, беременных отправляли в одну сторону. Здоровых мужчин и женщин в возрасте от шестнадцати до пятидесяти лет – примерно четверть от всей массы – ставили в другую. До вечера лагерь успел принять еще два состава из Венгрии. Ещё два отсева, тысячи человек, отправленных направо или налево. Те, кого признавали пригодными для работы, получали статус “транзитных евреев” и отправлялись в отделённую для них часть лагеря. Остальных загоняли в низенькие постройки между деревьями в конце железнодорожной ветки, из труб которых днем и ночью поднимался в небо едкий дым.

В тот день в Биркенау доставили примерно пятнадцать тысяч венгерских евреев; точное их число неизвестно, потому что ни одного из них – ни убитого, ни отправленного на работы – не регистрировали как заключённого Освенцима и не снабжали личным номером» [Дронфилд 2023, с. 305–306].

«Новоприбывшие мадьяры (венгры) выделялись на общем фоне. Жизнь в угнетении была им в новинку» [Гив 2022, с. 170].

«– Зачем вы сюда явились, собачьи дети? Отвечайте!

– А вы как думаете? Полагаете, мы сами напросились? – возмутился кто-то. – Захотели отправиться на увеселительную прогулку?

Не стоило бы ему нарываться...

– Закрой свой поганый рот, не то прихлопну тебя, как муху! Лучше бы вы удавились в собственных сортирах, недоумки! Можно подумать, вы не знали, что творится в Освенциме? На дворе тысяча девятьсот сорок четвертый год, вы просто не могли ничего не слышать!

Увы, мы и правда не знали. Никто нам не сказал. Человек-тень не верил своим ушам. Его тон сделался совсем грубым:

– Видите трубу? Хорошо видите? А огонь? О да, огонь мы видели совершенно ясно. Именно туда вас отправят. Там вы и сдохнете. Ещё не поняли, кретины? Вас поджарят! Сожгут! Испепелят!

Это были не ярость, не гнев, в его голосе звучала истерика. Мы окаменели, потрясённые жестокими словами. Всё это походило на бред, на невыносимый жуткий кошмар» [Визель 2021, с. 67–68].

«В течение трёх недель в июне 1944 года я активно работала в «Канаде». Лагерь гудел от бешеной деятельности, чего не наблюдалось за все четыре года его существования. В марте того же года Германия заключила договор с Венгрией и взяла страну под свой контроль: в конце концов нацисты смогли заполучить в свои руки последнее большое еврейское поселение в Европе, которое отныне стало совсем недостижимым. Доставка и немедленное отравление газом полумиллиона венгерских евреев привело машину для убийств Аушвица-Биркенау к перенапряжению» [Шлосс 2021, с. 163].

Изменения, происходящие в лагере в связи с приездом венгерских евреев, отмечали все, и узники, и сами немцы. Пери Брод описывает этот период так: «Недели уничтожения венгерских евреев были одновременно апофеозом безумства и перелома в истории этого лагеря. <...> Это массовое убийство страшно угнетало в лагере узников всех национальностей. Массовое умирание, которое в таком масштабе не было знакомо даже Освенциму, создало повсюду атмосферу депрессии. Многие потеряли своих последних родственников из Словакии или Польши, которые до 1944 года спасались на территории Венгрии. Узники-немцы должны были смотреть на это уничтожение людей в бессильной ярости, полные стыда. Они понимали, что этот неповторимый позор падёт на немецкую культуру и войдёт в историю Германии несмываемым пятном» [Гесс 1975, с. 173].

Гиммлер отдал строгий приказ о том, что массовые убийства евреев нельзя снимать на камеру. Сохранилось очень мало кинематографических данных расстрелов евреев и очень мало фотографий. 200 фотографий, сделанные неизвестными эсэсовцами и найденные в апреле 1945 года, на которых показан состав с евреями из Венгрии летом сорок четвертого года, считается уникальным экспонатом. Во время первой волны депортации евреев из стран Западной Европы, Франция Голландия, Бельгия, евреям говорили, что их переселяют на восток и отправляют в трудовые лагеря. Несмотря на истребление еврейского

населения по всей Европе, евреи, прибывающие из Венгрии в 1944 году, считали это слухами.

«Один из освенцимских эсэсовцев собрал в альбоме более 200 снимков, сделанных в период между 15 мая и 15 июня 1944 года. Тогда в Освенцим прибывали многочисленные эшелоны из Венгрии. Фабрика смерти работала на полную мощность. Альбом эсэсовца интересен не только фотографиями, но и надписями под ними. Так на одной из страниц альбома написано: “Переселение евреев из Венгрии”. Эсэсовец был родом из Северной Чехии. Там после войны в одной из покинутых квартир и был обнаружен этот альбом. Достоверность снимков подтверждена членами Международного Союза узников Освенцима» [Краус 1960, с. 288].

23 мая 1944 года 250 человек из прибывшего эшелона венгерских евреев отправляют в зондеркоманду, которая к этому времени насчитывает 900 человек. В составе зондеркоманды представители семи стран: Германии, Польши, Греции, Голландии, Франции, Словакии и Венгрии. Некоторые из них не могут общаться друг с другом, так как говорят только на языке своей страны. Среди новых членов зондеркоманды двадцатилетний венгерский еврей Дов Пайсикович, попавший в Аушвиц с родителями и семьёй братьями и сёстрами. Дов (номер в концлагере – А-3076) позже выступает свидетелем на процессах во Франкфурте-на-Майне в 1963 году (серия из трёх судебных процессов проходила с 20 декабря 1963 года по 14 июня 1968 года).

«Четыре офицера-эсэсовца расхаживали между вновь прибывшими, высматривая самых крепких. Раз сила здесь в такой цене, наверное, нужно постараться выглядеть силачом? Отец думал иначе. Мы не будем выделяться и разделим общую судьбу. (Позже выяснилось, что он был прав. Отобранных в тот день людей включили в зондеркоманду, обслуживающую крематории. Бела Кац, сын богатого коммерсанта из Сигета, попал в Биркенау за неделю до нас, первым эшелоном. Ему удалось передать записку, из которой мы узнали, что он работает в крематории и собственноручно отправил в печь тело своего отца)» [Визель 2021, с. 74].

27 мая 1944 года двое заключённых совершают успешный побег тем же способом, что Врба и Ветцлер: польский еврей Чеслав Мордович (лагерный номер – 84216) и словацкий еврей Арношт Розин (номер – 29858). Их свидетельства вместе с показаниями Врба и Ветцлера уже в июне 1944 года будут добавлены в «Аушвицкий протокол» и станут важным источником информации о массовом уничтожении евреев в Аушвице, особенно о венгерских евреях. («Аушвицкий протокол» – это сборник свидетельств очевидцев массовых убийств в лагере смерти Аушвиц-Биркенау, который состоит из трёх частей. Они известны как «отчёт Врбы-Ветцлера» (33-страничный документ), «отчёт польского майора» (17-страничный отчёт сбежавшего 19 ноября 1943 года польского еврея Ежи Табо), «отчёт Розина-Мордовича» (семистраничный документ, дополнение к отчёту Врба-Ветцлера).

Успешные побеги из Аушвица – случаи единичные. Мордехай Цирульницкий (лагерный номер – 79414), пробывший в концлагере 24 месяца вспоминает об этом так: «Единичные случаи сопротивления, попытки бежать из лагеря были довольно часты. Еще летом 1943 года бежал поляк-инженер, захватив с собой планы строительства лагеря. В отместку за это бегство было повешено двенадцать поляков, работавших вместе с ним. Было объявлено, что в дальнейшем за каждого бежавшего будет казнено сто человек. Это, однако, не остановило людей. Попытки бежать продолжались. Летом 1944 года попытался бежать варшавянин Генах Громп со своим братом и одним чехословацким евреем. Их задержали. Генаха отправили в лагерь Янина-Гру-бен, а остальных двух посадили в “бункер” (тюрьму) в Биркенау. В Янина-Гру-бен Генах пытался устроить подкоп, но опять попался. Его доставили в Биркенау и тут повесили. Двое его товарищей сделали попытку бежать из “бункера” и также были повешены [Чёрная книга 1980, с. 427–428].

В конце мая 1944 года из-за большого количества перевезённых венгерских евреев, депортированных женщины помещают в недостроенный сектор VIII, известный как Мексика. Блок VIIc, предназначенный для них, не может их полностью вместить.

До этого времени члены зондеркоманды размещались в блоках 11 и 13 сектора VIId. Поскольку работы по обслуживанию крематориев очень много, Молл решает, разместить командос непосредственно в крематориях. В Крематориях II и III в чердачном помещении устраивают общежитие, и в каждом из них работает около 200 заключенных. Около 300 членов зондеркоманды, которые обслуживают Крематорий V и ямы за ним, размещают в недействующем Крематории IV. Остальных со временем тоже перемещают в крематорий IV.

«Начальник крематория Молл попал в свою стихию, он нашел выход безумной изобретательности. Одним “изобретением” Молл особенно гордился: по его приказанию вокруг штабелей дров, на которых сжигали трупы, вырыли канавы, чтобы в них стекало сало сжигаемых тел, а потом этим салом поливали трупы, чтобы они быстрее сгорали.

Молл блаженствовал и развлекался очень своеобразно: бросал живыми в огонь детей и старух. Поскольку газовые камеры не могли справиться с таким потоком жертв, эсэсовцы вновь прибывших евреев часто отправляли на время в лагерь, а уже оттуда в газовые камеры» [Краус 1960, с. 206].

«Я никогда не забуду ту ночь, первую ночь в лагере, превратившую мою жизнь в ночь без конца, в ночь, запёртую на семь замков. Я никогда не забуду тот дым. Я никогда не забуду лица детей, которых бросали в огонь, полыхавший под безгласной лазурью небес» [Визель 2021, с. 73].

29 мая 1944 года в лагерь прибывает венгерский патологоанатом еврейского происхождения Миклош Нисли, которого нацисты пощадили, потому что он получил образование в Германии. Доктор Йозеф Менгеле

выбирает его в помощники: он должен помогать при вскрытии тех, над которыми экспериментировал Менгеле. После окончания войны он напишет книгу «Освенцим: рассказ очевидца врача» (*Auschwitz: A Doctor's Eyewitness Account*), в которой первым раскроет ужасы уничтожения евреев и экспериментов над заключёнными. Помимо проведения вскрытий, патологоанатом готовит скелеты для Института анатомии. Людей, с различными физическими отклонениями, в том числе карликов, расстреливают, после чего варят в котле, чтобы мясо можно было легче отделить от костей. Затем приготовленные трупы отправляют в прозекторскую, где их превращают в белоснежные скелеты.

В июне 1944 года первые эшелоны заключённых отправляют в другие концлагеря. В некоторых из них – недавно прибывшие венгерские евреи.

В июне 1944 года на заключённых экспериментального Блока 28 Аушвица I начинают испытывать новое лекарство от малярии. Если заключённый не заражается после укуса комара, ему делают переливание зараженной крови. Проводятся эксперименты с различными ожогами, которые имитируют ожоги от взрывов гранат на фронте, и эксперименты, направленные на выявление случаев членовредительства немецких солдат, которые хотят уйти с фронта.

«В 1944 году особенно широкий размах приняли “медицинские” опыты над людьми. Ещё в 1943 году из ряда транспортов были отобраны все дети моложе шестнадцати лет. Над ними в течение некоторого времени производились какие-то эксперименты, а затем им всем был впрыснут яд. Впоследствии жертв для экспериментов стали отбирать из каждого транспорта. Весною 1944 года женщины, предназначенные для экспериментов, были переведены в отдельный барак (второй барак новой стройки). Вокруг него была сооружена ограда из колючей проволоки, поставлена охрана. Точно так же были огорожены и восьмой, девятый, десятый бараки, в которых также содержались “подопытные” женщины. Почти все они постепенно были отправлены в газовые камеры. Те, которые выжили до конца существования лагеря, были истреблены во время эвакуации. Мужчин кастрировали: некоторым вырезали по одному яичку, иным – оба» [Чёрная книга 1980, с. 427].

6 июня 1944 года союзники высаживаются в Нормандии. Советская Армия находится всего в нескольких сотнях километров от Будапешта.

В конце июня 1944 года женский экспериментальный Блок 10 в Аушвице I перемещают в Блок 1 на новой застроенной территории недалеко от базового лагеря. Блок 1 ранее был лично выбран доктором Клаубергом для продолжения экспериментов над женщинами.

18 июня 1944 года прибывает очередной транспорт венгерских евреев, следующий прибудет только 28 июня 1944 года. 26 июня 1944 года самолет ВВС фотографирует весь комплекс Аушвиц. В это время крематории не работают, и дыма от них нет. Это даёт возможность тем, кто отрицает Холокост, говорить, что убийств в газовых камерах не было. Но снимки были сделаны во время перерыва между транспортами, когда массовых убийств не было.

20 июня 1944 года ожидалась ликвидация евреев, прибывших в декабре из Терезиенштадта, но этого не произошло. В этот день на глазах у Якоба Эдельштейна, первого еврейского старейшины в Терезиенштадтском гетто, убивают членов его семьи, которых вывезли из лагеря, а потом и его самого.

23 июня 1944 года Советская армия начинает операцию «Багратион», во время которой нанесёт самый мощный удар за всю военную историю Германии, разгромив группу армий «Центр» вермахта.

Летом 1944 года Международная организация сопротивления под названием «Боевая группа Освенцим» создает «Военный совет Освенцима», который должен подготовить вооруженный мятеж. Люди опасаются, что нацисты захотят убить всех заключённых и замести следы до прихода советской армии.

Другой причиной повышенной активности является предполагаемый план Отто Молля, который предлагает убить всех заключённых, уничтожить крематории, а затем стереть с лица земли весь Аушвиц II-Биркенау путем бомбардировки. Члены сопротивления связываются с зондеркомандой, в составе которой сильные молодые люди, которые понимают, что они также будут убиты как нежелательные свидетели. В этих контактах зондеркоманду представляет Капо Камински, который настаивает на скорейшем начале восстания. Сопротивление протестует против этого, так как условия для побега большего числа заключённых не подготовлены. Советская армия ещё далеко, и офицеры СС имеют возможность вызвать подкрепление.

15 июня 1944 года в эфире Би-Би-Си «цитируются» данные из «Аушвицкого протокола», даётся точная информация об убийстве четырёх тысяч терезинских евреев 7 марта 1944 года в Аушвице.

В середине июня свидетельства Рудольфа Врбы и Альфреда Вецлера, Арношта Розина и Чеслава Мордовича публикуют в Швейцарии, а потом – в Швеции. Так европейцы начинают осознавать, что Биркенау – это лагерь смерти, где евреев уничтожают в газовых камерах и крематориях.

«Врбе и Вецлеру удалось запустить информационную волну сведений об Освенциме по всему миру. Отрицать свидетельства и многочисленные улики массовых убийств было невозможно. А с остановкой депортации шанс венгерских евреев выжить значительно повышался» [Эдлингтон 2022, с. 243].

6 июля 1944 года *The New York Times* публикует статью, основанную на показаниях сбежавших евреев.

В нейтральных странах поднимается волна возмущения. В это время шведский король, Папа Римский и председатель Красного Креста связываются с венгерским регентом Миклошем Хорти и просят остановить депортацию венгерских евреев в Аушвиц.

6 июля 1944 года под влиянием общественного мнения Миклош Хорти издает приказ о том, что венгерское правительство прекращает депортацию евреев из Венгрии в Германию.

9 июля 1944 года приказ Миклоша Хорти о прекращении депортации евреев вступает в силу.

«Летом 1944 года наступил момент, когда мы с Магдой вдруг обнаружили, что в наш лагерь больше не привозят венгерских евреев. Позже мы узнаем: назначенный Хорти в августе новый премьер-министр, которому надоело, что Венгрия пресмыкается перед властью Германии, приостановил депортацию. Он сделал это слишком поздно. Сотни тысяч нас уже были отправлены в лагеря, за каких-то два месяца убиты четыреста тысяч. Правда, к октябрю правительство Хорти сдало власть венгерским нацистам. Двести тысяч евреев, остававшихся в Венгрии – в основном в Будапеште, – не были вывезены в Аушвиц. Их провели форсированным маршем к Австрии – почти триста двадцать два километра» [Эгер 2023, с. 90].

12 июля 1944 года окончательно ликвидируют семейный лагерь евреев, прибывших из Терезиенштадта.

«В конце июня эсэсовцы заверили заключенных, что их отправят на работу в новое место. Свое обещание они частично выполнили.

1 июля 1944 года Шварцгубер выбрал в лагере тысячу работоспособных мужчин. В тот же день они были острижены, одеты в полосатую форму заключённых и отправлены в концлагерь Закругленность, а оттуда в лагерь Шварцгейде. Там их определили на очень тяжелую работу, так что в живых осталось всего 220 человек. Потом 500 мужчин послали в Германию, 80 юношей в возрасте от 14 до 16 лет перевели в мужской лагерь BIIId, для того чтобы использовать их как учеников на фабриках в Германии. Около 2 тысяч молодых бездетных женщин направили в Гамбург и Штуттгоф. В лагере осталось 6 тысяч человек, главным образом женщины и дети. Ночью 10 и 12 июля 1944 года их уничтожили в газовых камерах» [Краус 1960, с. 188–189].

28 июля 1944 года зондеркоманда готовит спланированное восстание и побег. Они должны убить охранников в крематории около 16:00, дожидаться следующей смены офицеров СС, убить их, завладеть оружием и освободить соседние сектора лагеря. Неожиданно для них прибывают 837 заключенных из Майданека, которых сопровождает отряд офицеров СС и вермахта. Присутствие такого количества вооруженных солдат означает, что вся акция поставлена под угрозу, и поэтому Камински в последнюю минуту отменяет восстание. Члены зондеркоманды, которые были готовы умереть в бою с гитлеровцами, теряют последнюю надежду.

29 июля 1944 года Рудольф Хёсс во второй раз оставляет пост коменданта лагеря. Он награжден «Крестом военных заслуг (с мечами) первой и второй степени» за убийство венгерских евреев.

«Если предположить, что за несколько недель было уничтожено 1/2 миллиона человек, то эта цифра скорее будет занижена, чем завышена. В то же самое время регулярно прибывали эшелоны из Польши, Терезина и других мест» [Гесс 1975, с. 172].

«За два коротких месяца в Биркенау было убито больше евреев, чем за предыдущие два года, причем подавляющее большинство составляли венгры. Ежедневно перевозилось в среднем 3 300 человек, а в некоторые дни – до 4 300, причем три четверти из них направлялись прямо в газовые камеры. Пламя крематориев горело ярко, ночь за ночью, но теперь все были мертвы – и нам приходилось разбирать вещи, оставленные жертвами» [Шлосс 2021, с. 166].

02 августа 1944 года ликвидируют Цыганский семейный лагерь.

Незадолго до этого несколько тысяч цыган умерли естественной смертью из-за ужасных санитарно-гигиенических условий. Часть трудоспособных цыган власти СС транспортируют в концентрационный лагерь Бухенвальд. Оставшихся заключённых убивают в газовых камерах в Биркенау. Доктор Менгеле, который проводит свои эксперименты над близнецами в цыганском лагере, пытается спасти табор и лично едет из-за этого в Берлин. Не сумев предотвратить ликвидацию лагеря, Менгеле помогает уничтожить его с тем же усердием, с каким пытался его спасти.

Цыгане оказывают сопротивление офицерам СС и членам зондеркоманды у газовых камер, но их борьба оказывается бессмысленной.

«Завершив уничтожение более 400 000 венгерских евреев, СС собирались ликвидировать расположенный на территории Биркенау цыганский семейный лагерь.

Массовое убийство цыган, как тогда называли народ Рома и Синти, планировалось два месяца. Предполагалось, что это произойдет в середине мая 1944 года, но цыгане узнали о плане их убийства, ворвались на склад со снаряжением, захватили все, что могло сойти за оружие: ножи, лопаты, молотки, кирки, ломы и камни. Среди цыган оказались бывшие военные и ветераны, и они не собирались безропотно идти в газовые камеры. 600 человек забаррикадировались в здании барака.

Вооруженные автоматами эсэсовцы окружили цыганский лагерь и приказали мужчинам сдаться и выйти. Когда те отказались, эсэсовцы отступили, предпочитая избежать потерь. Эта моральная победа, одержанная 16 мая 1944 года, теперь отмечается как День цыганского сопротивления.

Неповиновение цыган всерьез обеспокоило нацистов. Они боялись, что это вдохновит на мятеж весь лагерь. Поэтому они не стали торопиться и избавились от цыган хитростью. Чтобы уменьшить потенциальное сопротивление, они разделили 6 000 человек, находившихся в цыганском лагере, *Zigeunerfamilienlager*, на более мелкие группы. 23 мая 1944 года они отправили более 1 500 человек в другие лагеря на территории Третьего рейха. Затем, 2 августа, через два дня после того, как мы прибыли из Стараховице, недалеко от наших казарм на платформе остановился пустой поезд. Эсэсовцы приказали посадить в него еще 1 400 цыган – мужчин и мальчиков. В семь часов вечера поезд отправился за 643 километра на северо-запад, в Бухенвальд, еще один большой печально известный концентрационный лагерь на территории Германии» [Фридман 2023, с. 170].

«Гитлеровцы хотели уничтожить всех цыган, но, хотя это и неправдоподобно, в Берлине испугались собственной отваги и долго медлили с разрешением цыганского вопроса; только в июле 1944 года Гиммлер приказал оставить в лагерях всех трудоспособных, а остальных отправить в газовые камеры. Семьи были разделены; трудоспособные никогда ничего не узнали о своих родителях, детях, и никогда больше не увидели их. Всё что произошло с цыганами было уже слишком много даже для некоторых эсэсовцев из Освенцима; они встретили знакомых из родных мест и не могли понять почему испытанные, хорошие солдаты без малейшей вины, только из-за расовой принадлежности, должны находиться в лагере, да к тому же без всякой надежды на освобождение» [Гесс 1975, с. 177].

«Поскольку все цыгане призывного возраста были заперты в вагонах для скота и направлялись на север, теперь в *Zigeunerfamilienlager* остались пожилые и больные мужчины, а также женщины и дети. В общей сложности 2 890 наиболее уязвимых представителей населения. Охранники раздали им хлеб и салями и сказали, что их везут в другой лагерь. В рамках уловки эсэсовцы погрузили их на грузовики и отвезли менее чем за полтора километра в газовую камеру рядом с Крематорием V, окруженную соснами. Их тела были сожжены в открытых ямах.

По приблизительным оценкам, во время Холокоста погибли от 300 000 до 500 000 цыган. Как и евреям, им не было места в этнически чистом мире Адольфа Гитлера. Объявленные *Untermenschen*, недоллюдьми, евреи находились в самом низу искаженной расовой пирамиды фюрера. Цыгане помещались прямо над ними. Гитлер хотел, чтобы Третий рейх был населён «господствующей расой» арийцев – голубоглазыми, светловолосыми людьми нордического происхождения – и физически уничтожал тех, кого считал представителями низших каст» [Фридман 2023, с. 170–171].

«Навсегда запомнилась эта ночь, 1 августа 1944 года. В эту ночь были сожжены все цыгане – те, что остались из Белостокского воеводства, и те, что были согнаны из Германии, и все маленькие цыганята, игравшие в сожжение евреев, и стройные смуглые цыганки, черноокие, гибкие, ловкие. Все были удушены газом.

Поскольку цыгане были занесены в картотеку и имели свою нумерацию, пришло распоряжение из политического отдела пометить их смерть 1-м августа.

Этот образчик идиотского педантизма вызвал всеобщие насмешки. Кто может поверить, что в один вечер умерло естественной смертью пять тысяч человек? Для кого эта комедия? *Ordnung*. Священное слово – порядок.

Однако все было слишком явно, надо было выдумать дополнительное «алиби», и оно оказалось еще глупее, еще наглее.

Среди хефтлинов разыскали двадцать врачей, работавших одно время в «цыганском лагере», и заявили им, что они виновны в распространении таинственной заразы среди цыган. По всем признакам это чума. Этих врачей

обвинили в том, что они не приняли мер предосторожности, эпидемия могла переброситься на другие участки лагеря, и приговорили к каторжным работам» [Живульская].

С августа по сентябрь 1944 года «Военный совет Аушвица» начинает подготовку планов большого восстания, рассчитывая на помощь зондеркоманды. Заключается соглашение между сопротивлением и женщинами, работающими на заводе компании «*Weischel Union Metallwerke*», производящей воспламенители для артиллерийских снарядов.

7 августа 1944 года американские самолёты бомбят нефтеперерабатывающий завод в 20 км от Аушвица.

20 августа 1944 года американцы бомбят заводской комплекс в Аушвице III-Моновиц. Американцы бомбят окрестности лагеря еще четыре раза, 13 сентября, 18 и 26 декабря и 19 января 1945 года. У них есть подробные планы лагеря от сбежавших узников Врбы и Ветцлера и фотографии разведки. Несмотря на это, лагерь решают не бомбить.

«В воскресенье, 20 августа, ближе к вечеру, с ясного голубого неба посыпались первые бомбы. Сто двадцать семь американских бомбардировщиков, поднявшихся с базы в Италии, оставляя за собой борозды белых следов на высоте пяти миль над Освенцимом, сбросили 1336 бомб, по четверть тонны металла и взрывчатки каждая. Они взорвались по центру и в восточной части комбината Буна.

Пока эсэсовцы прятались в бомбоубежищах, заключённым приходилось спасаться кто как сможет среди оглушительного грохота и взрывных волн, швыряющих их на землю. Противоположные батареи по периметру комбината, ухая и содрогаясь, вели ответный огонь. Арестанты, работавшие на комбинате, бросались на пол, обрадованные в душе. “Та бомбардировка знаменовала для нас действительно счастливый день, – вспоминал один из них. – Мы думали, о нас теперь все знают и готовятся нас освободить”. Другой говорил: “Мы и правда обрадовались бомбардировке... Нам так хотелось увидеть убитых немцев. Тогда мы спали бы спокойнее, после всех издевательствах, на которые никак не могли ответить”.

Бомбы оставили на территории комбината и вокруг неё исходящие дымом воронки. Большинство не причинило никакого ущерба, но часть заводских зданий, где производились синтетические масла и алюминий, была уничтожена и с ними многочисленные склады, мастерские и административные постройки. Несколько случайных бомб приземлилось на лагерь вокруг комбината, включая Моновиц. В результате налета погибло семьдесят пять узников и более ста пятидесяти получили ранения. <...>

В сентябре американские бомбардировщики вернулись, напав на этот завод по производству масел в Буне. Некоторые сбились с курса и сбросили бомбы на Освенцим I, где, по счастью, ударили по эсэсовским казармам; одна попала в швейную мастерскую, унеся жизни сорока заключённых. Несколько бомб упало на Биркенау, повредив железнодорожные пути у крематориев и убив

около тридцати вольнонаёмных. Масляный завод почти не пострадал, но около трёхсот узников, не имевших доступа в бомбоубежища, получили ранения. Некоторые с радостью шли на этот риск. Отсевы в газовые камеры теперь происходили еженедельно, и иногда из Моновица зараз увозили до двух тысяч человек. <...>

Следующий воздушный налёт на комбинат Буна случился в День подарков, 26 декабря. Американцы сделали комбинат своей первоочередной мишенью и были полны решимости стереть его с лица земли. Однако каждый раз им удавалось уничтожить лишь пару корпусов, задеть несколько нацистов и убить или ранить сотни заключённых да немного снизить производительность. Арестантов отряжали убирать обломки, чинить и восстанавливать здания. Они саботировали часть работ и действовали настолько медленно, насколько было возможно, так что совместными усилиями их и американцев комбинат Буна так никогда и не выпустил никакой резины, а его остальные производства не развернулись на полную мощность» [Дронфилд 2023, с. 322–335].

«В конце 1944 года начались долгожданные бомбардировки союзников. Мы надеялись, что это был первый признак распространения по миру знаний о наших страданиях.

Понимая, что стали мишенями, эсэсовцы спешно вырывали блиндажи, покрасили здания камуфляжными полосами и снабдили себя касками и противогазами.

Стоило нам услышать вой сирены, долгожданный сигнал, который порой раздавался по три раза в день, как все работы немедленно прекращались. Мы бежали к месту сбора, убедившись, что никто, в особенности глухие и сони, не остались позади, ведь за это их могли наказать, как за попытку побега.

По окончании быстрой переключки мы плотным строем бежали в лагерь. Наш отряд работал на самом отдалённом объекте, и обратный путь занимал у нас много времени, но несмотря на усталость и мозоли, мы не жаловались. Пробегая по дороге, мы с удовольствием наблюдали, как ненавистные эсэсовцы толкаются у входа в укрытие.

Перепуганные солдаты “расы господ” с бесполезными против авиабомб винтовками судорожно всматривались в небо. Потом в районе лагеря начали распылять вонючий искусственный туман, который должен сбить с толку пилотов, и это было уже не так забавно.

Мы толпились в бараках без какой-либо защиты от падающих бомб, но всё равно радовались бомбардировкам. Здания тряслись, стёкла разлетались на мелкие осколки, но всё это свидетельствовало о нанесённом нашему врагу ущербе» [Гив 2022, с. 177–178].

«Американские самолеты наносили бомбовые удары по фабрикам, примыкающим к комплексу Освенцима. Несмотря на прямую физическую опасность для находящихся внутри пленников, эти атаки воспринимались нами как надежда на освобождение. Грохот артиллерии становился всё громче по мере

того, как советская Красная армия приближалась с востока» [Фридман 2023, с. 205].

«Однажды в двенадцать часов дня вдруг слышим шум самолетов, и тут же – вой сирены. На наших лицах появляется восторг. Мы смотрим вверх. Слышим рокот моторов, как прекраснейшую музыку. Медленно появляется с севера, тяжело грохочет крылатая эскадра, вибрирующий воздух несет к нам волны радостной надежды. <...>

И вдруг... Что это? Бум! Бум!.. Вбегаем в барак. Из эсэсовской кухни стремительно, выскакивают господа эсэсовцы, повелители Бжезинок, и мчатся к воротам, где, оказывается, построено убежище. Мы не можем отказать себе в удовольствии и наблюдаем за бегущими. <...>

На другой день мы узнаём, что в результате налёта уничтожен эсэсовский госпиталь. Среди эсэсовцев есть убитые и раненые» [Живульская].

В августе 1944 года член зондеркоманды Альберто Эррара, который до войны был офицером греческой армии, тайно делает четыре фотографии в Крематории V, на которых видно, как жертвы раздеваются перед входом в газовые камеры, и как потом сжигают тела в ямах. Эти фотографии тайно вывозят из лагеря 4 сентября 1944 года и доставляют в Краков в Комитет помощи узникам концлагерей, который является частью польского сопротивления.

«Эррару впоследствии подвергли пыткам и убили за неудачную попытку побега, но в сентябре 1944 года его камеру удалось передать польскому фотографу Пелагее Беднарской в Кракове. Передачу осуществила участница сопротивления Тереза Ласока, контакт Марии Штромбергер. Из всех фотографий, сделанных в самых жутких условиях, Беднарской удалось спасти всего три. Это единственные дошедшие до нас фотографии, на которых запечатлен непосредственно процесс уничтожения в Освенциме» [Эдлингтон 2022, с. 236–237].

В сентябре 1944 года строительство в лагере отменяется. Бараки в недостроенном секторе ВІІІ Аушвица II-Биркенау разбирают, а материалы отправляют на запад для дальнейшего использования.

12 сентября 1944 года в Крематории V происходит отравление газом 300 детей, привезенных из Ковно.

В сентябре 1944 года заканчивается ликвидация евреев из Лодзинского гетто.

Лодзинское гетто существовало с 9 февраля 1940 по август 1944 года на территории одного из крупнейших городов Польши. Это второе по величине (после Варшавского) еврейское гетто в стране. Главой юденрата был Мордехай Хаим Румковский, по прозвищу Король, известный своей агитационной речью «Отдайте мне ваших детей!», когда сентябре 1942 года немцы приказали выдать 20 тысяч детей, стариков и больных для отправки в лагерь смерти Хелмно. Хаим Румковский был депортирован в числе последних в Аушвиц. Достоверно

неизвестно, убит ли он эсэсовцами или евреями, депортированными ранее по его приказу.

В книге, изданной в Москве в 1941 году, приводится описание лодзинского гетто, сделанное корреспондентом одной из стоковых газет: «В Лодзи проживает, примерно, 190 тысяч евреев. Но на улицах их не видно. Все они согнаны в гетто. Когда я очутился лицом к лицу с действительностью гетто, я ощутил ужас. Огромный район окружен двухметровой изгородью из колючей проволоки и охраняется вооруженными часовыми. Воздух пропитан запахом немытых тел, испарениями пропотевшей одежды, остатков пищи и другими зловониями. Обитатели гетто не имеют работы, и сознание этого факта накладывает на этот человеческий муравейник ещё более мрачный отпечаток. Гетто кишит детьми всех возрастов в пальто и без пальто, в ботинках, сандалиях или туфлях. Их кашель свидетельствует о туберкулезе. Но самое страшное впечатление оставляет отвратительное зрелище, когда все взрослые и даже дети, вплоть до грудных младенцев, носят на своей одежде еврейский знак. Это жёлтая шестиконечная звезда, прикрепленная с правой стороны груди и сзади – на правой лопатке. В гетто выключен электрический свет и прекращено водоснабжение. Закрыты также уборные в квартирах» [Голубев 1941, с. 14].

Через несколько лет Кристина Живульская так описывает прибывших из Лодзинского гетто в Освенцим: «Идут люди-скелеты. После пяти лет изоляции за стенами гетто, голода и тяжелой работы – они видят берёзовый лесок и не подозревают, что это их последняя прогулка!

В облаках пыли, поднимаемой ветвями орешника, вновь проходит обросшая, одичавшая, с глазами, опущенными в землю, зондеркоманда. За нею везут дрова, несут дрова, тащат неисчислимое количество дров. Впереди карета Красного Креста. Проходит час – и вырывается пламя из крематория. Еще два часа – и тёмный, едкий дым подымается из ям и рвов. А потом ударяет в голову чад от сжигаемых человеческих тел» [Живульская].

Это описание Кристина Живульская дополняет другим эпизодом, в котором обращается к личному свидетельству – найденному дневнику девушки, депортированной из того же гетто. «Отяжелевшей головой наклоняюсь над дневником молодой еврейки из лодзинского гетто. Дневник свежий, “ещё тёплый”, как говорит Марыля, которая его нашла. Последние слова написаны всего несколько часов назад, в переполненном поезде, везущем их в Освенцим. Сейчас, когда я это читаю, автор дневника уже горит в яме возле крематория. Вот эти последние слова: “...а теперь мы едем в неизвестный край. Что нас там ждёт? Что бы ни случилось, всюду лучше, чем там, за стенами... Проклинаю каждое воспоминание об этом аде. Проклинаю всех тех, кто выслуживался перед убийцами. И мою вечную тёмную, холодную, голую каморку на Бжезинской улице, и эту безжалостную стену, отгородившую нас от всего мира, и нашу неопишемую нужду, и мерный топот колодок перед рассветом, и чахотку, и страшную уголовную полицию. Проклинаю это место, лишённое и листочка

зелени, место, где погибли мои лучшие годы, где умерли дорогие мне люди, где я отдала все свои силы смертельному врагу – взамен на продуктовую карточку.

Пишу в тесном уголке, полоса света падает на бумагу сквозь щель в вагоне. Два дня я ничего не ела. Ну что ж! Все-таки мы едем и видим сквозь щели золотистую рожь...» [Живульская].

«В Буне тишина, только если прислушаться, услышишь глухой безостановочный, словно идущий из-под земли гул – голос уже близкого фронта. В лагерь прибыли триста евреев из Лодзинского гетто – немцы вывезли их перед самым наступлением русских. Через них до нас дошла весть о легендарном восстании в Варшавском гетто. Еще они рассказали, как немцы год назад ликвидировали люблинский лагерь – подожгли бараки и с четырех углов зоны стреляли из пулеметов: цивилизованный мир ничего об этом не узнает. А когда наша очередь?» [Леви 2001, с. 162].

В конце сентября 1944 года Петер Восс сменяет Отто Молля на посту смотрителя крематориев.

Эшелоны евреев из Терезиенштадта продолжают прибывать, большая часть депортированных не проходит отбор и отправляется в газовые камеры.

23 сентября 1944 года нацисты убивают 200 членов зондеркоманды из Крематориев IV и V.

7 октября 1944 года – самое крупное восстание зондеркоманды в истории лагеря, которое позже назовут восстанием двенадцатой зондеркоманды. В конце лета число транспортов в Аушвиц сократилось, нацисты решили постепенно ликвидировать зондеркоманды.

«В это время крематории стали работать меньше, а потому было решено сократить численность зондеркоманд. Из нескольких сотен узников зондеркоманд был составлен “транспорт в Гливице”. Они знали, что это означает. Людей погрузили на машины, которые сделали круг около Бжезинки, направляясь будто бы в другую сторону, а потом всех отвезли в газовые камеры. Узники зондеркоманд были готовы на всё. Им удалось получить от своих товарищей, работавших на заводах фирмы Вейксель-Унион-Верке, взрывчатые вещества. Эта фирма выпускала военную амуницию. Из этих взрывчатых материалов изготовили примитивные гранаты и планировали взорвать одновременно все крематории. Сигналом к этому должен был послужить поджог крематория IV. Но этот акт отчаяния потерпел поражение» [Гесс 1975, с. 173–174].

«Ночью 7 октября мы проснулись от громкого взрыва. Сразу же завывали сирены, залаяли собаки. В чем дело? Позже мы узнали, что евреи из зондеркоманды (пленники, которых заставляли сжигать трупы их товарищей) взбунтовались и взорвали крематорий №4 в Биркенау. Они использовали взрывчатку, которую стащила группа евреек, работающих на фабрике по

изготовлению взрывчатки. Зондеркоманда решила, что лучше уж пасть в бою, чем задохнуться в газовой камере» [Мозес-Кор 2022, с. 94–95].

«Вдруг влетает в канцелярию Зося, дрожа от волнения.

– Горит третий крематорий!

В ту же минуту раздаются выстрелы. Выбегаем из барака. Крематорий объят пламенем.

Из «Канады», из эсэсовской кухни, со всех сторон мчатся к месту пожара эсэсовцы с винтовками наперевес. Начинается обстрел крематория. Но огонь разгорается ярче и ярче.

Мимо нас пробегают мужчины из эффектенкамер. Вацек быстро, на ходу, рассказывает:

– Взбунтовалась зондеркоманда. Их отправку задержали... Должны были сегодня вывезти. Они решили не дать обмануть себя, как те, перед ними... Может, это станет сигналом к восстанию во всем лагере. <...>

С платформы прибывает подкрепление: эсэсовцы на мотоциклах и велосипедах. Едва они подъехали, как раздаются выстрелы из второго крематория. Все бросаются туда. В эту минуту с грохотом рушится одна из труб объятых пламенем первого крематория» [Живульская].

«В то время как Гиммлер отдавал приказ о закрытии газовых камер, сотни членов зондеркоманд (заключённых, которые работали в газовых камерах) подняли Октябрьское восстание против СС. Они рукопашную сражались с нацистами, убили нескольких охранников и сбежали в близлежащие деревни. Участники зондеркоманд поняли, что являются ключевыми свидетелями происходивших зверств и что, скорее всего, их выведут из лагеря и убьют» [Шлосс 2021, с. 173].

«7 октября 1944 года, узнав, что их вот-вот убьют, 250 служащих отряда зондеркоманд устроили самое крупное восстание за короткую кровавую историю Освенцима-Биркенау. Они изготовили самодельные бомбы и ручные гранаты, используя консервные банки и взрывчатку, которые им тайком вынесли женщины-заключённые, работавшие на заводе по производству боеприпасов. В ходе нападения на охранников СС вооружёнными ножами, камнями, молотками и ломом героям удалось повредить Крематорий IV, который, как и Крематорий V, был расположен среди сосен, почти на прямой линии с входной дверью нашего барака. Три члена СС были убиты, одного из них бросили в открытую печь крематория. Мы напряженно ждали исхода ожесточенной битвы, происходившей всего в нескольких сотнях метров от нас. Используя взрывы горящих баллонов с кислородом и возникший в результате пожар в качестве прикрытия, некоторые заключённые попытались сбежать. Зондеркоманды видели, что случилось с их предшественниками, и предпочли погибнуть в бою. Ни один из них не выжил. Эсэсовцы убили все 250 человек, еще 200 сообщников были казнены.

Затем нацисты провели расследование о том, как взрывчатка попала в руки зондеркоманд. Четыре женщины-заключённые были приговорены к смертной казни, их пытали в течение нескольких недель, а затем повесили в Освенциме. Последний бой зондеркоманды, однако, возымел как минимум один заметный результат: Крематорий IV был повреждён и восстановлению не подлежал, его пришлось снести» [Фридман 2023, с. 202].

«Через несколько дней пятеро эсэсовцев гордо ходило по лагерю со “свежими” железными крестами. Штурмбанфюрер СС Бэр выступил перед собравшимися отделами команд СС концентрационного лагеря Освенцим и подчеркнул, что это был первый случай, когда члены команд концентрационного лагеря получили от рейхсфюрера железный крест за “героическое усилие, помешавшее массовому побегу”» [Гесс 1975, с. 174].

14 октября 1944 года часть зондеркоманды начинает убирать остатки сгоревшего Крематория IV.

«В один прекрасный день начинается разборка четвертого крематория.

Нам трудно поверить, что мы дождались такой минуты.

Женщины, разбирающие крематорий, рассказывают нам подробно о конструкции печей, об устройстве раздевалки, газовой камеры...» [Живульская].

20 октября 1944 года выходит приказ об отравлении газом всех мальчиков в Аушвице до 18 лет. Нацистам удастся собрать более 600 мальчиков в возрасте от 12 до 18 лет. Приказ не распространяется на детей, которых доктор Менгеле использует для своих экспериментов. Некоторых подростков удастся спасти, как правило, путем подделки даты их рождения.

В конце октября 1944 года газовые камеры используют в последний раз. Жертвами выбраны евреи из Терезиенштадта (около 2 000 человек).

«К зиме 1944 года в Аушвице-Биркенау всё поменялось. Военные силы решительно повернулись против немцев. В то время как британские, американские и канадские войска продвигались через Францию и Бельгию, советские двигались по Восточному фронту, приближаясь к Освенциму. Рейхсфюрер Генрих Гиммлер, который наблюдал за истреблением евреев эсэсовцами, увидел надпись на стене и понял, что с виновными не будут церемониться, когда выяснится масштаб их преступлений. В октябре он распорядился прекратить ликвидацию евреев, а в ноябре решил, что газовые камеры и крематории в Освенциме должны быть взорваны. Намерение состояло в том, чтобы скрыть все следы случившегося.

Однажды ночью прогремел мощный взрыв, и огромный огненный шар сгорел в темноте: некоторые крематории были уничтожены» [Шлосс 2021, с. 173].

«Если наше попадание в газовую камеру выпало на 2 ноября 1944 года или позже, вполне возможно, что нас спас сам Генрих Гиммлер, второй после фюрера

человек в Третьем рейхе и один из проектировщиков “Окончательного решения”. Именно в этот день Гиммлер постановил, что больше не должно быть отравлений газом с использованием “Циклона Б” на основе цианида. Его приказ бросил вызов Гитлеру, который настаивал на том, чтобы уничтожение евреев продолжалось до тех пор, пока задача не будет выполнена полностью.

Одним из катализаторов решения Гиммлера стало признание того, что союзники к тому времени были осведомлены о масштабах геноцида, совершаемого нацистами. Поворотный момент произошел в конце июля 1944 года, когда в результате молниеносной атаки советская Красная армия захватила лагерь уничтожения Майданек, расположенный в 350 километрах к северо-востоку от Освенцима. Русские захватили это место в его первоизданном виде, прежде чем у немцев появился шанс уничтожить газовые камеры и другую инфраструктуру. Полученные доказательства нацистских военных преступлений были неоспоримы» [Фридман 2023, с. 201].

«Недели уничтожения венгерских евреев были одновременно апофеозом безумства и перелома в истории этого лагеря. Вскоре после этого гитлеровцы были вынуждены прекратить газование евреев; немцев вытесняли с оккупированных ими территорий. Прошло время, когда узники с серой безнадежностью смотрели на своё будущее; теперь они знали, что день освобождения не заставит их долго ждать» [Гесс СС 1975, с. 173].

В период с июня по конец ноября 1944 года из комплекса лагерей Аушвица в другие концентрационные лагеря на запад отправлено более 70 тысяч узников. Их перевозят по железной дороге.

«Весь ноябрь и декабрь из лагеря уходят переполненные поезда. В них главным образом поляки, русские и украинцы. Иногда в лагерь поступают особые заявки на специалистов любой национальности. Так, например, немецкой авиации нужны две тысячи металлистов. Тогда вместе с поляками едут русские, евреи и другие. Эшелон уходит под специальным конвоем солдат авиационных частей.

Выпал снег, скоро рождество. Последние эшелоны покидают Биркенау. Звёздными, светлыми от снега ночами слышно, как перекликаются между собой заключённые в разных секторах. Последние слова прощания, люди желают друг другу удачи.

В Биркенау остались немцы и фольксдойчи. Осталась группа немецких евреев и еврейские мальчики из Венгрии. Остались советские военнопленные, попавшие в плен в последние месяцы. Остались поляки – горстка больных и врачей в больнице, десятка с полтора занятых в учетной конторе и несколько человек, обслуживающих насосы, которые снабжают лагерь водой. И ещё: в мужском лагере есть один барак мальчиков-повстанцев в возрасте от шести до пятнадцати лет, а в женском лагере – барак девочек. Остались русские, польские, еврейские дети, прибывшие в лагерь вместе с матерями. Осталась последняя

группа новорожденных, которые уедут в январе 1945 года. Почти все мужчины и большинство женщин уехали. <...>

“Мексика” пуста. Сектор “В” пуст. Пусты чешский и цыганский секторы. Из мужского карантина завтра вечером уезжает в Германию последняя группа. В мужском лагере осталась лишь горстка – в больнице. Женщин еще довольно много, но уже объявлено о переводе женского лагеря “А” в цыганский сектор, лагеря “Б” – в чешский» [Шмаглевская 1970, с. 269].

В ноябре 1944 года Крематории II и III закрывают. Разобранные казармы из сектора VIII отправляются в лагерь Гросс-Розен. Интернированных женщин переводят в сектора VIIb, VIIc и VIId. Эвакуация узников на запад продолжается. Новость о том, что отравление заключённых газом прекращена, распространяется по лагерю. Зондеркоманда продолжает кремировать тела умерших в лагере и демонтируют сооружения, которые доказывают, что Аушвиц – это фабрика смерти.

25 ноября 1944 года начинают разбирать Крематорий II. Вскоре начинают демонтировать Крематорий III. Техническое оборудование готовят к отправке на запад. В начале декабря впервые в истории лагеря в зондеркоманде начинают работать женщины. Помещения разбирают ускоренными темпами.

«После указа Гимmlера о прекращении операций по отравлению газом начались работы по демонтажу других газовых камер и крематориев. Женщинам-заключённым, таким как моя мать, было приказано начать снос Крематория III и его газовой камеры, той самой, которая чуть не унесла мою жизнь. Им пришлось собственноручно убрать металлические дорожки, которые вели к линии печей. Эти дорожки имели целью ускорение процесса кремации. Зондеркоманды загружали телами небольшие тележки и катили их по рельсам к отдельным печам.

Женщинам было приказано засыпать травой все ямы, которые использовались для сжигания трупов, когда крематории не справлялись с нагрузкой. Они также должны были просеять останки людей, прежде чем сбросить их в близлежащую реку, Вислу. Некоторые женщины пытались спрятать кости, чтобы позже их можно было использовать в качестве улики. Женщины знали, что русские, а с ними, возможно, и правосудие, уже в пути. Уму непостижимо, что, столкнувшись с величайшей угрозой, исходящей от мощи Советской армии, германский Третий рейх не нашел ничего лучше, как приказать женщинам сажать деревья на месте бывших ям для сожжения тел, чтобы все выглядело так, как будто ничего не произошло» [Фридман 2023, с. 203].

«Лагерь начали свертывать. Немцы принялись рушить газовые камеры №2 и №3, еще стоявшие на территории. Самых слабых заключённых расстреляли. Повсюду, и возле нашего барака тоже, лежали трупы. Горы трупов наших сестёр и братьев, которым не удалось выдержать всё это и выжить. Рядом с ними на

снегу была сложена их полосатая одежда и обувь. Возле лагерных ворот людей собирали в группы, и это было единственное дошедшее до нас известие» [Максимович 2022, с. 93–94].

«Крематории в Бжезинках сравнивали с землей. Только еще в Освенциме торчала труба последнего крематория. Потребность в одном крематории всегда можно объяснить: надо сжигать трупы умерших естественной смертью» [Живульская].

2.6. 1945 год: эвакуация, уничтожение улик и освобождение лагеря

В январе 1945 года происходят показательные казни: расстреливают 70 поляков, приговорённых к смертной казни немецким военным трибуналом; публично повешены женщины, участвовавшие в контрабанде пороха для зондеркоманды.

«На пустой площади мы замечаем виселицу и на ней четырёх женщин.

Четыре польские еврейки, работающие на фабрике боеприпасов “Юнион Верке”, находящейся на территории лагеря, сознались, что это они передали взрывчатку восставшим зондеркомандам для взрыва крематория. Их повесили здесь, сейчас, во время апеля, чтобы это всем послужило уроком.

Перед смертью женщины крикнули: “Да здравствует свободная Польша!.. Смерть убийцам!..”» [Живульская].

Хаос первых январских дней выжившие узники описывают так:

«Тот факт, что нацистам было приказано прекратить травить нас газом, не означал, что убийства прекратились. Хотя газовые камеры теперь не действовали, жизнь не стала безопаснее. Они беспрестанно казнили людей. Заключение регулярно умирали от болезней, недоедания и истощения. Однако впервые с тех пор, как нацисты пришли к власти, их приоритетом стало самосохранение. Хотя наши охранники, фанатичные эсэсовцы, гордились своей репутацией элиты немецкой армии, но, как и любая беспринципная шпана, они превращались в трусов, сталкиваясь с равным по силе противником» [Фридман 2023, с. 205].

«К началу января их опасения стали вполне реальными. Эсэсовцы начали сносить электрические ограждения, сторожевые башни и бараки. Также они уничтожили некоторые документы и все тщательно хранившиеся бумаги, касавшиеся “окончательного решения”, а трупы, похороненные за газовыми камерами, выкопали и сожгли в карьерах.

Советская армия вела активное наступление. 12 января она разгромила немецкую оборону в Баранове и направилась в сторону Кракова. 16 января советские самолеты разбомбили продовольственный склад в Биркенау [Шлосс 2021, с. 174–175].

«Команды подрывников снесли часть женских бараков и приступили к демонтажу крематориев. Под надзором эсэсовцев канцелярские функционерки “погружали в машину папки с делами, документами, книги учета смертности”.

Длинными январскими ночами в небе под грузными тучами то и дело посверкивали красные и оранжевые сполохи. В 60 километрах от Аушвица пылал Краков. <...>

Сарафанное радио наполнилось слухами о грядущей эвакуации и о планах СС сжечь лагерь:

“Все, кто останется, сгорят заживо”.

“Эсэсовцы разольют бензин по периметру, включат ток, запрут ворота и подожгут”.

СС строило планы, как использовать узников в качестве живого щита и для этого погнать их пешком в Германию» [Макадэм 2022, с. 340].

«Наступление советских войск и авианалеты посеяли панику среди немцев. Однажды утром несколько охранников СС появились в дверях больницы и закричали: “Всем, кто может, выйти на улицу!” Мама была настолько слаба, что уже несколько недель едва могла сползать с койки, но по настоянию Минни мы собрали наши одеяла и доволочили ноги до дверей.

Лагерь снаружи выглядел жутко, но захватывающе. Небо было синим, и землю укутывало тяжелое одеяло снега. Несколько часов мы стояли на морозе, стуча зубами. Ничего не произошло, кроме перестрелки вдалеке, со стороны наступавших войск СССР. Когда загудела сирена воздушного налета, охранники снова появились и стали кричать на нас, чтобы мы вернулись в помещение. В сумерках они вернулись и заставили нас снова выйти на холод, но еще одно срабатывание сирены, казалось, взволновало их, и нам разрешили вернуться в койки» [Шлосс 2021, с. 175].

«Канцелярские функционерки закончили набивать машины коробками с папками и теперь выносили из эсэсовских кабинетов “разные лагерные документы”, подлежащие сожжению. Среди уничтоженных огнем бумаг были фотографии сотен тысяч заключённых и основная часть данных о женском лагере – статистика численности населения, цифры смертности, отчеты о селекциях и казнях» [Макадэм 2022, с. 341].

10 января 1945 года идёт подготовка к маршам смерти. Заключённых собирают в лагере Аушвиц I. До этого момента их депортировали поездами, но теперь они должны идти пешком.

«Началась очередная “шепотливая” кампания: “если способен стоять на ногах, спасайся”. Никому не хотелось оказаться запертым в Аушвице, из которого собираются сделать гигантский крематорий.

Заключённые, имевшие доступ к запасам “Канады”, принялись таскать оттуда вещи в пустых баках из-под супа. <...>

Узники отчаянно пытались “организовать” всё, что только могли, лишь бы пережить финальный смертоносный шаг эсэсовцев. Все, кто вышел на марш смерти в лохмотьях, погибли от обморожений. “Канадские” работники и работницы пытались вынести как можно больше одежды и обуви. Люди из кухонных бригад забирали сахар, хлеб и другие нескоропортящиеся продукты для своих друзей.

Тем временем на заснеженном ландшафте пылали костры, превращая в пепел лагерные документы, брошенные в пламя забвения» [Макадэм 2022, с. 341].

«В начале января налёты советской авиации на Освенцим приняли особенно интенсивный характер. В ночь на **12 января**, не успели мы заступить на ночную смену, как раздался оглушительный взрыв. Свет погас. Вскоре мы узнали, что бомба попала на участок, который занят квартирами эсэсовцев, и нанесла им много потерь. Во время бомбёжек люди молили бога о том, чтобы погибнуть от авиабомбы, а не от рук гитлеровцев. Гитлеровцы были в совершенной панике. Чувствовалось, что близится конец» [Чёрная книга 1980, с. 429].

17 января 1945 года Доктор Менгеле уезжает из лагеря на своей машине под звуки артиллерийского обстрела.

«Кажется, никогда ещё поговорка “Смерть одного – хлеб другого” не отразилась так полно, как в этом лагере уничтожения. Убийцы из Освенцима жили шумно и гордо до 17 января 1945 года, когда наступление русской армии положило конец этому кошмару» [Гесс 1975, с. 169].

18 января 1945 года из Аушвица I отправляются колонны заключённых, и начинается марш смерти, во время которого безжалостно убивают тех, кто не успевает идти. 30 членов зондеркоманды в последний раз кремируют умерших в Крематории V, затем присоединяются к своим коллегам и ждут смерти в блоке 16 сектора ВІІd Аушвица II-Биркенау. Во второй половине дня по лагерю распространяется слух, что приближается советская армия. Офицеры СС в панике спешно сжигают документацию. Пользуясь хаосом, члены зондеркоманды присоединяются к другим заключённым и идут в Аушвиц I, где узники собираются для дальнейшего марша.

«Немцы начали эвакуацию Биркенау 18 января 1945 года. Самый страшный геноцид в истории человечества произошел в пределах именно этих электрифицированных заборов. Нацисты попытались очистить место преступления или по крайней мере оставить как можно меньше улики. Они взорвали Крематории II и III. Только Крематория V осталась нетронутой. Немцы сожгли записи и дела, все бумаги, которые так старательно собирали за предыдущие несколько лет, но их самой большой проблемой было то, что осталось так много живых свидетелей. Шестьдесят тысяч заключённых

находились на тот момент в Освенциме I, Биркенау и Моновице, основных подразделениях комплекса Освенцим.

Нацисты начали собирать пленных, чтобы либо перевезти их, либо заставить идти маршем на запад, в сторону Германии. В первый день этой операции около пяти тысяч женщин и детей покинули Биркенау в рабочих полуботинках или босиком, колоннами по 500 человек в сопровождении охранников СС. Всех, кто был слишком болен или слаб для такой дороги, без промедления расстреливали. Подобно раненым животным, немцы стали еще более опасны – теперь, когда почувствовали непосредственную угрозу. В течение следующей недели, по мере того как русские подходили все ближе, хаос усиливался» [Фридман 2023, с. 206–207].

«Староста неожиданно вспомнил, что нужно прибраться в блоке, и приказал четверем заключённым вымыть пол... За час до ухода из лагеря! Зачем? Для кого?

– Для армии освободителей, конечно! – возмутился он. – Пусть знают, что здесь жили люди, а не свиньи.

Выходит, мы были людьми?

Мы вычистили всё до блеска, оставив своё скорбное жилище в идеальном порядке» [Визель 2021, с. 137].

«Из лагеря вышло шестьдесят тысяч человек. Из них тридцать пять тысяч мужчин с участка Буна-Верке (фабрика боеприпасов). В конце каждой четырехтысячной колонны – сани, запряженные собаками. На санях пулемет и фернихтунгсманда. Вокруг нас – собаки.

Обращаюсь к идущему рядом со мной часовому, не знает ли он, как далёк наш путь. Он отвечает: триста километров» [Живульская].

«На самом же деле сворачивание лагеря заняло ещё не один день, и, несмотря на приказ «ликвидировать» всех больных заключённых, штурмбаннфюрер СС Франц Ксавер Краус так и не бросил роковую спичку в разлитый по периметру бензин. Вдоль оград установили мины-ловушки, но они никакой роли не сыграли, и через девять дней Аушвиц был освобождён» [Макадэм 2022, с. 344–345].

«Остававшихся в живых трудоспособных заключённых нацисты решили вывезти вглубь рейха на работы в последние, еще действующие концлагеря. Были сформированы составы из вагонов для перевозки скота – тех же, в которых узников со всей Европы свозили в Аушвиц. Когда вагонов не осталось, администрация распорядилась гнать узников пешими этапами. Шестьдесят тысяч человек – все, кто еще мог ходить, – должны были выдвинуться в сторону Водзислава Шленского, железнодорожной станции в шестидесяти километрах от Освенцима. Идти предстояло лесами, без еды, в легкой лагерной униформе – в разгар январских морозов. Многим узникам, истощенным за месяцы пребывания

в лагере, это оказалось не под силу. Тех, кто падал или шёл слишком медленно, расстреливали конвоиры. Каждый четвёртый заключённый пеших этапов из Аушвица остался лежать в лесах под Освенцимом. Дорога от Биркенау через Райско, Пщину, Порембу и Ястшембе до Водзислава Шленского была усеяна трупами. Эту страшную эвакуацию впоследствии называли маршем смерти. Тех, кто смог дойти до конца, погрузили в открытые товарные вагоны на станции в Водзиславе Шленском и отправили вглубь Германии» [Клиймук 2019, с. 74].

20 января 1945 года около 9 000 узников, среди которых больные и ослабленные остаются в лагерном комплексе Аушвиц. Их приказано ликвидировать, но офицеры СС больше заинтересованы в собственном спасении, чем в подчинении командам.

«В страшной панике покидали Освенцим в конце января 1945 года. Всех узников, которые ещё могли идти, погнали в глубь Германии, где большинство через три месяца было освобождено. Больных бросили в Освенциме и подсобных лагерях; их охотнее всего расстреляли бы, но страх уже сидел на шее всех чинов СС, и никто не имел смелости отдать приказа» [Гесс 1975, с. 184].

20–25 января 1945 года подразделения СС большую часть времени проводят за пределами лагерей Аушвиц I и Аушвиц II-Биркенау. Строгий контроль надзирателей и капо заканчивается, и заключённые в лагерях предоставлены своей судьбе. Эсэсовцы несколько раз возвращаются в лагерь, чтобы выполнить приказ и убить оставшихся заключённых. Они успевают расстрелять около 300 человек. Также в эти дни убивают несколько сотен заключённых в лагерях-спутниках.

«22 января. Если пренебрежение опасностью считать смелостью, то в то утро нас с Шарлем можно было назвать смельчаками. Решив расширить зону поисков, мы отправились в расположение эсэсовской части, примыкавшей непосредственно к ограждению лагеря.

Похоже, охрана покидала лагерь в большой спешке: на столах стояли тарелки с замёрзшим супом, который мы с наслаждением доели, кружки с пивом, успевшим превратиться в жёлтый лёд, шахматная доска с аккуратно расставленными фигурами. Обследовав помещения, мы нашли много замечательных вещей: бутылку водки, разные лекарства, газеты, журналы и четыре великолепных спальных мешка, один из которых теперь у меня дома, в Турине. Не думая об опасности, гордые собой, мы притащили добычу в палату и отдали Артуру. Вечером нам стало известно, что случилось буквально через полчаса после нашего ухода.

Несколько вооружённых эсэсовцев, возможно отставших от своей части, ворвались в немецкую столовую, где расположились восемнадцать французов, и методично, выстрелом в затылок, всех убили. Потом вытащили трупы на снег, сложили рядом и уехали. Восемнадцать трупов так и лежали до прихода русских: ни у кого не было сил их похоронить» [Леви 2001, с. 195].

26 января 1945 года в час ночи взорван Крематорий V, единственный крематорий, который находился в рабочем состоянии.

«Неожиданно 25 января отряд войск Службы безопасности СС действительно вернулся в лагерь Аушвиц I с целью убить всех оставшихся заключённых. Точно так же они вытащили всех больных и слабых из своих коек и заставили их выстроиться на снегу для расстрела, но тут еще раз налетели советские самолеты. “Возвращайтесь в бараки!” – крикнул один из офицеров, и солдаты исчезли так же внезапно, как и прибыли.

На следующий день, рано утром, эсэсовцы вернулись в Биркенау на бронированных машинах. Они подожгли крематорий № 5, а затем поехали взрывать близлежащие мосты. В небе вели бой немецкие и советские самолеты» [Шлосс 2021, с. 179].

«Перед всеми служебными зданиями в Освенцимском лагере полыхал огонь: горели документы. Крематории, служившие для проведения самого большого массового убийства в истории человечества, были взорваны. Где-то среди руин лежала сгнетённая жестяная миска, из которой какой-то узник ел когда-то водянистый суп. Неловкой рукой на ней была выцарапана лодка на бушующем море, а над ней надпись: “Don’t forget the forlorn man!”. На оборотной стороне был самолёт с американской звездой, который сбрасывал бомбу. Рядом была надпись: “Vox Dei!”» [Гесс 1975, с. 185].

27 января 1945 года в 15:00 советские солдаты прибывают в Аушвиц и находят здесь 7 400 уцелевших узников. Из выживших узников 1 200 человек находятся в Аушвице I, 5 800 – в Аушвице II-Биркенау и 600 – в Аушвице III-Моновиц.

«27 января русские вошли в Аушвиц и Биркенау. Незадолго до этого немцы подожгли 30 складских бараков “Канады”. По прибытии русских остатки домов еще тлели, и “в шести не сгоревших дотла бараках нашли свыше миллиона предметов мужской и женской верхней одежды”. Также в лагерях обнаружили “более 600 мертвых узников и узниц, либо расстрелянных, либо погибших иной смертью в последние несколько дней”. Из 5 800 заключенных, оставшихся на тот момент в Биркенау, – 4 000 женщин» [Макадэм 2022, с. 351].

В воспоминаниях узников концлагеря Аушвиц особое место занимает момент встречи с советскими солдатами, принесшими долгожданную свободу.

«В течение двух дней звуки боя приближались, нарастали. Хотя наших нацистских угнетателей нигде не было видно, скрытый страх, что они могут вернуться, жил в нас. Мы оказались в своеобразной промежуточной зоне между тюремным заключением и свободой. Наши тюремщики бежали, но выжившим, оставшимся внутри огороженного колючей проволокой лагеря, идти было некуда, люди были сбиты с толку, травмированы, больны и, конечно же, истощены. Тревога и ужасные условия, однако, были уравновешены волной

оптимизма – эмоции, которую я за свою короткую жизнь еще ни разу не наблюдала у представителей моего народа.

“Русские идут, русские идут”, – звучало рефреном на протяжении всего дня.

На этот раз оптимизм оказался оправдан. Когда начало смеркаться, мы впервые увидели наших освободителей. Я стояла рядом с мамой у забора из колючей проволоки, глядя на красные кирпичные Ворота Смерти. Мы затерялись в толпе, состоящей в основном из женщин, у которых хватало физических сил часами стоять на морозе. Хотя большинство из них напоминало настоящие скелеты, они умудрялись приветствовать военных, кричать, подбадривать и одобрительно свистеть. Из последних сил они издавали самый счастливый звук, который я когда-либо слышала.

Маршируя за гигантским красным флагом с золотыми серпом и молотом в углу, солдаты распахнули ворота под приветственный рев заключённых. Некоторые евреи танцевали, исполненные адреналина, от осознания того, что, несмотря ни на что, они бросили вызов беспощадной системе истребления. Женщины бросились вперед и целовали солдат в щеки. Так же поступили и некоторые мужчины. Другие падали на колени и целовали сапоги победоносных русских [Фридман 2023, с. 214].

«И вдруг из аптеки я увидела на дороге вблизи лагеря силуэты в белой и серой одежде. Было это приблизительно в 5 часов дня. Сначала мы подумали, что это возвращаются “лагерники”. Я выбежала из аптеки, чтобы посмотреть, кто идёт. Каково же было наше счастье, когда мы увидели, что это наши спасители – советские воины. Это была разведка. Поцелуям и приветствиям не было конца. Нас уговаривали уйти, нам объясняли, что нельзя здесь стоять, потому что еще не уточнено, где враг. Мы отходили на несколько шагов и снова возвращались, чтобы быть ближе к нашим освободителям. Почти до самого вечера мы пробыли около ворот. А вернувшись в лагерь, мы и там встретили долгожданных и дорогих наших друзей» [Чёрная книга 1980, с. 417].

«Внезапно дверь в барак распахнулась, и женщина закричала: “Там у ворот – медведь!”

Это казалось маловероятным, но в Биркенау не было ничего невероятного. Мы с волнением направились к выходу, и перед нами предстало своеобразное зрелище: действительно, там был “медведь”. Большой человек в медвежьей шкуре изумленно глядел на нас с таким же испуганным выражением лица. Возможно, мне надо было быть осторожнее, но безудержная радость охватила меня в тот момент. Я подбежала к нему, бросилась на руки, и он меня обнял. Это было 27 января 1945 года – советские войска пришли освобождать нас. <...>

Мой опыт общения с советскими солдатами состоял в том, что они были моими освободителями и друзьями. Те первые солдаты были из 60-й армии 1-го Украинского фронта, под командованием генерала Павла Курочкина. В течение ближайших нескольких дней сначала малые, а затем все более многочисленные

группы солдат обосновывались в лагере. Они готовили для нас сытную еду, говорили с нами и давали погреться у костра» [Шлосс 2021, с. 179–181].

Воспоминания выживших узников Аушвица представляют особую ценность при сравнении с восприятием событий со стороны тех, кто участвовал в освобождении лагеря. Сопоставление этих двух ракурсов восприятия происходящего позволяет более полно осмыслить не только исторический факт освобождения, но и эмоционально-психологический опыт его участников.

Одним из тех, кто непосредственно участвовал в освобождении Аушвица, был Василий Яковлевич Петренко (1912–2003) – Герой Советского Союза (присвоено в 1943 году), в январе 1945 года командовавший 107-й стрелковой дивизией. Дивизия под его руководством входила в состав 60-й армии 1-го Украинского фронта и принимала участие в операции по освобождению лагеря.

С 1960-х годов Петренко регулярно участвовал в памятных мероприятиях, посвящённых годовщинам освобождения Аушвица. Однако согласие на написание воспоминаний он дал лишь спустя несколько десятилетий. Работа над книгой «До и после Освенцима» заняла два года и была завершена к концу 1999 года. В Аушвиц В.Я. Петренко вошёл 28 января и вспоминал об этом так: «Меня провели на территорию лагеря. Шёл мелкий снег, который тут же таял. Помню, что я шёл в расстегнутом полушубке. Уже темнело, но наши солдаты нашли какой-то аппарат и включили освещение. К нам подходили изможденные узники в полосатой одежде, что-то говорили на разных языках. Меня, не раз видевшего своими глазами гибель людей на фронте, поразила такая невиданная жестокость нацистов к заключённым лагеря, превратившихся в живых скелетов. Об отношении немцев к евреям я читал в листовках, но в них ничего не говорилось об уничтожении детей, женщин и стариков» [Петренко 2000, с. 92].

Эти первые дни после освобождения запомнили все узники, которые находились на тот момент в лагере: «Что это русские, точнее, что это не немцы, мы догадались по их военной форме. К тому же эти солдаты старались улыбаться при каждом удобном случае. Это нелегко им давалось, потому что лагерь ошеломил их своей жестокостью. Они явно не знали, что сказать. Такого безумия они не понимали и не ожидали. И всё-таки улыбались, по крайней мере, пытались улыбаться. Они поили нас кофе, тёплым молоком, хлебом, намазанным маргарином. Такого вкуса я даже не знала» [Максимович 2022, с. 98].

«Солдаты обнимали хрупких людей-палок в лохмотьях и отвечали на поцелуй. Гигант-солдат с широкой улыбкой на лице поднял меня над головой. Он что-то сказал, но я не поняла. Я посмотрела на маму: она тоже улыбалась. Поэтому я сказала себе, что, скорее всего, этот гигант знает, что делает.

До тех пор я полагала, что все солдаты носят устрашающие стальные каски и черно-серую форму СС. Русские были одеты в тёмно-зеленые шинели. На некоторых были шлемы, на других – плоские меховые шапки, украшенные незнакомыми знаками отличия. Что отличало русских, так это их манера

поведения и сочувствие. Глаза немцев источали презрение и ненависть. Русские были полны радости, но выражение их лиц быстро сменилось с ликования на шок от того, на что они наткнулись. Даже мне стало понятно, что они не могли до конца поверить в то, что видели их глаза» [Фридман 2023, с. 214].

В то, что советским освободителям лагеря было трудно воспринимать реальность происходящего, подтверждает В.Я. Петренко: «Впервые об этом концлагере я, командир 107-й стрелковой дивизии, узнал ночью по телефону 26 января, руководя боем за Нейберун. Мне позвонил командир 106-го стрелкового корпуса генерал П.Ф. Ильиных, сообщивший, что 100-я и 322-я дивизии, ведя бой за Моновицы и Зарац, установили, что это – объекты большого гитлеровского концлагеря, центр которого находится в Освенциме <...> Мои коллеги – командиры соседних дивизий также узнали о существовании концлагеря Освенцим буквально накануне его освобождения. <...> Нормальных людей я не видел. Немцы там оставили немощных, остальных угнали 18 января – всех, кто мог ходить. Больных, ослабевших оставили; как нам сказали – всего было более десяти тысяч. Немногие, те, что могли ходить, убежали, когда наша армия подошла к лагерю» [Петренко 2000, с. 91, 89, 93].

«28 января много бывших заключённых ушло из лагеря, получив, наконец, свободу. У нас в аптеке гостили командиры и бойцы. Мы рассказали им о страшной жизни в Освенцимском лагере. 3 февраля мы оставили за собой Биркенау и пришли в лагерь Освенцим. Там мы застали много людей, которым так же, как и нам удалось спастись. 4 февраля мы пришли в город Освенцим. Нам не верилось, что мы свободны. С изумлением смотрели мы на проходивших по улицам людей. 5 февраля мы двинулись в направлении к Кракову. По одну сторону дороги тянулись гигантские заводы, построенные заключёнными, уже давно погибшими от изнурительной работы. По другую сторону – еще один большой лагерь. Мы вошли туда и нашли больных, которые, как и мы, только потому уцелели, что не ушли с немцами 18 января. Оттуда мы двинулись дальше. Еще долго нас преследовали электрические провода на каменных столбах, так хорошо нам знакомых, – символ рабства и смерти. Нам казалось, что мы никогда из лагеря не выберемся, и мы добрались до деревни Влосенюща. Там мы переночевали и на следующий день, 6 февраля, тронулись дальше. По дороге нас подобрала машина и довезла до Кракова. Мы свободны, но радоваться мы еще не умеем. Слишком многое пережито и слишком многих мы потеряли» [Чёрная книга 1980, с. 417].

Особое, неизгладимое впечатление на советских солдат произвела встреча с детьми, пережившими ужасы лагеря. Их облик, лишённый естественных проявлений детства, стал для освободителей одним из самых тяжёлых воспоминаний. Так пишет о детях в Аушвице В.А. Петренко:

«В тот день, когда я приехал в Освенцим, там насчитали семь с половиной тысяч оставшихся в живых. <...> Я заходил не только в бараки, потрясшие меня

своим видом, мне показали также и помещение, где отравляли газом у входа в крематорий. Сам крематорий и газовая камера были взорваны. Потом я увидел детей... Жуткая картина: вздутые от голода животы, блуждающие глаза; руки как плети, тоненькие ножки; голова огромная, а все остальное как бы не человеческое – как будто пришито. Ребятишки молчали и показывали только номера, вытатуированные на руке. Слез у этих людей уже не было. Я видел, они пытаются утереть глаза, а глаза оставались сухими...» [Петренко 2000, с. 93].

ВЫВОДЫ КО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Хронологическое рассмотрение ключевых этапов функционирования концлагеря Аушвиц, представленное во второй главе, позволило реконструировать масштаб и характер преступлений, совершённых нацистским режимом в период с 1940 по 1945 год. Установленная хронология продемонстрировала, как в условиях нацистской оккупационной политики Аушвиц последовательно превращался из места временного содержания заключённых в один из центральных инструментов реализации политики геноцида.

Каждый из представленных в главе этапов – от первых массовых казней и испытаний газовых камер в 1941 году до прибытия сотен тысяч венгерских евреев в 1944-м – подтверждён документальными источниками и многочисленными свидетельствами очевидцев. В основу реконструкции положены воспоминания выживших узников, написанные в разные годы, показания участников Нюрнбергского процесса, мемуары первого коменданта лагеря Рудольфа Хёса и бывшего сотрудника политического отдела концлагеря Пери Брода, Героя Советского Союза В.Я. Петренко, который принимал участие в освобождении концлагеря в звании полковника.

Сравнение этих разных точек зрения, представленных в воспоминаниях узников, освободителей и самих нацистов, позволяет глубже понять сам механизм функционирования лагеря и степень человеческих страданий, перенесённых его жертвами. Эти рассказы, разные по настроению, глубине и личной открытости, вместе складываются в многогранную картину лагерной реальности. В них приводятся не только факты, но и та эмоциональная правда, которую невозможно передать цифрами и датами.

Благодаря междисциплинарному подходу удалось не просто восстановить последовательность ключевых событий, но и показать, как менялся сам Аушвиц в зависимости от решений нацистского руководства и хода войны. Эта хронология показывает, как лагерь стал местом, где стирались границы между военными целями и сознательным уничтожением мирных людей, в том числе самых незащищённых – детей.

ГЛАВА 3.

ЯЗЫК В АУШВИЦЕ: ЛЕКСИКА ЛАГЕРЯ СМЕРТИ

Языковая среда в концлагере Аушвиц была уникальной по своему составу и функционированию. В условиях тотального насилия язык становился не только средством коммуникации, но и инструментом власти, разграничения «своих» и «чужих», а также важнейшим механизмом выживания. Общение происходило, прежде всего, на двух уровнях: официальном и неформальном. Немецкоязычная терминология использовалась для обозначения людей, предметов и событий в лагере. Каждый заключённый должен был запомнить некоторые основные фразы на немецком языке: свой номер, номер барака и тексты песен, исполнявшихся по приказу охраны.

Однако в повседневном общении заключённые формировали и активно использовали особую форму лагерной речи – *Lagerszpracha* (или *Lagerjargon*), представлявшую собой многоязычную смесь, включавшую элементы немецкого, польского, идиш, венгерского, чешского, русского, силезского и других языков. Об этом своеобразном лагерном языке, который не только отражал реалии жизни в Аушвице, но и выполнял адаптивную функцию в условиях постоянного насилия, писали в своих воспоминаниях практически все выжившие узники.

Жаргон был универсален: им пользовались мужчины и женщины независимо от национальности и социального происхождения. Дети, погружённые в повседневную жизнь лагеря, быстро перенимали характерные выражения и термины, используемые взрослыми узниками и надзирателями. Владение лагерной лексикой позволяло ребёнку ориентироваться в системе, понимать команды, устанавливать контакт с другими заключёнными и избегать смертельно опасных ситуаций.

Показателен в этом контексте пример Томаса Гива, который создал своеобразную «Азбуку Освенцима» (*Auschwitzer ABC*) – иллюстрированный перечень из 23 ключевых слов, наиболее часто употреблявшихся им в условиях лагерного существования. Сопровождая каждый термин детским рисунком, он зафиксировал своё восприятие лагерной реальности. Эту «Азбуку» можно рассматривать как уникальный документ памяти, отражающий ту коммуникативную среду, в которой ребёнок учился ориентироваться, выживать и осмысливать окружающий мир.

В рамках настоящей главы рассматривается корпус лагерной лексики, зафиксированной в мемуарах бывших узников, созданных в разные десятилетия. В целях точности анализа в каждом случае сначала приводится русский текст отрывка, содержащий жаргонное выражение, а затем – его оригиналы на других языках: польском, английском, итальянском, французском, немецком. Такой подход позволяет проследить, как лагерные термины интерпретируются в различных культурных и языковых контекстах, а также выявить случаи смысловой трансформации при переводе. В тех случаях, когда анализируемый фрагмент заимствован из источника, написанного на русском языке, он

приводится без параллельного перевода, поскольку представляет собой оригинал.

Анализ лагерной лексики в данной главе структурирован по тематическим блокам: административная иерархия и распределение ролей; пространство и топография лагеря; практика насилия и уничтожения; формы обыденного взаимодействия; терминология, связанная с сексуальной эксплуатацией; а также специфические выражения лагерного жаргона.

3.1. Административная иерархия и распределение ролей

Одним из ключевых инструментов функционирования лагерной системы в Аушвице была жёсткая административная иерархия, которая распространялась как на сотрудников охраны, так и на самих заключённых. Командование лагерем сознательно внедряло структуру внутреннего самоуправления, в которой определённые роли, полномочия и формы власти передавались самим узникам. Эта система способствовала разрушению солидарности между заключёнными и облегчала контроль со стороны СС.

В последующих подпунктах будут рассмотрены основные термины, которые обозначают представителей административной и полуадминистративной системы.

3.1.1. Анвайзерка

Анвайзерка – (от нем. *die Anweiserin*) – надзирательница; надсмотрщица. Слово использовалось для обозначения лагерного начальства разного уровня – от надзирателей-заключённых (капо) до сотрудниц СС. Синонимы: ауфзер (ауфзеерка), аузерка.

«Наблюдали за нами, кроме поста, женщины “*айнвайзерки*”. *Айнвайзерки* были заключённые немки, в большинстве своем – проститутки. “*Айнвайзерку*” можно было подкупить – пачки папирос было достаточно; но для того, чтобы эту пачку раздобыть, надо было снова уметь “организовать” [Чёрная книга 1980, с. 413].

«Наша “*анвайзерка*” показала нам очень симпатичной. Первый чёрный винкель, который вёл себя по-человечески и говорил нормально» [Живульская].

“*Nasza anwajzerka* wydawała się nam bardzo sympatyczna. Pierwsza z czarnym winklem, która zachowywała się po ludzku i mówiła normalnie” [Żywulska 2008, s. 41].

«Мечутся охрипшие капо, *анвайзерки*, собирая людей на работу <...> Главная в этой группе Моника Галицина, единственная, кажется, в то время полька, выполняющая функции *анвайзерки*. Красная повязка на ее руке – символ власти. “К Монике” идут те, кто уже совсем не способен на тяжёлую работу» [Шмаглевская 1970, с. 19].

3.1.2. Ауфзеер / Ауфзеерка

Ауфзер / Ауфзеерка – (от нем. *Aufseher* – надзиратель, *die Aufseherin* – надзирательница) – надзиратели из числа заключённых, то же, что капо.

«Нас уже пересчитывали. Какая-то “*ауфзеерка*”, миловидная блондинка лет двадцати, медленно проходила вдоль первой шеренги пятёрок. Она показалась нам самой приветливой из всех, кто имел право кричать на нас.

Наш блок находится в первой линии блоков, возле самой Лагерштрассе. *Ауфзеерки* со всего лагеря после переклички становились у пюпитра – будто в школе» [Живульская].

«В барак вошла лагеркапо, та самая, что участвовала в отборе. Вместе с *ауфзееркой* они переходили от нар к нарам и что-то шептали. Мы обеспокоенно вертелись на своих местах. Визит этот не предвещал ничего хорошего» [Живульская].

«После того как Виолетте накололи на руке номер, она подошла к *Aufseherin* – эсовской надзирательнице, чтобы на “школьном” английском задать ей тот же вопрос [Фельштейн 2021, с. 55].

“Schrypnięte capo i *anwajzerki* (kierująca pracą) biegają nieustannie, zbierając ludzi. <...> Odpowiedzialna za tę pracę jest Monika Galicina, jedyna zdaje się w tym czasie Polka spełniająca funkcję *anwajzerki*. Czerwona opaska na jej ramieniu jest oznaką władzy. „U Moniki” starają się pracować te, które już w żaden sposób nie są zdolne do ciężkiej pracy” [Szmaglewska].

“Już nas liczyli. Jakaś *aufzejerka*, miła blondynka mająca najwyżej 20 lat, przechodziła wolno przed pierwszym szeregiem piątek. Wydawała nam się najłagodniejsza z tych wszystkich, które miały prawo na nas krzyczeć.

Nasz blok znajdował się w pierwszej linii bloków przy Lagerstrasse. *Aufzejerki* z całego obozu po obliczeniu przydzielonych im bloków stawały przy pulpicie – jak w szkole” [Żywulska 2008, s. 28].

“Na barak weszła lagerkapo, ta sama, która brała udział w selekcji. Razem z *aufzejerką* przechodziły od koi do koi i coś mówiły szeptem. Wierciłyśmy się niespokojnie. Taka wizyta nie mogła nie dobrego wróżyć” [Żywulska 2008, s. 57].

“Durant le tatouage de son matricule sur son avant-bras, Violette s’approche d’une *Aufseherin*, une surveillante ss, pour lui poser dans un allemand très scolaire la même question” [Felstein 2010, p. 39].

3.1.3. Блоковой / Блоковая

Блоковой (-ая) – (от нем. *Blockälteste* – старший по комнате) – старший блока, барака.

«**Блоковые** имели в бараках свои комнатки. Это было единственное место, напоминавшее “дом”. **Блоковая** получала дневной паек на всех, и у нее, конечно, было больше маргарина, чем у простой заключенной. У **блоковой**, которую можно подкупить, имелись в запасе лук и картошка, полученные в лагерной кухне. У **блоковых** уже отросли волосы. И ходили они в штатском платье. Это были старые, опытные заключённые [Живульская].

«Это был голос **блоковой**. В нашем бараке помещалось около 300 человек, а наша команда, насчитывающая шестьдесят женщин, была отделена коридором от остальной части, видимо, поэтому **блоковая** решила позволить себе обращаться с нами прилично – тем более что она считала себя “интеллигенткой”. Её обязанностью было сделать переключку, отдать рапорт ауфзеерке и следить за штубовыми, чтобы они убирали в бараке. Все остальное время она сидела в своей комнатке вместе с шрайберкой, и, если у них была хоть капелька фантазии, они могли чувствовать себя почти как дома» [Живульская].

«Тем временем **блоковая** и штубовые начинают выстраивать людей на поверку» [Шмаглевская 1970, с. 15].

“**Blokowe** miały w barakach swoje pokoiki. Były to jedyne miejsca, które przypominały ‘dom’. **Blokowa** odbierała codziennie przydział jedzenia na bloku i dlatego mogła mieć więcej margaryny od zwykłego heftlinga. **Blokowa** dawała się przekupić, więc znajdowały się u niej cebule i ziemniaki, zdobyte w kuchni lagrowej w zamian za inną przysługę. **Blokowe** miały już przeważnie włosy, cywilne suknie, były to stare, doświadczone heftlingi” [Żywulska 2008, s. 35–36].

“Był to głos **blokowej**. Tu w baraku było około 300 osób. (u nas tylko 60, ale byliśmy oddzielone korytarzem od kobiet z ‘Kanady’, których było 300), **blokowa** mogła więc pozwolić sobie na normalne traktowanie nas, tym bardziej że była to koleżanka ‘inteligentka’. Obowiązkiem jej było obliczyć apel, zameldować aufzejerce i przypilnować sztabowe, żeby sprzątnęły barak. Poza tym siedziała w swoim pokoiku wraz ze szrajeberką i jeśli miały odrobinę fantazji, mogły stworzyć sobie chwilami złudzenie domu” [Żywulska 2008, s. 136].

“Tymczasem **blokowa** i sztabowe zaczynają ustawiać apel” [Szmaglewska].

«Пищу раздавали польские бригады и старшие по блоку – **блоковы**, как их называли на польском. <...> За едой евреи стояли

в очереди, и каждому *блоковы* выдавали миску и ложку, а потом толкали вперёд» [Дронфилд 2023, с. 226].

“Food was doled out by the Polish room orderlies and the block senior –

«Пока эсэсовцы вместе с капо вели пересчёт, вдали за крышами, заборами с колючей проволокой и сторожевыми вышками занималась заря. После переключки девушкам приказали убратся в своем бараке, а некоторых из женщин постарше назначили старостами блоков, *«блоковыми»*. Будучи еврейками, они все равно оставались людьми второго сорта, но в своих блоках они тем не менее тут же сделались «шишками», выросли из человеческих отбросов в нечто чуть более важное. Поскольку их назначили ответственными за порядок, они будили узниц по утрам, раздавали еду, решали, кто останется сегодня на уборку, а кто отправится работать, кто получит больше хлеба» [Макадэм 2022, с. 143].

3.1.4. Капо

Капо – бригадир из заключённых.

Относительно происхождения слова существует несколько версий: немецкая (K]amerad (товарищ) P]olizei (полиция) – товарищеская полиция), итальянская (саро – голова, главарь) и французская (Caporal – [саро]ral – капрал).

«... у *капо* имелась суточная “квота на уничтожение” заключённых» [Визель 2021, с. 120].

the *blockowi* as the Poles called him. <...> At mealtimes the Jews were made to queue up, and when a man’s turn came, he was given a bowl and spoon by the *blockowi* and shoved forward” [Dronfield 2019, p. 152].

“Dawn broke across the rooftops, barbed-wire fences, and watchtowers surrounding them as the SS and kapos counted. After roll call, 996 girls were instructed to clean their barrack, and a few of the older women were chosen for positions overseeing the blocks. As Jews they were still underlings, but the women who had those first positions of power immediately sprang up the ranks, from the dregs to something a bit more important. Given the task of maintaining order, they woke up the block in the morning, served the food, and decided who got to stay inside and clean, who went outside to work, who got more bread” [Macadam 2020, p. 118].

“Les *Kapos* avaient reçu l’ordre de tuer chaque jour un certain nombre de prisonniers” [Wiesel 1958, p. 110].

«Других авторитетных фигур называли *капо* (от итальянского слова *сапо*, означающего «босс»; мафия использует это же слово из-за страха, который оно вызывает). Таких *капо* немцы назначили надзирателями» [Фридман 2023, с. 164].

«Эсэсовцы приходили только во время двух ежедневных переключек. Внутри лагеря все вопросы решали сами заключённые. По эту сторону колючей проволоки установилась своя иерархия из тех, кто носил нарукавные повязки: лагерный староста, лагерный парикмахер, лагерный переводчик, лагерный секретарь и распределитель работ. Надзиратели и старшие по блоку были мелкими сошками. В каждой рабочей бригаде был свой главный *капо*, капо, младший капо и бригадир» [Гив 2022, с. 87–88].

«Внезапно на нас полился кипяток, и все выскочили из-под струй воды на середину комнаты, где охранники и *капо* (заключённые-евреи, которым поручили охранять нас), дубинками загнали всех обратно под душ» [Борнштейн 2022, с. 97].

«... появилась группа из восьми женщин *Капо*, чтобы понаблюдать за нашим вступлением в лагерную жизнь. *Капо* – это заключённые, которых эсэсовцы использовали для управления внутри лагерей. В основном это были польские христиане, которые с начала войны находились в заключении в Аушвице» [Шлосс 2021, с. 139–140].

“Other authority figures were called *Kapos* (from the Italian ‘*capo*,’ meaning ‘boss’; the mafia uses that same word because of the fear it arouses), whom the Germans appointed as supervisors” [Friedman].

“It was only during the two daily rollcalls that we saw the SS men. Camp affairs were run by the prisoners themselves. Inside the fence, the hierarchy, wearing designated armbands, consisted of the camp-elder, the camp hairdresser, the camp interpreter, the camp secretary and the labour distributor. Overseers and block-elders made up the small fry. At the working squad, there were head *capos*, capos, subcapos and foremen” [Geve 2021].

“Suddenly, the water got very hot and we all scurried out from under the showerheads towards the center of the room, where SS guards and *kapos* (here meaning Jewish prisoners who had been assigned guard duty) used clubs to shove us back under the scalding water” [Bornstein 2017].

“Once we had been marched into an airless barrack that served as the reception area, a group of eight women *Kapos* arrived to oversee our induction. *Kapos* were prisoners themselves who the SS used to administer the camps. Mostly they were Polish Christians who had been incarcerated in Auschwitz since the start of the war” [Schloss 2013, p. 129].

«Главная в блоке – *капо*, словачка Сусанна, все зовут ее Жужа. После освобождения эту свирепую пособницу нацистов признали виновной в убийстве ста заключённых. Англичане казнили её одновременно с начальником лагеря Крамером, эсэсовкой Ирмой Грезе и другими палачами. Пустив в ход интриги, доказав нацистам, что она способна принудить узниц к “беспрекословному подчинению”, эта женщина стала *Lagerälteste*, главным *капо* Бельзена» [Фельштейн 2021, с. 57].

3.1.5. Привилегированные заключённые

Привилегированные заключённые – заключённые, имеющие власть над другими заключёнными, благодаря занимаемым должностям.

«Что касается вопроса о *привилегированных заключённых*, он сложнее, хотя и серьёзнее; я бы даже назвал его основополагающим. <...> *Привилегированные заключённые* составляли меньшинство среди лагерного населения, но подавляющее большинство среди выживших. <...> ... привилегия по определению защищает и охраняет привилегию. Любопытно, что в лагерном жаргоне *привилегия* обозначается словом “*protekcja*” (из идиша или польского), явно восходящим к итальянскому, а значит, к латыни» [Леви 2010, с. 32–34].

«Они смеялись и над собой, и над своими палачами. “Мы такие *при-ви-ле-ги-ро-ван-ные*, что в камере точно получим двойную долю газа!” – говорит одна» [Фельштейн 2021, с. 119].

“Le chef de Block, la *Blockowa*, est une Slovaque, Suzanne, plus connue sous le diminutif de Szuszi. Féroce, elle sera à la Libération déclarée coupable d’avoir tué de ses mains une centaine de personnes, et sera de ce fait exécutée par les Anglais en même temps que Kramer, le chef du camp, Irma Griesse, une des femmes ss, et d’autres. Par promotion, intrigues, démonstration de sa capacité à se faire obéir «sans défaillance», elle deviendra *Lagerälteste*, *Kapo* en chef de Belsen” [Felstein 2010, p. 39].

“Per quanto riguarda i *prigionieri privilegiati*, il discorso é pit complesso, ed anche pit importante: a mio parere, é anzi fondamentale. <...> I *prigionieri privilegiati* erano in minoranza entro la popolazione dei Lager, ma rappresentano invece una forte maggioranza fra i sopravvissuti <...> Il privilegio, per definizione, difende e protegge il privilegio. Mi torna a mente che il termine locale, jiddisch e polacco, per indicare il *privilegio* era ‘*protekcja*’, che si pronuncia ‘*protekczia*’ ed è di evidente origine italiana e latina ...” [Levi 2003, p. 27–28].

“Elles se moquent ainsi d’elles-mêmes et de leurs tortionnaires. ‘*Privilégiées* comme on est, à tous les coups, quand ils nous passeront au gaz, ils mettront double dose pour que ça aille plus vite!’ dit l’une [Felstein 2010, p. 85].

«На территории шестьдесят деревянных бараков, или, как их здесь называют, блоков, десять из которых ещё не достроены. Есть каменное здание кухни, душевые и сортиры (на шесть – восемь бараков по одной душевой и одному сортиру), сельскохозяйственная экспериментальная ферма, где работает команда *привилегированных заключённых*» [Леви 2001, с. 36].

“È costituito da sessanta baracche in legno, che qui si chiamano Blocks, di cui una decina in costruzione; a queste vanno aggiunti il corpo delle cucine, che è in muratura; una fattoria sperimentale, gestita da un distaccamento di *Häftlinge privilegiati*; le baracche delle docce e delle latrine, in numero di una per ogni gruppo di sei od otto Blocks” [Levi 2000, p. 24].

3.2. Пространство и структура лагеря

Пространственная организация Аушвица была не случайной: она подчинялась логике подчинения, изоляции и уничтожения. Каждое пространство лагеря – от бараков до плаца для построений – имело строго определённую функцию, отражающую как повседневные практики принуждения, так и механизмы тотального контроля.

3.2.1. Аппель

Аппель – (от нем. *der Appell* – перекличка) – ежедневная поверка, перекличка заключённых, устраиваемая лагерным начальством, как правило дважды в день, утром и вечером. Слово употреблялось не только в Аушвице. Например, Маша Рольникайте, малолетняя узница концлагерей Штрасденгоф (предмесье Риги) и Штуттгоф (Польша), в своём «Дневнике» пишет:

«Свисток! Длинный, протяжный. Смотрю – в дверях опять злая Эльза. Она кричит: «*Appell!*» «Проверка!» А мы не понимаем, чего она хочет, и сидим» [Рольникайте 2017, с. 273].

Этим же словом с внутритекстовым пояснением называет перекличку и Питер Кубичек, бывший заключённый лагерей Бельген-Бельзен и Заксенхаузен (Германия), в воспоминаниях *Memories of evil: memoir of a World War II childhood* (на русский не переведены): “One morning, after we had lined up for our usual morning *Appell*, or roll call, we were ordered to remain standing” [Kubicek 2012, p. 47].

Советский военнопленный Андрей Погожев, выживший после побега из Аушвица также употребляет это слово: «Это сигналы на “*аппель*”, общелагерную, обязательную для всех узников ежедневную поверку» [Погожев 2005, с. 23].

«Девушка из Освенцима» (название, имя неизвестно) свидетельствует: «Поднимали нас в 4 часа утра, гнали в кухню за чаем, затем делали подсчет всех на блоке. Подсчёт назывался “*аппель*”, подсчитывали два раза в день: утром и к вечеру, когда люди возвращались в лагерь с работы. Эти “аппели” длились по 2–

3 часа каждый, невзирая на дождь, снег и холод. Мы стояли в абсолютной неподвижности, промёрзшие и измученные. Тех, кто заболел в результате этого, забирали в больничный блок, и там они пропадали» [Чёрная книга 1980, с. 411].

Узник Буны, третьего по величине лагеря после Аушвица и Биркенау, вспоминает: «Два-три часа продолжалась проверка (*“апель”*) утром, перед отправкой на работу, и столько же вечером – по возвращении в барак. На работу приходилось идти три километра. Труд был тяжёлый, изнурительный. Нас сопровождали особые команды эсэсовцев, которые во время работы наблюдали за нами» [Чёрная книга 1980, с. 422].

«Вечерняя *поверка* у мужчин – это время наказания» [Шмаглевская 1970, с. 161].

«Близилося время *апеля*. Вот-вот приедут ауфзеерки и начнут поверку. *Апель* не может быть нарушен ничем» [Живульская].

«На утреннем *апеле* дети в последний раз стояли вместе с матерями. Двухлетний Петя капризничал, плакал и вертелся между рядами строящихся пятерок. Эсэсовец, принимавший апель, крикнул: “Смирно”, и двухлетний ребёнок немедленно выпрямился и стал по стойке смирно» [Живульская].

«Просыпаясь в четыре утра на *аппель*, то есть переключку, мы стояли в темноте, чтобы нас посчитали, а потом ещё раз пересчитали ...» [Эгер 2023, с. 85].

«Чудесные дни – без *поверок*, без выходов на работу. Весь лагерь стоит на *апельплаце*, а мы, высунувшись в окно, глядим – зрители из другого мира» [Боровски].

“*Apel* wieczorny jest u mężczyzn porą egzekucji” [Szmaglewska].

“Zbliżała się pora *apelu*. Miały przyjechać aufzejerki i liczyć. *Apel* jest rzeczą świętą” [Żywulska 2008, s. 65].

“Na *apelu* porannym stały po raz ostatni razem z matkami. Dwuletni Pietia grymasił, beczał i kręcił się między szeregami wyrównanych piątek. SS-man, odbierając apel, krzyknął Achtung! – i dziecko, dwuletnie dziecko, wyprostowało się natychmiast i stanęło na baczność w pozycji żołnierskiej” [Żywulska 2008, s. 77].

“We’d wake at 4:00 A.M. for the *Appell*, the roll call, stand in the freezing dark to be counted, and recounted ...” [Eger 2017].

“Rozkoszne dni: bez *apelów*, bez obowiązków. Cały obóz stoi *na apelu*, a my w oknie, wpół wychyleni widzowie z innego świata” [Borowski 1961, s. 21].

«Рассвело в наше первое утро в Биркенау около 4.00 утра, и нас созвали на улицу для утренней *поверки*. Это было одним из самых ненавистных моментов дня в Биркенау. Каждое утро и вечер все женщины выстраивались в очередь перед своими бараками и стояли неподвижно, часто часы напролет, пока Капо и эсэсовцы подсчитывали и пересчитывали заключённых» [Шлосс 2021, с. 149].

«Как раз в это время мы с мамой были за пределами нашего барака вместе с другими заключёнными, принимавшими участие в вечерней переключке, *Appell*. Это мероприятие имело место два раза в день. Каждые утро и вечер нам приказывали выходить на улицу и пересчитываться. Все должны были присутствовать и вести себя корректно, иначе мы были вынуждены бесконечно стоять снаружи по стойке смирно, пока немцы не будут удовлетворены. Под дождём или палящим солнцем. Они были одержимы пересчитыванием, могли делать это часами напролёт» [Фридман 2023, с. 171].

«31 января 1943 года был последний генеральный *апел*, когда люди простояли на морозе 14 часов. По окончании апеля всех заставили бегом бежать к лагерю, а тех, что шли медленно или останавливались, забирали в блок смерти. У тех, кому удалось выдержать этот апель, были отморожены руки и ноги» [Живульская].

“Day broke on our first morning in Birkenau at about 4.00 a.m., and we were called outside for the morning *roll call*, which was known as ‘*appel*’. This was one of the hated parts of the day at Birkenau. Every morning and evening all the women lined up in front of their barracks and stood motionless, often for hours on end while the Kapos and SS counted and re-counted prisoners” [Schloss 2013, p. 137].

“About that time, Mama and I were outside our barrack along with the other inmates taking part in the evening *Appell*. This was a twice-daily event. Every morning and evening, we were ordered to parade outside and be counted. Everyone had to be present and correct, or we would be forced to stand outside to attention, until the Germans were satisfied. Rain or shine. They were obsessive about counting. They could do it for hours on end” [Friedman].

“31 stycznia 1943 r. był ostatni *apel* generalny, podczas którego stało się na mrozie czternaście godzin. Po skończonym apelu wszystkie musiały biec w kierunku obozu. Tę, która szła trochę wolniej lub przystawała, brali na blok 25. Na blok śmierci. Te zaś, którym się nawet udało przetrwać ten *apel*, miały straszliwie odmrożone i spuchnięte ręce i nogi” [Żywulska 2008, s. 65].

3.2.2. Аппельплац

Аппельплац – (от нем. *der Appellplatz* – место построения) – площадь, на которой проводили поверку, перекличку узников. Питер Кубичек в своих воспоминаниях *Memories of evil: memoir of a World War II childhood* пишет, что в каждом лагере было большое открытое пространство, называемое Аппельплац, где каждое утро все заключенные выстраивались в ряд по пять человек, блок за блоком, чтобы офицеры СС их пересчитывали (“Every camp had a large open space called the *Appellplatz*, where all prisoners lined up each morning, Block by Block, in rows of five, to be counted by the SS officers”) [Kubicek 2012, p. 66].

«На перекличках, которые проходили на *Аппельплац*, как называли её немцы, и могли начинаться без предупреждения, эсэсовцы устраивали отборы» [Вайсман 2021, с. 88].

«В центре лагеря – *Appellplatz*, широченная площадь для перекличек, где по утрам всех строят в колонны для развода на работу, а вечером пересчитывают» [Леви 2001, с. 38].

«Неделю спустя, придя в лагерь после тяжёлого рабочего дня, мы увидели на *плацу* черную виселицу и узнали, что еду будут раздавать после поверки» [Визель 2021, с. 109].

«Плаца в Освенциме не было, так что *переклички* проходили на улице перед бараками» [Дронфилд 2023, с. 226].

“During roll calls, in what the Germans called the *Appellplatz* and often taking place without warning, the SS would do selections” [Waisman 2021].

“In mezzo al Lager è la piazza *dell’Appello*, vastissima, dove ci si raduna al mattino per costituire le squadre di lavoro, e alla sera per venire contati” [Levi 2000, p. 25].

“Une semaine plus tard, en rentrant du travail, nous aperçûmes au milieu du camp, sur la place de *l’appel*, une potence noire” [Wiesel 1958, p. 98].

“There was no square, and *roll call* took place in the street outside the block” [Dronfield 2019, p. 152].

3.2.3. Аусенкоманды

Аусенкоманды – (от нем. *Außenkommando* – внешняя команда, *Außen* – снаружи) – команды, которые работали за территорией лагеря. Синоним: *Aussenarbeit* (*außen Arbeit*) – работа вне лагеря.

«За проволокой им были видны девушки в белых передниках (это были мы, работники “ревира”); если они прибывали утром, они слышали звуки оркестра, они видели партии девушек, идущих на работу за пределы лагеря (*ауссенкомандо*)» [Чёрная книга 1980, с. 115].

«Внутри лагеря оставляют лишь небольшую группу женщин. Большинство же направляется на так называемую “*Aussenarbeit*”» [Шмаглевская 1970, с. 20].

«На временные работы внутри лагеря хватают из блока или с этого луга. По окончании карантина переводят за ворота, в лагерь Б, а там уже работают постоянно, идут за проволоку... в поле, на *аусен*, то есть за пределы лагеря.

– А что за работа в поле?

– Роют рвы, обрабатывают землю, сажают свеклу, – всё здесь вокруг принадлежит лагерю. Ведь лагерь – «самоокупаемое хозяйство». Делается очень много бессмысленной работы, только чтобы мучить, но что поделаешь, мы ведь в лагере, не на курорте...» [Живульская].

«Никогда я не думала, что выход на *аусен* происходит так торжественно. Мы стояли у ворот, ожидая, когда нам подадут знак. Напротив были другие ворота, отделяющие лагерь Б. Главным образом оттуда и выходили *ауссенкоманды* на работу. Их вели анвайзерки. У каждой из них в руках были карточки с номерами десяти заключённых. За выведенную группу отвечала анвайзерка и часовой, шедший с собакой следом за каждой командой» [Живульская].

“Wewnątrz obozu może znaleźć zatrudnienie mała zaledwie grupa. Dla większości pozostaje tzw. ‘*Aussenarbeit*’ (praca na zewnątrz obozu w polu) [Szmaglewska].

“Łapią z bloku albo z tej wizy na dorywcze prace wewnątrz obozu. Po okresie kwarantanny przechodzi się za bramę do tzw. lagru B, a tam się już obowiązkowo pracuje, chodzi za druty... w pole, na *ausen*.

– А cosię robi w polu?

– Kopie się rowy, uprawia ziemię, sadi buraki – wszystko tu wokoło należy do obozu. Obóz musi być samowystarczalny. Każą robić dużo rzeczy bezsensownych po to, aby męczyć, ale jesteśmy w kacecie, nie przywieźli nas tutaj na kurację...” [Żywulska 2008, s. 24].

“Nigdy nie myślałam, że wychodzenie na *ausen* odbywa się tak uroczyście. Stałyśmy przed bramą czekając, aż nam dadzą znak. Naprzeciw naszej bramy była druga, oddzielająca lager B. Stamtąd przeważnie wychodziły *ausenkomanda* do pracy. Każde komando prowadziły anwajzerki, tzw. dziesiątkowe. Trzymały kartki z numerami dziesięciu dziewcząt, za które były odpowiedzialne. Za całość wyprowadzonej grupy odpowiadała anwajzerka i post, idący z psem za każdym komandem” [Żywulska 2008, s. 77].

«Однажды она поняла, что лагерный оркестр играет дважды в день, утром и вечером, сопровождая выход на работу и возвращение *Aussenkommandos* – команд, трудившихся вне лагеря» [Фельштейн 2021, с. 59].

«В Будах находилась постоянная *аусенкоманда* из 300 женщин. Бараки там не были окружены проволокой. Заключённые работали в поле» [Живульская].

“Ayant entendu jouer l’orchestre du camp lors de la sortie du matin, et du retour le soir des *Aussenkommandos*” [Felstein 2010, p. 42]

“Na Budach stworzono stałe ausenkomando, składające się z 300 kobiet. Baraki nie były otoczone drutami. Więźniarki pracowały ciężko w polu” [Żywulska 2008, s. 77].

В «Воспоминаниях Пери Броада» есть информация о Будах: «Заключённые были размещены в большом бараке и в здании школы, расположенной на краю деревни. Весь лагерь был обнесён колючей проволокой, но то обстоятельство, что она не находилась под током высокого напряжения и была слабо освещена, позволяло предполагать, что за ней держали не слишком опасных узников. Буды – это женский лагерь. На первом этаже школы жили начальница лагеря и блоковая; обе немки, бывшие проститутки. На этом же этаже была кухня и палата для больных. Наверху, под чердаком, в помещении с двумя окнами, спало несколько немок, которые занимали разные посты в лагере, а также много узниц-евреек. Однако большинство женщин находилось в бараке; их было 300–400: еврейки, украинки, польки. Луга, леса, озера, окружавшие лагерь, были так красивы, что трудно было поверить, что среди всего этого царит голод, жестокость и отчаяние» [Освенцим в глазах СС 1975, с. 150–151].

3.2.4. Блок

Блок – (от нем. *der Block* – блок) – барак, помещение, в котором жили узники. В Аушвице I эти помещения называли блоками, в Биркенау – бараками.

«**Блок** разделяла на две половины кирпичная стена. Трехъярусные деревянные полки-койки были вмонтированы в секции размером с лошадиное стойло, протянувшиеся вдоль стен по обе стороны грязных проходов. Блоки имели ту же планировку, что и конюшни польской кавалерии, где содержались русские пленные» [Макадэм 2022, с. 207].

“A brick dividing wall ran down the center of the **block**. Three tiers of wooden shelves, or *koyas*, were fitted into each horse stall-size section, lining the brick walls on both sides of dirt-floor aisles. The blocks had the same layout as the stables that had once served the Polish cavalry, where the Russian POWs had been held” [Macadam 2020, p. 184].

«Мы присоединились к колонне обритых женщин, и нас отвели в барачный **блок** с рядами голых деревянных нар. Каждая койка имела три яруса. Лучшее место было наверху, потому что там можно было сидеть, не ударяясь головой. Расстояние между деревянными нарами составляло сантиметров 60, и единственным вариантом было лежать между ними [Фридман 2023, с. 163].

«После трёхчасового пешего марша из Освенцима I новичков загнали в их **бараки**. <...> **Бараки** были примитивными, недостроенными, без освещения и водопровода» [Дронфилд 2023, с. 235].

3.2.5. Блок смерти

Блок смерти – блок 11 в Аушвице I, где заключённых пытали; блок 25 в Аушвице II-Биркенау, где тяжелобольные узники ожидали отправки в газовую камеру.

«Двухэтажное здание блока 10 одной стороной выходило во двор, перегороженный кирпичной стеной. Через двор располагался блок 11, который узники-мужчины называли «**блоком смерти**». Там держали в одиночках и пытали политзаключённых, военнопленных, бойцов Сопротивления, шпионов, а потом их выводили во двор и расстреливали» [Макадэм 2022, с. 142].

«**Блок 25 – блок смерти**. Туда сваливали человеческий лом после «селекции». Блок этот уже не получал пайка. Это был как бы “зал ожидания” перед крематорием» [Живульская].

“We joined a column of newly shaved women and were led to a **barrack** block with row upon row of bare wooden bunks. Each bunk had three tiers. The best place to be was on top because you could sit up there without banging your head. The space between the wooden layers was less than two feet, and the only option was to lie down in them” [Friedman].

“After the three-hour march from Auschwitz I, the new men had been herded into their **blocks**. <...> The **barracks** were primitive and incomplete, with no lights or washing facilities” [Dronfield 2019, p. 158].

“The brick two-story building of Block 10 butted up against a courtyard with a brick wall at one end. Across the courtyard was Block 11, referred to by the male prisoners as **Block Smierci – the Block of Death**. This was where political prisoners, POWs, resistance fighters, and spies were held in solitary confinement and tortured; they were then taken outside to be shot in the courtyard” [Macadam 2020, p. 122].

“**Blokiem śmierci był blok 25**. Tam się ładowało szmelc ludzki wybrany z selekcji. Blok ten nie miał już przydziału żywności. Była to jakbt poczekalnia przed krematorium” [Żywulska 2008, s. 56].

«**Барак двадцать пять** огражден стеной, ворота – в ней всегда заперты. За этими воротами исчезают больные. Им уже не выйти оттуда, лишь их останки вывезут тёмной ночью. Зато одеяла, белье и одежда умирающих без промедления поступают обратно и вскоре распределяются среди здоровых. Белье окунают в воду и просушивают, одеяла положено пропустить через газовую камеру, но чаще всего обходятся без этого, ими будет укрываться очередная партия прибывших в Биркенау узниц.

Умирающим безразлично, несут ли их в **барак двадцать пять**, официальный **барак смерти**, или в амбулаторию, откуда направляют в барак двадцать четыре – там смерть собирает урожай не менее обильный, чем в двадцать пятом» [Шмаглевская 1970, с. 38].

3.2.6. Брама

Брама – (от польск. *Brama* – ворота) – главные ворота в лагере.

«Мы шли к **воротам**, к тем самым, через которые вошли в лагерь.

– Оказывается, отсюда можно и выйти, – сказала одна из нас. Анвайзерка инструктировала:

– Помните, через **ворота** надо пройти всем в ногу, ошибаться нельзя. Слушайте барабан» [Живульская].

“**Blok dwudziesty piąty** ogrodzono murem, którego brama zawsze jest zaryglowana. Za tą bramą znikają chore. Nie wyjdą stąd nigdy, ich zwłoki zostaną wywiezione w ciągu ciemnych nocy. Ale natychmiast powracają koce, bielizna i odzież po konających i wkrótce będą przydzielone zdrowym. Bielizna bywa zanurzona w wodzie i wysuszona, koce powinny przejść przez komorę gazową, lecz najczęściej nie przechodzą i nowy transport przybywający do Birkenau dostanie je do przykrycia.

Konającym jest obojętne, czy ciągną je na **blok dwudziesty piąty**, oficjalny **blok śmierci**, czy do ambulansu, z którego zostaną przydzielone na blok dwudziesty czwarty, gdzie śmierć ma nie mniejsze niż na dwudziestym piątym żniwo” [SzmaGLEwska].

“Szłyśmy do **bramy**, do tej samej, przez którą pierwszy raz weszłyśmy do obozu.

– Wiecie, jednak stąd można wyjść – rzuciła któraś. Nasza anwazjetka informowała: .

– Pamiętajcie przez **bramę** przejść równo lewą nogą, nie możecie się pomylić. Słuchajcie bębna” [Żywulska 2008, s. 41].

«Через **ворота** идут шеренги жалких изгоев. Идут навтыжку, четко вышагивая мимо старшей надзирательницы Мандель, грозной блондинки, которая, не моргнув глазом, выносит смертный приговор, мимо рапорт-фюрера Таубе, знаменитого тем, что от его умело рассчитанного удара кулаком в лицо падают даже самые крепкие. Мимо надзирательницы Дрекслер – на ее обтянутом кожей лице с дегенеративно выпирающими зубами так и застыло выражение ненависти. Мимо надзирательницы Хассе, предпочитающей сперва вlepить затрещину, а потом уж разговаривать. Мимо старосты лагеря Буби. Это закоренелая немецкая уголовница, выродившаяся до такой степени, что по её жестам, голосу, лицу, поведению никак не определишь, женщина это или мужчина» [Шмаглевская 1970, с. 20].

3.2.7. Канада

Канада (Kanada / Canada)

1. Складские помещения на территории лагерей Аушвиц I и Биркенау. Евреям, считающим, что их переселяют, разрешалось иметь до 100 фунтов (45 кг) личных вещей. Когда они прибывали в лагерь, все вещи у них забирали и отправляли на склад. Первоначально склады находились в блоке 26 лагеря Аушвиц I, но в декабре 1943 года были расширены до секции BIIg Аушвиц II-Биркенау, где склад награбленного имущества узников, включая помещения во всех частях лагеря, составлял 35 бараков. Также имелось строение для дезинфекции вещей. 23 января 1945 года, за несколько дней до освобождения лагеря Советской армией, эсэсовцы подожгли 30 бараков, которые горели в течение нескольких дней.

2. **Kanada kommando / Aufräumungskommando** (отряд для проведения работ по зачистке чего-либо) – заключённые-евреи, которые работали в складских помещениях «Канады». Команда была создана летом 1942 года в Аушвице I и работы до конца года велись в две смены: днём работало 100 мужчин, ночью – 50. Из Биркенау ежедневно приходили 100 женщин для работы днём и 100 для работы в ночную смену. В январе 1943 года из-за увеличения

“Przez **bramę** idą szeregi nędzarek. Idą sprężone, równo, rytmicznie, mijają groźną blondynę, Oberaufseherin Mandel, która bez drgnienia powieki skazuje na śmierć. Mijają Raportführera (SS prowadzący raport) Taube, który ma specjalny system uderzania znienacka kobiet pięścią w twarz ciosem tak niezawodnym, że nawet silne przewracają się momentalnie w tył. Mijają Aufseherin (SS dozorczyń strażniczkę) Drechsler, mającą w swej kościotrupiej twarzy, w degenerackim układzie wystających zębów wypisany wyraz nienawiści. Mijają Aufseherin Hassę, która lubi najpierw bić po twarzy, potem dopiero zaczynać rozmowę. Mijają Lager-Alteste Bubi, długoletnią kryminalistkę, zdegenerowaną tak dalece, że na podstawie obserwacji jej ruchów, głosu, twarzy i sposobu bycia trudno byłoby określić, czy to kobieta, czy mężczyzna [Szmaglevska].

количества прибывающих, состав команды увеличили, днём стало работать 420 мужчин и 200 женщин, в ночную смену – 150 мужчин и 200 женщин. Мужчин из Канады перевели в Биркенау, куда вскоре перенесли все склады Канады.

«Остальные бараки на этой улице принадлежали так называемой “*Канаде*”. Это название дали заключённые баракам, куда свозились вещи, оставшиеся после сожжённых в крематориях евреев» [Живульская].

«Все ценные вещи, отобранные у заключённых по прибытии в Аушвиц, отправлялись на склад, прозванный “*Канадой*”, потому что для узников концлагеря эта страна была символом богатства и процветания. Заключённые Kommandos, работавшие на том складе, сортировали вещи и готовили их для отправки в Германию. Женщины из “Канады” воровали детское бельё и свитера, несмотря на то что за это полагалась смертная казнь» [Борнштейн 2022, с. 110].

«Я уже знала, что “*Канада*” из всех видов работ ценилась больше всего. Такое название придумали потому, что это была “земля изобилия” – обширная территория позади лагеря, где огромные груды имущества заключённых ждали, чтобы их рассортировали. Людям, работавшим в “*Канаде*”, часто удавалось достать дополнительное питание, сигареты или мелкие вещи, которые они могли бы обменять в бараках на большее количество пайков. Работа там означала бы реальное улучшение нашей ситуации» [Шлосс 2021, с. 153].

“Przy następnej przecznicy mieścił się nasz blok mieszkalny. Reszta baraków na tej ulicy należała do tzw. ‘*Kanady*’. Nazwę tę nadały więźniarki barakom z rzeczami żydowskimi (jako symbol zawrotnego bogactwa)” [Żywulska 2008, s. 128].

“The precious items prisoners surrendered when they arrived at Auschwitz were brought to a warehouse facility known as *Kanada*, the German spelling of a country that symbolized wealth to the inmates of the concentration camp. Prisoners known as Kommandos worked at the Kanada facility, sorting items and preparing them for shipment back to Germany. Women at Kanada stole underwear and sweaters for children, even though the penalty for anyone caught stealing was death” [Bornstein 2017].

“I knew that ‘*Canada*’ was the most prized of all work units. It was so called because it was ‘the land of plenty’, a vast area behind the camp where enormous piles of prisoners’ possessions were waiting to be sorted and classified. People working in *Canada* often managed to find extra food, or cigarettes and small items they could barter back in the barracks for more rations. Working there would mean a real improvement in our situations [Schloss 2013, p. 140].

«На нарах “*канадские*” одеяла, пушистые, как кошачий мех» [Боровский].

«... склад под названием «*Канада*», где нам приказано было сортировать вещи новоприбывших заключённых ...» [Эгер 2023, с. 85].

«Многие продукты, которые новоприбывшим всё же разрешалось взять с собой, уже успевали покрыться плесенью, сгнить или считались потенциально ядовитыми. Такое отправлялось не в Германию, а напрямую на лагерную кухню, где всё, что было изъято у новых узников, включая иностранные сладости, муку, хлеб и сухофрукты, называли “*Канадой*”, вероятно из-за того, что в сознании европейцев эта страна ассоциировалась с богатством и изобилием.

“*Канадский*” суп вносил долгожданное разнообразие в наше питание. Этот хлебный суп в зависимости от остальных ингредиентов: кусочки фруктов, пирожных, бутербродов, газет, а зачастую кожи и гвоздей, был либо сладким, либо горьким. Точно так же богатое имущество новых узников открывало новые возможности для тех, кто работал в так называемой “команде Канада”» [Гив 2022, с. 171–172].

“Są na pryzach ‘*kanadyjskie*’ koce, puszyste jak futro kota” [Borowski 1961, s. 3–4].

“... a warehouse called *Canada*, where we were ordered to sort the belongings of the newly arrived inmates ...” [Eger 2017].

“Many of the provisions that the new arrivals had been ordered to carry were stale, rotten or suspected of being poisonous. These were not sent to Germany, but rather they went to the camp’s kitchen. Where, like everything else taken from the mass transports, the foreign macaroni, flour, bread and dried fruit were called *Kanada*, possibly because to Europeans that country represented richness and abundance.

Kanada soup, then, brought welcome variety to our diets. It was a bread soup that, depending on its ingredients – chunks of fruit, cake, sandwiches, newspapers and often leather and nails – would either be sweet or bitter.

Similarly, the rich property brought by the transportees created new opportunities for those prisoners who worked as a *Kanada Kommando*” [Geve 2021].

«Мама отвела меня на склад “*Канада*”, и я выбрала темно-синее платье, украшенное белым фартуком, юбку с белой блузкой и теплую куртку, которая мне идеально подошла. При мысли о детях, которые носили это до меня, мне стало грустно, но другого выбора у меня не было» [Фридман 2023, с. 219–220].

3.2.8. Койа

Койа – нары в бараках. С увеличением числа заключённых в лагере, появилась необходимость увеличить количество спальных мест – возвели трехъярусные нары. На каждом ярусе вынуждены были спать несколько человек, плотно прижимаясь друг к другу.

«– Надо набраться терпения. Здесь целый день на “визе”, это вроде луга, можно сидеть, если сухо. Только после вечернего апеля впустят в барак. Постарайтесь найти себе место около нашей “*кой*”.

– А что это?

– Это нары, на которых спят. Конечно, на них не слишком удобно. Но что же делать, солдаты ведь спят в окопах, да еще пули свистят над ними. Надо всегда помнить, что может быть ещё хуже. Здесь эта истина помогает [Живульская].

«На первых порах в каждом блоке размещалось по 500 девушек, но недолго пришлось ждать того момента, когда это число перевалило за тысячу, и спальную норму увеличили с шести девушек на *койку* до десяти» [Макадэм 2022, с. 208].

“Mama took me back to the *Kanada* warehouse, and I picked a dark blue dress decorated with a white apron, a skirt with a white blouse and a warm jacket that fitted me perfectly. Thinking of the children who wore these before me made me feel bad, but I had no choice” [Friedman].

“Tu się jest cały dzień na ‘wizie’, to jest podobno łąka, tam można siedzieć, jeśli jest sucho. Potem dopiero, po wieczornym apelu, wpuszczą do baraku. Postarajcie się znaleźć miejsce obok naszej ‘*koi*’.

– A cóż to takiego?

– To taka prycza, na której się śpi. No, zbyt wygodnie na niej nie jest, Ale co tam, żołnierze śpią w okopach i kulki nad nimi latają. Żebyś wiedziała, że zawsze może być jeszcze gorzej” [Żywulska 2008, s. 23].

“Initially, each block housed about five hundred girls, but it was only a matter of time before overcrowding would alter the sleeping arrangements from six girls per *koya* to ten, and the blocks would hold one thousand women or more” [Macadam 2020, p. 188].

«И лишь вечером, когда дети забираются на **нары** и, прислонившись к кирпичной стене, начинают рассказывать, опять оживает Варшава, многоэтажная, многоуличная, где каждый закоулок поднялся на борьбу, безумная Варшава, обреченная Варшава» [Шмаглевская 1970, с. 253].

«Спали женщины по восемь-девять человек на **koya** – так на польском называли сколоченные из досок нары, где зарождалась нерушимая дружба выживших» [Фельштейн 2021, с. 58].

3.2.9. Лагерштрассе

Лагерштрассе – (от нем. *Lagerstraße* – лагерная улица) – главная улица лагеря.

«Виолетта вошла в лагерные ворота с другими женщинами и преодолела тысячу триста метров по **Lagerstrasse**. Они остановились у “Сауны” лагеря В, где всех зарегистрировали, обрили наголо, “продезинфицировали” и отправили в душ. Потом группа проследовала к лагерю А, на “татуаж”, потом женщинам выдали жалкую одежду – брюки, рубаху и платье с широкой красной полосой на спине, ботинки (примерно по размеру) и миску» [Фельштейн 2021, с. 54–55].

“Dopiero wieczorem, gdy dzieci siadają na swych **kojach** i oparłszy się o cegły zaczynają mówić, powstaje Warszawa wielopiętrowa i wielouliczna, w każdym zaułku ożywiona walką Warszawa nieobliczalna, Warszawa przegrywająca” [Szmaglewska].

“Elles sont huit ou neuf par châlit. Être compagne de **koya** – le vocable polonais dénommant les planches sur lesquels ils dorment – sera parfois aussi, pour les survivantes, le premier stade possible d’indéfectibles amities” [Felstein 2010, p. 41].

“Avec les autres femmes désignées pour entrer dans le camp, elle passe le portail, parcourt les quelque mille trois cents mètres de la **Lagerstrasse**, la route qui traverse le camp, pour arriver au «sauna» du camp b, où elles sont toutes enregistrées dans la comptabilité du camp, rasées, «désinfectées» et où, enfin, elles ont droit à une douche. elles sont ensuite menées vers le camp a pour y être tatouées, et recevoir quelques hardes, une culotte, une chemise et une robe barrée sur le dos d’une large estafilade à la peinture rouge, des chaussures approximativement à leur taille, et une écuelle” [Felstein 2010, p. 38].

«Наши женские бараки были отделены от мужских широкой *Лагериштрассе*. Только на этой “улице” были не дома, а бараки, и вместо уличного транспорта по ней двигались повозки с мешками, “запряжённые” заключёнными. На другой, поперечной улице находился наш жилой блок» [Живульская].

«Есть в лагере группа, не больше двух десятков женщин, которая никогда не выходит за ворота и, стало быть, не знает трудностей работы в поле. Ей поручена уборка “*Lagerstrasse*”» [Шмаглевская 1970, с. 19].

«Прошагав по “*лагериштрассе*” между рядами двухэтажных кирпичных бараків, девушки приблизились к следующим воротам – в кирпичной стене, увенчанной кольцами колючей проволоки» [Макадэм 2022, с. 129].

«Я бросилась бежать, за мной гнались две крысы. Огромные, жирные, они пищали, а я неслась как безумная, добежала до проволоки ревира, пролезла под нею, пересекла *Лагериштрассе* и опрометью влетела в свой блок. Я вытянулась на нарах, мокрая – от пота» [Живульская].

“Nasze baraki dzieliła od baraków dla mężczyzn przestrzeń zwana *Lagerstrasse*. Po prostu ulica. Tylko zamiast domów – baraki, zamiast pojazdów – wózki z workami ciągnięte przez więźniów” [Żywulska 2008, s. 128].

“Jest wewnątrz obozu mała, licząca zaledwie kilkanaście osób grupa, która nigdy nie wychodzi za bramę, a więc nie doświadcza przykrości związanych z pracą w polu. Należy do niej sprzątanie “*Lagerstrasse*” (ulica obozowa)” [Szmaglewska].

“Marching up the *lagerstrasse*, or camp road, between rows of two-story brick barracks, the girls reached another gate – this one, attached to a brick wall with barbed-wire coils on top” [Macadam 2020, p. 109].

“Zaczęłam uciekać, za mną gniły dwa szczury. Olbrzymie, tłuste, piszczały, pędziłam jak szalona, dopadłam drutów rewirowych, przesłam pod nimi, przecięłam *Lagerstrasse* i wskoczyłam do mego bloku ciągnęłam się na koi. Byłam mokra od potu” [Żywulska 2008, s. 80].

3.2.10. Мексика

Мексика – (нем. – *Mexiko*) – незаконченная часть Биркенау.

Была запланирована постройка четырёх частей Биркенау, которые называли VI, VII, VIII и XIV. Часть VIII на лагерном жаргоне называли Мексика, из-за того, что новые заключённые, прибывающие из разных концентрационных лагерей в эту часть лагеря, носили униформу разных цветов. Несмотря на то, что разнообразие цветов ассоциировалось с праздничной Мексикой, жизнь заключённых там была очень тяжёлой. Строительство Мексики было приостановлено в апреле 1944 года, а в октябре, уничтожая свидетельства своего варварства, нацисты ликвидировали эту часть лагеря.

«К северу от этой дороги (той самой, что в 1942 году прокладывали работавшие в лесу женщины) стоят бараки нового сектора, выросшие здесь весной, который заключённые неизвестно почему называли *“Мексикой”*. Здесь нет ни света, ни воды (ни единого крана, ни единого колодца!) – ничего. На траве поставили стены из досок и покрыли их худыми крышами. Собрать такой барак – по времени почти одно и то же, что разбить палатку. *“Мексика”* – лагерь временный. Здесь нет ни канцелярии, ни кухни, ни канализационных устройств. В колючую проволоку не пропущен ток под высоким напряжением. *“Мексику”* используют как филиал на случай сильного перенаселения сектора “В”. Обе эти части лагеря – пересыльные пункты, отсюда Венгерских евреек постепенно отправляют в глубь Германии или в крематории. По этой причине здесь не ведут никаких работ. Не ремонтируют крыш, не прокладывают канализации, хотя все эти работы запроектированы и будто бы уже начаты <...>.

“Na północ od owej drogi krematoryjnej (tej właśnie, którą w roku 1942 budowały pracujące w lesie kobiety), w/noszą się baraki nowego odcinka, który wyrósł tu w Kisną i, nie wiadomo dlaczego, w mowie więźniów nazywa się *Meksyk*. Nie ma tu światła, wody (ani jednego kranu, ani jednej studni!), nie ma żadnych urządzeń. Na trawie ustawiono ściany z desek i przykryto je dziurawymi dachami. Montowanie baraku trwa niewiele dłużej niż rozkładanie namiotu. Odcinka tego nie traktuje się jako siedziby na czas dłuższy. Jest to prowizorium. Nie ma tu Blockfuhrerstuby, kuchni ani instalacji higienicznych. Nie otaczają terenu naelektryzowane druty. *Meksyk* jest traktowany jako filia czy kolonia, rezerwowana na wypadek skrajnego przeludnienia odcinka «C». Obydwie te części obozu są miejscami przejściowymi, z których Żydówki węgierskie odejdą stopniowo w głąb Niemiec lub do krematoriów. Z tych to przyczyn nie podejmuje się tu żadnych prac. Nikt nie naprawia dachów, nie zakłada kanalizacji, jakkolwiek wszystkie te rzeczy są zaprojektowane i rzekomo zaczęte. <...>

Мексика!

Экзотическая часть лагеря. Как много тайн, неизвестных даже заключённым, скрывает это человеческое поселение, под боком у огороженной смертью неволи, кое-как обнесённое колючей проволокой и забытое среди лугов, утопающих в солнечном зное. В “**Мексике**” рождённые лагерем проблемы обостряются до крайности» [Шмаглевская 1970, с. 224–225].

Мексика!

Meksyk! Meksyk! Egzotyczna część obozu. Ile tajemnic dla więźnia nawet nie znanych kryje w sobie to ludzkie osiedle, leżące pod bokiem niewoli obwiedzonej śmiercią, samo ledwo zagrodzone drutem kolczastym i zapomniane wśród łąk tonących w upale słonecznym. **Meksyk** jest miejscem największego nasilenia problemów obozu” [Szmaglewska].

3.2.11. Ревир

Ревир – (от нем. *das Revier* – санитарная часть, амбулатория (воен.) – лагерная больница, лазарет.

«Работа была очень тяжелая. В таких условиях я проработала пять недель и больше не могла, так как ноги страшно распухли, а я совершенно не в состоянии была ходить. В блоке тоже нельзя было оставаться, потому что приходили проверять, все ли вышли на работу: работать обязаны были все – больным места не было: этих отправляли на специальный блок для больных – “**ревир**”. В то время **ревир** обозначал смерть – редко кто возвращался оттуда. В “**ревире**” люди ещё сильнее заболевали, заражались друг от друга, истощались и в результате умирали. Еще одна опасность была в “**ревире**” – селекция. В случае селекции в первую очередь подвергались этой опасности люди, лежавшие в “**ревире**” [Чёрная книга 1980, с. 413].

«А самое главное было то, что в “**ревире**” я работала в интересах несчастных заключённых. Ежедневно нас навещал лагерный врач Менгеле. На совести этого бандида – сотни тысяч людей. “**Ревир**” находился в лагере, но был изолирован от лагеря проволокой. “**Ревир**” занимал 15 блоков. Он был своего рода государством в государстве [Чёрная книга 1980, с. 414].

«*Ревир*, огороженный проволокой, занимал двенадцать барakov. В одном из них помещалась амбулатория, где выслушивали и мерили температуру. Тех, кого признавали больным, помещали в бараки. В восьми «штубах» (комнатах) было по 36 трехъярусных коек, образующих, как говорилось на лагерном языке, первый, второй и третий этажи. На нижнем было темнее всего, а с верхнего было трудно слезать. Все старались получить среднее место, но и в любом месте койка доставалась не всегда. В проходах между койками стояли ночные горшки. Вдоль всего барака тянулась низкая печь, тут производились лечебные процедуры. Над печкой светила тусклая лампочка, и там было сравнительно светло» [Живульская].

«К вечеру у большинства появился жар. На другой день многих из блока отправили в *ревир*. В первый раз и я подумала, – не пойти ли в *ревир*. Я мерзну, голодаю, убеждая себя и подруг, что свершится чудо. К чему это? Все равно ведь погибать. Зачем же тянуть эти мучения? В *ревире* хоть нет апелей. Буду лежать, пока не умру <...> Мы с Зосей условились, что она заболит и ее отошлют к нам в *ревир* – в Будах своего *ревира* не было. И мы, может, снова будем вместе» [Живульская].

“*Rewir* był otoczony drutem. W skład rewiru wchodziło gysnaście baraków. W jednym z nich mieścił się ambulans gdzie badano i mierzono temperaturę. Te, które kwalifikowano jako zdrowe, wracały na obóz, resztę przydzielano do baraów, w których było mniej więcej sto pięćdziesiąt łóżek. Składało się na to osiem ‘sztub’ po trzydzieści sześć łóżek, worzących, jak się mówiło językiem lagrowym, pierwsze, drugie i trzecie piętro. Na dolnym było najciemniej, z górnego było najtrudniej zejść. Wszystkie więc starały się o środkowe, ale i tak łóżko było rzeczą przypadku. Między łózkami korytarze, gdzie stały nocniki. Wzdłuż baraku biegł niski piec, na którym odpoczywało się wykonywał zabiegi. Było tam najjaśniej, bo nad piecem świeciła mdła lampka [Żywulska 2008, s. 60].

“Wieczorem większość miała gorączkę. Nazajutrz więc, z bloku poszło na *rewir*. Pierwszy raz pomyślałam, żeby też pójść. Cóż z tego, że marznę, głoduję, że wmawiam w siebie i w koleżanki, że stanę się cud. I tak przecież muszę zginąć. Po co więc tak długo się męczyć. Na *rewirze* nie ma apelów. Będę leżała, dopóki nie umrę. <...> Umówiłam się z Zosią, że zachoruje, wówczas odeślą ją na nasz *rewir*, bo na Budach *rewiru* nie było. A potem może znów będziemy razem” [Żywulska 2008, s. 60–61].

«Блоковые по отношению к ним неумолимы, грозят им селекцией, двадцать пятым бараком, крематорием, если те не пойдут добровольно на “*rewir*” – в больницу. Однако добровольно не идёт никто» [Шмаглевская 1970, с. 33].

«Слабые, измученные, они отдавали себе отчёт, что долго не продержатся, но *ревюра* все же избегали, напрягая все силы, старались выдержать апель» [Живульская].

3.2.12. Штуба

Штуба – (от нем. *Stube* – комната) – отделение в бараке. Как правило, блок (барак) состоял из двух штуб, которые были разделены помещениями, где жила лагерная «элита» (капо, блоковой, писарь и пр.). Штубовой / штубовая – главный (ая) в штубе.

«Блок был поделен на “*штубы*”, и за порядок в каждой “штубе” отвечала штубовая» [Чёрная книга 1980, с. 411].

«Блоковая и *штубовые*, которым перепадает бельё, одежда и обувь со склада, делают всякие поблажки работницам капо Шмидт» [Шмаглевская 1970, с. 191].

«Он пришел из соседней *штубы* с квадратным листом картона под мышкой» [Гив 2022, с. 86].

“Blokowe są pod tym względem nieubłagane, strasząc chore selekcją, dwudziestym piątym blokiem, krematoriami, o ile nie pójdą dobrowolnie na ‘*rewir*’ (szpital). Dobrowolnie jednak nie idzie nikt” [Szmaglewska].

“Słabe, zmęczone, zdawały sobie sprawę, że długo nie przetrzymają, ale broniły się przed *rewirem* i wytrwale stały na apelach” [Żywulska 2008, s. 60–61].

“Blokowa i *sztubowe*, ze względu na dostawę bielizny, odzieży i butów z magazynu, wyróżniają pracownice capo Schmidt zwalniając je od obowiązków” [Szmaglewska].

“He had a square piece of cardboard under his arm and had come from the *room* opposite to ours” [Geve 2021].

«Ведущая вверх широкая лестница заканчивается просторной площадкой. Дальше – две каморки, где спали секционные старосты («штубные» [*«Штубами»* (от нем. Stube – спальное помещение) в лагере называли секции в блоках. Прим. пер.)) и их помощницы. Остальная площадь – открытое пространство с единственной перегородкой. В 1942 году это помещение было уставлено двухъярусными койками с тонкими соломенными матрасами и еще более тоненькими шерстяными одеялами» [Гив 2022, с. 108].

«В двух комнатах при входе жили блоковые и *штубные*, которые распределяли утреннюю и вечернюю еду и назначали узниц на разные мелкие работы, вроде уборки блока. Также они должны были скрупулезно документировать жизнь – и смерть – девушек в блоке» [Макадэм 2022, с. 208].

«Если вы выглядели очень жалким, то сердобольный *штубовой*, которому выдали большой чан, и чьи протеже находились за пределами лагеря, мог угостить вас миской супа» [Гив 2022, с. 99].

“Wending its way up to a large landing is a wide staircase. At the top of the stairs are two small *rooms*, where the room elders and her assistants slept. The rest of the space is open, with only one wall dividing the open space. In 1942 it was filled with bunk beds that had thin, straw-filled mattresses and even thinner wool blankets” [Geve 2021].

“The front rooms housed block and *room elders*, who were in charge of doling out food in the morning and evening and assigning petty jobs, like cleaning the blocks. They were also responsible for keeping accurate records of the girls living – and dying – in the block” [Macadam 2020, p. 184].

“If you looked pitiful enough, a soft-hearted *room-elder*, who had received too big a vat and whose own protégées were out of camp, might treat you to a bowl of soup” [Geve 2021].

3.3. Практики принуждения и уничтожения

Ключевые практики насилия, применявшиеся в Аушвице, были направлены как на физическое уничтожение узников, так и на постоянное психологическое и телесное унижение. Представленные ниже материалы демонстрируют, как в пространстве лагеря проявлялась система подавления человеческого достоинства.

3.3.1. «В газ» / «в печь»

«В газ» – выражение употреблялось, когда людей отправляли для умерщвления путём отравления ядовитым или удушающим газом. Синонимичное выражение – «в печь». Газовые камеры, при этом, называли «санаторием».

«Люди ослабевшие, истощенные, больные, негодные для рабочих команд, неизменно “газировались”, а на их место присылались другие. Однажды, в сильный мороз, эсэсовцы заставили целую группу работать раздетыми. Через два часа люди были совершенно обморожены. Работа стала. Эсэсовцы избили людей палками, те же, кто не выдержали экзекуции и свалились, были отправлены в “газ” <...> Я чувствовал, что силы у меня падают с каждым днём, я еле держался на ногах. Но товарищи по команде поддерживали меня, помогали скрыть от охраны мое болезненное состояние. Если бы не их помощь, не миновать бы мне “газа”» [Чёрная книга 1980, с. 423].

«Однажды Пири, молодая венгерская еврейка из “Канады”, увидела свою мать, идущую “в печь”» [Живульская].

“Pewnego dnia Piri, młoda Żydówka węgierska z ‘Kanady’, zobaczyła swoją matkę idącą ‘do komina’” [Żywulska 2008, s. 232].

«– Наверно, транспорт «в газ», но не пойму откуда. Днём никто не приезжал. Видно, из лагеря.

– Транспорт SB, – сказал кто-то в темноте.

– А что это такое? – Это Sonder Behandlung, особо содержащиеся. Те, что после «селекции», из лагеря. Комендант отбирает, а Берлин должен утвердить. А до подтверждения сидят в двадцать пятом блоке» [Живульская].

“ – Chyba transport *do gazu*, ale nie wiem, skąd. W dzień nikt nie przyjeżdżał. To pewnie z lagru.

– Transport S.B. – poinformował ktoś po ciemku.

– Sonder Behandlung. To te z selekcji z lagru. Komendant wybiera, a Berlin zatwierdza. A nim zatwierdzi, czekają na 25 bloku” [Żywulska 2008, s. 180].

«... сказал “здешний” санитар, который всегда к нам подсаживается. – Я в этом блоке уже давно, многое помню. Сколько через мои руки прошло народу **в “газ”**, товарищей и знакомых из моего города! <...> Но однажды сделал я перевязку какой-то флегмоны и слышу, он уже в дверях говорит: “Спасибо, пан санитар!” Бледный такой паренёк, худенький, еле держится на опухших ногах. <...> Мучился ужасно. Всё плакал, говорил о матери. “Тише, ты”, – говорю ему, – “у нас же тоже есть матери, а мы не плачем”. <...> Укрывал я Толечку, как мог, от селекции, но однажды его обнаружили, записали. Я сразу к нему пошёл. У него был жар. Говорит: “Не беда, что меня **в “газ”**. Видно, так надо. Но когда кончится война и ты переживёшь её...” – “Не знаю, Толечка, переживу ли”, – перебил я его. “Переживёшь”, – настойчиво сказал он, – “и поедешь к моей матери. После войны, наверно, не будет границ, не будет государств, не будет лагерей, люди не будут убивать друг друга. <...> Поедешь к моей матери и скажешь ей, что я погиб. Ради того, чтобы не было границ. Чтобы не было войны. Не было лагерей. <...> моя мать живет в Дальневосточном крае, город Хабаровск, улица Льва Толстого, двадцать пять”. <...> Пошел к старшему блока Шарому, он мог ещё вычеркнуть Толечку из списка. А он дал мне по морде и вышвырнул из своей комнаты. Отправили Толечку **в “газ”**» [Боровски].

“... рзекл ‘тутежсы’ флегер, ктыры сй до нас zawsze przysiadа. – Ja na tym bloku jestem od dawna i duzo pamietam. Ile przez moje ręce przeszło ludzi do gazu, kolegów i znajomych z jednego miasta! <...> Ale raz zrobiłem opatrunek jakiejś flegmony, a ktoś mi od drzwi mówi: ‘Spasibo, panie fleger!’. Takie to blade, mizerne, ledwo trzyma się na opuchniętych nogach. <...> Cierpiał okropnie. Płakał i mówił o matce. ‘Cicho bądź – mówiłem mu – my przecie też mamy matki, a nie płaczemy’. <...> Ukrywałem Toleczkę, jak mogłem, przed wybiórkami, ale raz go znaleźli, zapisali. Przyszedłem zaraz do niego. Był w gorączce. Mówił do mnie: ‘To nic, że idę **do gazu**. Tak widać trzeba. Ale jak się skończy wojna i ty przeżyjesz...’ ‘Nie wiem, Toleczka, czy przeżyję’ – przerwałem mu. ‘Przeżyjesz – dorzucił z uporem – i pójdiesz do mojej matki. Po wojnie na pewno nie będzie granic, nie będzie państw, nie będzie obozów, ludzie nie będą się zabijać. <...> Pójdiesz do mojej matki i powiesz jej, że zginąłem. Żeby nie było granic. Ani wojny. Ani bozów. <...> moja matka mieszka w Dalniewostocznym Kraju, gorod Chabarowsk, ulica Lwa Tołstoja dwadcat’ piat’ <...> Poszedłem do blokowego, Szarego, który mógł jeszcze Toleczkę wyciągnąć z listy. Strzelił mnie w pysk i wyrzucił z budy. Toleczka poszedł **do gazu** [Borowski 1961, s. 15–16].

.

«Мауэр и Бертель Теге получили приказ отбирать всех утративших способность работать и отправлять их в “*санаторий*”. Как известно, “санаторием” называли уже запущенные к тому моменту газовые камеры [Макадэм 2022, с. 180].

“Mauer and Bertel Teege were ordered to select anyone not capable of working anymore and send her to the ‘*sanatorium*’. The sanatorium, of course, was now a fully functional gas chamber” [Macadam 2020, p. 153].

3.3.2. Зондеркоманда

Зондеркоманда (от нем. – *Sonderkommando* – специальное командное подразделение) – «специальный отряд» из заключённых-евреев, состоящий из подразделений, обязанности которых включали доставку обреченных к газовым камерам, сожжение их тел, уборку оставшегося праха, обслуживание крематориев, уборку вагонов, в которых прибыли евреи в концлагерь, сортировку вещей, оставленных в вагонах. Члены зондеркоманды работали в течение трёх–четырёх месяцев. Следующая команда начинала свою деятельность с убийства и сожжения членов предыдущей. Всего в крематориях Биркенау сменили друг друга 13 зондеркоманд.

«Охрана уже намеревалась отвести нас в жилую зону, как вдруг со стороны крематория появились одна за другой четыре бригады **зондеркоманды**, каждая по 25 человек. Эти бригады формировались из высоких и физически сильных лагерных новичков. Они занимались обслуживанием крематориев: сжигали тела умерщвленных в газовых камерах, а также раскапывали братские могилы и сжигали трупы людей, убитых ещё до построения больших крематориев. С членами этой бригады, что называется, не церемонились: стоило человеку ослабеть, как его тут же отправляли в печь» [Стенькин 2005, с. 255].

«Работавшие в **зондеркоманде** были обречены на смерть независимо от судьбы остальных заключённых. Это был обслуживающий персонал крематориев. По прошествии некоторого срока его уничтожали, чтобы не оставалось непосредственных свидетелей преступления. На их место набирали новых. Они знали, что жить им недолго» [Живульская].

“*Sonderkommando* przeznaczone było na śmierć, bez względu na los pozostałych heftlingów. Stanowiło ono obsługę krematoriów. Co pewien czas wykańczano ich, gdyż byli bezpośrednimi świadkami zbrodni. Na ich miejsce przychodzili nowi. Wiedzieli oni, że pozostał im tylko krótki okres życia” [Żywulska 2008, s. 127].

«В Биркенау были так называемые *Зондеркоманды* – заключённые, которые работали в газовых камерах, сортировали оставшиеся от жертв вещи, выдергивали золотые зубы и убирали трупы» [Шлосс 2021, с. 148].

«Все газовые камеры соединялись с крематорием – печью, где сжигали тела. СС поручила специально отобранной группе заключённых-евреев, которая называлась *Sonderkommandos* (специальный отряд), перетаскивать тела из газовых камер и бросать их в печи. Хуже работы и представить себе нельзя» [Борнштейн 2022, с. 110].

«Закончив проверку, мы уже уходили из бараков, когда в лагерь возвращалась из крематория *зондеркоманда*. Они шли, прокопченные дымом, лоснясь от жира, сгибаясь под тяжёлыми узлами. Им разрешается приносить все, кроме золота, однако именно золотом они больше всего промышляют» [Боровски].

“Birkenau had a team of *Sonderkommandos* – the prisoners who worked in gas chambers, sorting last possessions, pulling out gold teeth and clearing ways the bodies” [Schloss 2013, p. 136].

“Each gas chamber was connected to a crematorium – an oven to burn the bodies. The SS used a specially chosen group of Jewish prisoners the called *Sonderkommandos* (special commandos) to drag the bodies from the gas chambers into the ovens. No job was less coveted” [Bornstein 2017].

“Wychodziliśmy już z bloków po skończonej kontroli, gdy na lager wróciło z krematorium *sonderkomando*. Szli odymieni, nalani tłuszczem, uginając się pod ciężkimi tobołami. Im wolno wszystko przynosić prócz złota, lecz tego szmuglują najczęściej” [Borowski 1961, s. 21].

3.3.3. Команда «эффектенкамер»

Команда «эффектенкамер» (от нем. – *der Effektenkammer*) – склад, хранилище вещей заключённых, *Effektenkammer Kommando* – команда, работающая в складских помещениях, где хранились личные вещи узников.

«Команда

“эффектенкамер” занималась тем, что отбирала и “хранила” имущество и документы заключенных, высылаемых в лагерь гестапо. Такие заключённые назывались “картаймессинги”, на них заводили карточки, в которые при приёме заносились анкетные данные и перечень сданного имущества. Это были карты, регистрировавшие всю судьбу жертв гестапо. “Судьба” оставляла только три варианта: смерть, перемещение, освобождение. Пометку о смерти (*verstorben*) ставили на основании «тотенлистов», списков, ежедневно приносимых лойферками из канцелярии ревира. Вещи умерших становились собственностью третьего рейха. Только имущество “рейхсдейчев” (исконных немцев) отсылалось семье. <...>

Таким образом, “эффектенкамер” – это была канцелярия, где велся учет заключённых и их имущества: драгоценностей, удостоверений личности, документов и фотографий. Отсюда шли указания в бараки, где хранились мешки с вещами заключённых» [Живульская].

3.3.4. Кролики

Кролики («подопытные кролики», «лабораторные кролики») – заключённые, на которых врачи Аушвица ставили опыты, проводили

“Komando Effektenkammer

займowało się odbieraniem i przechowywaniem depozytów osób, które przyjeżdżały do obozu przysłane przez gestapo. Były to heftlingi zwane karteimssig. Posiadały swoje ‘karty’, na których przy przyjmowaniu notowało się personalia i mienie przybywającej do obozu. Na tej karcie oznaczało się potem los heftlinga. A los ten mógłbyć trojaki: śmierć, przeniesienie lub zwolnienie. Śmierć (*verstorben*) zapisywało się na podstawie list, które co dzień przynosiły lojferki ze szrajbsztuby (biura) rewirowej. Wówczas rzeczy zmarłej konfiskowano na rzecz III Rzeszy. Tylko dobytek reichsdeutschów odsyłano rodzinie. <...>

Effektenkammer było to biuro, gdzie robiło się te dopiski, prowadziło kartotekę imienną (*Namenskartei*) i księgę depozytów: biżuterii, dowodów osobistych, dokumentów i fotografii. Stąd szły polecenia do baraków, gdzie składano i chryniono worki z rzeczami heftlingów” [Żywulska 2008, s. 121–122].

«псевдонаучные» исследования, в результате которых узники умирали в страшных муках. Кроличий садок – территория лагеря, на которой это происходило.

«До полудня гуляли, глазели сверху на экспериментальный женский блок (они просовывают головы в решётку, точно как *кролики* моего отца, ты помнишь, серые, с одним обвислым ухом?)» [Боровский].

«Она попала в так называемый “научный отдел” Освенцима, в опытный “*кроличий садок*”» [Живульская].

“Przed południem było się na spacerze, oglądało się z wierzchu doświadczalny blok kobiet (wystawiają głowy przez kraty zupełnie jak *króliki* mego ojca, ludzka, pamiętasz, szare, z jednym oklapniętym uchem)” [Borowski 1961, s. 8].

“Wyłowili ją ku doświadczalnego w Oświęcimiu. Do ‘*królikarni*’” [Żywulska 2008, s. 81].

3.3.5. Лайхенкоммандо

Лайхенкоммандо – (от нем. *Leichen* – *трупы*) – команда, которая занималась трупами – забирала мёртвые тела из бараков, участвовала в перезахоронении трупов, когда из-за высокого уровня грунтовых вод в Биркенау возникла опасность заражения трупным ядом источников питьевой воды. Трупы нужно было выкопать, сжечь и превратить в пепел.

В разное время существовали и другие наименования команд: *Räumungs- und Begrabungskommando* – команда по очистке и захоронению, *Exhumierungs- und Verbrennungskommando* – командами по эксгумации и сжиганию, *Krematoriumskommando* – команда, которая доставляла трупы в крематорий [Полян 2013, с. 67].

«В числе других претенденток на “приличную работу” в “*трупной команде*” была Берта Берковец (№ 1048). <...> Окончательное решение она приняла после первой массовой селекции – когда узнала, что члены “*трупной команды*” от селекции освобождены» [Макадэм 2022, с. 216].

“One of the other girls volunteering for ‘decent work’ in the *leichenkommando* was Bertha Berkowitz (#1048). <...> The key to her decision to volunteer was witnessing the first mass selection of prisoners and learning that members of the *leichenkommando* would be exempt from selections” [Macadam 2020, p. 201].

«В бараках ревира обычно лежало в среднем по триста больных. Во время эпидемий – не менее девятисот. В январе 1943 года случались дни, когда одних лишь полек умирало до четырехсот человек.

Как только врачи либо санитарки констатировали смерть – тут же трупы выносили и складывали возле барака. Когда набиралось много трупов, приезжала так называемая “*лайхенкоманда*” – “команда по трупам” – и забирала, их в крематорий» [Живульская].

«Распорядок дня “*трупной команды*” сильно отличался от режима остальных бригад. По утрам перед проверкой *stubenmädchen* (“горничные”) сваливали тела у блоков, где их потом подсчитывали. После того как остальные бригады отправлялись на работы, команда собирала тела и перемещала их к *leichenhalle* – площадке под навесом за блоком 25, откуда их позднее отвозили на грузовиках в крематории. Процедуру регистрации женских смертей ввели в августе, вскоре после перевода девушек в Биркенау. На утренних обходах “*трупную команду*” сопровождал писарь, записывающий номера умерших, чтобы их потом удалили из лагерных журналов» [Макадэм 2022, с. 234].

“Nabarakach rewirowych było przeciętnie 300 osób. W okresie epidemii 900. W grudniu i styczniu 1943 roku zdarzały się dni, w które samych tylko Polek umierało około 400.

Po stwierdzeniu zgonu przez koleżanki-łecarki lub pełniące funkcje pielęgniarek wynoszono zwłoki pod barak, Gdy się zebrała większa ilość, przyjeżdżało tzw. *lajchenkomando* i zabierało trupy na wóz do krematorium” [Żywulska 2008, s. 84].

“The daily routine for those in the *leichenkommando* was vastly different than that of the rest of the details in camp. In the morning, the *Stubenmädchen* – or chambermaids – would pile the dead outside their blocks before roll call so that the numbers of dead were tallied. After the work details marched out, Bertha and the others in the *leichenkommando* began to collect the bodies and carried them to the *leichenhalle*, a storage shed behind Block 25 where the bodies were kept until the men arrived with trucks to take them to the crematoriums. The protocol for recording women’s deaths had started in August, not long after the girls had been relocated to Birkenau. A scribe accompanied the *leichenkommando* on their daily rounds, recording the registration numbers of the dead so that they could be removed from the camp register” [Macadam 2020, p. 198].

3.3.6. Проволока

Проволока. Броситься на проволоку / пойти на проволоку (нем. – *in den Draht zu laufen*) – совершить самоубийство, бросившись на колючую проволоку, окружавшую лагерь. Колючая проволока всегда была под высоким напряжением электрического тока.

«Кроме **проволоки**, окружающей Бжезинки, другая проволока, уже без электрического тока, окружала крематории. Еще одна – отделяла жилые мужские бараки от женских, чтобы сделать невозможными ночные свидания. По требованию шефа обнесли проволокой и наши окна. Мы были надежно ограждены от мира» [Живульская].

«Люди, жизненная энергия которых не могла противостоять лишению свободы, уже через несколько дней добровольно шли на смерть. Работая в бригадах за территорией лагеря, они на виду у стражи входили в запрещённую зону для того, чтобы их застрелили, или просто **«шли на проволоку»**, как это называлось на лагерном жаргоне. Электрический ток высокого напряжения, серия выстрелов из автомата и смерть спасали их от дальнейших мучений. Когда ночью раздавались выстрелы, каждый знал, что снова отчаяние толкнуло человека на колючую проволоку и теперь его тело, как изорванная тряпка, лежит в нейтральной зоне. За время существования лагеря в этой зоне лежало непоросчитанное количество людей» [Гесс 1975, с. 130–131].

“Oprócz drutów opasujących Brzezinki, inne druty, już bez prądu, otaczały krematoria. Jeszcze inne oddzielały baraki mieszkalne męskie od kobiecych, żeby uniemożliwić nocne spotkania. Na żądanie szefa odrudowali nam okna. Byłyśmy zamknięte kilkoma rzędami zasieków” [Żywulska 2008, s. 190].

“People who were not strong enough to resist the paralysing effect of their surroundings, soon tried to make an end to their sufferings by voluntary death. When working in the outside squads they ran through the chain of sentries to be shot by them or they **“ran into the wires”**, as it was called in camp jargon. The high voltage electricity current or the shots of machine guns saved them from further misery. If shots were heard at night everybody knew that despair had again driven a man into the live wire fences and that he would now be lying, a lifeless bundle, in the neutral zone. Innumerable human beings took the decision to make an end to their subhuman existence, driven to voluntary death by their longing for freedom and for their homes, by starvation, by some painful illness for which they hardly got any treatment or by cruel blows” [Höss 1984, p. 143].

«Ночью я не могла уснуть, ворочалась на нарах. Наконец я встала, вышла из барака. В сильном возбуждении я направилась в сторону луга, к ограде. Вдруг из еврейского блока вышла какая-то женщина. Она шла сначала медленно, потом быстрее, наконец побежала с поднятыми вверх руками. Я поняла: она *“шла на проволоку”*» [Живульская].

«Этим специфическим лагерным выражением обозначался здешний способ самоубийства – прикоснувшись к колючей проволоке, получить смертельный удар тока высокого напряжения. Но решение *«не бросаться на проволоку»*, в сущности, в Аушвице мало что меняло. Самоубийство здесь теряло смысл, потому что вообще было невозможно рассчитывать на сколько-нибудь долгую жизнь» [Франкл].

«Для ситуации “заключённый и смерть” весьма характерно, что очень немногие решались, как говорили в лагере, *“бежать на проволоку”*, то есть совершить самоубийство, коснувшись колючей проволоки под высоким напряжением. Проволока – вещь хорошая и довольно надёжная, однако уже при попытке к ней приблизиться узника могли схватить и бросить в карцер, где пришлось бы умирать тяжелее и мучительнее» [Амери 2015, с. 44].

“W nocy nie mogłam usnąć, przewracałam się na koi. W końcu wstałam, wyszłam przed barak. Byłam dziwnie niespojna. Ruszyłam w kierunku wیزی do drutów. Z żydowskiego bloku wymknęła się jakaś postać. Sunęła najpierw wolno, potem szybciej, wreszcie zacczęła biec, ręce podniosła w górę. Zrozumiałam. *Szła na druty*” [Żywulska 2008, s. 84].

“M it diesem lagerüblichen Ausdruck wird die lagerübliche Methode der Selbsttötung bezeichnet: Berühren des mit elektrischer Hochspannung geladenen Stacheldrahts. Nicht in den *Draht zu gehen*, dieser negative Entschluß brauchte einem in Auschwitz freilich nicht schwer zu fallen: der Selbsttötungsversuch war dort schließlich ziemlich” [Frankl].

“Es war bezeichnend für die Situation des Häftlings dem Tode gegenüber, daß nur wenige sich entschlossen, *“an den Draht zu laufen”*, wie man sagte, das heißt: durch Berühren der mit Starkstrom geladenen Stacheldrähte Selbstmord zu begehen. Der Draht war ja eine gute und ziemlich sichere Sache, ihm zu nähern, ertappt und in den Bunker geworfen, was zu einem schwierigeren und peinvolleren Sterben führte. Das Sterben war allgegenwärtig, der Tod entzog sich” [Améry 2002, s. 48–49].

3.3.7. Селекция

Селекция – (от нем. *die Selektion* – отбор, сортировка, лат. *selectio* – выбор, отбор) – отбор людей, который проводили нацисты по прибытии в концлагерь и в течение пребывания в концлагере. Эсэсовские врачи отделяли нетрудоспособных заключённых и отправляли их в газовые камеры.

«Всего шесть дней прошло со времени нашего прибытия в Освенцим. Никто не объяснил нам в чём дело, но по лицам начальниц мы поняли, что должно произойти что-то нехорошее. Построили нас, подсчитали и повели в “заупу”. Там велели раздеться и стали пропускать перед Гесслером и врачом. Некоторых, в том числе и мою мать, записали. Вернувшись, мы узнали, что эта сортировка означала “**селекцию**”. Это было самое страшное слово в лагере: оно означало, что люди, сегодня ещё живые, обречены на сожжение. Каково было моё состояние – я знала, что теряю мать и не в силах была помочь ей. Мать утешала меня, говоря, что свой век она уже прожила и что ей жалко лишь нас, детей. Она знала, что та же участь ожидает и нас. Два дня после селекции держали их на блоке, кормили, как и нас, и 20 января пришли за ними и забрали на специальный блок смерти (блок А 25а). Там собрали несчастных со всех блоков и на машинах отвезли в крематорий» [Чёрная книга 1980, с. 411–412].

«Прозвучало страшное слово: **селекция**» [Визель 2021, с. 119].

“Et un mot terrible circula bientôt: **la selection**” [Wiesel 1958, p. 109].

«**Селекции** предчувствуются заранее. Гибридное латинско-польское слово “**Selekcja**” слышишь раз, слышишь два, выделяешь в непонятной иностранной речи. Сначала пропускаешь мимо ушей, потом прислушиваешься, наконец, оно начинает тебя преследовать» [Леви 2001, с. 148].

“Le **selezioni** si sentono arrivare. «**Selekcja**»: la ibrida parola latina e polacca si sente una volta, due volte, molte volte, intercalata in discorsi stranieri; dapprima non la si individua, poi si impone all’attenzione, infine ci perseguita” [Levi 2000, p. 121].

«Тогда я не знала, что таким образом мы прошли первый **отбор** у известного лагерного врача Йозефа Менгеле» [Шлосс 2022, с. 137].

“I didn’t know then that we hadn’t just undergone our first **selection** by the notorious camp doctor, Josef Mengele” [Schloss 2013, p. 126]

«Селекцию проводили каждую неделю. Безжалостный отбор» [Визель 2021, с. 120].

«Мама начала хлопать себя по щекам, чтобы придать своей бледности малиновый оттенок и попытаться пройти *проверку* на неизбежном медицинском отборе. Очень важно было выглядеть достаточно здоровой, чтобы работать. Болезненный внешний вид означал мгновенную смерть. У других женщин были похожие мысли, и они все пытались привести в порядок свою кожу» [Фридман 2023, с. 160–161].

«Я вдруг вспомнил об отце. Он ужасно постарел и может не пройти *селекцию*» [Визель 2021, с. 120].

«Вскоре мы подверглись очередной вселяющей ужас *селекции* – процессу отбора тех, кто уже не был полезен хозяевам из СС и кому предстояло закончить дни в жерновах смерти в Биркенау <...>

Пережившие *селекцию* со всех ног полетели обратно в барак, едва ли вспомнив о том, что нужно одеться» [Гив 2022, с. 117–118].

“Et chaque semaine, la *sélection*. Une *sélection* impitoyable...” [Wiesel 1958, p. 110].

“Mama started slapping her cheeks, to give her pallor a crimson tinge to try to pass muster at the inevitable health *Selektion*. It was essential to appear fit enough to work. A sickly demeanor was fatal. Other women had similar thoughts and were busy primping their own skin” [Friedman].

“Et mon père? Je m'en souvenais seulement maintenant. Comment passerait-il la *sélection*? Il avait tellement vieilli” [Wiesel 1958, p. 110].

“Before long we experienced another of the dreaded *selections*. The picking out of prisoners who, no longer profitable to their SS masters, would be sent to the mills of death at Birkenau <...>

Those who passed the *selection* ran back to the safety of the block, hardly bothering to dress again” [Geve 2021].

«Они прошли *отбор* в Биркенау, когда их матерей, жён, детей и отцов отправили в одну сторону, а их – молодых мужчин – в другую» [Дронфилд 2023, с. 245].

«Все гадали, что это может значить; подобные *отборы* происходили постоянно и обычно заканчивались одним и тем же – отправкой в Биркенау и газовой камерой» [Дронфилд 2023, с. 249].

«На каждой *селекции* в каждом лагере кто-то решал за нас: жить или умирать, – у меня самой никогда не было права выбора» [Эгер 2023, с. 336].

3.3.8. Транспорт

Транспорт – слово в нацистской Германии приобрело новое значение. Транспортom назывались прибывающие или депортируемые из лагеря заключённые, которых перевозили как груз любым доступным способом.

«Это последняя партия прибывшего вчера из Франции *транспорта*» [Погожев 2005, с. 165].

«В общих уборных трупов висело так много, что невозможно было пройти. Не меньше их было в блоках евреев, прибывших в последние дни с *транспортиками* из Бельгии и Голландии» [Погожев 2005, с. 179].

«Это был *транспорт* из Голландии. Около тысячи женщин. Говорили, что еще несколько транспортов находятся в пути» [Живульская].

“They had been through the *selection* at Birkenau, and their wives, mothers, children and fathers had all been sent one way, while they – the young men – had been sent the other” [Dronfield 2019, p. 165].

“Everyone guessed what this must signify; such *selections* happened all the time, and meant only one thing: departure for Birkenau and the gas chambers” [Dronfield 2019, p. 167].

“At every *selection* line, the stakes were life and death, the choice was never mine to make” [Eger 2017].

“Był to *transport* z Holandii. Przyjechało około 1.000 kobiet. Mówiono, że następne transporty są w drodze” [Żywulska 2008, s. 200]

«До 1990-х годов бывшие узники Аушвица и словаки называли «первым **транспортом**» состав, привезший в лагерь 999 евреек. Но потом, по какой-то причуде судьбы, историки изменили классификацию и удалили девушек из этой категории, заменив их единственным вагоном, который вёз 40 евреев, арестованных гестаповцами за мелкие нарушения и в порядке эксперимента убитых 15 февраля 1942 года при испытаниях газа «Циклон Б». В праве войти в историю как «первый женский аушвицкий **транспорт**» девушкам тоже отказали, поскольку это место заняли 999 reichsdeutsche, этнических немцев из Равенсбрюка» [Макадэм 2022, с. 131].

«Всего лишь на второй день пребывания в Вестерборке мы получили страшную новость: наши имена оказались в списке, подготовленном к следующему **отъезду**. К лету 1944 года людей стали **вывозить** намного реже (почти все голландские евреи уже были арестованы, депортированы и убиты). К несчастью, наш приезд совпал с запланированной отправкой цыган, и в поезде были свободные места» [Шлосс 2022, с. 127].

«Дни и месяцы не прекращается этот ужас. В течение нескольких недель венгерские **транспорты** без селекции идут “в печь”» [Живульская].

“Prior to the 1990s, the transport of the 999 Jewish women was referred to by former prisoners and Slovaks as the «first **transport**» to Auschwitz. Then, in an ironic twist, historians recalculated that classification and removed the girls from their category, replacing them with a single train car of forty Jewish men who had been arrested for petty crimes by the Gestapo and were experimentally «killed with Zyklon B» on February 15, 1942. The girls were also denied historical recognition as being on the «first women’s **transport** to Auschwitz» because that nomenclature was given to the train carrying the 999 female reichsdeutsche, ethnic German prisoners from Ravensbrück” [Macadam 2020, p. 110].

“We had only been in Westerbork for two days when we received the dreaded news: our names were on list for the next **transport**. By the summer of 1944 **transports** were becoming less frequent (almost all Dutch Jews had already been rounded up, deported and murdered). Tragically for us, though, our arrival coincided with a planned **transport** of Gypsies, and there were spare places to be filled on the train” [Schloss 2013, p. 117].

“Dni i miesiące nieustającej grozy. Przez kilka tygodni całe **trańsporty** węgierskie bez selekcji szły ‘do komina’” [Żywulska 2008, s. 207].

«К тому моменту в Аушвице оставались только семь пассажиров того *эшелона*, что привез меня в лагерь» [Гив 2022, с. 90].

“By now, only seven of our original *transport* remained in Auschwitz” [Geve 2021].

3.3.9. Центральная сауна

Центральная сауна – (от нем. *die Zentrale Sauna*) – главная душевая. Перед тем как принять душ, новоприбывшим заключённым нужно было погрузиться в ванну с дезинфицирующим средством, чтобы убить микробов и вшей на теле, распространяющих тиф. Заходить в душевую нужно было через одну дверь, а выходить через другую. Одежда обрабатывалась паром в комнате для раздевания. В центральной сауне происходила также: регистрация заключённых после первичной обработки и медицинских осмотров, часто сопровождавшихся селекцией на труд или смерть, иногда – временное содержание заключённых, например, перед отправкой в газовые камеры. Заключённые воспринимали «баню» как место унижения, насилия, холода и страха. Под душевые были замаскированы газовые камеры.

«*Зауна* здесь была построена продуманно. Через нее пропускались тысячи людей. Это было внушительное кирпичное здание. Внутри – души, залы-раздевальни. Камеры для санобработки одежды. Горячая вода круглые сутки.

В подвалах печи. А вокруг – проволока, электрическая проволока» [Живульская].

“*Sauna* była tu wybudowana z rozmysłem, starannie. Przechodziły przez nią tysiące ludzi. Był to więc solidny budynek z cegieł. Wewnątrz natryski, sale-rozbieralnie. Komory gazowe do odwszenia odzieży. Gorąca woda przez całą dobę. W piwnicach piece. W saunie mieściła się szatnia (Bekleidungskammer), żeby przybywające więźniarki były od razu ubierane. A wokoło – druty, druty naelektryzowane” [Żywulska 2008, s. 128].

«Днем и ночью топится *баня*. Днем и ночью туда загоняют группами мужчин. Женщины видят, как на головы новичков опускаются эсэсовские палки. Видят, как из ворот пятого барака выходят голые фигуры, стоят на ветру, а потом бегом устремляются в баню. Вскоре они выходят оттуда, бритоголовые, с лохмотьями в руках. Поеживаясь, надевают это отрепье» [Шмаглевская 1970, с. 163].

“Dniem i nocą pracuje *Sauna* (barak dezynfekcyjny). Dniem i nocą przebiegają grupy mężczyzn. Kobiety widzą, jak na głowy nowo przybyłych spadają kije SS-manów. Widzą, jak z wrót piątki wychodzą nadszy i stoją na wietrze. Potem biegnąc znikają w Saunie. Za chwilę wychodzą na zewnątrz z ogolonymi głowami, niosąc w rękę pęczek łachmanów. Drżąc odziewają się w nie [Szmaglewska].

«“...я отца в печь отправил!” – “Не может быть!” – «Вот и может, отправил. Приехал он в эшелоне, увидел меня возле камеры, я туда людей загонял, он кинулся мне на шею, давай целовать и спрашивать, что тут будет, говорит, голодный, два дня ехали не евши. А тут начальник команды кричит, чтобы не задерживаться, работать надо! Что было делать! “Иди, говорю, отец, помойся в *бане*, а потом поговорим, видишь, теперь мне некогда”. И отец пошел в камеру» [Боровски].

3.3.10. Эвакуация

Эвакуация – слово, обозначающее комплекс мероприятий по организованному вывозу или выводу населения из опасных мест, употреблялось для описания перемещения заключённых из Аушвица вглубь рейха. Эвакуации предшествовало уничтожение следов совершённых преступлений, а именно: сжигались документы, уничтожались крематории, засыпались рвы с останками. Все следы массовых преступлений уничтожить не удалось.

«Вернулись они в невменяемом состоянии и смогли выговорить одно-единственное слово: “Эвакуация”. Лагерь закроют, нас отправят в тыл. Куда именно? В центральную часть Германии. В другие лагеря, благо недостатка в них нет. <...>

В палату вошёл врач и объявил:

– Завтра, сразу после наступления ночи, вы тронетесь в путь. Блок за блоком. Больным разрешено остаться здесь. Их *эвакуировать* не будут <...> После войны я узнал, что девять дней спустя русские освободили всех, кто остался в лагере» [Визель 2021, с. 135].

“... ‘ja ojca do komina posłałem!’ ‘Nie może być!’’. ‘Może, bo posłałem. Przyjechał z transportem, zobaczył mnie przed komorą, zaganiałem ludzi, rzucił mi się na szyję, zaczął mnie całować i pytać, co to będzie i że on jest głodny, bo dwa dni jadą bez jedzenia. A tu komandofuhrer krzyczy, żeby nie stać, że trzeba pracować! Co miałem robić! «Idź, ojciec – mówię – wykup się w *łaźni*, a potem pogadamy, widzisz, że teraz nie mam czasu». I ojciec poszedł do komory” [Borowski 1961, s. 15].

“Ils en revinrent brisés. Ils n’arrivèrent à des- serrer leurs lèvres que pour prononcer ce mot: «*Evacuation*». Le camp allait être vidé, et nous serions envoyés vers l’arrière. Vers où? Quelque part au fin fond de l’Allemagne. Vers d’autres camps: ils ne manquaient pas.. <...>

Un médecin entra dans la salle et annonça :

– Demain, tout de suite après la tombée de la nuit, le camp se mettra en marche. Les malades peuvent rester a l’infirmerie. Ils ne seront pas *evacuier*. J’apparis apres la guerre le sort de ceux qui etatient restes a l’hospital. Ils furent liberes par les Russes, tout simplement, deux jours apres *l’évacuation*” [Wiesel 1958, p. 126].

«Мы с Альберто и раньше предвидели, что *эвакуация* и освобождение лагеря будут сопряжены с большими опасностями. Кроме того, принесенная Ашкенази новость лишь подтверждала циркулировавшие уже много дней слухи, что русские заняли Ченстохову в ста километрах к северу и Закопане в ста километрах к югу и что немцы минируют Буну» [Лево 2001, с. 176].

“Alberto ed io avevamo previsto i pericoli che avrebbero accompagnato il momento della *evacuazione* del campo e della liberazione. Del resto la notizia portata da Askenazi non era che la conferma di una che circolava già da vari giorni: che i russi erano a Czenstochowa, cento chilometri a nord; che erano a Zakopane, cento chilometri a sud; che in Buna i tedeschi già preparavano le mine di sabotaggio” [Levi 2000, p. 176].

3.4. Проституция и сексуальное насилие

Тема сексуального насилия в нацистских лагерях остаётся одной из самых травматичных и сложных для осмысления. Вопреки распространённому стереотипу, жертвами становились не только женщины, но и мальчики, в том числе совсем юного возраста. Особое место занимают фигуры «пипелей» – подростков, которых охранники держали при себе и эксплуатировали сексуально. Проституция и насилие в лагерных борделях, обозначаемых словом пуф, также были частью репрессивной системы, поддерживаемой лагерной администрацией.

3.4.1. Пипель

Пипель – (от нем. *Pipel*) – подросток, выполняющий обязанности капо и старост. Словом «пипель» также именовался привлекательный ребенок мужского пола, который получал особую благосклонность или привилегии, поддерживая отношения с другим заключённым, который имел власть над другими заключёнными.

«Был ли этот приятель тому причиной или же нет, сказать трудно, однако Витек не из тех, кто поддается судьбе. В Павяке он был то ли надзирателем, то ли банщиком – в общем, *пипель* у Кроншмидта, который вместе с одним украинцем в каждое дежурство мучил евреев» [Боровский].

“Czy się ów kolega do tego przyczynił czy nie, trudno rozsądzić, ale Witek losowi się nie dał. Na Pawiaku był oddziałowym czy kąpielowym – taki *pipel* od Kronsztmdta, który wespół z pewnym Ukraińcem na każdej wachcie katował Żydów” [Borowski 1961, s. 11].

«... эльзасец Жан, наш командный **Pikolo**, Жан – студент, и, хотя ему уже двадцать четыре года, в химической команде он самый молодой, а потому должен выполнять обязанности **Pikolo** – мальчика на побегушках. Жан следит за чистотой в бараке, отвечает за инструмент, моет котелки, подсчитывает отработанные командой часы» [Лево 2001, с. 130].

«Но одно исключение все-таки было. Под началом оберкапо 52-й кабельной команды, голландца двухметрового роста, работали семьсот заключённых, и все любили его, как брата. Он не сквернословил и никогда никого не бил. У него в услужении состоял **пипель**, мальчик двенадцати лет с тонким и невероятно красивым лицом.

(В Буне **пипелей** ненавидели: они зачастую проявляли большую жестокость, чем взрослые. Однажды я видел, как тринадцатилетний паренек избивал собственного отца за то, что тот плохо заправил койку. Старик беззвучно плакал, а он орал: “Если не заткнёшься, не получишь хлеба. Ясно?”. Но маленького помощника голландца с лицом скорбного ангела все обожали)» [Визель 2021, с. 111–112].

3.4.2. Пуф

Пуф – (от нем. разг. *der Puff* – публичный дом) – бордель, организованный по инициативе Генриха Гиммлера. Изначально сексуальные потребности заключённых удовлетворяли женщины, переведённые из Равенсбрюка, самого крупного женского концлагеря в Германии, где они отбывали наказание за

“... era solo Jean, il **Pikolo** del nostro Kommando. Jean era uno studente alsaziano; benché avesse già ventiquattr’anni, era il più giovane Haftling del Kommando Chimico. Era perciò toccata a lui la carica di **Pikolo**, vale a dire di fattorino-scritturale, addetto alla pulizia della baracca, alle consegne degli attrezzi, alla lavatura delle gamelle, alla contabilità delle ore di lavoro del Kommando” [Levi 2000, p. 106].

“L’Oberkapo du 52° kommando des câbles était un Hollandais: un géant, dépassant deux mètres. Sept cents détenus travaillaient sous ses ordres et tous l’aimaient comme un frère. Jamais personne n’avait reçu une gifle de sa main, une injure de sa bouche. Il avait a son service un ieune enfant, un **pipel** comme on les appelait. Un enfant au Vie fin et beau, incroyable dans ce camp.

(A Buna, on haïssait les **pipel**: ils se montraient souvent plus cruels que les adulets. J’ai vu un jour l’un d’eux âgé de treize ans, battre son père parce que celui-ci n’avait pas bien fait son lit. Comme le vieux pleurait doucement, l’autre hurlait: «Si tu ne cesses pas de pleurer tout de suite, je ne t’apporterai plus de pain. Compris?» Mais le petit serviteur du Hollandais était adoré de tous. Il avait le visage d’un ange malheureux)» [Wiesel 1958, p. 101].

занятие проституцией. Позже женщин для борделя стали выбирать из заключённых, в том числе и евреек. Для них это было вопросом выживания.

«В Освенциме в бараке двадцать четыре “а” открыли **публичный дом**, чтобы эсэсовцы и полицаи могли “достойно развлекаться”» [Шмаглевская 1970, с. 195].

«**Пуфф** – это окна, полуоткрытые даже зимой. В окнах после проверки появляются женские головки всевозможных мастей, а из голубых, розовых и салатовых (я очень люблю этот цвет) халатиков выглядывают белые, как морская пена, плечики. Головок, я слышал, пятнадцать, значит, плечиков – тридцать, если не считать старой Мадам с могучим, эпическим, легендарным бюстом, которая сторожит эти головки, шейки, плечики и т.д... Мадам в окно не выглядывает, зато исполняет службу цербера у входа в **пуфф**.

Вокруг **пуффа** стоят толпой лагерные аристократы. Если Джульетт десяток, то Ромео (и отнюдь не завалящих) тысяча. Поэтому к каждой Джульетте толчея и конкуренция» [Боровский].

«Мы не могли понять, что это за история с “**нуфом**”. Почему такие “привилегии”? Для каких заключённых? <...>

Долго еще призрак “**нуфа**” пугал нас. Каждый раз, когда входила лагеркапо, мы думали, что снова ищут “желающих”. К счастью, “новую смену” отбирали раз в несколько месяцев» [Живульская].

«W Oświęcimiu tworzy się dla dostarczenia SS-manom i funkcyjnym więźniom “godziwej rozrywki” blok dwudziesty czwarty a, tak zwany **Puff**. Jest to dom publiczny» [Szmaglewska].

“**Puff** są to okna, nawet w zimie uchylone na wpół. W oknach – po apelu wychylają się główki kobiece o różnych odcieniach, a spod niebieskich, różowych i seledynowych (bardzo lubię ten kolor) szlajoczków wynurzają się śnieżne jak piana morska ramiona. Główek jest, zdaje się, piętnaście, a ramion – trzydzieści, jeśli nie liczymy starej Madame o potężnym, epickim, legendarnym biuście, która czuwa nad główkami, szyjkami, ramionami etc... Madame oknem się nie wychyla, ale za to urzęduje na piętrze jako cerber u wejścia do **puffu**.

Naokoło **puffu** stoi tłum prominencji lagrowej. Jeśli Julii jest dziesięć, to Romeów (i to nie byle jakich) z tysiąc. Stąd przy każdej Julii tłok i konkurencja” [Borowski 1961, s. 6].

“Zastanawialiśmy się, co to za historia z tym **puffem**. Dlaczego ‘takie’ przywileje? Dla jakich więźniów? <...>

Długo jeszcze widmo **puffu** straszyło na bloku. Ile razy wchodziła łagerkapo, sądziłyśmy, że znów się zaczyna. Ale na szczęście pensjonariuszki zmieniano co kilka miesięcy. Dłużej zresztą żadna nie wytrzymała” [Żywulska 2008, s. 59].

3.4.3. Пуфф-мама

Пуфф-мама – (нем. разг. *der Puff* – публичный дом и нем. разг. *die Mama* – мама) – заключённые-немки профессиональные проститутки, работающие в пуффе.

«Это были те самые 999 заключённых, отправленные сюда Гиммлером из Равенсбрюка, самого известного на тот момент германского женского концлагеря. Они представляли собой пёструю смесь из убийц, мошенниц, «политических» (коммунисток или антифашисток), сектанток (многие были из свидетелей Иеговы), проституток и «асоциальных» (то есть лесбиянок, которых на тюремном жаргоне называли “*пуфф-мамами*”))» [Макадэм 2022, с. 129].

“They were Himmler’s first 999, commandeered from the most notorious women’s prison in Germany, Ravensbrück, they were an eclectic mix of murderesses, con women, political prisoners (communists or anti-Nazis), «Bible thumpers» (many were Jehovah’s Witnesses), prostitutes, and «asocials» (lesbians, actually referred to as “*Poof Mamas*” by prisoners)” [Macadam 2020, p. 106].

3.5. Повседневность и лагерный жаргон

В условиях лагеря сформировался жаргон, который отражал как адаптацию к экстремальным обстоятельствам, так и механизм психологической защиты узников. Ниже представлены ключевые термины, которыми пользовались заключённые для описания различных аспектов повседневной реальности.

3.5.1. Абганг

Абганг – (от нем. *Abgang*) – отход, отправление; освобождаемый, выпускаемый на свободу

«... я быстро прошла мимо *абгангов*, влетела в канцелярию. <...> *Абганги*, уже переодетые в гражданскую одежду, вошли в канцелярию за документами. В шляпах, в туфлях на высоких каблуках, их теперь трудно узнать. У них уже была иная походка, иной взгляд, иные движения. Они “репетировали” свободу». [Живульская].

“Przeszłam szybko obok *bgangow* i wciekła, wpadłam do biura. <...> *Abgangi*, już ubrane po cywilnemu, weszły do biura po dokumenty. Tak dziwnie wyglądały w kapeluszach, w pantoflach na wysokich obcasach. Inaczej stawiały nogi, inaczej patrzyły, inne miały ruchy. Zaprawiały się do wolności” [Żywulska 2008, s. 178–179].

3.5.2. Бибельфоршер

Бибельфоршер – (от нем. *Bibelforscher* – исследователи Библии), последователи организации «Свидетели Иеговы».

«Как и в остальных жилых помещениях для эсэсовцев, всю работу по дому выполняли женщины из религиозной секты ***Bibelforscher**** (***Бибельфоршеры***, или «исследователи Библии», также известные как «свидетели Иеговы», носили фиолетовые винкелы). <...>

Членов секты «свидетелей Иеговы» арестовывали за непримиримый пацифизм, и из всех выжили только женщины. В основном то были немки и польки, а нацисты вовсе пользовались честностью, которой прославились сектантки. Теперь они служили у эсэсовцев поварами и домработницами. Очевидно, эти женщины-***бибельфоршеры*** были неспособны причинить вред даже своим злейшим врагам, а потому их поставили на такие ответственные должности, что наложенные на них ограничения, обретали символический характер. Они были прикреплены к жилому сектору СС, расположенному за охраняемой территорией лагеря, жили там же, могли свободно передвигаться по округе, когда того требовали их обязанности, и больше напоминали рабынь, нежели узниц. Местное население привыкло к странной картине: в сельском магазине в очереди можно было встретить женщину в тюремной одежде. Узницы не вступали ни с кем в разговоры и не пытались бежать, поскольку держали клятву с поистине религиозным рвением. Мы уважали ***бибельфоршеров*** в основном из чувства благодарности за помощь» [Гив 2022, с. 165–166].

“As in all SS living quarters, household work was taken care of by a religious sect called ***Bibelforscher****. (*Investigators of the Bible, also known as ‘Jehovah’s Witnesses’, were tagged with a purple triangle). <...>

The Investigators of the Bible sect were imprisoned for their stubborn pacificism and only the women had survived. Mostly Germans or Poles, their avowed honesty was cleverly exploited by the Nazis. They now served the SS as cooks and housekeepers.

Apparently incapable of hurting even their worst enemies, these Bible Women were entrusted with positions of such responsibility that the restrictions imposed upon them were merely symbolic. Slaves rather than prisoners, they were attached to the SS living quarters beyond the guard-surrounded camp compound, housed there, and so were free to move about the district whenever their work required it. Seeing a prison-garbed woman queue up at the village shop was just another odd spectacle that the surrounding population had become used to. The prisoner would neither engage in conversation nor try to escape, for she kept her pledge with religious fervour.

We fellow prisoners respected the devotees of the Bible primarily because they helped us” [Geve 2021].

3.5.3. Ветеран

Ветеран (старожил, старик) – заключённый, который провёл в лагере несколько месяцев.

«**Ветераны** лагеря, мрачно предсказывающие, что мы, “новички” долго не протянем, оказались правы» [Гив 2022, с. 131].

«Прожив в Освенциме год, я уже считался **ветераном**. Тем, кто не понаслышке был знаком с полным годовым циклом Освенцима» [Гив 2022, с. 175].

«Вам повезло, что попали сюда так поздно, – говорили **старожилы**. <...> Они покатывались со смеху – их не просто так называли **ветеранами**» [Визель 2021, с. 120].

«Бывали случаи, когда вновь прибывшего принимали пусть не как друга, но, по крайней мере, как товарища по несчастью; однако чаще всего **старожилы** (а ими становились уже через три-четыре месяца – лагерный век короток!) не скрывали своей неприязни и даже враждебности к новенькому» [Леви 2010, с. 31].

«Хотя женщина не была вооружена, то, как она утверждала свою власть, напугало меня: она была не немкой, а еврейкой, той самой Blokälteste, старостой блока – **ветераном-заключённым**, ответственным за введение новичков в курс дела» [Фридман 2023, с. 163–164].

“The experienced camp **veterans** had been right in their grim prophecies that we ‘newcomers’ would not stand it for long” [Geve 2021].

“Now, having been in Auschwitz for over a year, I was a **veteran**. Someone familiar, through experience, with all the annual events of Auschwitz life” [Geve 2021].

“Les **vétérans** disaient: – Vous avez de la chance d’avoir été amenés ici si tard. <...> Ils éclataient de rire. Ils n’étaient pas des **vétérans** pour rien” [Wiesel 1958, p. 109].

“Accadeva di rado che il nuovo venuto fosse accolto, non dico come un amico, ma almeno come un compagno di sventura; nella maggior parte dei casi, gli **anziani** (e si diventava **anziani** in tre o quattro mesi: il ricambio era rapido!) manifestavano fastidio o addirittura ostilità” [Levi 2003, p. 26].

“Although the woman wasn’t armed, the way she asserted her authority frightened me. She wasn’t German, but Jewish. She was a Blokälteste, or block elder – a **veteran prisoner** responsible for inducting newcomers” [Friedman].

3.5.4. Винкель

Винкель – (от нем. *Winkel* – угол, уголок) – треугольник, нашитый на тюремную робу заключённого, по цвету которого можно было распознавать его принадлежность к определённой категории.

«Как только колонна остановилась, к ней подошла большая группа физически крепких заключённых с жёлтыми повязками на левых рукавах. Ими зычным голосом распоряжался пожилой горбоносый брюнет, в сапогах и военного покроя чёрном костюме. Он имел тоже повязку, на которой крупными буквами было написано: «Обер-капо». На левой стороне кителя, на груди, рядом с **треугольником** зелёного цвета, бросался в глаза белый квадратик с цифрой в центре «1». Это тоже был заключённый, по фамилии Бруно, имевший первый лагерный номер. Жестокий, безжалостный, изощрённый в истязаниях, он пользовался полным доверием коменданта лагеря и, как мы убедились после, был полновластным вершителем судеб всех узников строительного участка, который был ему доверен» [Погожев 2005, с. 72–73].

«Кроме того, все заключённые обязаны были носить на одежде, на левой стороне груди, опознавательные знаки: евреи – красный **треугольник** и на нем жёлтый, наложенный так, что получалась шестиугольная звезда (впоследствии этот знак был заменен красным треугольником с жёлтой полоской наверху) русские – чёрный **треугольник**. Политические заключённые носили красный **треугольник**, уголовные – зелёный. Показаться на территории лагеря без опознавательного знака или же носить его не на положенном месте означало идти на верную смерть. Первый встречный эсэсовец мог задержать тебя, свалить ударом наземь, бить сапогами в лицо, в грудь, а потом отправить в газовую камеру» [Чёрная книга 1980, с. 422].

«Грустно сознавать, что люди, весь день работающие плечом к плечу и спящие рядом ночью, разговаривают, как существа с разных планет, тщетно пытаюсь понять друг друга. Внешне они схожи. Отличие составляет только «**винкель**» – треугольник на груди возле номера, у политических – красный, у воров, аферистов, фальшивомонетчиков – зелёный, у бандитов и женщин лёгкого поведения – чёрный» [Шмаглевская 1970, с. 58].

“Smutno jest odczuć, że ludzie pracujący przy sobie w ciągu dnia i w nocy układający się obok siebie na spoczynek przemawiają jak ludzie z różnych planet, daremnie usiłując się porozumieć. Zewnętrznie są tacy sami. Odróżnia ich tylko ‘**winkel**’ – trójkąt na piersiach przy numerze, u politycznych czerwony, u złodziei, oszustów, fałszerzy – zielony, u bandytów i kobiet publicznych – czarny” [Szmaglewska].

«Перевернутый зелёный означал, что его владелец — уголовник-рецидивист. Неперевернутые носили те, кто совершили какой-либо проступок впервые. Черный *треугольник* нашивали на форму те, кого принято было называть «тунеядцами» (обычно их носили русские, украинцы и цыгане). Красным *треугольником* обозначали политзаключённых немцев, поляков, чехов и французов. Розовые носили гомосексуалисты. Фиолетовые полагались членам пацифистских сект, таких как свидетели Иеговы.

Евреи носили перевернутые красные или зелёные *треугольники*, которые накладывались поверх жёлтых, и получалась Звезда Давида. У неевреев на *треугольниках* стояла дополнительная пометка — буква, по которой определяли национальность узника» [Гив 2022, с. 77–78].

«В политическом отделе, где устанавливают цвет *треугольника*, многим уголовникам дали красный «*винкель*». Тем труднее различить их в незнакомой толпе. Но сами они узнают друг друга и сколачивают свой клан. Они быстрее других в лагере выплыли на поверхность, завладели положением, неукоснительно выполняют любые, даже самые зверские приказы эсэсовцев. В муравейнике преследуемых они стали преследователями. Сотрудничество уголовников с эсэсовцами оказалось роковым для жизни лагеря» [Шмаглевская 1970, с. 58].

“A green *triangle* with the apex pointing downwards meant that its wearer was a professional criminal. Apex up was a first-time offender. A black *triangle* signalled a ‘work-shy’ individual (Russians, Ukrainians and Gypsies typically wore these). A red *triangle* signified political opponents and was reserved for Germans, Poles, Czechs and the French. A pink *triangle* was required for convicted homosexuals. A violet *triangle* marked the members of pacifist religious sects such as the Jehovah’s Witnesses.

Jews had to wear a red *triangle* or occasionally a green one, which was then superimposed onto a yellow triangle so as to form the Star of David. *Triangles* of non-Jews were imprinted with the initials of the wearer’s nationality” [Geve 2021].

“Wydział polityczny Oświećmnia, decydujący o barwie trójkątów, dał wielu przestępcom ‘*winkel*’ czerwony. Tym trudniej odróżnić ich w nieznanym tłumie. Lecz oni sami znają się nawzajem i tworzą zorganizowany klan. Oni szybciej wypłynęli na powierzchnię życia, chwycili sytuację za kark, bez wahania zdecydowali się spełniać rozkazy SS-manów, choćby godziły one w dolę więźnia. Oni to w mrowiu ludzi poganianych zostali poganiaczami. Ze współpracy ich z SS-manami wynikły dla obozu fatalne rezultaty” [Szmaglewska].

«Как скрыться от чёрного винкеля, хватающего на работу на территории лагеря?» [Живульская].

«Правда, мы в качестве гостей из Биркенау и здесь пользуемся привилегией, однако мы отказались, у нас ведь красные *треугольники*» [Боровский].

«Баланс власти нарушился не в их пользу, когда в Моновиц прибыла партия из шестисот заключённых Маутхаузена, считавшегося самым суровым из нацистских лагерей. Все это были люди с зелёными *треугольниками*, многие – настоящие звери. Виндек быстро собрал их вокруг себя, поставив на должности надзирателей и старших по баракам [Дронфилд 2023, с. 255–256].

3.5.5. Дурхфаль

Дурхфаль – (от нем. – *Durchfall* – мед. понос) – диарея, расстройство желудка.

«Единственным универсальным лекарством от *дурхфали* была белая жидкая каша из стёртого в порошок мела – им в ревире белили койки. Этим же мазали рожистых больных и открытые раны. Употреблялось это также и против поноса и часто помогало» [Живульская].

“Gdzie się schować przed czarnym winklem, łapiącym na roboty na terenie lagru” [Żywulska 2008, s. 37].

“Wprawdzie my, jako goście z Birkenau, i tu mamy pierwszeństwo, ale odmówiliśmy, mamy czerwone *winkle*, a niech kryminaliści korzystają z tego, co dla nich” [Borowski 1961, s. 6].

“The balance of power swung against them when a transport of six hundred prisoners arrived from Mauthausen, reputedly one of the regime’s harshest camps. They were all green-*triangle* men, with some real savages among them. Windeck quickly gathered them around him, steering them into positions as kapos and block seniors” [Dronfield 2019, p.171].

“Jedynym uniwersalnym lekarstwem była biała papka, wyglądająca i smażąca jak sproszkowana kreda. Malowało się tym ramy łózek na rewirze, żeby były białe, smarowało się miejsca zaatakowane różą i różne rany. Zażywało się to również przeciwko *durchfalowi* i często nawet pomagało” [Żywulska 2008, s. 99–100].

«Умирали одна за другой. Умерла Ната. Она вынесла всё: избиения, допросы, апелли, голод, тиф, а доконал ее *дурхфаль* – напилась грязной воды» [Живульская].

“Umierały jedna po drugiej. Umarła Nata. Zniosła wszystko: bicie, przesłuchania, apele, głód, tyfus, a pokoma ją *durchfal*. Napiła się wody” [Żywulska 2008, s. 107].

3.5.6. Миллионер / миллионщик

Миллионер / миллионщик – заключённый, недавно прибывший в лагерь, с очень большой численностью.

«Я, конечно, никого не нашёл, я же *миллионщик*, а тут сплошь старые номера, и они смотрят на меня свысока» [Боровский].

“Oczywiście nikogo nie znalazłem, bo jestem *milionowiec*, a tu same stare numery i na mnie patrzą bardzo z góry” [Borowski 1961, s. 2].

3.5.7. Мусульманин

Мусульманин – (от нем. *Muselman* / *Moslem* – мусульманин) – заключённый в Аушвице в крайней степени физического истощения и морального опустошения.

«Большими транспортами прибывали и прибывали бледные, исхудалые мужчины, евреи из гетто. Эти уже утратили человеческий облик. Лица их ничего не выражали. Лихорадочный взгляд в запавших глазницах, обтянутые кожей скулы. Для них в лагере почему-то существовало прозвище: «*мусульмане*». Глядя на них, мы думали только об одном: «Где взять хлеба? Откуда взять столько хлеба... Как их накормить?..» [Живульская].

“Przyjeżdżali bladzi, niesamowicie wychudzeni mężczyźni, Żydzi z getta. Bez oblicza, bez indywidualności. Bez wyrazu i bez treści. Gorejące oczodoły, skóra i kości. Mieli swój przydomek: *muzułmani*. Patrząc na nich trzeba było myśleć tylko o jednym: ‘Skąd wziąć chleb? Skąd wziąć tyle chleba... na tyle dni... jak ich nakarmić?..’” [Żywulska 2008, s. 135].

«Истощённые и загнанные узники, которые чаще всего выменивали хлеб на табак <...> таких называли *музельманами*».

(Примечание: «*Музельман* (нем. Muselman) – жаргонизм немецких концентрационных лагерей, означавший физически и психически истощённых узников на грани жизни и смерти») [Гив 2022, с. 123].

«Так называемый “*мусульманин*”, “*доходяга*”, как на лагерном жаргоне называли покорившегося судьбе и оставленного товарищами заключённого, более не обладал пространством сознания, где могли бы противостоять добро и зло, благородство и подлость, духовность и бездуховность. Это был бродячий труп, пучок агонизирующих физиологических функций» [Амери 2015, с. 24].

«Хотя мне было всего шесть лет, я могла разглядеть в человеке признаки скорой смерти. Умиравшие, казалось, сворачивались сами в себя, пока не складывались вдвое. В лагерном сленге для них существовало специальное слово: *Muselmann*. Буквально слово переводится как *мусульмане* – потому что они выглядели так, как будто были согнуты в молитве. Так называли тех, кого победили истощение и голод, тех, кто был настолько измотан, что принимал смерть как неизбежность и даже облегчение» [Фридман 2023, с. 192].

“One of those they called *Muselmann*. This was a German slang term for someone who was hovering between life and death – such individuals would peddle their bread rations for tobacco” [Geve 2021].

“Der sogenannte ‘*Muselmann*’, wie die Lagersprache den sich aufgebenden und von den Kameraden aufgegebenen Häftling nannte, hatte keinen Bewußtseinsraum mehr, in dem Gut oder Böse, Edel oder Gemein, Geistig oder Ungeistig sich gegenüberstehen konnten. Er war ein wankender Leichnam, ein Bündel physischer Funktionen in den letzten Zuckungen” [Améry 2002, p. 29].

“Although I was only six, I could identify people on the verge of death. They seemed to collapse in on themselves until they were doubled up. In the slang of the camps, there was a word for them. They were known as *Muselmann*. Literally, it translates as *Muslims* – because they looked as though they were bent over in prayer. The term was used to describe those who were overcome by exhaustion and starvation, and who were so worn down, that they accepted that death was imminent and even a relief. Once a prisoner had reached this stage, there was virtually no way back” [Friedman].

«Мы знали, что это значит. Придёт эсэсовец. Устроит осмотр. Если найдёт *доходягу* – “мусульманина” (так мы называли самых слабых), запишет номер: для крематория» [Визель 2021, с. 119].

“Nous savions ce que cela voulait dire. Un S.S. allait nous examiner. Lorsqu'il trouverait un faible, un «*musulman*», comme nous disions, il inscrirait son numéro: bon pour le crématoire” [Wiesel 1958, p. 109].

«Не каждый мог приспособиться. У людей, которым не удалось приноровиться к лагерной жизни, появлялся безучастный взгляд, они теряли надежду и умирали. На языке лагеря эти люди звались «*мусульманами*», потому что их безжизненно сгорбленная осанка делала их похожими на мусульман, склонённых в молитве» [Шлосс 2021, с. 145]

“Not everyone could adapt. People who could not adjust to camp life acquired a vacant gaze, gave up hope and died. In the camp language these people were called ‘*muselmann*’ because their lifeless stoop made them look like Muslims bent over in prayer” [Schloss 2013, p. 136].

«Здесь о каждом известно всё: когда ты был *доходягой*, что и у кого раздобыл, кого задушил и на кого настучал, и каждый ехидно усмехается, когда кого-то похвалишь» [Боровский].

“Tu jeden o drugim wie wszystko: kiedy był *muzulmanem*, co i od kogo zorganizował, kogo zadusił i kogo zakapował, i każdy uśmiecha się drwiąco, gdy chwalisz drugiego” [Borowski 1961, s. 4].

3.5.8. Номер

Номер – (нем. *die Numero*) – пометка заключённого в концлагере, заменяющая его имя. Употреблялась для того, чтобы облегчить лагерному персоналу идентификацию узников. В Аушвице номер наносился на тело в виде татуировки. С осени 1941 года стали клеймить советских военнопленных. При помощи набора специальных металлических цифр-печаток, в который вставлялись сменные пластины с иглами длиной в несколько сантиметров, татуировку наносили на левую сторону груди. С весны 1942 года номера начали татуировать на внутренней стороне предплечья левой руки. С весны 1943 года стали клеймить всех заключённых, прошедших отбор на платформе, независимо от пола, национальности и возраста.

«Посредине комнаты стол. Эсэсовцев нет. Несколько заключённых в чистых полосатых костюмах с зелёными треугольниками на груди производят клеймение прошедших проверку.

– Фамилия? Правильно. Теперь ты **номер** 1418. Фамилию можешь забыть, а **номер** помни.

Подходят двое. Один из них прижимает к моей груди, выше левого соска, небольшую колодочку с набранным **номером** 1418, цифры которых образуются из специальных коротких иголок, тупыми концами закреплённых на пластинках. После того как первый рывком отрывает от груди колодку, второй чем-то втирает чёрную краску в образовавшиеся от острых иголок углубления в теле» [Погожев 2005, с. 61–62].

«Врач-эсэсовец в сопровождении Тюршмидта, писаря комнаты, который несёт карточки историй болезней, и писаря шрайбштубы эсэсовской канцелярии обходит все нары. Около каждого больного Тюршмидт докладывает: национальность лежащего, чем болен, сколько лежит в больнице, его состояние, предполагаемую дату окончания курса лечения. Почти никогда не расспрашивая, молча, из соображений, только ему известных, эсэсовец или проходит дальше, или небрежно кивнув головой в сторону больного, произносит единственное слово – **нумер**. **Нумер** – это смертный приговор. Карточка обреченного передается писарю. На груди его химическим карандашом ставится большими цифрами его лагерный **номер**. После обхода всем отобранным выдается лагерный паек, но все знают, что жить им осталось считанные часы. Вечером их вызывают и уводят. Не способных двигаться – уносят» [Погожев 2005, с. 114–115].

«Как стала близка мне лагерная терминология: цуганг, Лагерштрассе, ауфзеерка, блокфюрерштуба. Я больше не говорю: “заключённая”, а “хефтлиг”. Не спрашиваю, “кто ты”, а “какой у тебя **номер**”» [Живульская].

«Детей в Освенциме сразу посылают в газовую камеру, а Элен высокая для своего возраста. <...> Ей придётся очень быстро научиться называть свой **номер** по-немецки, она больше не Элен Верник, а № 158187, *Ein und fünfzig acht hundert sieben und achtzig*» [Фельштейн 2021, с. 97].

“Jak bliska jest mi już lagrowa terminologia: cugang, Lagerstraske, aufzejerka, blokfihrersztuba. Nie mówię już ‘koleżanka’, tylko ‘heftling’. Nie pytam ‘kim jesteś?’, tylko ‘jaki masz **numer**?’” [Żywulska 2008, s. 141].

“...les enfants n’entrent pas dans le camp, ils sont tout de suite tués. elle est grande pour son âge ... <...> il lui faudra rapidement apprendre à se rappeler en toute occasion ce **numéro**, en allemand en particulier. Elle ne s’appelle plus désormais Hélène Wiernik, mais 51887, *Ein und fünfzig acht hundert sieben und achtzig*” [Felstein 2010, с. 69].

«Под утро, на рассвете, широко распахиваются лагерные ворота. У ворот – заваленный бумагами стол, за столом сидят польки из политического отдела и несколько эсэсовцев. Теперь надо по одной выходить за ворота, засучив левый рукав и показывая *номер*. Чтобы легче было вести учёт и ловить беглецов, ввели татуировку. На левом предплечье каждого заключённого (кроме немцев и фольксдойче) теперь накалывают, впуская под кожу синий химический краситель, *номер*, который до сих пор носили только на одежде. У евреев под *номером* ещё и маленький треугольник. Всем поступающим в лагерь татуировку делают в первый же день, когда отнимают одежду и стригут в дезинфекционном бараке. Детям, родившимся в лагере или привезённым сюда, *номер* накалывают на бедре. У грудных детей пятизначный *номер* стоит от паха до колена. Во время общей проверки номер облегчает работу группе политического отдела, сидящей за разложенной на столе картотекой» [Шмаглевская 1970, с. 118].

«Потребовалось немало дней, а также увесистых оплеух и тумачков, пока мы не натренировались “предъявлять *номер*” без задержки, не создавая помех при ежедневной раздаче пищи; а уж на то, чтобы научиться различать свой номер на слух по-немецки, ушли недели, если не месяцы. <...> Лагерному старожилу *номер* говорил все: когда, каким транспортом и из какой страны заключённый прибыл» [Леви 2001, с. 31–32].

“O jakiejś porze poranka, gdy już uczyniło się nieco widniej, otwiera się szeroko brama obozu, za którą ustawiono stół założony papierami. Siedzą za nim Polki z wydziału politycznego i kilku SS-manów. Teraz wychodzi się pojedynczo za bramę podwinawszy lewy rękaw i ukazując *numer*. Ze względu na trudności, na jakie natrafiło biuro ewidencyjne, i ze względu na łatwość ujęcia uciekinierów, wprowadzono tatuaż. Na lewym przedramieniu każdego więźnia (prócz Niemców i Volksdeutschów) nakłuto, wpuszczając granatowy barwnik chemiczny pod skórę, numer noszony dotychczas tylko na odzieży. Żydom pod *numerem* dodano mały trójkąt. Przybywający później do obozu będą tatuowani w pierwszym dniu, w czasie odbierania ubrań i strzyżenia w baraku dezynfekcyjnym. Dzieciom urodzonym w Oświęcimiu albo przywiezionym nakłuwano się *numer* na udzie. U niemowlęcia pięć cyfr zajmuje miejsce od pachwiny do kolana. W czasie apelu generalnego tatuaż ułatwia pracę grupie wydziału politycznego, mającej na stoliku rozłożone kartoteki” [Szmaglewska].

“Sono occorsi vari giorni, e non pochi schiaffi e pugni, perché ci abituassimo a mostrare il *numero* prontamente, in modo da non intralciare le quotidiane operazioni annonarie di distribuzione; ci son voluti settimane e mesi perché ne apprendessimo il suono in lingua tedesca. <...>

Ai vecchi del campo, il *numero* dice tutto: l'epoca di ingresso al campo, il convoglio di cui si faceva parte, e di conseguenza la nazionalità” [Levi 2000, p. 20].

«Мне было грустно, что она умерла, в то же время я заранее представила себе, что нам придется часами стоять на перекличке, потому что она не ответит, когда назовут её **номер**. <...> На рассвете я подтащила тело ко входу в барак и положила его рядом с кучей других детей, умерших ночью. Хотя девочка была вся одна кожа да кости, мне, шестилетней, было чрезвычайно тяжело тащить её. На перекличке называли её **номер**. Я помню необычное чувство гордости за то, что справилась с такой серьёзной проблемой самостоятельно, несмотря на то, что не разбиралась в цифрах. Я подняла руку и торжественно ответила: “Она мертва”» [Фридман 2023, с. 193].

«Когда солдаты в потертой униформе, в шапках и с раздутыми кожаными сумками подошли поближе, мы заметили улыбки на их лицах и поняли, что бояться нечего. У советских солдат, освободивших нас, с собой были шоколадки и печенье. Мы хотели представиться и показали им татуировки, но они опустили наши руки и спросили, как нас зовут. Отныне мы не были узниками – мы были выжившими. Мы не были **номерами** – мы были людьми. И мы были свободны.

– Я Михаэль, – ответил я солдатам» [Борнштейн 2022, с. 124].

“I was sad that she had died but also worried that we’d be kept standing for hours on end at Appell when the girl failed to respond to her **number** being called. <...> At dawn, I dragged the body to the barrack entrance and pulled her next to a pile of other children who had died in the night. Although the girl was little more than skin and bones, she was extremely heavy for a six-year-old to haul. At Appell, her **number** was called. I remember feeling an unusual sense of pride in dealing with the problem, despite not understanding numbers. I raised my arm and responded triumphantly, ‘She’s dead’” [Friedman].

“When soldiers in their rugged uniforms, caps, and bulging leather satchels reached us, we knew we didn’t need to fear them because they were smiling at us. The Soviet soldiers who came to liberate us brought chocolates and cookies. We showed them our tattoos to identify ourselves, but they pushed our arms aside and asked for our names. We weren’t prisoners anymore – we were survivors. We weren’t **numbers** anymore – we were people. And we were free. ‘I am Michael’, I told the soldiers” [Bornstein 2017].

3.5.9. Организовать

Организовать – (от нем. *Organisieren* – организовывать, устраивать, затевать, доставать) – раздобыть продукты, одежду, лекарства; всё связанное с бартером купить-продать-получить еду и всё необходимое для выживания в концлагере. Слово употребляли не только заключённые, но и эсэсовцы. Рудольф Хёсс в своих воспоминаниях пишет о том, что у всех занимающих посты была

возможность «организовать» то, что они «не могли достать обыкновенным способом» [Гесс 1975, с. 46].

«... для того, чтобы устроиться на такую работу, надо было иметь протекцию, а для этого дать взятку (“подарок”) тем, от кого это зависело. Для “подарка” надо было уметь “организовать”, то есть красть. Я этого не умела и вынуждена была ждать» [Чёрная книга 1980, с. 412].

«Часовой перерыв в середине дня мы тратили на хождения по лагерю в надежде «*организовать*» что-то съестное. «*Организовать*» означало получить что-нибудь путем уговоров или воровства» [Гив 2022, с. 99].

«Сортировщицы не забыли о своих подругах и быстро придумали способ тайком проносить вещи к себе в бараки. Это называлось “*организовывать*”» [Макадэм 2022, с. 181].

«В процессе сортировки они могли что-нибудь “*организовать*”. Прийти на работу в «Канаду» в старых лагерных сапогах, а уйти в добротных кожаных ботинках было обычным делом. Как и обматывать простыни вокруг талии, прятать золотые часы в заднем проходе, проносить украшения в ноздрах или закладывать под шапки иностранные банкноты» [Гив 2022, с. 171].

«Как достать (говорили: «*организовать*») ложку, чтобы при раздаче супа не ждать, пока освободится у кого-нибудь? Как «*организовать*» свитер, теплые штаны?» [Живульская].

“Our break for an hour at midday was spent walking around the camp in the hope of ‘*organising*’ more. To ‘*organise*’ meant to get something by any means – from begging to stealing” [Geve 2021].

“Few of the girls in the new sorting detail would forget their friends and quickly figured out how to pilfer items and smuggle them back in to the general population. They called it “*organizing*” [Macadam 2020, p. 154].

“As they sorted the loot, they would ‘*organise*’ some of it. Arriving for work at the Kanada warehouses in cheaply acquired camp-boots and leaving in a pair of quality leather shoes was common. As was wrapping bedsheets around their waists, pushing golden watches up their rectums, hiding jewels in their nostrils and lining their caps with foreign banknotes” [Geve 2021].

“Jak zdobyć (mówiło się ‘*zorganizować*’) łyżkę, żeby nie czekać przy zupie, aż inna zje. Jak ‘*zorganizować*’ sweter, cieplejsze majtki” [Żywulska 2008, s. 37].

3.5.10. Хефтлинг

Хефтлинг – (от нем. *Häftling* – заключённый) – заключённый в нацистском концентрационном лагере, не имеющий никаких прав и не защищённый никаким законом или международной конвенцией.

«Я узнал, что я – *Häftling*, **хефтлинг**, моё имя 174 517. Теперь мы крещёные и до конца своих дней будем носить на левой руке знак крещения – вытатуированное клеймо» [Леви 2001, с. 31].

«Помимо этого, имеется несколько блоков особого назначения: в первую очередь сюда относятся санчасть с больницей и амбулаторией, которая занимает восемь бараков на восточном краю лагеря, двадцать четвертый блок (*Kratzeblock*), отведенный под изолятор для чесоточных, седьмой блок, куда никто из простых **хефтлингов** никогда не входил и где живёт лагерная аристократия, придурки, т.е. заключённые, занимающие высокие должности» [Леви 2001, р. 36–37].

«– Я **зондерхефтлинг**, особая заключенная, – отвечает она вызывающе. – Что это значит? Ты пришла без часового?

– Не твоё дело. Мне надо капо.

Входим в канцелярию. Все открывают рот от удивления при виде этого “**зондерхефтлинга**”.

Девушка на высоких каблуках разговаривает вполголоса с капо и кокетливо выходит.

– Вы разве не знаете, кто это? – смеется капо. – **Зондерхефтлинг** из пуфа! Пришла из Освенцима, из мужского, за драгоценностями. У неё освобождение» [Живульская].

“*Häftling*: ho imparato che io sono uno Häftling. Il mio nome è 174 517; siamo stati battezzati, porteremo finché vivremo il marchio tatuato sul braccio sinistro” [Levi 2000, с. 19].

Di più, alcuni Blocks sono adibiti a scopi particolari. Innanzitutto, un gruppo di otto, all'estremità est del campo, costituisce l'infermeria e l'ambulatorio; v'è poi il Block 24 che è il Krätzeblock, riservato agli scabbiosi; il Block 7, in cui nessun comune *Häftling* è mai entrato, riservato alla «Prominenz», cioè all'aristocrazia, agli internati che ricoprono le cariche supreme...” [Levi 2000, p. 23–34].

“– Ich bin ein *Sonderhäftling*? – odpowiada wyzywająco.

– Co to znaczy? Przyszłaś bez posta? – pytam, niezrażona, dalej.

– Chcę mówić z kapo. Nie twoja sprawa.

Wchodzimy do biura. Wszystkie aż otwierają usta ze zdziwienia na widok *sonderhäftlinga*.

Dziewczyna na wysokich obcasach rozmawia półgłosem z kapo Marią i wychodzi, pełna kokieterii.

– Nie wiecie, kto to jest? – śmieje się Maria.

– *Sonderhäftling* z puffu. Przyszła z Oświęcimia, z męskiego, pokosztowności z depozytu. Ma zwolnienie” [Żywulska 2008, s. 24]

3.5.11. Цуганг

Цуганг – (от нем. *der Zugang* – прирост, пополнение, вновь прибывающий) – так называли прибывающих в лагерь.

«Новенький – по-немецки “цуганг” (примечательно, что *Zugang* – существительное отвлечённое, канцелярского свойства, оно переводится как “поступление, вступление, вход, доступ”) – вызывал зависть, поскольку казалось, будто от него пахнет волей. Эта зависть была просто абсурдной, ведь известно, что первые дни заключения – самые мучительные; потом вырабатывается привычка, приобретается опыт, помогающий создать определенную защиту. Вновь прибывший выставлялся на посмешище, над ним издевались, как во всех сообществах издеваются над призывниками, первокурсниками и всякого рода “новенькими”, вынуждая их пройти через обряд посвящения, напоминающий обряды примитивных народов, ибо лагерная жизнь, вне всякого сомнения, отбрасывала человека назад, возвращала его к примитивному поведению» [Леви 2010, с. 31].

«Нас погнали за барак, на луг. Почему это называли лугом, трудно было понять. Может быть, когда-то это и был луг. Теперь здесь группами стояли или сидели – кому как нравилось – заключённые из карантина – *цуганги* в полосатых халатах» [Живульская].

“Il «nuovo» (*Zugang*: si noti, in tedesco è un termine astratto, amministrativo; significa «ingresso», «entrata») veniva invidiato perché sembrava che avesse ancora indosso l'odore di casa sua, ed era un'invidia assurda, perché in effetti si soffriva assai di più nei primi giorni di prigionia che dopo, quando l'assuefazione da una parte, e l'esperienza dall'altra, permettevano di costruirsi un riparo. Veniva deriso e sottoposto a scherzi crudeli, come avviene in tutte le comunità con i «coscritti» e le «matricole», e con le cerimonie di iniziazione presso i popoli primitivi: e non c'è dubbio che la vita in Lager comportava una regressione, riconduceva a comportamenti, appunto, primitivi” [Levi 2000, p. 26].

“Pognano nas za barak, na wize. Dlaczego to nazwano łąką, trudno było zrozumieć. Może dlatego, że kiedyś była to łąka. Teraz stały i siedziały tu grupkami heftlingi – pasiaki, *cugangi* z kwarantanny” [Żywulska 2008, s. 24].

«Пусть даже все они невероятными усилиями очистят одеяла, одежду и подстилки – весь их труд идёт насмарку, как только в барак прибывает **“Zugang”** (пополнение)» [Шмаглевская 1970, с. 13–14].

«С товарной станции отчетливо донёлся свисток. Это прибыл поезд с новым транспортом из Греции. Янда велела нам идти в **цугангс**барак и следить за порядком» [Живульская].

«Они раздевались, им брили головы, мыли, они входили группами в комнату, где я «распоряжалась». Магда поставила меня наблюдать за порядком. Моей обязанностью было каждой выходящей после душа указывать направление: за платьем, за колодками, за «штрайфой» (штрайфу – знак в форме креста мазали на спине красной краской). **Цуганги** не знали, чего от них хотят. В Голландии ни о чем подобном еще не слышали. Прибывшие не чувствовали за собой никакой вины. Не понимали, что с ними происходит. Они задавали мне вопросы, но я не понимала их языка» [Живульская].

«Jeżeli nawet wszystkie one po niezliczonych wysiłkach oczyszczą koce i odzież i doprowadzą swoje legowisko do stanu względnej czystości, cały ich trud idzie na marne w chwili, gdy na blok przychodzi **“Zugang”** (nowo przybyły do obozu więzień albo grupa więźniów) z innego baraku» [Szmaglewska].

“Usłyszałam wyraźny gwizd na rampie. Przybył pociąg z nowym transportem z Grecji. Janda kazała nam iść do **cugangs**-baraku i przypilnować transport” [Żywulska 2008, s. 186].

“Zaczęło się jak zwykle. Rozbierały się, golono im głowy, kąpano, wchodziły grupkami na salę, gdzie ‘urzędowałam’. Magda postawiła mnie do pilnowania porządku. Miałam wskazywać każdej wychodzącej z kąpieli kierunek: po sukienkę, po trepy, po sziajfę. Wszystkie wchodziły ogłupiale. W Holandii o niczym podobnym nie słyszano. Nie czuły się winne. Nie pojmowały nic z tego, co się wokoło działo. **Zadawały** tysiące pytań, ale ja nic nie rozumiałam. Prosiłam więc tylko odpowiednią gestykulacją, by szły we wskazanym przeze mnie kierunku” [Żywulska 2008, s. 74].

ВЫВОДЫ К ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

Приведённые в данной главе фрагменты воспоминаний очевидцев и участников событий, происходящих в концлагере, демонстрируют, что в Аушвице существовала и активно функционировала особая разновидность лагерного языка. Своеобразный жаргон структурировал лагерное пространство, обозначал иерархии власти, телесные и социальные практики, а также служил инструментом описания повседневного быта заключённых.

С учётом полиязычного характера мемуарных свидетельств, особую актуальность приобретает проблема перевода литературы о Холокосте как необходимого условия для адекватного восприятия и научного осмысления описываемых исторических реалий. Перевод подобных текстов нередко сопровождается семантическими и культурными трансформациями, особенно в тех случаях, когда в языке перевода отсутствуют прямые коннотативные соответствия. Это обуславливает необходимость использования лексико-семантических трансформаций – конкретизации, опущения, замены, а также контекстуальной адаптации. Подобные преобразования сопряжены с риском утраты терминологической специфики лагерного дискурса, его эмоциональной и историко-культурной нагрузки. Вместе с тем в процессе перевода возможна компенсация утраченных смыслов путём введения стилистически маркированной или более конкретной лексики, а также воспроизведение элементов, ассоциирующихся с лагерной реальностью в культуре языка перевода, но отсутствующих в оригинале.

Особое значение в данном контексте приобретают термины, функционировавшие в условиях лагерного быта. Так, слово «транспорт» обозначало не просто перемещение, а отправку узников в лагерь смерти. В переводах оно передаётся различными способами – как «поезд», «эшелон», «состав», «партия» – либо вовсе опускается, что ведёт к искажению или размыванию исходного значения. Термин «селекция», обладающий в русском языке преимущественно биологическим значением, в контексте лагерной терминологии обозначал процесс отбора на смерть.

Лексическая насыщенность мемуаров лагерной терминологией варьируется в зависимости от времени их создания и степени личного участия автора в описываемых событиях. В произведениях, написанных вскоре после освобождения, как правило, содержится более широкий набор лагерных реалий. В воспоминаниях, созданных по прошествии длительного времени, объём подобной лексики сокращается. Тексты, принадлежащие перу непосредственного участника событий, как правило, характеризуются более активным использованием лагерного жаргона по сравнению с текстами, подготовленными в соавторстве.

Анализ опубликованных в разные годы литературных источников показал, что дети, несмотря на возраст, активно осваивали лагерную речь. Такие слова, как «апель», «ревир», «винкель», «организовать»,

«мусульманин», «пипель», становились частью их повседневного словаря, вне зависимости от родного языка ребёнка. Владение данной лексикой позволяло им лучше ориентироваться в иерархии лагерной системы, избегать опасных ситуаций, тем самым повышая шансы на выживание. Таким образом, освоение лагерного жаргона становилось формой адаптации, а впоследствии – важным элементом в реконструкции индивидуального опыта, отразившегося в воспоминаниях о детстве в Аушвице.

ГЛАВА 4. ЛИЧНОСТИ АУШВИЦА «Жертвы» VS «Палачи»

Глава 4 посвящена персонализированному взгляду на историю лагеря Аушвиц через призму конкретных биографий. Внимание сосредоточено как на тех, кто оказался жертвой нацистской системы, так и на тех, кто её олицетворял и реализовывал на практике. Сопоставление судеб узников и функционеров лагеря позволяет глубже понять природу зла, проявленную в повседневной реальности Аушвица, а также выявить границы морального выбора в условиях тоталитарного террора.

4.1. Анна Франк

Анна Франк (12 июня 1924 – февраль (?) 1945) – еврейская девочка, которая родилась в пятом по величине городе Германии Франкфурте-на-Майне.

Отец – Отто Франк, офицер в отставке, предприниматель, мать – Эдит Франк-Голлендер, домохозяйка. Старшая сестра – Марго Франк (1926 г.р.). Семья не строго соблюдала традиции и обычаи иудаизма, Франки общались с католиками и протестантами. После прихода к власти Гитлера в 1933 году, Отто Франк эмигрировал в Амстердам (Нидерланды), а Анна вместе с сестрой и матерью переехали к бабушке в небольшой городок Ахен на западе Германии. Вскоре Отто получил должность управляющего акционерного общества «Опекта», и семья переехала к нему: Эдит в сентябре 1933 года, Марго – в декабре, Анна – в феврале 1934 года.

Отто пытался получить визы для эмиграции в США или на Кубу в 1938 и 1941 годах. 1 декабря 1941 года ему предоставили визу на Кубу на него одного, но виза была отменена Гаваной, из-за объявления войны США Германией и Италией 11 декабря 1941 года.

5 июля 1942 года Марго получила повестку для отправки в пересыльный лагерь Вестерборк, но родители к тому времени уже спрятали её в оборудованное ранее убежище, в задней части дома, которое занимала фирма «Опекта». На рассвете 6 июля 1942 года Анна с родителями перебралась в убежище, куда к ним присоединилось ещё четыре человека и где они вместе скрывались в течение 25 месяцев. О их жизни в убежище Анна подробно рассказала в своём дневнике, который она начала вести в день своего тринадцатилетия, когда получила от отца в подарок альбом в тканевой обложке для автографов.

4 августа 1944 года по доносу все восемь человек убежища, где скрывались Франки, были арестованы и отправлены в Вестерборк, а 3 сентября 1944 года – в Аушвиц. Это был последний эшелон, который вывозил

голландских евреев в концлагерь. Семью разделили, отца отправили в мужскую часть лагеря, мать и девочек – в женскую.

30 октября 1944 года, когда советские войска приближались к лагерю, сестёр отправили в концлагерь Берген-Бельзен (Германия), где в феврале 1945 года вспыхнула эпидемия сыпного тифа. Точная дата смерти девушек неизвестна, первой умерла Марго, вскоре – Анна. Эдит умерла за десять дней до освобождения Аушвица. Отто Франк – единственный выживший из семьи.

«Дневник» Анны Франк, оставленный без внимания нацистов во время ареста обитателей убежища, стал первым обвинительным голосом в защиту тех, кто был замучен, убит, умер от болезней, голода, истязаний, в газовых камерах в концлагерях, которыми фашисты заповили Европу. Его сохранила Мип Гиз, которая работала на фирме Отто с 1933 года и помогала семье прятаться в убежище.

В опустевшем после налета здании, после того, как её друзей увели из убежища, она заметила дневник среди бумаг на полу. Опасаясь наказания за присвоение еврейского имущества, она забрала тетрадку в оранжевом переплете, несколько кассовых книг и листов, которые Анна использовала для своих записей. Позже Мип вернулась еще раз, чтобы забрать оставшиеся листы, которые не смогла унести в день ареста обитателей убежища. Найденные тетради и листы она решила хранить до возвращения Анны. По ее признанию, сотрудники конторы, просили дать им почитать тетради Анны. Но, считая дневник тайной девочки, она не давала его никому. И не читала сама.

Когда Отто Франк вернулся в Амстердам, Мип Гиз, после того Красный Крест окончательно подтвердил смерть сестёр Франк в июле 1945 года, передала ему сохранившуюся часть дневника, который вела Анна. Отто Франк не сразу решил опубликовать дневник дочери.

Вышедший сокращённый вариант дневника, по признанию Мип Гиз, был встречен с равнодушием, т.к. «люди предпочитали поскорей забыть тяжелые военные годы и настороженно относились к свидетельствам о них» [Гиз 2022, с.7]. Из-за трудностей, с которыми столкнулись голландцы во время войны, большая часть из них «не интересовалась проблемами немногочисленных возвращавшихся еврейских беженцев. Тогда об ужасах концентрационных лагерей и Холокоста знали далеко не все» [Шлосс 2021, с. 204]. В 2002 году Мип Гиз в соавторстве с американской писательницей Элисон Лесли Голд написала книгу «Я прятала Анну Франк».

Через несколько лет после окончания войны Отто Франк женился на матери Евы Шлосс, с которой они были знакомы до войны, и с которой встретились после освобождения концлагеря. Она стала его верной спутницей, поделила его интересы и вместе с ним в течение тридцати лет занималась вопросами, связанными с публикацией дневника, созданием и руководством Дома-музея в Амстердаме и Фондом Анны Франк в Швейцарии. Они встречались с читателями из разных слоев общества и

разных возрастных групп. Среди почитателей «Дневника» Анны Франк был Джон Ф. Кеннеди, ставший впоследствии сенатором в США, и знаменитая американская актриса Одри Хепберн, которой предлагали сыграть роль Анны в фильме. Отто и его вторая жена Фрици ежедневно отвечали на письма читателей со всего мира.

В различных литературных произведениях, связанных с темой Холокоста, встречаются сведения о жизни и судьбе Анны Франк. Далее приводятся цитаты из этих текстов, иллюстрирующие ключевые моменты её биографии и восприятия её личности.

«Людей в тайном убежище на Принсенграхте выдали по телефону, и это была женщина. В августе 1944 года доступа к телефонам почти ни у кого не было. Одним из немногих мест, откуда еще можно было куда-то позвонить, был офис вермахта на третьем этаже дома на Вестермаркте. К концу войны вермахт и СД замели все следы своей деятельности на Вестермаркте. Все документы сожгли в подвальной печи. Поэтому многие историки не знали, что немцы занимали там два (затем три) этажа. Никто не подозревал, что кто-то мог выдавать евреев по телефону из того здания» [Кремер 2022, с. 211].

«Анна и Марго Франк были депортированы вместе со своими родителями Эдит и Отто в воскресенье 3 сентября 1944 года – на самом последнем поезде, направлявшемся из Вестерборка в Освенцим. В октябре 1944 года Анну и Марго отправили в другой лагерь – Берген-Бельзен, в Германию. Эдит осталась в Биркенау и умерла за десять дней до освобождения, в январе 1945 года. В кошмарных условиях в Берген-Бельзене обе девочки сильно заболели, и в марте 1945 года – незадолго до освобождения – они тоже умерли» [Шлосс 2021, с. 186].

«5 сентября 1944 года, девушка по имени Анна Франк прибыла в Биркенау из пересыльного лагеря Вестерборк в Нидерландах. В вагонах для скота находилось 1019 голландских евреев, в том числе те семеро, которые более двух лет скрывались в узком доме на берегу канала на Принсенграхт, 263, в Амстердаме. Среди них были Анна Франк, которой тогда было пятнадцать лет, её сестра Марго, её мать Эдит и отец Отто. Последняя запись в дневнике Анны Франк была сделана 1 августа 1944 года в секретной пристройке, спрятанной за книжным шкафом, за три дня до её ареста гестапо, после того как семья была предана.

В своём дневнике, возможно самом известном литературном произведении о Холокосте, Анна Франк написала: “Наших многочисленных еврейских друзей и знакомых массово забирают. Гестапо обращается с ними очень грубо и перевозит их в вагонах для скота в Вестерборк, большой лагерь в Дренте, куда они отправляют всех евреев”.

Далее она пишет: “Если в Голландии так плохо, то каково должно быть в тех далеких и нецивилизованных местах, куда их посылают немцы? Мы предполагаем, что большинство арестованных погибло. Английское радио сообщает, что их травят газом. Возможно, это самый быстрый способ убить человека”.

Но Холокост был непредсказуем. Анна Франк умерла не сразу. Она трудилась в Биркенау до ноября 1944 года, после чего её перевезли в концентрационный лагерь Берген-Бельзен к северу от Ганновера, где она скончалась от болезни и истощения в феврале 1945 года. Мы никогда не встречались с Анной Франк, но мы так же страдали от недоедания, которое в конечном итоге привело к смерти, – её и многих других» [Фридман 2023, с. 190–191].

«Первым лагерем смерти, куда пришло освобождение, стал Берген-Бельзен. Там всюду бушевал тиф, и эпидемия уже успела унести тысячи жизней. 15 апреля – через 15 дней после того, как там от тифа умерла Анна Франк, – Берген-Бельзен передали британским и американским войскам» [Макадэм 2022, с. 356].

«Аушвиц-I теперь музей, банальный и труднопереносимый. Вот в том бараке выставлены “материальные свидетельства”: куча зубных протезов, очки, детская одежда и обувь, чемоданы с фамилиями, написанными белой краской на крышках. Некая М. Франк вполне могла быть – почему нет? – Марго, сестрой Анны Франк...» [Фельштейн 2021, с. 249–250].

4.2. Рудольф Врба

Рудольф Врба – (словацк. *Rudolf Vrba*, урождённый Вальтер Розенберг (11 сентября 1924 – 27 марта 2006, словацк. *Walter Rosenberg*).

Вальтер Розенберг родился в городе Топольчаны в Чехословакии (Западная Словакия). Отец – Элиас Розенберг, владелец паровой лесопилки, мать – Хелена Розенберг, урожденная Грюнфельдова.

Когда Вальтеру исполнилось пятнадцать, он был исключён из гимназии в Братиславе на основании антисемитских законов, и вынужден был устроиться разнорабочим. В марте 1942 года, узнав о депортации евреев в лагеря в Польшу, хотел перебраться в Англию через Венгрию и Югославию, но был арестован на венгерской границе и помещён в пересыльный лагерь в Новаки, откуда евреев отправляли в концентрационные лагеря в Польшу. Вальтеру удалось бежать, но он был пойман и отправлен в концлагерь Майданек, а 30 июня 1942 года семнадцатилетний юноша попал в Аушвиц. Работал в Буне, на фабрике IG Farben, потом был переведён на гравийные карьеры, где занимался покраской лыж для войск на Восточном фронте, после

чего в течение десяти месяцев работал в команде «Канада», сортировал вещи евреев, прибывающих в лагерь.

Вальтер, наделённый от природы математическим талантом, отличался сверхъестественной способностью сохранять данные. Имея возможность перемещаться по лагерю в составе команды «Канады», он подсчитывал прибывающие транспорты и запоминал подробности селекций. Он вызвался работать в Биркенау и, благодаря своим связям с Движением Сопротивления, получил доступ к записям, которые содержали очень подробную информацию о транспортах.

В «Канаде» он нашел детский атлас и запомнил маршрут до границы со Словакией. 7 апреля 1944 года Вальтер Розенберг бежал из лагеря вместе с Альфредом Ветцлером, который работал фельдшером в лагере. Они знали, что интенсивные поиски беглецов ведутся три дня, поэтому подготовили яму (ширина – 1, 20 метра, глубина – 1 метр) на территории лагеря, недалеко от охраны. Яму обложили деревом и сверху прикрыли дровами. По совету русского заключённого Дмитрия Волкова, который до этого совершил побег из Заксенхаузена, на дрова высыпали высушенный табак, пропитанный бензином. Это было единственное доступное средство, помогающее сбить со следа лагерных сторожевых собак. Во время поиска два эсэсовца заметили сваленную кучу дров и стали разбирать её. Но, когда расстояние до беглецов оставалось минимальным, они отвлеклись на шум и прекратили поиски. Как выяснилось позже, это помогло узникам, так как досок было много для того, чтобы поднять их изнутри. Через три дня, 10 апреля 1944 года, пленникам удалось покинуть своё убежище. Во время 80-километрового похода в сторону Словакии по течению реки Сола, им много раз помогала удача. В Словакии Вальтер получил новые документы на имя Рудольфа Врба, под этим именем и был опубликован отчёт, известный как «Протокол Аушвица № 1», в котором даётся описание лагеря и происходившие там массовые убийства.

Побег подробно описан в книге Люси Эдлингтон «Портнихи Освенцима»:

«Самое большое количество заключённых в команде уборки составляло около 300 человек. В их числе был молодой словак по имени Вальтер Розенберг, хотя в историю он вошел под псевдонимом Рудольф Врба. Врба относил вещи в “Канаду I” неподалеку от главного лагеря. Их сбрасывали на огромный участок, окружённый зданиями с колючей проволокой и смотровыми башнями на каждом углу – части оружейного производителя СС под названием D.A.W. Врба назвал это “хранилищем душегубцев”. После вскрытия чемоданов, сумок и связок их содержимое разделяли на категории и раскладывали на одеяла, которые мужчины переносили в ближайший барак для следующей стадии сортировки. Врбу “повысили” в должности и перевели с платформы в “Канаду”. <...>

Первый побег Врбы был совершен в попытке избежать депортации из Словакии. Его находчивая мать Хелена вшила десятифунтовую купюру в его штаны, чтобы он мог оплатить поездку в Англию, где был бы в безопасности. Это было весной 1942 года. <...> Дополнительную одежду Врба никуда не складывал, просто носил на себе. Это его и выдало. Его остановили, так как сочли подозрительным две пары носков в жаркую погоду. Следующие попытки сбежать были разрушены, и его доставили в Освенцим.

Врба на личном опыте убедился, что “человеку в бегах нужна одежда”. В апреле 1944 года он сбежал из лагеря в костюме из “Канады”. Они с напарником Альфредом (Фредом) Вецлером – заключённый номер 29162, некогда доставленный в Освенцим за фальсификацию документов <...> – вооружились тёплыми пальто, шерстяными бриджами, массивными ботинками и приличными костюмами из Нидерландов. Врба также обзавелся такими необычными для Освенцима предметами, как белый свитер и кожаный ремень, которые он получил в подарок от заключённого, которого очень уважал, и которого, к сожалению, казнили после неудачной попытки побега.

Вецлер и Врба прятались под горой брёвен на стройке в Биркенау все три дня, что их искали. К вечеру 10 апреля они были на свободе. Через две недели они приехали в Жилину, город в Словакии, чудом избежав поимки и расстрела. Сапоги Врбы были настолько сбиты, что один из добрых поляков, на время спрятавший у себя беглецов, отдал ему пару старых тапочек.

Врбу и Вецлера раздельно допросили еврейские органы власти. Беглецы подробно и предельно ясно рассказали, как в Освенциме совершаются массовые убийства, и предупредили, что венгерские евреи находятся под угрозой. Помог и внешний вид Врбы – он выглядел весьма убедительно в шитом на заказ пиджаке из Амстердама. Хозяин пиджака, проделавший в нем путь из Голландии в Освенцим, конечно же, не узнал, что его пиджак сыграл небольшую роль в истории.

Рассказ Врбы и Вецлера, напечатанный на машинке, выслали из Жилины, и он разошелся по всему миру. Теперь мир за пределами лагеря знал о творящихся в нём массовых убийствах» [Эдлингтон 2022, с. 241–242].

После бегства Врбы и Вецлера, заключённых допрашивали самым жестоким образом. Арношт Розин (ранее был в словацкой зондеркоманде в Биркенау, но быстро сумел откупиться от этой работы и был назначен старостой Блока; а весной 1943 года был переведён на работу в новую секцию карантинного лагеря D-II-A, среди помощников были выбранные им Врба и Вецлер; кроме того, Альфред Вецлер выходил его, когда Розин болел брюшным тифом) после беспощадных избиений смирился с тем, что его казнят.

Немцы не смогли узнать способ побега Вецлера и Врбы. Через полтора месяца Розин, переживший издевательства эсэсовцев, вместе с польским

евреем Чеславом Мордовичем, который был в концлагере с конца 1942 года, повторили побег.

С середины мая 1944 года в Аушвиц стали массово прибывать транспорты из Венгрии, из-за чего в лагере возникла неразбериха. 27 мая 1944 года Розин и Мордович спрятались в том же “бункере”, что и Ветцлер с Врбой. Высидеть в такой тесной яме положенные трое суток они не смогли физически, и на второй день к вечеру, воспользовавшись суматохой из-за нескольких прибывших венгерских транспортов, выбрались из ямы и проползли между двумя сторожевыми вышками. Покинув лагерь, решили пробираться в Словакию, где смогли связаться с Врбой и Ветцлером, которые укрывались в еврейском доме престарелых в городе Липтовски-Микулаш. Отчёт, который составили Розин и Мордович был представлен как дополнительная глава к отчёту Врбы-Ветцлера. В августе 1944 года Мордович был арестован во время облавы и повторно депортирован в Аушвиц. В поезде он выгрыз татуировку с номером на своей руке, чем спас себе жизнь. В конце 1944-го его переправили в один из сублагерей Аушвица, откуда он бежал под видом словацкого рабочего.

Все четверо беглецов пережили войну. Альфред Израэль Ветцлер умер в Братиславе (Чехословакия) в 1988 году, не дожив три месяца до семидесятилетия, Арношт Розин скончался в 2000 году в возрасте 87-ми лет в Дюссельдорфе (Германия), Чеслав Мордович умер в 2001 году в возрасте 82-х лет в Торонто (Канада). Рудольф Врба, ставший профессором фармакологии, скончался в 2006 году на 82-ом году в Ванкувере (Канада).

После войны Альфред Ветцлер под псевдонимом Йозеф Ланик опубликовал книгу на польском языке под заголовком «Освенцим, могила четырёх миллионов людей», куда включил факты из отчёта и собранные им свидетельства выживших узников. В 2007 книга была переведена на английский и вышла под названием *Escape From Hell: The True Story of the Auschwitz Protocol*.

После войны Врба вернулся в родную Чехословакию, позже жил в Израиле и Великобритании, а потом обосновался в Канаде. В 1964 году в соавторстве с Аланом Бестиком опубликовал книгу *I cannot forgive* («Я не могу простить»). В 2020 году книга была переиздана под названием *I Escaped from Auschwitz* («Я бежал из Освенцима»). Американская киностудия *Story in the Sky* занимается экранизацией воспоминаний Рудольфа Врбы.

4.3. Алья Розе

Алья Розе (3 ноября 1906 – 4/5 апреля 1944) – австрийская скрипачка еврейского происхождения, которая в течение десяти месяцев руководила оркестром женщин-заключённых в Аушвиц-Биркенау.

Отец – скрипач Арнольд Розе (урожденный Розенблюм; 1863–1946), 50 лет руководил Венским филармоническим оркестром (с 1881 по 1931),

руководитель оркестра Венской государственной оперы и легендарного струнного квартета Rosé. Мать – Жюстина Малер-Розэ. Дядя по материнской линии – Густав Малер, австро-чешский композитор, знаменитый оперный и симфонический дирижер. Будущую скрипачку назвали в честь жены Густава Малера Альмы-Марии.

Обширное исследование, посвящённое жизни и творческому пути Альмы Розэ, было проведено профессиональным скрипачом, автором статей и эссе о музыке Артуром Штильманом. В 2006 году он опубликовал труд под названием «Из Вены в Освенцим. История скрипачки Альмы Розэ». Образ Розэ также находит отражение в книге Жан-Жака Федьштейна «В оркестре Аушвица» и в воспоминаниях бывших узниц концлагеря Биркенау. Отрывки из этих источников позволят более полно воссоздать портрет выдающейся скрипачки, чья жизнь трагически оборвалась в нацистском лагере смерти.

«Арнольд Розэ женился на сестре Густава Малера, гениального композитора и дирижёра конца XIX – начала XX века. Малер также принял христианство, так как без этого не смог бы занять место музыкального директора Венской Придворной Оперы. В остальном жизнь этой элиты венского музыкального мира протекала спокойно, давая возможность плодотворно трудиться, приумножая славу Вены – музыкальной столицы мира» [Штильман 2006, №3].

Арнольд Розэ крестился в молодом возрасте в протестантском приходе. Его дети, Арнольд и Альма, также были крещены в младенчестве.

«Альма Розэ родилась в юбилейный “Год Моцарта”, когда праздновалось 150-летие со дня рождения композитора. По мнению всех членов семьи, это должно было предопределить будущее новорожденной, которой самой судьбой было предпослано стать музыкантом, как и её отец и дядя.

Родители Альмы жили в изолированном мире высоких музыкальных сфер, веря, что все трудности жизни могут быть преодолены с помощью музыки, а потому знали, как уже говорилось, очень мало об окружающей их политической реальности. Между тем, уже в 1897 году венский мэр Карл Люгер основал “Христианскую социалистическую партию” – прообраз будущей партии Национал-социалистов. Поэтому в более бедных районах антисемитские эксцессы и даже нападения на улицах на детей нередко имели место» [Штильман 2006, № 3].

Альма Розэ дебютировала на сцене Большого Зала музыкально-филармонического общества «Мюзикферайн» 16 декабря 1927 года. Она играла вместе с отцом и его оркестром. Среди знаменитостей в зале был немецкий композитор Рихард Штраус. После успешного дебюта она продолжила успешно выступать в Чехословакии, Венгрии, Польше, часто со своим старшим братом Альфредом, пианистом, композитором, дирижёром.

Альма Розе участвовала в гала-концертах со знаменитыми музыкантами на европейских сценах.

«Она собрала женский оркестр “Венские вальсы”, с которым объездила всю Европу. Некоторое время была замужем за чешским скрипачом Вашей Пржигодой, вместе они исполняли пьесы классического репертуара. Многие считали, что в их дуэте по-мужски играет она.

По словам Элен, после нацистского переворота конкуренция между двумя талантливыми людьми получила логическое завершение: “просвещённые” любители музыки, музыкологи и газетные писатели, крутившиеся вокруг артистов, очень скоро дали понять Пржигоде, что еврейская жена может стать непреодолимым препятствием на его карьерном пути. Он проанализировал ситуацию, учёл контекст и наступающие «новые времена» (ему собирались предложить важный пост в руководстве оркестра...) и поступил “разумно”, покончив и с дуэтом, и с супружеством» [Фельштейн 2021, с. 153].

В 1937 году во время концертного тура по Австрии Альма Розе познакомилась в поезде с Генрихом Зальцером, сыном владельца корпорации полиграфической промышленности. Несмотря на разницу в возрасте, молодой человек был младше на восемь лет, роман перерос в глубокое чувство. Влюблённые планировали пожениться, но новые законы, вводимые в Австрии, не просто запрещали брак «арийцев» и евреев, но и расценивали такой союз как государственное преступление.

14 марта 1938 года все музыканты-евреи Венской оперы были уволены. Брат успел получить разрешение на переезд с семьёй в Америку. В последние минуты действия чешского паспорта, Альме удалось уехать в Англию. В ноябре 1939 года она улетела в Голландию на частном самолёте, и, по неизвестным причинам, решила не возвращаться обратно. Когда срок разрешения пребывания в стране истёк, друзья помогли ей устроить фиктивный брак и выехать из страны. Но 19 декабря 1942 года её арестовали при проверке документов и отправили в пересыльный лагерь Дранси (в пригороде Парижа), а после – в Аушвиц.

«В Аушвиц она попала в тридцать семь лет. Никто из тех, с кем я говорил, не называл её красавицей, но у неё были правильные черты лица и внимательный, даже цепкий взгляд. От большинства окружавших её женщин Альму отличали аристократическая манера держаться и элегантность. А ещё у нее были очень артистичные руки с длинными тонкими пальцами.

Альма рано научилась держаться так, чтобы публика не замечала легкой врожденной деформации её бедра. Ходила она медленно, мелкими шажками, а хромать начинала, только если торопилась, например, быстро покидая возвышение, отыграв концерт у лагерных ворот или в “Сауне”, воскресным вечером.

Попав в ад, Альма не сломалась, а о том, как тяжела жизнь, свидетельствовала лишь лёгкая седина в волосах. Ей не пришлось пережить лишений до ареста, на здоровье она пожаловаться не могла, что неизбежно делало ее “объектом” гинекологических экспериментов гнусного доктора Клауберга в бараке № 10 Аушвица-1» [Фельштейн 2021, с. 156].

«Когда, наконец, выяснилось, кто она, в лагере как раз создавался оркестр. Кажется, из Берлина сообщили о приезде международной комиссии, и надо было показать, как много хорошего делается для заключённых. Кроме того, лагерные власти скучали. По требованию коменданта лагеря Альму Розе перевели из “кроличьего садка” в оркестр. Пока задачей оркестра было только отбивать такт для марширующих в поле, главным инструментом служил барабан. Теперь в концерте барабан будет заменён скрипкой» [Живульская].

«На счастье Альмы – как бы нелепо это ни звучало! – один из заключённых успел узнать её прежде, чем она попала в лапы к Клаубергу, но ей пришлось доказать свою “скрипичную квалификацию” хозяину барака № 10, сыграв на его дне рождения. Альму немедленно перевели в Биркенау, где Хёсслер поставил её за дирижерский пульт. Чайковска получила должность “старейшины барака”» [Фельштейн 2021, с. 156].

«Она была известна тем, что достигла того уровня исполнения, к которому привыкла в довоенное время. Однажды она попросила некоторых женщин-охранниц из СС замолчать, когда они болтали в середине произведения, и, с немецким уважением к “вышестоящим”, они признали ее лидерство в оркестре и замолчали» [Шлосс 2021, с. 146].

«Альма с энергией отчаяния, в одиночку, создает в Биркенау с его крематориями, газовыми камерами и колючей проволокой, воображаемый мир покоя и порядка. Заставляя оркестранток заниматься до изнеможения, она, возможно, надеялась хоть в малой степени оградить их от уродства окружающей жизни и жестокости лагерной вселенной. Альма требует предельного внимания и полного слияния с музыкой. Благодаря своему исключительному слуху она мгновенно различает фальшивые ноты и аккорды, взятые «приблизительно», и всегда наказывает провинившихся» [Фельштейн 2021, с. 158–159].

Участницы женского оркестра Биркенау пользовалась рядом «привилегий». В их блоке был свой туалет, обогреватель и комнаты для занятий. Женщины могли ежедневно принимать душ, имели дополнительные пайки, были освобождены от работы, для них были пошита специальная униформа. Несмотря на это, их существование в лагере не было лёгким. Девушкам не нужно было присутствовать на изнурительных перекличках.

Тем не менее, их день начинался рано. Дважды в день (утром и вечером) им приходилось переносить тяжёлые музыкальные инструменты к воротам лагеря. Проводив музыкой рабочие отряды, они начинали репетиции, которые длились по 8-10 часов, вечером они снова играли у ворот, встречая рабочие команды. По воскресеньям оркестр давал концерты для лагерного персонала и заключённых. Женский оркестр играл для эсэсовцев на их частных вечеринках.

«К себе Альма требовательна вдвойне. Закончив дневную репетицию с оркестром, она закрывается в закутке, где нацисты позволили ей работать при свете и открытом окне.

Альма неустанно повторяет сольные партии, работает над аранжировками пьес и отрывков, ища способ “замаскировать” инструментальную бедность и недостаток басов: <...> Альме приходится тем более трудно, что лагерное начальство предоставляет в её распоряжение в основном фортепианные партитуры. Иногда приходится попотеть, копаясь в памяти, иначе ассортимент не расширить. <...>

Альма совершила подвиг, добившись «заразительного» и воинственного исполнения маршей, как того требовали нацисты. Нужны абсолютный музыкальный слух и творческое воображение, чтобы аккордеоны и мандолины зазвучали как трубы и тромбоны!

Умная и энергичная Альма за короткий срок “дотянула” свой коллектив до очень высокого уровня. Рядовые эсэсовцы и среднее звено лагерной иерархии считали музыкантш дармоедками, которых следует немедленно отправить в газовую камеру, но высшее руководство – Хёсслер, Крамер, Мандель, Менгеле, Таубер – все сильнее нуждались в нём и почти гордились тем фактом, что “их” оркестром руководит знаменитая артистка» [Фельштейн 2021, с. 161].

«Так продолжалось 9 месяцев. 2-го апреля 1944 года после еженедельного воскресного концерта, который, по мнению всех участниц, был особенно удачным, Альма Розэ была вызвана в главную контору СС, что вызвало естественную тревогу всех оркестранток. Вскоре Альма вернулась в музыкальный блок, сообщив своим ближайшим коллегам, среди которых первой была Флора Якобс из Голландии, что ей сказали о том, что в скором времени ей предоставят свободу для выступлений как солистке вне концлагеря Освенцим! Новость была, конечно, совершенно невероятной!» [Штильман 2006, №4].

«2 апреля Альму пригласила на день рождения Эльза Шмитт, капо одежного склада. Отказаться было невозможно – следовало выполнять “общественные” обязанности» [Фельштейн 2021, с. 246].

«Для фрау Шмидт делались большие исключения из правил – ей иногда разрешалось брать для себя продукты из посылок со склада “Канада”. И в этот раз она пригласила своих гостей, намереваясь угостить их яствами, о которых в Освенциме уже никто даже не помнил... Фрау Шмидт была немкой и политической заключённой, но всё же была заведующей, то есть «капо», и среди её гостей были женщины не ниже её по “рангу”. По возвращении в свой блок, Альма снова вызвала своих ближайших коллег и сказала, что она очень плохо себя чувствует и, как видно, серьёзно заболела. Действительно, у неё начался жар, она пыталась дирижировать и явно путала реальность и какие-то сны наяву. Она всё время повторяла, что русские идут и скоро их всех освободят, и тогда они устроят тур по всему миру...» [Штильман 2006, № 4].

«На следующий день началась рвота, головная боль стала нестерпимой. Пришлось звать врача. Потом на теле выступили странные синеватые пятна, и температура резко упала.

Никто не мог ничего понять в этих симптомах, Альма – она оставалась в сознании – вспомнила, что накануне выпила за столом рюмку водки, плохой, явно самопальной.

Её перевели в санитарный барак. Сделали промывание желудка, взяли пункцию, подозревая менингит. Во время этой крайне болезненной процедуры Альма бредила и только мотала головой, как будто пыталась унять боль» [Фельштейн 2021, с. 246, 248].

«Была вызвана Мандель, приказавшая немедленно доставить Альму в “Ревир” – санитарный блок. Там её поместили в отдельное помещение и положили на настоящую постель, чего не имела ни одна пациентка “Ревира”. Были вызваны Менгеле и д-р Роде, заведующий всей медицинской службой СС Освенцима. Симптомы заболевания Альмы Розе напоминали менингит. Температура была больше 39 гр. Альма впала в бессознательное состояние. Эсэсовские врачи были озабочены в первую очередь установлением факта природы заболевания, так как панически боялись новой эпидемии тифа или менингита. Пункция спинно-мозговой жидкости не показала отклонений от нормы, хотя официального ответа лаборатории никто никогда не видел. Между тем состояние Альмы всё ухудшалось. Ей делали инъекции применявшихся в то время препаратов. Однако ничего не помогало [Штильман 2006, № 4].

«В ночь на 4 апреля 1944 года у постели Альмы дежурила одна из её подруг, доктор санитарного барака. У больной начались конвульсии, потом она затихла. Всё было кончено.

Закрылась тонкая брешь, через которую Альма впускала в Биркенау гармонию.

Уникальный факт в лагерных анналах: власти дали команду, чтобы тело Альмы выставили для прощания на импровизированном катафалке из составленных вместе табуреток, накрытых белой простыней. Кто-то из заключённых положил на тело ветку с листьями. Оркестру позволили пройти мимо неё маршем и проститься со своим дирижером.

Этот последний знак уважения, оказанный нацистами узнице, которую они при жизни называли фрау Альма, а не заключённая номер такой-то, не помешал им сжечь ее тело в крематории, как они поступили бы с любой неизвестной еврейской швеей из Будапешта, Парижа или Салоник» [Фельштейн 2021, с. 248].

«— А что еще нового, Валя?

— Больше пока ничего. Альма Розе умерла.

— Тиф?

— Нет, она отравилась, добыла где-то яду. Ты только подумай, её тело проводила в крематорий Дрекслерка. И при этом драматически произнесла: “Жаль — это был достойный человек”» [Живульская].

«Только через много лет стало ясно, что Альма Розе умерла от ботулизма — пищевого отравления, при котором вырабатываются невротоксины, действие которых на человеческий мозг создаёт картину, напоминающую менингит. Фрау Шмидт также попала в “Ревир” с теми же симптомами, но выжила и дожила до освобождения Биркенау» [Штильман 2006, № 4].

«Смерть Альмы спровоцировала кризис, но немцы быстро уладили дело. Что будет с оркестром? Комендант лагеря Крамер не собирался лишать себя этой “службы” и назначил на дирижерское место русскую пианистку Соню Виноградову» [Фельштейн 2021, с. 246, 248].

Про своё участие в оркестре и Альму Розе рассказывают выжившие участницы (книги не переведены на русский):

Фани Фенелон (1908–1983) — солистка женского оркестра в Биркенау. Её воспоминания *Playing for time* (1979) возмутили других участниц оркестра. В 1980 году вышел фильм, в основу которого было положены её воспоминания.

Анита Ласкер-Вальфиш (*родилась 17 июля 1925 г.*) — виолончелистка. *Inherit the truth: a memoir of survival and the Holocaust* (2000). На суде, который вошёл в историю как Бельзенский процесс или Бельзенский военный трибунал (сентябрь — ноябрь 1945 года), Анита дала показания против коменданта лагеря Йозефа Крамера, заместителя коменданта лагеря Франца Хесслера, лагерного врача Фрица Кляйна. Они были приговорены к смертной казни и повешены в том же году.

Хелена Дунич-Невинска (1915–2018) – польская скрипачка, переводчица и писательница. *Drogi mojego życia. Wspomnienia skrzypaczki z Birkenau* («Дороги моей жизни. Воспоминания скрипачки из Биркенау», 2013). Родилась в Вене, выросла во Львове, который на тот момент был польским городом. Была на концерте Альмы Розе и её мужа во Львове перед началом Второй мировой войны.

«В брошюре на голландском языке, которую написала Флора, помещена фотография Альмы <...>. Двадцатилетняя девушка, олицетворение вечной молодости, символ невосполнимости потерь. Альма была одной из миллионов погибших, не оставивших потомства по вине варваров, когда мир лишился артистов, писателей, врачей, которые не одарили его своими открытиями и шедеврами» [Фельштейн 2021, с. 151].

4.4. Рудольф Франц Фердинанд Хёсс

Рудольф Франц Фердинанд Хёсс – (нем. *Rudolf Franz Ferdinand Höß*, 25 ноября 1900 – 16 апреля 1947) – основатель и первый комендант концентрационного лагеря Аушвиц I (май 1940 – 9 ноября 1943), инспектор концентрационных лагерей (9 ноября 1943 – 1945).

Родился в семье мелкого лавочника, учился в старейшей в городе гимназии. В шестнадцатилетнем возрасте ушёл добровольцем на фронты Первой мировой войны, был неоднократно ранен, в 1917 года считался самым молодым фельдфебелем в германской армии, имел награды за боевые заслуги.

В 1923 году вместе с Мартином Борманом, который впоследствии стал личным секретарём Гитлера, совершил жестокое убийство школьного учителя, которого они заподозрили в сотрудничестве с французскими оккупационными властями. Был приговорён к десяти годам тюремного заключения, но вышел по амнистии за идеальное поведение через четыре года. После освобождения, в 1929 году женился на Хедвиге Хензель, которая родила ему пятерых детей.

С марта 1935 года по сентябрь 1936 Рудольф Хёсс сделал стремительную карьеру в концлагере Дахау, поднявшись от низшей административной должности блокфюрера до унтерштурмфюрер СС, и продолжил свой карьерный рост в Заксенхаузене, куда был переведён в 1938 году. В мае 1940 назначен на должность коменданта концлагеря Аушвиц.

«Родители Гесса были зажиточными землевладельцами в Бадене и весьма набожными католиками. Семья жила в достатке. Отец в свое время служил кадровым офицером в германской колониальной армии, затем, после ранения, вышел в отставку и занялся торговлей. Умирая, он был уверен, что его сын Рудольф станет священником. Мать и сестра мечтали, чтобы желание отца исполнилось, однако Рудольф Гесс решил свою судьбу иначе.

В 1916 году, во время первой мировой войны, он бежал из дома в Турцию, воевал там на различных фронтах и вернулся в Германию лишь в 1919 году.

Мать и сестра по-прежнему настаивали, чтобы он стал священником, тогда Гесс вновь бежал из дому и вступил в одну из тех полувоенных банд, которых было очень много в послевоенной Германии. В то время он придерживался взглядов крайних националистов.

В 1922 году Гесс познакомился с Адольфом Гитлером. В 1923 году за убийство был приговорен к десяти годам заключения. В 1929 году его освободили по амнистии. Он женился и стал чиновником» [Краус 1960, с. 238].

«Вскоре после выхода из тюремного заключения – он отбывал срок за убийство – Хёсс сыграл свадьбу с Эрной Мартой Хедвигой Хенсель (все звали её Хедвигой), которой тогда был 21 год. <...> Хедвига уже была беременна первым ребёнком, Клаусом, которого они зачали вскоре после знакомства. <...> Молодые познакомились через брата Хедвиги, Терхарда Фритца Хенселя, это была та самая любовь с первого взгляда: роман убеждённых идеалистов» [Эдлингтон 2022, с. 22].

«В нацистской партии Гесс познакомился с Гиммлером и весной 1933 года вступил в СС. В июле 1934 года во время парада эсэсовских отрядов он приглянулся Гиммлеру, и тот назначил его служить в концентрационный лагерь Дахау. Вскоре Гесс стал инструктором, а потом блокфюрером и рапортфюрером. Затем он служил в Заксенхаузене, вначале заместителем коменданта, а с конца 1939 года и комендантом лагеря. В апреле 1940 года Гесса перевели в Освенцим. Там он заложил новый нацистский лагерь, известный всему миру под названием “Аушвиц”» [Краус 1960, с. 238–239].

«Гесс был одним из немногих нацистов, не отрицавших на суде своей виновности и полностью признавших во всех преступлениях. Свою вину он пытался смягчить, уверяя, что должен был всего-навсего выполнять приказы Берлина» [Краус 1960, с. 239].

«Я понимал, что из Освенцима можно сделать что-то полезное только благодаря коллективной неустанной работе, начиная с коменданта лагеря и кончая последним узником. Чтобы привлечь всех к выполнению поставленных задач, я должен был ломать все традиции и навыки, характерные для концентрационных лагерей. <...>

Уже в первые месяцы, и даже недели, я заметил, однако, что мои благие намерения и желания, разбиваются о сопротивление многих офицеров и солдат СС, находившихся в моём подчинении, об их низкие человеческие качества. Разными способами, бывшими в моём распоряжении, я старался

убедить моих сослуживцев в правоте своих замыслов и стремлений. Я пробовал объяснить им, что, только работая сообща, наш коллектив сможет достичь хороших результатов, что только при таких условиях работа может быть плодотворной и мы сможем выполнить, поставленные перед нами задачи. <...>

Я хотел, чтобы инспекторат концентрационных лагерей направил в моё распоряжение хотя бы несколько хороших офицеров и унтер-офицеров СС, но всё напрасно: Глюке просто не хотел сделать этого. Так же было с узниками, которых нужно было назначить на административные посты. <...> Таким образом все мои проекты, бывшие как бы фундаментом организации лагеря, с самого начала были обречены на провал» [Гесс 1975, с. 32–35].

«Было очевидно, что, даже если Хёссу не нравилась его работа, он выполнял ее добровольно, не по принуждению. Его участие в геноциде можно было бы назвать “выполнением приказов”, но Хёсс безоговорочно поддерживал власть, которая издавала, узаконивала и обосновывала эти приказы. Выполнить приказ по уничтожению десятков тысяч невинных людей действительно было непросто. Но не сохранилось никаких свидетельств, что это как-то нарушало его внутреннюю убежденность: “люди низшего сорта” в Европе должны быть вытеснены достойными немцами» [Эдлингтон 2022, с. 172].

«Я всё больше замыкался в себе, становился всё более недоступным, с каждым днём делался всё твёрже. Моя семья, особенно жена, страдала от этого. Я бывал просто невыносим: я ничего не видел, кроме работы и задач, возложенных на меня. Это вытеснило из меня всё человеческое. Жена пробовала вырвать меня из этой замкнутости, приглашая наших добрых знакомых. Вместе с моими коллегами она пыталась сделать так, чтобы я не отгораживался от них. Она приглашала к нам гостей и устраивала дружеские встречи вне дома, хотя самой ей это тоже не нравилось. На какое-то время я был вырван из моего сознательного одиночества, однако новые разочарования вновь толкнули меня на мою стеклянную стену.

Даже посторонних людей огорчало моё поведение, однако я уже не мог поступать иначе. В результате постоянных разочарований я сделался в какой-то степени мизантропом. Часто бывало так, что на вечерах среди близких знакомых я становился вдруг молчаливым и отталкивающим; охотнее всего я бы ушёл, чтобы быть в одиночестве, потому что вдруг мне не хотелось никого видеть. Усилием воли я брал себя в руки и с помощью алкоголя старался избавиться от подступающего плохого настроения, снова становясь разговорчивым, оживлённым и даже весёлым.

Алкоголь быстро вызывал у меня хорошее настроение и чувство доброжелательства ко всему свету; никогда ни с кем не ругался я под влиянием алкоголя. В состоянии опьянения я уступал во многом, на что

никогда бы не согласился в трезвом виде. И, однако, я никогда не пил один и никогда у меня не было такого желания. Пьяным я тоже никогда не был и под влиянием выпитого не устроил никакого скандала. Когда бывало “по горло”, потихоньку уходил. Под влиянием алкоголя я никогда не пренебрег служебными обязанностями. Как поздно ни возвратился бы я домой, на следующий день я пунктуально приходил на службу в бодром состоянии» [Гесс 1975, с. 41–42].

«Драгоценные выходные дни комендант лагеря проводил с семьёй – они обедали на свежем воздухе, рассаживаясь за элегантным столиком для пикника на скамейках из этого же гарнитура, покрытых симпатичной голубой тканью.

Дети Хедвиги вспоминали, что когда они собирали урожай в саду, мама всегда говорила “хорошенько помыть клубнику, а то она в пепле”. Ведь крематорий Аушвица II находился прямо по соседству.

Немногими годами ранее молодые Хедвига и Рудольф мечтали о семейной жизни в деревне, вдохновленные артаманской лигой. Генрих Гиммлер разделял их фермерские фантазии. Мечты пары сбылись – в саду при вилле выращивали овощи, а главное, были созданы крупные сельскохозяйственные вспомогательные лагеря на территории Освенцима, куда входила деревушка Райско.

Мечта осуществлялась за счет рабского труда. Рай Хедвиги и хозяйство Рудольфа были, по сути, плантацией с рабами. Они воплощали идеи “честного труда” и “крови и почвы”. Жуткие биологические связи соединяли хозяев и жертв: овощи в Райско удобряли человеческим пеплом, порой с острыми осколками костей – они не сгорали полностью.

Сад удовольствий у виллы Хёссов, находящийся прямо по соседству с главным лагерем, был спроектирован и построен заключёнными, и заключённые же следили там за порядком. Между 1941 и 1942 годами, когда Хёссы только переехали в Освенцим, команда из 150 заключённых трудилась над садом, превращая его в предел мечтаний Хедвиги» [Эдлингтон 2022, с. 171, 173].

«Бывало и так, что, находясь дома, я вдруг обращался в своих мыслях к каким-то деталям экстерминации, и тогда я вынужден был уйти: я не мог выдержать в сердечной семейной обстановке.

Я смотрел на весёлых, играющих детей, на счастливую жену с младшей дочкой и мне не раз приходила в голову мысль о том, долго ли ещё будет продолжаться наше счастье. Моя жена никогда не могла объяснить себе почему я так часто бываю угрюмым и приписывала это неприятностям по службе» [Гесс 1975, с. 96].

«Эмоционально скрытный и часто страдающий от давления администрации Рудольф Хёсс по некоторым данным нашёл сексуальную

отдушину в одной из заключённых (не еврейке), которая занималась сортировкой вещей в “Канаде” – Норе Ходис по прозвищу “Бриллиант”. Их с Хёссом свела любовь Хедвиги к красивой мебели: Ходис привели на виллу, чтобы она починила ковровый гобелен, а затем – вышила еще два гобелена, плюс шёлковые подушки, прикроватный коврик и покрывала. Также она доставляла Хёссам украшения со склада краденного.

В августе 1942 года Ходис пригласили отпраздновать её сорокалетие в саду Хёссов. Ходис опознали на одной из фотографий в сохранившемся семейном альбоме – маленький Ханс-Юрегн у нее на коленках, рядом Пуппи. Волосы Ходис завиты в толстые кудри и придерживаются цветастым платком. Она в опрятном и скромном платье с пуговицами спереди. Несмотря на то, что комендант активно высказывался против “низких” эсэсовцев, вступающих в сексуальные отношения с заключенными, это не помешало ему установить контакт с Ходис. <...>

Хедвига отстранила Ходис от дел при первом же отъезде Рудольфа. Ходис рассказывала, что Хёсс навещал её в лагерной тюрьме для секса, хотела она того или нет; и вскоре, по её словам, она была вынуждена сделать аборт. Её имя было под запретом в доме Хёссов. Годами позже, Хедвига дискредитировала статью об интрижке мужа с Ходис, сказав: “Это придуманный роман, правды о котором никто не знает”.

Что касается половой жизни самой Хедвиги, несмотря на слухи об объятиях в беседке с управляющим столовой на обувной фабрике соседнего города Хелмека, Хедвига сохраняла образ идеальной нацистской жены и матери. Рудольф сообщил, что сексуальная связь между ними практически сошла на нет, когда Хедвига узнала, что на самом деле происходит в Освенциме» [Эдлингтон 2022, с. 188–189].

«Смотреть на всё – было моим долгом. Днём и ночью присутствовал я при вытаскивании трупов из газовых камер и сжигании их; часами наблюдал я за вырыванием золотых зубов, за тем, как отрезали волосы и проделывали другие ужасные процедуры. Много часов провёл я среди отвратительного запаха, когда вскрывали старые массовые могилы и сжигали полуразложившиеся трупы.

Лагерные врачи дали мне понять, что я должен собственными глазами увидеть процесс уничтожения газом, и в результате я должен был смотреть через окошко газовой камеры на то, как умирают люди» [Гесс 1975, с. 95].

«Хёсс наблюдал за заключёнными, будто это были существа другого вида, дикие звери в клетке, а не люди, которые из-за его же организации были вынуждены полагаться лишь на базовые инстинкты и бороться за выживание» [Эдлингтон 2022, с. 198].

«Хедвига Хёсс, учредившая модный салон в Освенциме, скрывалась от властей несколько месяцев после войны. Как и Геббельсы, они с мужем договорились совершить суицид, но потом отказались от этой идеи ради детей. В мемуарах Рудольф с горечью отметил, что Хедвиге было бы намного проще, если бы они все-таки умерли.

<...> Группа сторонников нацистов приложила все усилия, чтобы с Хедвигой обращались, как с VIP-гостьей. <...>

В попытке найти и арестовать коменданта Освенцима, британские охотники на нацистов обыскали новый дом Хедвиги, отметив, что её там окружают «одежды, меха, ткани и другие ценные вещи». Хедвига сказала им, что Рудольф мёртв, несмотря на то, что он несколько раз встречался с ней в Санкт-Михелисдоне. В итоге британцы забрали Хедвигу для более основательного допроса. В составленном позже отчёте было сказано, что на Хедвиге была грязная блузка и крестьянская юбка, но держалась женщина довольно высокомерно. В конце концов, либо Хедвига, либо ее брат Фриц раскололись и признались, что Рудольф скрывается, притворяясь фермером неподалеку от Фленсбурга. В предательстве никто не признался.

В одно апрельское воскресенье 1947 года курьер британской армии доставил Хедвиге конверт, содержащий прощальные письма Рудольфа и его обручальное кольцо. Рудольф Хёсс предстал перед судом в Польше [Эдлингтон 2022, с. 273–274].

«На суде держался очень спокойно, с карандашом в руках выслушивал показания всех свидетелей, бывших заключённых, поправляя их и уточняя подробности, так что в конце концов помог объяснить некоторые неясности. <...>

Английский наблюдатель на Варшавском процессе спросил Гесса, что бы он сделал, если бы Гиммлер приказал ему убить свою жену и детей. Гесс ответил, что убил бы. <...>

Варшавский военный трибунал осудил Гесса за пытки и насильственное умерщвление миллионов людей, за мародерство и ограбление трупов, за опыты на живых людях и за надругательство над человеческим достоинством.

Бывшие заключённые лагерей Освенцима подтвердили на суде страшную вину Рудольфа Гесса. В апреле 1947 года этот преступник был повешен на территории Освенцима, на фоне разрушенных крематориев, в которых погибли миллионы невинных людей» [Краус 1960, с. 239].

4.5. Палич – Герхард Арно Макс Палич

Герхард Арно Макс Палич – (нем. *Gerhard Arno Max Palitzsch*, 1913 – 1944) – гауптшарфюрер СС, рапортфюрер Аушвица.

Приведённые ниже отрывки из воспоминаний современников, а также материалы современных исследований позволяют реконструировать образ

Макса Палича в контексте лагерной повседневности и функционирования нацистской репрессивной системы.

«Одним из самых свирепых эсэсовцев Биркенау был Герхард Палич, родом из Саксонии. Вместе с Гессом и 30 немецкими профессиональными преступниками, заключенными из лагеря Заксенхаузен, он в марте 1941 года заложил новый лагерь в Освенциме. Гесс характеризует его в своей “исповеди” как человека, который сумел овладеть сворой бешеных капо и поддерживать железную дисциплину среди заключённых. Гесс в полной мере подтвердил то, о чём мы, заключённые, могли только догадываться» [Краус 1960, с. 242].

«Палич был одним из редких представителей СС, воплощавших арийские идеалы атлетической, скульптурной мужской красоты, и отличался внешней доброжелательностью и обаянием. Но все это была опасная иллюзия. Он считался одним из рекорсменов по количеству убийств. Число жертв, которых он собственноручно расстрелял у “Чёрной Стены”, не поддавалось подсчету; его любимым оружием была пехотная винтовка, и он расстреливал заключённых в затылок с беззаботностью, поражавшей даже его товарищей по СС. Комендант Освенцима Рудольф Хёсс часто следил за тем, как Палич проводил казни, и “ни разу не заметил в нем ни малейших эмоций”; он убивал “беспечно, с ровным настроением и спокойным лицом, без всякой спешки”. Если случались задержки, он отставлял винтовку и что-то радостно насвистывал или болтал с товарищами, пока не наступал момент продолжать. Он гордился своей работой и не испытывал ни малейших укоров совести. Заключённые называли его «главным ублюдком в Освенциме» [Дронфилд 2023, с. 229–230].

«Особым расположением Палича пользовались самые свирепые и жестокие капо, но если выходки капо слишком привлекали внимание, то их отправляли в тюремный блок. Однако Палич не забывал о своих пособниках и через некоторое время освобождал их. Обычно после такого наказания они служили Паличу еще более преданно и еще больше мучили заключённых, стараясь вытянуть у них золото. Дело в том, что Палич в широких масштабах торговал золотом, а для этого ему нужна была помощь капо и старших по блокам. Они поставляли ему золото и ценные вещи, которые им удавалось добывать у вновь прибывающих заключенных. Нередко капо убивали заключённых, имевших золотые зубы, только для того, чтобы отдать золото Паличу. Если же пособники Палича узнавали слишком много о его махинациях либо отказывались от “сотрудничества” с ним, то становились жертвой “несчастных случаев” на работе либо умирали от “сыпного тифа”...

Главным помощником Палича был “зелёный”, старший по блоку Бродневич. Сам Палич был главным палачом; именно он расстреливал советских военнопленных, а также детей» [Краус 1960, с. 243].

«Расстреливает правая рука начальника лагеря гауптшарфюрер СС Палич. Привычным выстрелом в затылок он лишает жизни одного за другим. В помещении становится всё теснее от трупов. Холодным взглядом присматривается к работе исполнителя своих приговоров Мильднер. Он находится здесь со всем своим штабом. И около него лежат горы трупов. Наконец, часовые из раздевалки рапортуют о том, что уже никого нет. Палич начинает ходить между расстрелянными и добывает тех, которые ещё хрипят или шевелятся. Потом он прикладывает оружие к ноге, поворачивается к своему шефу и застывает по стойке “смирно”. Это знак того, что он выполнил его волю. Мильднер смотрит на него многозначительно, с демонической улыбкой и медленно поднимает руку в гитлеровском приветствии. Несколько секунд он неподвижно стоит в этой позе; так он выражает признание своему прислужнику-палачу» [Гесс 1975, с. 138].

«Самоуправления, имевшиеся в некоторых лагерях, несколько облегчали жизнь заключённых, однако в Биркенау органы самоуправления были всецело в руках пособников Палича... В своей системе шпионажа Палич зашел так далеко, что сам стал одеваться в полосатую одежду заключённых и ходил по лагерям, пытаясь вникнуть во все тайны заключённых. Слабостью Палича были женщины, и не только расово чистокровные немки из надзирательниц, но и цыганки и еврейки. Это ему стоило жизни. Гесс ненавидел Палича, а остальные эсэсовцы завидовали ему. Палич был застигнут на месте преступления, и карьера его окончилась» [Краус 1960, с. 243].

«Карьера Палича окончилась в Матцкау. Многочисленные убийства, совершённые им, бесспорно, только для пользы великой Германии и вытекающие из глубокого понимания расистского мировоззрения, не мешали ему, однако, устанавливать интимные отношения с врагами государства, среди которых были и евреи; особенно, если эти враги были женского пола, молодые и красивые. Не помогли позднейшие угрозы, что он их прикончит, если кто-нибудь из женщин его “всыпет”. Судьба Палича была решена. К счастью для него, его отношения с одной еврейкой не вышли на явь, но зато его любовная связь с узницей-латышкой Верой Луканс, а к тому же широко известный обычай откладывать для себя на старость часть дорогостоящих предметов, отобранных у людей, прибывающих с транспортами – всё это окончилось для него лишением свободы» [Гесс 1975, с. 159].

«Его бросили в тюрьму и после долгого следствия казнили. Незадолго перед этим Палич помог бежать заключённому Майеру, опасаясь, что

выплывут на поверхность его махинации с золотом и драгоценностями. Однако Майер был схвачен и выдал Палича» [Краус 1960, с. 244].

4.6. Макс Грабнер

Максимилиан Грабнер – (нем. *Maximilian Grabner*, 1905–1948) – начальник политического отдела концлагеря Аушвиц.

Родился в Вене (Австрия). В 1920-х годах после окончания школы работал лесорубом. В 1930 году, пройдя короткий курс подготовки, служил следователем в полицейском управлении Вены. В 1932 году стал членом Национал-социалистической немецкой рабочей партии. В сентябре 1938 года после аннексии Австрии в состав Германии был зачислен в СС, где дослужился до звания унтерштурмфюрера СС. С ноября 1939 года служил в отделении гестапо в Катовице секретарём уголовной полиции. В конце мая 1940 года был назначен начальником политического отдела в Аушвице.

«Рано полысевший и поседевший, лейтенант Максимилиан Грабнер вовсе не казался страшным, скорее он выглядел как университетский профессор или добродушный священник. Редко когда человеческая внешность настолько расходилась с характером; обаятельный Грабнер возглавлял в Освенциме отделение гестапо и превзошел всех своих коллег в других лагерях по количеству хладнокровных и безжалостных массовых убийств. Он регулярно освобождал госпиталь и лагерьный бункер – называя это «расчисткой», – откуда заключённые отправлялись в газовые камеры или к «Чёрной Стене». Он запустил программу ликвидации беременных польских женщин и своими руками убил больше двух тысяч человек. Мало кого в Освенциме боялись больше, чем Максимилиана Грабнера» [Дронфилд 2023, с. 269–270].

«Шеф отдела, унтерштурмфюрер СС Макс Грабнер, проводит служебное совещание. Мужчина среднего роста гордо пыжится за письменным столом. Корявые фразы, плохой немецкий язык, несмотря на серебряные нашивки мундира, говорят о том, что у этого человека нет образования. Посвящённые знают, что до войны он пас коров на каком-то горном пастбище, а теперь он с гордостью носит мундир СД с отличиями секретаря гестапо по уголовным делам. Грабнер недоволен работой отдела, ему представляют слишком мало штрафных рапортов на узников, а также предложений об экзекуциях. Тупо смотря перед собой, он обвиняет подчинённых в мягкости. Никто из них не отваживается на ответ или оправдание. Приказ Грабнера: в будущем надо проявлять больше суровости – принимается в молчании, стучат каблуки сапог.

В результате бесчеловечной жестокости, отсутствия каких-либо угрызений совести, болезненной гордости, жажды власти и известного всем лицемерия, Грабнер стал первым человеком в Освенциме. Даже комендант

лагеря штурмбакфюрер СС Гесс, который не уступал Грабнеру ни в садизме, ни в отсутствии какой-либо щепетильности, старается, насколько это возможно, не быть в состоянии войны с этим самонадеянным человеком» [Гесс 1975, с. 133].

«У Грабнера было большое воображение, граничащее с манией преследования. Ему всё время казалось, что польская интеллигенция, находящаяся в лагере, организует подпольную работу и готовит вооружённое нападение; в каждой мелочи видел он акт саботажа, грозящего государству. И тогда в его мозгу зародился план, необъятность которого он сам не в состоянии был понять. Он приказал просмотреть все личные дела поляков с целью установить кого и в какой степени можно отнести к интеллигенции. На обложках личных дел узников-интеллигентов писали – СП [Специальный поляк], что значило “Зондерполе”. Таких дел было около 5000. Этих людей Грабнер хотел поочередно расстреливать в блоке 11. Однако Грабнеру не суждено было реализовать свои планы. Справедливая судьба заставила его расплачиваться за всё содеянное и привела его самого к тому, на что он обрекал тысячи людей – к ожиданию приговора смерти» [Гесс 1975, с. 133].

«Осенью из Освенцима I пришла невероятная новость: СС сместила Максимилиана Грабнера с поста главы лагерного гестапо.

Это было не просто увольнение. В Берлине уже долгое время зрело недовольство его действиями. Даже по стандартам СС количество казней, проводимых по его приказу, вызывало недоумение, равно как и их неорганизованный характер. По мнению Гиммлера, Окончательное Решение – и вообще убийство – было своего рода предприятием, призванным работать чисто, эффективно и упорядоченно, а не забавой или проявлением личных наклонностей. Садизм и кровожадность Грабнера ставили под сомнение его надёжность, однако с должности его сняли за обычное стяжательство.

Как многие старшие офицеры в лагерях, Грабнер использовал служебное положение, чтобы нажиться на ценностях, конфискованных у евреев, которых казнили в Биркенау, хотя официально эти ценности принадлежали СС. В отличие от большинства лагерного персонала, он крал в гигантских размерах, отправляя домой целые чемоданы незаконной добычи. Из-за таких масштабов коррупции эсэсовцы начали в его отношении внутреннее расследование. Грабнера сняли с должности и посадили под арест вместе с несколькими сообщниками, включая жизнерадостного убийцу Герхарда Палича. Рудольф Хёсс, комендант Освенцима, покрывавший Грабнера, также лишился своего поста» [Дронфилд 2023, с. 280].

«Казнь Грабнера всё время откладывали, вели следствие; это длилось месяцами. Грабнер находился в тюрьме гестапо. Когда приговор был окончательно принят – 12 лет тюремного заключения – Грабнер был, духовно

и физически, абсолютно сломанным человеком. Наступление Советской армии закончило этот театральный процесс» [Гесс 1975, с. 184].

Процесс был отложен, а Грабнер вернулся в гестапо в Катовице, позже служил в гестапо в Бреслау. После окончания войны под видом слуги скрывался на ферме в окрестностях Вены. 4 августа 1945 года был арестован и заключён в полицейскую тюрьму в Вене. 12 июля 1947 года Максимилиана Грабнера экстрадировали в Польшу. На пятом заседании Верховного национального трибунала Польши (24 ноября – 22 декабря 1947 года), который вошёл в историю как Первый освенцимский процесс, был приговорён к смертной казни через повешение. Приговор приведён в исполнение 28 января 1948 года в тюрьме Монтелюпих.

4.7. Доктор Менгеле

Йозеф Менгеле – (нем. *Josef Mengele*, 1911 – 1979) – немецкий врач, проводивший медицинские опыты на узниках концлагеря Аушвиц во время Второй мировой войны.

Врачом Йозеф Менгеле решил встать под влиянием идей Гитлера о расовом превосходстве немцев. В 1935 году Менгеле защитил диссертацию на тему «Расовые различия структуры нижней челюсти» и получил учёную степень.

В 1938 году вступил в нацистскую партию и в СС, присоединился к резервным медицинским войскам и почти два года служил в качестве врача сапёрного батальона. В 1940 году Менгеле получил звание гауптштурмфюрера СС и был удостоен награды «Железный крест» за спасение танкистов из горящего танка. В 1942 году после ранения был признан непригодным к службе в действующей армии. В мае 1943 года получил должность доктора в концлагере (Аушвиц, позже – Гросс-Розен). Ему удалось избежать наказания за свои злодеяния, так как в апреле 1945 года, переодевшись в форму солдата, бежал на запад. В течение тридцати пяти лет скрывался от преследований в разных странах: Аргентине, Бразилии. Утонул во время купания в феврале 1979 года.

Образ доктора Йозефа Менгеле – одного из самых одиозных представителей нацистского лагерного аппарата – прочно укоренился как в коллективной памяти, так и в литературе свидетельства. В мемуарных текстах выживших узников Аушвица фигура Менгеле предстаёт не только как реальное историческое лицо, но и как символ абсолютной власти, медицинского садизма и морального падения науки.

«... Менгеле: думаю, нет на земле человека, кто не содрогнулся бы, услышав это имя. К стыду человечества, он получил диплом врача, и, как рассказывали знавшие его, голос его был подобен звукам органа. Выглядел он

как какой-нибудь мифологический бог. Менгеле сортировал сотни тысяч депортированных, отбирая тех, кого тут же посылал на смерть в газовой камере. И отдельно – тех, кого приговаривал к жизни. Жизнь, которую оставлял людям Менгеле, тоже не нуждается сегодня в каких-то описаниях.

<...> Человеческий материал для своих крематориев Менгеле возил на грузовике, покрашенном в желтый цвет» [Жолт 2021, с. 6].

«Стремительно распахнулась дверь, и в барак влетел эсэсовец. Он был похож на киноактера – холеное, приятное лицо с правильными чертами. Высокий, стройный, он мило улыбнулся и крикнул:

– Спокойно!

– Кто это? – спросила я тихонько у стоявшей рядом девушки.

– Врач Менгерле. Неужели ты не знаешь Менгерле – этого палача из “кроличьего садка”?

– Так это он? Никак не вяжется его внешность с тем, что о нем рассказывают. Невероятно, как может быть обманчив внешний вид человека. Вот этот – кажется культурным, порядочным, лицо его вызывает доверие, и, оказывается, он проводит эти чудовищные опыты...

Перед моими глазами всплыл образ Альмы Розе, одной из многих жертв его садистских экспериментов: после нескольких дней пребывания в его “лаборатории” у нее началось нервное заболевание. А сколько погибло других несчастных, которым делают пересадку желез, вынимают спинной мозг из позвоночника, вводят в кровь бактерии заразных болезней. Я смотрела на этого изверга с гладким лицом, который проводил над людьми свои преступные опыты, смотрела пристально, чтобы запечатлеть в памяти, запомнить навсегда, каких чудовищ они породили!» [Живульская].

“At each morning’s roll call Dr. Mengerle arrived, fresh, smiling, whistling an aria from Tosca or the Blue Danube waltz, which was one of his favorites. Behind him came a detachment of S.S. men armed with pistols and whips. They surrounded a couple of blocks and ordered the two to three thousand women to undress. Completely naked, these unhappy creatures were forced to run, between two rows of S.S. men who whipped them just for the fun of it, toward Dr. Mengerle, who looked them over one by one and decided whether they should live or die. Those who were too thin, those whose skin was covered with sores, those whose ankles were swollen and those whose bodies did not please him were sent ‘left’” [Perl 1948, p. 129].

Менгеле позиционировал себя как ценитель красоты и большой любитель музыки.

«Я узнаю стоящего на пороге офицера – он был на селекции. Это точно он: узнаю, когда он улыбается с приоткрытым ртом, щель между передними зубами. Доктор Менгеле, как нам говорят. Изощренный убийца и ценитель

искусств. По вечерам он прочесывает бараки, выискивая талантливых заключенных для своих развлечений. Сегодня он входит со свитой помощников и бросает взгляд, словно сеть, на вновь прибывших в мешковатых робах и с наспех остриженными головами. Мы стоим не шевелясь, спиной к деревянным койкам, обрамляющим комнату. Он разглядывает нас. Магда еле-еле дотрагивается до моей руки. Доктор Менгеле резко выкрикивает вопрос, и, прежде чем я пойму, что происходит, девочки рядом со мной, которые знают, что я занималась балетом и гимнастикой в Кашше, толкают меня вперед, ближе к Ангелу Смерти.

Он изучает меня. Не знаю, куда деть глаза. Смотрю прямо на открытую дверь. Оркестр собрался на улице. Они молчат, ждут приказов. Я чувствую себя Эвридикой в царстве мертвых, ожидающей, когда Орфей, сыграв аккорд на своей лире, растопит сердце Аида и освободит меня. Или я Саломея, которая должна танцевать перед своим отчимом, Иродом, скидывая вуаль за вуалью и обнажая своё тело. Дает ли этот танец ей силу или лишает её?

– Маленькая балерина, – говорит доктор Менгеле. – Станцуй для меня.

Он дает знак музыкантам, чтобы начинали играть. Я слышу знакомое вступление из вальса «На прекрасном голубом Дунае», проникающее в тёмную, душную комнату. Менгеле таращит на меня глаза. Мне повезло. Я знаю все связки из «Голубого Дуная» и могу танцевать его во сне. Но мои руки и ноги отяжелели, как в кошмарном сне, когда ты в опасности, но не можешь убежать. “Танцуй!” – командует он снова, и я чувствую, как мое тело начинает двигаться.

Сначала высокий бросок ноги. Затем пируэт и поворот. Шпагаты. И вверх. Пока я делаю шаги, изгибаюсь и кручусь, я слышу, как Менгеле разговаривает со своим помощником. Он не отрывает от меня глаз, но не оставляет свои обязанности, пока смотрит. Его голос слышно сквозь музыку. С другим офицером он обсуждает, кого из сотни девушек убить следующей. Если я оступлюсь, если сделаю что-то, что ему не понравится, я могу быть следующей. Я танцую. Танцую. Танцую в аду. Невыносимо смотреть на палача, решающего наши судьбы. Я закрываю глаза» [Эгер 2023, с. 79–81].

Йозефа Менгеле прозвали Ангелом Смерти. Он решал во время селекции на перроне, кому даровать «временную» жизнь, а кому – смерть в газовых камерах по прибытию. Он проводил жестокие опыты над заключёнными, оправдывая это научным интересом. Но его главной страстью были близнецы. Г. Перл, которая работала в госпитале, пишет, что под его руководством и контролем опытные врачи проводили исследования, чтобы объяснить тайну природы: близнецов. Его целью было увеличить численность немецкой нации и дать немецкому народу величайшую рабочую силу через близнецов. В 1944 году в Блоке 20 у француженки родились близнецы. Первые близнецы, рождённые в Аушвице при докторе Менгеле. Их положили в корзинки, им дали детские рубашки, их замотали в одеяла, мать уложили на отдельную кровать с белыми простынями. Но на следующий день

новорожденных близнецов забрали для проведения опытов. Вечером их приносили матери, которая плакала в течение всего дня. Через четырнадцать дней таких мучений умер первый из близнецов, вскоре умер и второй. Мать отправили в крематорий [Perl 1948, p. 125–127].

«— Он проводит теперь опыты с близнецами. С сегодняшним транспортом отправлен близнец какого-то его пациента. Транспорт был заранее объявлен, и теперь он усиленно ищет.

— Не нашел, она поехала машиной.

— Бедный Менгерле! — вздохнула иронически Валя. — Прямо-таки с ног сбился с этими близнецами! Но он не унывает» [Живульская].

«Перед нами остановился один из офицеров. Он оглядел меня и Мириам, наши одинаковые платья.

— Они близнецы? — спросил он маму.

Она помедлила.

— А это хорошо?

— Да, — ответил офицер.

— Они близнецы, — ответила мама.

Офицер молча схватил нас с Мириам и оторвал от мамы.

— Нет!

— Мама! Мама! Нет!

Мы с Мириам кричали и плакали, протягивая руки к маме, и она тоже тянулась к нам, но ее не пускал другой офицер. Он бросил её на землю с другой стороны платформы.

Мы визжали. Рыдали. Умоляли. Но наши голоса тонули в шуме, хаосе и отчаянии, как бы громко мы ни кричали. Из-за наших одинаковых бордовых платьиц, мы же близнецы, нас трудно было не заметить в серой толпе измученных еврейских пленников, нас с Мириам выбрали. Вскоре нам предстояла встреча с Йозефом Менгеле, нацистским врачом, которого прозвали Ангелом Смерти. Это он решал, кого из прибывших на платформу убить, а кого оставить в живых. Но тогда мы этого не знали. Мы знали, что внезапно оказались одни. Нам было всего десять» [Мозес-Кор 2022, с. 8–9].

«Одним из самых жестоких эсэсовцев, каких мы знали, был доктор Менгеле из Франкфурта-на-Майне. Зачастую напевая арии из «Тоски», он посылал на смерть десятки тысяч людей, Его интересовали только близнецы и карлики. Они нужны были ему для каких-то диких опытов.

Менгеле производил над ними такие эксперименты, на которые может решиться только безумец. Он работал над “научным” трудом “Изучение рас” и поэтому проводил многочисленные опыты, главным образом над цыганами. Он разделил их на несколько групп, руководствуясь процентом цыганской крови в их жилах. Так, цыган с 25 процентами цыганской крови имел надежду на освобождение, но предварительно должен был подвергнуться

стерилизации. Доктор Менгеле брал также у цыганских женщин большое количество крови для солдат на фронте» [Краус 1960, с. 116].

«Однажды два солдата СС вошли в нашу казарму посреди ночи, когда все остальные дети спали, а я нет. Я с ужасом наблюдала, как они переходили от койки к койке, вглядываясь в детей. Я не могла понять, что они делают и думала, что, возможно, они искали близнецов по поручению Ангела Смерти Йозефа Менгеле, нацистского врача, печально известного своими мучительными медицинскими экспериментами над заключёнными. Лаборатория Менгеле находилась недалеко, отделенная от нашего барака всего лишь забором из колючей проволоки.

Дети постарше из нашего барака знали о зверствах, которые творились всего в нескольких ярдах от нас, и истории, которые они нам рассказывали, добавляли к и без того непростой жизни в Биркенау новый липкий слой страха. Мы слышали, что Менгеле был одержим близнецами. Он опускал одного близнеца в кипящую воду, другого – в лёд, и сравнивал их реакцию. Менгеле был психопатом, который злоупотреблял своими медицинскими навыками в болезненном стремлении к расовой чистоте. Он проводил ампутации без анестезии. Он вводил в глаза близнецов химические вещества, чтобы посмотреть, сможет ли он изменить их цвет. Менгеле пытался создать идеальный арийский синий цвет для “главной расы” будущего. Один близнец обычно использовался в качестве подопытного кролика, другой – в качестве контрольного. И когда тесты неизбежно проваливались, обоих детей убивали» [Фридман 2023, с. 183].

4.8. Зондерфюрер (Sonderführer – «особый руководитель»)

В Германии с 1937 по 1945 год во всех родах войск в различных сферах деятельности была должность, не требующая военного опыта. Зонерфюрер получал право ношения униформы и приравнивался к офицерскому либо унтер-офицерскому чину на всё время занимаемой должности по праву человека, имеющего необходимое образование в гражданской области (инженер, врач, переводчик). Офицерские полномочия зондерфюрера распространялись только на сферу деятельности, непосредственно связанную с его работой. Звание не давало перспектив продвижения по службе, оставление должности означало потерю власти.

Андрей Погожев рассказывает о припадке проявления человечности в одном из них: «**Зондер-фюрер Бык** отличался утонченной звериной жестокостью. Самой тяжелой сменой у зондеркоманды была та, когда сопровождающим эсэсовцем был он. Всякое проявление слабости, человеческих чувств у любого из узников, даже при встрече с трупом отравленного отца, матери, брата, сестры, детей, – оканчивалось расстрелом тут же, на месте, на глазах всех присутствующих. Бык мог спокойно, без

дрожи рук, стрелять в шевелящееся тельце младенца, судорожно прижатое к груди мертвой матери. <...>

Рассказал об этом капо первый.

Раннее утро. Взошедшего солнца за стеной перелеска не было ещё видно, но его лучи пробивались сквозь деревья, шевелящейся листвой раздроблялись на бесчисленное количество пляшущих бликов, которые оживляли мрачный пейзаж поляны, обнесенной густой сеткой колючей проволоки, поляны, где полновластной хозяйкой была смерть.

Её следы были видны на серой от пепла сожженных людей земле, на потемневших от копоти костров деревьях, в тяжёлом смрадном воздухе, окружавшем лесок.

Как бы оттеняя эту мрачную картину, контрастом ей были несколько узких, аккуратных газонов с сочной зеленью, среди которой яркими разноцветными красками выделялись цветы – подлая и наглая сентиментальная прихоть одного из палачей. В настежь распахнутые для проветривания и работы двери газовой камеры, над фронтоном которой бросалась в глаза вывеска с крупными буквами «Баня», – видно было хаотичное нагромождение нагих трупов. Десятки женщин и детей замерли в самых невероятных позах мучительной смертной агонии.

Это последняя партия прибывшего вчера из Франции транспорта.

Торопливо работала измученная за ночь зондеркоманда.

Зондерфюрер Бык, заложив руки за спину, вошел в газовую камеру. Кобура пистолета, предусмотрительно, как всегда, расстегнута, свиноподобные глазки без поворота головы на короткой шее всё видят, всё замечают. По пятам за ним следовала, не отставая, его овчарка. Она не обходила трупы, как её хозяин, а спокойно взбиралась на них, натренированно следя за каждым движением узников. Торчавшие уши, нервно разворачиваясь, улавливали все необычные и подозрительные шорохи и звуки большого зала.

Эсэсовец безучастным взглядом скользнул по обычной для него картине: ребёнок с полными округленными ручками и ножками, с курчавой копной белокурых волос лежал на животе в застывшей позе ползти вперед, в полуметре от него лежала его мать с протянутыми руками. Её руки, лицо выражали душевные муки и последние сознательные, полные тревоги и муки мысли, обращенные к уползавшему от её рук сыну.

Бык брезгливо поморщился, встретившись с остекленевшим взглядом широко раскрытых глаз немолодой женщины, с багровыми кровоподтеками на лице.

Вдруг он остановился, рассматривая труп изумительной красоты девушки – юной, обаятельной. Она полулежала лицом вверх. Правая рука откинута в сторону, левая как бы стыдливо прикрывает упругие груди. Бахрома ресниц окаймляла веки закрытых глаз. Изящно изогнуты брови. Глянцем отливали ровные ряды красивых зубов, видных из приоткрытого

небольшого рта с мягкими очертаниями губ, розовая окраска которых придавала бледному лицу особенно нежное, милое выражение. Несколько полуколлец непокорных прядей пышных каштановых волос выбились из затейливой причёски и от сквозняка шевелились, перемещаясь по открытому высокому лбу. Не верилось, что она мертва. Не хотелось верить, что она уже никогда не откроет глаз, не улыбнется, не заговорит.

Зондерфюрер пристально, как загипнотизированный, смотрел на девушку. Овчарка преданно смотрела на него.

– Капо! – раздался сиплый, приглушенный голос эсэсовца. – Взять её и нести за мной. Нарвать цветов. – И он пошел к выходу.

С недоумением зондеркоманда прекратила работу, глядя в спину сторбившегося зондерфюрера.

Через несколько минут ещё тёплый труп неизвестной девушки, усаженный у наружной стены газовой камеры, был обложен зелёными ветками и яркими цветами.

Будто крадучись, поднимался из-за деревьев кроваво-красный диск солнца, заливая лучами страшную картину – у стены, где был прислонен труп девушки, в широко раскрытых дверях газовой камеры стояли притихшие эсэсман, капо, вся зондеркоманда и, затаив дыхание, смотрели на мёртвую девушку в обрамлении живых цветов.

Наступила гнетущая тишина. По изможденным, грязным, судорожно искривленным лицам узников текли слезы, оставляя серые полосы.

Эсэсман дышал тяжело с присвистом.

– Капо! – нервно выкрикнул он. – Мы думаем, никто не знает про это! Знают! Знают!! И нам придется отвечать за всё...

Раздался душераздирающий крик. Один из зондеркоманды с истерическим воплем, раздирая в кровь руками лицо, забился, корчась, в судорогах рядом с мёртвой девушкой. Стоны и всхлипывания слились в гул.

Опомнившись, эсэсман, побагровевший, с глазами, налитыми кровью и готовыми выскочить из орбит, резко повернулся, выхватывая пистолет.

– Вон! – заорал он. – Вон! Банда!

Выстрелы взорвали тишину наступающего дня.

Одну за другой пускал он пули в корчившегося сумасшедшего, пока пустой щелчок не подсказал, что обойма пуста. Тихо взвыла овчарка, не понимая душевного состояния своего хозяина. Пнув сапогом собаку, чем ещё больше сбил её с толку, Бык, все ещё с пистолетом в руке, со свирепым видом вошёл в газовую камеру.

Бегом работала зондеркоманда. Каждый узник выбивался из последних сил, боясь обратить на себя внимание озверевшего эсэсмана. Внимание – это смерть.

Еще более прекрасная в лучах поднявшегося солнца, одинокой осталась неизвестная девушка из Франции, чья жизнь только что расцвела и так подлю оборвана...

За что? Какое преступление совершила она?...» [Погожев 2005, с. 163–167].

ВЫВОДЫ К ЧЕТВЁРТОЙ ГЛАВЕ

В данной главе кратко рассмотрены биографии отдельных лиц, связанных с историей лагеря Аушвиц. Беглый анализ судьб жертв и исполнителей, тем не менее, даёт представление о сложной и многоуровневой системе организации и действия нацистского террора.

Известная во всём мире девочка-подросток Анна Франк, писавшая в своём дневнике о слухах, связанных с массовыми депортациями и уничтожением евреев, стала символом трагедии миллионов детей – жертв Холокоста. Анна Франк непосредственно не упоминает Аушвиц в своём дневнике и умерла она в лагере Берген-Бельзен, но, тем не менее, её образ ассоциируется с трагедией Освенцима. Через её личную историю можно прочувствовать эмоции, охватившие тысячи людей в условиях преследования: страх, неопределённость и надежду. Погибшая девочка остаётся живым символом памяти и человечности.

Рудольф Врба вошёл в историю как участник успешного побега из Аушвица и соавтор доклада о массовом уничтожении евреев. На момент побега ему ещё не исполнилось двадцать лет. Этот молодой человек стал символом незгибаемой воли к выживанию и мужества, а также важным источником информации, который помог разоблачить преступную суть лагеря.

Ещё одним символом сопротивления и достоинства стала в Аушвице скрипачка с мировым именем Альма Розе – узница, которая силой своего таланта заставила нацистов уважать себя, в лице которой искусство и культура стали последним проявлением человечности в нечеловеческих условиях.

Биографии жертв фиксируют не только страдание, но и силу духа, интеллектуальное и нравственное сопротивление режиму.

В то же время фигуры палачей – Рудольф Хёсс, Макс Грабнер, доктор Менгеле и другие – стали олицетворением системного зла, прикрытого идеологией, дисциплиной и научным интересом. Их действия, направленные на унижение и подавление людей, участие в массовых убийствах показывают, как в системе тоталитаризма люди теряли человеческое лицо и моральные принципы. Добившись высших позиций, они не просто выступали исполнителями приказов, но и активно поддерживали и развивали механизм насилия, превращая личные амбиции и жестокость в инструмент власти. Их карьера стала примером, как безжалостность и моральное бессердечие могут возводиться в ранг официальной нормы, понять которую нормальное человеческое сознание не может. Крах карьеры каждого из них и последующее наказание стали неизбежным итогом их преступлений и свидетельством торжества справедливости.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В настоящем исследовании опыт выживания детей в Аушвице был рассмотрен как уникальный феномен, отражённый в корпусе мемуарной, автобиографической и документальной литературы. Анализ этих свидетельств помог воссоздать сложную картину того, как дети воспринимали лагерную реальность. Травма, страх, утрата себя и язык – всё это было не просто способом выжить, но и стало основой для того, как они потом воспринимали и интерпретировали пережитое.

Понимание детского опыта в контексте лагерной системы нацистской Германии требует также типологизации форм участия и выживания. В настоящем исследовании предпринята попытка рассмотреть категории детей, оказавшихся вовлечёнными в реальность Аушвица.

Первая – самая многочисленная группа – погибшие в Аушвице. Точного числа погибших детей указать не представляется возможным потому, что данные о прибывающих детях нигде не фиксировались, их не считая, отправляли в газовые камеры или бросали живыми в горящие костры. Казимеж Смолень, бывший в течение пяти лет заключённым Аушвица, называет судьбу беременных женщин и детей в концлагере самой страшной и нечеловеческой [Смолень 1981, с. 62]. Малышей, родившихся в концлагере, умерщвляли сразу после рождения. Дети в концлагере умирали от болезней, голода и непосильного труда.

Вторая – выжившие в концлагере – самая малочисленная. К. Смолень так характеризует появление детей в концлагере: «Иногда из-за недосмотра эсэсовцев в лагерь вместе со взрослыми попадали и еврейские дети» [Смолень 1981, с. 63]. Кроме еврейских в Аушвиц попадали цыганские дети, дети из Советского Союза. Шанс на выживание получили в Аушвице дети, попавшие к концу войны. Младшие из них научились быть невидимыми в страшные моменты селекций, они научились прятаться и выживать. Дети, выжившие в концлагере, усвоили его особый язык и порядки.

Третья категория – дети, жившие на территории концлагеря. Это, прежде всего, дети комментданда лагеря, которые, как и их мать были уверены в том, что живут в раю. Их детство проходило среди зелёных газонов, ухоженных аллей, пышного сада. Они жили в роскошном доме, у них было большое количество игрушек и много одежды, которую им доставляли со складов «Канады». Они не слышали стонов и криков, доносившихся из-за забора, не обращали внимания на густой дым, ежедневно поднимающийся над трубами крематория. Они с детства знали, что по ту сторону забора находятся враги и недочеловеки, которые не заслуживают такой же жизни. Огорожено от реальности колючей проволокой было и детство детей эсэсовцев, служивших в лагере. Они видели своих отцов в форме, с оружием, гордились ими, не подозревая или не осознавая, какую цену за их беззаботное детство платили тысячи заключённых. Аушвиц – был местом работы их родителей.

Некоторые из этих детей даже играли неподалёку от лагерных построек, не воспринимая их как места страдания и смерти. Такое детство было оторвано от действительности, и вопрос в том, поняли ли они, повзрослев, весь ужас и безнравственность того, что происходило вокруг них.

Эта классификация не претендует на исчерпывающий характер, поскольку за её пределами остаются, по меньшей мере, две значимые категории детей, требующие отдельного осмысления. Они лишь вскользь упоминаются в рамках данной монографии, однако будут предметом более детального рассмотрения в дальнейших этапах исследования.

Одна из них – избежавшие концлагеря. Среди таких детей, например, те, которых родители отправили на «детских поездах» в британские семьи. Операция *Kindertransport* проходила в течение девяти месяцев в 1938–1939 гг. до самого начала Второй мировой войны. Еврейских детей из Германии, Австрии, Чехословакии, Польши вывозили в приёмные семьи в Великобританию, которая накануне войны приняла 10 000 детей. Эвакуированные дети очень часто становились единственными выжившими членами своих семей. Но память о погибших родных и тяжесть потери оставалась с ними на всю жизнь. Вера Гиссинг в своей книге «Жемчужины детства» рассказывает историю своего спасения. Узнав от брата, который включил своих сыновей Томми и Гонзу в список на отправку в Великобританию, о возможности эвакуации детей, мать Веры записала её и старшую сестру. Девочки уехали из Чехословакии в июне 1939 года и оказались в разных семьях и разных городах. Они очень тяжело переживали расставание с родителями, несмотря на то, что они ещё какое-то время поддерживали с ними связь [Гиссинг 2024, с. 43]. После окончания войны Вера узнала, что её двоюродных братьев Томми и Гонзу сняли с поезда 3 сентября 1939 года. Из-за начала войны поезда перестали перевозить детей в Англию. Оба мальчика пережили войну, но умерли от тифа в мае 1945 года в Бельзене, также, как и мама девочек. Остальные родственники погибли в Аушвице [Гиссинг 2024, с. 217].

Ури Шулевич, американский писатель и иллюстратор детских книг, рассказывает историю спасения своей семьи в книге «Шанс: бегство от Холокоста», которая была включена в список двадцати лучших детских книг за последние двадцать лет. Вслед за отцом, он вместе с мамой в четырёхлетнем возрасте бежал из Варшавы, которую к тому времени уже начали бомбить, в Белосток, а затем в Туркестан. Встретившись после войны с немногими из выживших родственников во Франции, он узнал о судьбе остальных родных, которые оказались в Варшавском гетто. Там они заболели тифом, и «немецкие врачи сделали им смертельный укол». История заканчивалась словами: «Это звучит ужасно, но такая смерть <...> считалась подарком судьбы, потому что выжившие в гетто вскоре оказались в Освенциме, а смерть там была гораздо страшнее» [Шулевич 2022, с. 286].

И ещё одна категория – дети, рождённые у выживших в Аушвице. Не все, подобно Эли Везелю или Тому Гиву, хотели делиться своим пережитым опытом пребывания в концлагере. Основная часть заключённых после освобождения предпочитала молчать – не только из страха, но и из желания защитить себя и своих близких от боли воспоминаний. Некоторые даже прибегали к болезненной процедуре удаления выколотых на теле лагерных номеров, стремясь стереть физическое свидетельство своей трагедии. Если же кто-то обращал внимание на эти знаки, бывшие узники чаще отшучивались или старались изменить тему разговора.

Многие из них начинали жизнь с чистого листа: создавали новые семьи, уезжали в другие страны, пытались построить нормальное будущее. У них рождались дети, которые нередко вырастали, не зная ничего о прошлом своих родителей. И только спустя десятилетия, будучи взрослыми, они случайно или через обрывки разговоров, документы и фотографии начинали узнавать о том, через что прошли их отцы и матери. Это открытие становилось для них не только личной драмой, но и частью исторической правды, которую они стремились осмыслить, сохранить и передать дальше. Например, когда четырнадцатилетняя Захава случайно обнаружила семейный альбом, хранившийся в доме, она впервые узнала о прошлой жизни своего отца, о том, что до войны у него уже были дочь и сын. Самым потрясающим для неё оказалось то, что его дочь – её сводная сестра – вела дневник в том же возрасте, в каком находилась она сама. Этот дневник принадлежал Рутке Ласкер, еврейской девочке из польского города Бендзин, погибшей в Холокосте. Потрясённая открытием, Захава настояла на публикации дневника. Благодаря её усилиям «Дневник Рутки» был издан спустя шестьдесят лет после окончания Второй мировой войны, став важным свидетельством жизни и внутреннего мира подростка в тени нацистской машины уничтожения.

Через пятьдесят лет после окончания войны своё собственное расследование провёл Жан-Жак Фельштейн – сын женщины, которая в подростковом возрасте оказалась в Аушвице и не была отправлена в газовые камеры по прибытии только благодаря своему высокому росту. Её музыкальный талант открыл ей путь в женский оркестр концлагеря, куда она попала как скрипачка. После её смерти сын решил найти её подруг по оркестру, чтобы понять, что ей пришлось пережить в Аушвице и от чего она его всегда «отстраняла». Осознав всё, что вынесла в юном возрасте его мать, он написал книгу «В оркестре Аушвица», в которой есть такие слова: Я лишь теперь наконец-то всё понял. Ты познала убийственный голод, животный страх, страдание и потому не могла различить в моих призывах банальный человеческий голод, страх темноты, ужас пробуждения от кошмарного сна, хрупкость ребёнка, родившегося *после* ... Я вынужден признать, что жалею тебя, нас и стыжусь этого чувства ...» [Фельштейн 2021, с. 50]. Это признание – не просто личное осмысление. Оно воплощает сложный

внутренний конфликт второго поколения: невозможность до конца понять, но одновременно – острую потребность прикоснуться к памяти, которую родители стремились скрыть. Книга Ж.-Ж. Фельштейна стала важным вкладом в осмысление судьбы «детей после», выросших в тени трагедии, о которой долго молчали.

Подводя итог, отметим, что так же часто, как и слова «ад» или «адское место», в воспоминаниях выживших звучат слова «человек» и «человечность». Однако они зачастую употребляются в контексте трагического контраста между человеческим обликом и бесчеловечным поведением. Яркой иллюстрацией морального падения человека можно считать эпизод, описанный в книге Кристины Живульской: эсэсовец пинает ребёнка, которому осталось жить всего несколько минут и изображает недовольство нарушением порядка – ребёнок сорвал цветок: «Транспорт с платформы шёл прямо к белому домику. Светловолосая девочка нагнулась, чтобы сорвать цветок у дороги. Наш шеф возмутился. Как можно портить цветы, как можно топтать траву? Его воспитание не позволяет спокойно смотреть на это. Он подбежал к ребенку, которому было не больше четырех лет, и пнул его ногой. Малютка упала и села, изумлённая, на траву. Она не плакала. Не выпуская из ручонки сорванный от цветка стебелек, она глядела широко открытыми, удивленными глазами на эсэсовца. Мать взяла ребёнка на руки и пошла вперед. Девочка всё время выглядывала из-за её плеча. Она не спускала глаз с нашего шефа. Ручка крепко сжимала стебелек.

– Взгляд этого ребенка – приговор всему фашизму, – с ненавистью проговорила идущая рядом со мной Таня. – Что это за чудовище: бить ребёнка, который через пять минут погибнет.

Остальные молчали. Я не могла смотреть на шефа. От непреодолимого отвращения к нему меня всю трясло. А он, этот “культуртрегер”, как ни в чём не бывало шёл рядом с нами, довольный собой. И эта гадина носила звание человека!» [Живульская].

И всё же, несмотря на глубину разрушения моральных ориентиров, важно отметить: сам факт того, что правда об этом месте была обнажена, что преступления были названы и осуждены, а память о жертвах сохранена, свидетельствует о победе человечности над злом. Особую роль в этом процессе осмысления лагерного опыта играет свидетельство о детях, оказавшихся в аду Аушвица. Их образы – невинные, беззащитные, часто даже не осознававшие происходящего до самого конца – стали универсальным символом трагедии. Фиксация и распространение историй, дневников, воспоминаний, связанных с детьми, не только углубляет понимание масштабов преступлений, но и подчёркивает, насколько важна человечность в сохранении памяти.

И по прошествии восьми десятилетий после освобождения лагеря смерти актуальность осмысления трагедии остаётся неоспоримой. Особенно это касается памяти о детях, оказавшихся в Аушвице – детей, чья жизнь

оборвалась в Аушвице, детей, которые уцелели, но навсегда были отмечены лагерным прошлым.

После трагедии Аушвица и судов над нацистскими преступниками, в частности Нюрнбергского трибунала (1945–1946), международное сообщество осознало необходимость правовой защиты человеческого достоинства. В результате были приняты ключевые документы, определившие основы защиты прав детей: Всеобщая декларация прав человека (1948), Декларация прав ребёнка (1959) и Конвенция о правах ребёнка (1989). Эти акты стали ответом на насилие, пережитую детьми во время войны, и заложили фундамент современной системы охраны детства на международном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

Аристов, С. В. «Я был совершенно нормален, выполняя задания по уничтожению...»: биография Р. Хесса – коменданта Аушвица / С. В. Аристов // Известия Тульского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 3. – С. 105–110.

Аристов, С. В. Коллаборационизм в нацистских концентрационных лагерях: проблема и её интерпретация / С. В. Аристов // Вестник Брянского государственного университета. – 2016. – № 2. – С. 11–16.

Большакова, Н. В. Коммуникативные стратегии в жанре воспоминаний о войне (на материале устных рассказов псковских диалектоносителей) / Н. В. Большакова, Л. Б. Воробьёва, З. В. Митченко // Мир русского слова. – 2025. – № 1. – С. 15–23.

Бондаренко, О. А. История развития законодательства о правах ребёнка : научно-практическое пособие / О. А. Бондаренко. – Волгоград : Изд-во Волгоградского института экономики, социологии и права, 2011. – 28 с.

Бондаренко, О. А. Международные документы о правах ребёнка : научно-практическое пособие / О. А. Бондаренко. – Волгоград : Изд-во Волгоградского института экономики, социологии и права, 2011. – 28 с.

Бутько, О. В. Правовой статус ребёнка: теоретико-правовой анализ : 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. В. Бутько. – Краснодар, 2004. – 20 с.

Вавилова, К. А. Основные векторы в изучении проблем Холокоста на современном этапе / К. А. Вавилова // Вестник Кемеровского государственного университета : журнал теоретических и прикладных исследований. – 2014. – № 4 (60), т. 2. – С. 23–27.

Василевицкая, О. А. Духовно-нравственное развитие школьников при изучении темы Холокоста и её значение / О. А. Василевицкая. – Текст : электронный // Концепт : научно-методический электронный журнал. – 2017. – № 8. – С. 1–5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovno-nravstvennoe-razvitie-shkolnikov-pri-izuchenii-temy-holokosta-i-ee-znachenie> (дата обращения: 20.07.2023).

Вахсман, Н. История нацистских концлагерей / Н. Вахсман. – Москва : Центрполиграф, 2017. – 782 с.

Викулова, Л. А. Сельскохозяйственный сектор нацистского концентрационного лагеря Аушвиц: уничтожение трудом или шанс на жизнь? / Л. А. Викулова // Научные ведомости. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2013. – № 1 (144), вып. 25. – С. 52–56.

Гасанова, З. М. Международная защита прав детей / З. М. Гасанова, А. М. Ибрагимов // Юридическая наука и образование. – 2019. – № 2. – С. 120–123.

Гарданова, Л. Н. «Медальоны» Зофьи Налковской и «Каменный мир» Тадеуша Боровского (сравнительно-сопоставительный аспект) / Л. Н. Гарданова // Творчасць Зоф'і Налкоўскай і славянскія культуры : Матэрыялы міжнар. навук. канф., 17-18 мая 2004 г., Гродна / Установа адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы» ; пад рэд. С.Ф. Мусіенка. – Гродна : ГрДУ, 2005. – С. 132–139.

Датнер, Ш. Преступления немецко-фашистского Вермахта в отношении военнопленных во Второй Мировой войне / Ш. Датнер. – Москва : Изд-во иностр. лит-ры, 1963. – 486 с.

Демакова, И. Д. Януш Корчак и дети / И. Д. Демакова // Социальная педагогика. – 2018. – № 1–2. – С. 5–9.

Демакова, И. Д. Наследие Януша Корчака: живое слово для живого дела / И. Д. Демакова // Социальная педагогика. – 2018. – № 1–2. – С. 10–13.

Дрожжина, О. В. Образ ребенка, скрывающегося от Холокоста, в графическом романе Ари Фольмана и Дэвида Полонски «Дневник Анны Франк. Графическая версия» / О. В. Дрожжина // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. – 2023. – № 1 (78). – С. 159–165.

Ермаков, А. М. «Уроки Освенцима»: история Холокоста в современных школьных учебниках ФРГ / А. М. Ермаков // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 3. – С. 229–235.

Ибрагимов, А. М. Международная защита прав детей / А. М. Ибрагимов, З. М. Гасанова // Закон и право. – 2019. – № 2. – С. 120–123.

Ильичёв, И. Е. Защита детства в нормах международного права / И. Е. Ильичёв, С. А. Лазарева // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. – 2019. – № 1. – С. 9–25.

Кантемирова, З. Э. Механизм защиты прав ребенка в Российской Федерации / З. Э. Кантемирова // Бизнес в законе : Экономико-юридический ж-л / гл. ред. Е.В. Ястребова. – 2009. – № 2. – С. 32–34.

Корнейчук, Д. Освенцим: штрихи из истории немецкого лагеря смерти / Д. Корнейчук. – Текст : электронный // hrono.ru. – URL: http://www.hrono.ru/statii/2006/krn_osven.html (дата обращения: 20.06.2023).

Кудрявцева, Л. В. Международно-правовой механизм защиты прав детей / Л. В. Кудрявцева // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 2 (206). – С. 104–107.

Кузнецова, А. Е. У. Стайрон: «Выбор Софи» как «Выбор Хобсона» (к семантике заглавия) / А. Е. Кузнецова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология, востоковедение, журналистика. – 2007. – Вып. 1, ч. 2. – С. 21–25.

Кулакова, А. А. Права ребенка и некоторые проблемы, связанные с их применением / А. А. Кулакова // Социально-политические науки. – 2017. – № 6. – С. 88–90.

Макарчук, А. В. Психологические последствия насилия у детей 10–13 лет : 19.00.13 «Психология развития, акмеология» : автореф. дис. ... канд. психол. Наук / Макарчук Анна Владимировна ; Ин-т психологии РАН. – М., 2004. – 20 с.

Мезенина, А. А. Музыка и Аушвиц в романе Л. Юргенсон «Воспитанные ночью» / А. А. Мезенина // Уральский филологический вестник (серия «Драфт: молодая наука»). – 2016. – № 5. – С. 106–110.

Отто, Р. Советские военнопленные в системе концлагерей Германии / Р. Отто, Р. Келлер. – М. : Аспект Пресс, 2020. – 400 с.

Петрова, Н. А. Концлагерная проза: от документа к роману / Н. А. Петрова, И. А. Подавылова // Вестник Пермского университета. Сер.: Российская и зарубежная филология. – 2014. – Вып. 3 (27). – С. 146–153.

Полян, П. Ю. Демографический баланс еврейского населения лагеря Аушвиц / П. Полян // Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем : дебаты о демографии и геополитике Холокоста / сост. А. Кох, П. Полян. – Москва : Три квадрата, 2008. – С. 239–257.

Рыжов, И. В. Проблема отрицания Холокоста: история, особенности и современные тенденции / И. В. Рыжов, М. Ю. Бородин // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2015. – № 3. – С. 97–102.

Седова, Е. С. Художественная интерпретация истории в романе Дж. Бойна «Мальчик в полосатой пижаме» / Е. С. Седова // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. – 2024. – Т. 46, № 6. – С. 88–96.

Сунгуров, А. Ю. Поколения прав человека: основные этапы развития правовой идеи и правового института / А. Ю. Сунгуров // Институт Уполномоченного по правам человека в субъектах РФ : учеб. пособие / под ред. А. Ю. Сунгурова. – Санкт Петербург : Норма, 2003. – С. 151.

Терушкин, Л. А. Освобождение Аушвица (Освенцима) – уникальный пример межнациональной толерантности / Л. А. Терушкин, С. А. Тиханкина, И. А. Альтман // Преподавание военной истории в России и за рубежом : сб. ст. / под ред. К. А. Пахалюка. – Москва ; Санкт Петербург : Нестор-История, 2018. – С. 327–406.

Федоров, М. В. К вопросу о необходимости научно-методического обеспечения правового регулирования вопросов защиты прав ребёнка / М. В. Федоров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 4. – С. 379–389.

Филатова, В. А. Важность сохранения памяти о событиях прошлого в сознании молодёжи (на примере Холокоста) / В. А. Филатова // Материалы II Республиканского очно-заочного научно-практического семинара с международным участием «Библиотека, как ресурс сохранения исторической памяти региона» (29 сентября 2022 г.). – Горловка: Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2022. – С. 23–24.

Филатова, В. А. Влияние перевода на восприятие жаргона концлагерей / В.А. Филатова // Материалы VIII Международной очно-заочной научно-практической конференции «Актуальные проблемы переводоведения в XXI столетии». – Горловка : Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2023. С. 147–149.

Филатова, В. А. Историческая фотография и воспоминания о детстве в концлагере – двойное свидетельство о преступлениях фашизма / В. А. Филатова // Материалы III Межрегионального научно-практического семинара «Дискурсивные практики современной межкультурной коммуникации». – Горловка : Изд-во ФГБОУ ВО «ДГПУ», 2023. С. 110–113.

Филатова, В. А. Заглавия как имена произведений, объединённых темой Аушвица / В.А. Филатова // Восточнославянская филология : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» ; Редкол. : С. А. Кочетова и др. – Вып. 17(41). Литературоведение. – Горловка : Изд-во ФГБОУ ВО «ДГПУ», 2024. – С. 72–83.

Филатова, В. А. Игра как способ существования в Аушвице / В. А. Филатова // Восточнославянская филология : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» ; Редкол. : С. А. Кочетова и др. – Вып. 17(41). Литературоведение. – Горловка : Изд-во ФГБОУ ВО «ДГПУ», 2024. – С. 84–96.

Филатова, В. А. Дневники еврейских девушек времён Холокоста как личные и исторические документы / В.А. Филатова // Восточнославянская филология : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» ; Редкол. : С. А. Кочетова и др. – Вып. 18 (42). Литературоведение. – Горловка : Изд-во ФГБОУ ВО «ДГПУ», 2024. – С. 74–82.

Фираго, Ю. С. Взрослые и дети в нацистских лагерях смерти (по рассказу З. Налковской «Медальоны») / Ю. С. Фираго // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2015. – № 1 (88). – С. 144–149.

Януш Корчак о правах детей // Социальная педагогика. – 2018. – №1–2. – С. 29–31.

Яфарова, А. Ф. Становление института уполномоченного по правам ребёнка в некоторых зарубежных странах / А. Ф. Яфарова // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2017. – Т. 5, № 2 (18). – URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/yafarova_af_17_2_06.pdf (дата обращения: 20.12.2024).

Benzaquen-Gautier, S. Romancing the Camp: Genres of Holocaust Memory on the Story-Sharing Website Wattpad / S. Benzaquen-Gautier // Holocaust Studies. – 2018. – Vol. 24, No. 1. – P. 75–92.

Kalla, I. B. The Unity of Subject and Object: Toys of Holocaust Survivors as Memory Transmitters in Children's Literature / I. B. Kalla // Transmission of Memory. – 2024. – № 1. – P. 306–324.

Kaplan, M. A. The Daily Lives of Jewish Children and Youth in the “Third Reich” / M. A. Kaplan // *Between Dignity and Despair: Jewish Life in Nazi Germany*. – New York : Oxford University Press, 1999. – P. 94–118.

Kurkowska-Budzan, M. “Perpetrator Trauma” in *Memoirs of Veterans of the Polish Home Army* / M. Kurkowska-Budzan // *Trauma, Experience and Narrative in Europe after World War II* / ed. M. Kurkowska-Budzan. – Cham : Palgrave Macmillan, 2021. – P. 233–266.

Lee, S. Children born of war: a critical appraisal of the terminology / S. Lee, H. Glaesmer // *Children Born of War: Past, Present and Future* / eds. S. Lee, H. Glaesmer, B. Stelzl-Marx. – London : Routledge, 2021. – P. 1–23.

Levin, O. From the past to the future through literature: the motif of secrecy in Holocaust literature for children / O. Levin, L. Baratz // *Holocaust Studies: A Journal of Culture and History*. – 2022. – Vol. 28, № 1. – P. 1–19.

Ødegaard, I. C. Reflections on Methodological Approaches and Challenges in Researching Children Born of War / I. C. Ødegaard, E. Kleinau // *Children and Youth at Risk in Times of Transition: International and Interdisciplinary Perspectives* / eds. B. H. Borge, E. Kleinau, I. C. Ødegaard. – Berlin ; Boston : De Gruyter Oldenbourg, 2024. – P. 25–64.

von Saal, Y. Forced Maturity: Children’s Experiences under German Occupation in Belarus, 1941–1944 / Y. von Saal // *Childhood during War and Genocide: Agency, Survival, and Representation* / eds. J. B. Michlic, Y. von Saal, A. Ullrich. – Göttingen : Wallstein Verlag, 2024. – P. 27–56.

Schmidt, L. Agency through Memory: The Role of Narrative in Second-Generation Holocaust Testimonies / L. Schmidt // *Childhood during War and Genocide: Agency, Survival, and Representation* / eds. J. B. Michlic, Y. von Saal, A. Ullrich. – Göttingen : Wallstein Verlag, 2024. – P. 227–254.

Short, G. Learning Through Literature: Historical Fiction, Autobiography, and the Holocaust / G. Short // *Children’s Literature in Education*. – 1997. – Vol. 28, № 3. – P. 179–190.

Schretter, L. Ethical challenges in conducting interviews with children born of war: reflections on navigating participants’ expectations / L. Schretter, K. Kuramitsu, N. Sertsté // *Children Born of War: Past, Present and Future* / eds. S. Lee, H. Glaesmer, B. Stelzl-Marx. – London : Routledge, 2021. – P. 59–74.

Stańczyk, E. Commemorating the Children of World War II in Poland / E. Stańczyk. – Cham : Palgrave Macmillan, 2019. – 196 c.

Szacka, B. Polish Remembrance of World War II / B. Szacka // *International Journal of Sociology*. – 2006–2007. – Vol. 36, № 4. – P. 8–26.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

Аристов, С. В. «Империя смерти». Концлагеря Третьего Рейха: самая полная иллюстрированная энциклопедия нацистских концлагерей / С. В. Аристов. – Москва : Яуза ; Эксмо, 2022. – 224 с.

Аушвиц-Биркенау – Энциклопедия Холокоста – Яд Вашем: сайт / Yad Vashem. – Текст : электронный. – URL: <https://www.yadvashem.org/ru/holocaust/lexicon/auschwitz.html> (дата обращения: 02.02.2022).

Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – Москва : Русский язык, 2000. – 1480 с.

Комлев, Н. Г. Словарь новых иностранных слов : с переводом, этимологией и толкованием / Н. Г. Комлев. – Москва : Изд-во МГУ, 1995. – 142 с.

Краткий немецко-русский и русско-немецкий словарь = Kleines deutsch-russisch und russisch-deutsch Wörterbuch / [сост. О. Д. Липшиц, А. Б. Лоховиц]. – Репр. изд. – Москва : Культура и традиции, 1995. – 489 с.

Мемориальный музей Холокоста США: официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.ushmm.org/> (дата обращения: 02.03.2023).

Ожегов, С. И. Словарь русского языка : 52 000 слов / сост. С. И. Ожегов ; под общ. ред. акад. С. П. Обнорского. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. – 848 с.

Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 72 500 слов и 7 500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Азъ, 1994. – 907 с.

Толковый словарь русского языка : в 4 т. / сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов [и др.] ; под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва : Гос. ин-т «Советская энциклопедия», 1935–1940. – Т. 1 : А – Кюрины. – 1935. – LXXVI, 1562 стб.

Холокост: Энциклопедия / ред. У. Лакёр, соред. Ю. Т. Баумель. – Москва : РОССПЭН, 2005. – 808 с.

Энциклопедия Третьего Рейха / сост. С. Воропаев. – Москва : ЛОКИД, 1996. – 588 с.

Auschwitz / United States Holocaust Memorial Museum // Holocaust Encyclopedia. – Текст : электронный. – URL: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/auschwitz> (дата обращения: 18.06.2023).

Auschwitz – Britannica Online. – Текст : электронный. – URL: <https://www.britannica.com/place/Auschwitz/The-Allied-response-to-Auschwitz> (дата обращения: 02.04.2024).

Doroz, M. Wielki słownik polsko-rosyjski / M. Doroz. – Warszawa : Wiedza Powszechna, 2006. – 1024 s.

Duden. Deutsches Universalwörterbuch / hrsg. von G. Drosdowski ; Dudenredaktion (Bibliographisches Institut). – Mannheim : Bibliographisches Institut, 1983. – 1504 S.

Duden. Deutsches Universalwörterbuch. – 9., neu bearb. Aufl. – Mannheim : Bibliographisches Institut, 2019. – 1800 S.

Gruszczyński, W. Słownik współczesnego języka polskiego / red. W. Gruszczyński. – Warszawa : PWN, 2001. – 1340 s.

Langenscheidt Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache / под ред. D. Klappenbach. – Berlin : Langenscheidt, 2015. – 1856 S.

Słownik języka polskiego PWN. – Текст : электронный. – URL: <https://sjp.pwn.pl/> (дата обращения: 18.04.2023).

Wahrig, G. Deutsches Wörterbuch / G. Wahrig. – 9. Aufl. – Gütersloh : Bertelsmann, 2006. – 1600 S.

ИСТОЧНИКИ

Амери, Ж. По ту сторону преступления и наказания: попытки одолённого одолеть / Ж. Амери. – Москва : Новое издательство, 2015. – 196 с.

Борисова, А. В. Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси / А. В. Борисова, К. И. Козак, Г. Л. Стучинская. – Минск : Літаратура і Мастацтва, 2012. – 400 с.

Борнштейн, М. Клуб выживших. Реальная история заключённого из Аушвица / М. Борнштейн, Д. Борнштейн Холинстат. – Москва : АСТ, 2022. – 256 с.

Боровский, Т. У нас в Аушвице / Т. Боровский. – Текст : электронный // ЛитРес: библиотека онлайн. – URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Б/borovskij-tadeush/u-nas-v-aushvice> (дата обращения: 02.02.2023).

Вайсман, Р. Мальчик из Бухенвальда: невероятная история ребёнка, пережившего Холокост / Р. Вайсман, С. Макклелланд. – Москва : Эксмо, 2021. – 288 с.

Визель, Э. Ночь. Рассвет. День. Трилогия / Э. Визель. – Москва : Книжники, 2021. – 429 с.

Волл, Я. Э. Дневники Рут Майер / Я. Э. Волл. – М. : Мосты культуры, 2010. – 400 с.

Гесс, Р. Освенцим в глазах СС / Р. Гесс, П. Брод, Й. П. Кремер ; под ред. Я. Безвинской, Д. Чех. – Освенцим : Изд-во Государственного музея в Освенциме, 1975. – 308 с.

Гив, Т. Мальчик, который нарисовал Освенцим / Т. Гив. – Москва : АСТ, 2022. – 288 с.

Гиз, М. Воспоминания об Анне Франк. Отрывки / М. Гиз. – [Электронный ресурс]. – URL: http://lib.ru/INPROZ/FRANK_A/about_mier.txt (дата обращения: 10.08.2022).

Гиссинг, В. Жемчужины детства / В. Гиссинг. – М.: Лайвбук, 2024. – 272 с.

Голубев, И. Гитлеровские зверства в Польше / И. Голубев. – Москва : Госполитиздат, 1941. – 23 с.

Грюнбаум, М. Где-то в мире есть солнце. Свидетельство о Холокосте / Грюнбаум, Т. Хазак-Лоуи. – Москва : Самокат, 2020. – 288 с.

Декларация прав ребёнка (Женевская, 1924) // Международные документы ООН. – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/zhenevskaya_deklaraciya_prav_rebenka_1924/ (дата обращения: 20.10.2024).

Дронфилд, Д. Мальчик, который пошёл в Освенцим вслед за отцом / Д. Дронфилд. – Москва : Эксмо, 2023. – 480 с.

Живульская, К. Я пережила Освенцим [Электронный ресурс] / К. Живульская. – URL: https://militera.lib.ru/memo/other/zywulska_k01/text.html (дата обращения: 22.02.2024).

- Жолт, А.* Дневник Евы Хейман / А. Жолт. – М. : АСТ, 2021. – 192 с.
- Злодеяния германского правительства в Освенцимских лагерях* // Красный флот. – 08 мая 1945, № 106 (1981). – С. 1.
- Из показаний свидетеля Штерна Самуила Абрамовича...* // Нюрнбергский процесс. – Т. 1. – 1954. – С. 889–890.
- Керр, Дж.* Как Бог съел что-то не то / Дж. Керр. – Москва : Белая ворона, 2019. – 350 с.
- Керр, Дж.* Как Бог украл розового кролика / Дж. Керр. – Москва : Белая ворона, 2022. – 262 с.
- Кертис, И.* Без судьбы / И. Кертис. – Москва : АСТ, 2022. – 320 с.
- Клейтон М.У.* Последний поезд на Лондон / М.У. Клейтоню – Санкт Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. – 544 с.
- Клиймук, А.* Девочка из Аушвица. История пани Лидии / А. Клиймук. – Варшава : [б. и.], 2019. – 104 с.
- Краус, О.* Фабрика смерти / О. Краус, Э. Кулка. – Москва : Госполитиздат, 1960. – 296 с.
- Кремер, Дж.* Анна Франк. Преданная / Дж. Кремер. – Москва : АСТ, 2022. – 224 с.
- Леви, П.* Канувшие и спасенные / П. Леви. – Москва : Новое издательство, 2010. – 196 с.
- Леви, П.* Человек ли это? / П. Леви. – Москва : Текст, 2001. – 205 с.
- Лебедев, А. Ф.* Солдаты малой войны (Записки освенцимского узника) / А. Ф. Лебедев. – М. : Госполитиздат, 1957. – 78 с.
- Лещинска, С.* Рапорт акушерки из Освенцима / С. Лещинска. – Текст : электронный // Храм святого мученика Максима : сайт. – URL: <http://hrammaxim.ru/index.php/stati/298-2010-11-01-18-23-52> (дата обращения: 02.02.2024).
- Майер, Дж.* Храброе сердце Ирены Сендлер / Дж. Майер. – Москва : Эксмо, 2014. – 560 с.
- Макадэм, Х.* Их было 999 в первом поезде в Аушвиц / Х. Макадэм. – Москва : АСТ, 2022. – 416 с.
- Максимович, Л.* Девочка, не умевшая ненавидеть / Л. Максимович, П. Родари. – Москва : Эксмо, 2023. – 224 с.
- Мозес-Кор, Е.* Близнецы Освенцима: правдивая история близнецов доктора Менгеле / Е. Мозес-Кор. – Москва : АСТ : ОГИЗ, 2022. – 208 с.
- Невероятная история акушерки, которая помогла родиться 3000 детей в Освенциме.* – Текст : электронный // CatholicNews.by : сайт. – URL: <https://catholicnews.by/neverojatnaja-istorija-akusherki-kotoraja-pomogla-roditsja-3000-detej-v-osvencime/> (дата обращения: 02.03.2023).
- Налковская, З.* Медальоны / З. Налковская. – Текст : электронный // Bookscafe.net : электронная библиотека. – URL: https://bookscafe.net/read/nalkovskaya_zofya-medalony-6164.html (дата обращения: 02.02.2022).

Неизвестная «Черная книга». Материалы к «Черной книге» под редакцией Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга / сост. Илья Альтман. – Москва : АСf : CORPUS, 2015. – 416 с.

Нюрнбергский процесс : сборник материалов. В 2 т. Т. 2. – М. : Госюриздат, 1954. – 1156 с.

Освенцим // Красная звезда. – 08 мая 1945, № 108 (6094). – С. 1.

О чудовищных преступлениях... // Звезда. – 09 мая 1945. – № 90 (7599). – С. 2.

Петренко, В. До и после Освенцима / В. Петренко. – Москва : Фонд «Холокост», 2000. – 159 с.

Показания свидетеля Шмаглевской... // Нюрнбергский процесс. – Т. 1. – 1954. – С. 909–912.

Погожев, А. «Смерть стояла у нас за спиной» / А. Погожев // Побег из Освенцима. Остаться в живых. – Москва : Яуза ; Эксмо, 2005. – С. 7–228.

Полян, П. Свитки из пепла. Еврейская «зондеркоммандо» в Аушвице-Биркенау и ее летописцы / П. Полян. – Москва ; Ростов н/Д : Феникс, 2013. – 558 с.

Рапорт польской акушерки из Освенцима. – Текст : электронный. – URL: <https://picturehistory.livejournal.com/3109641.html> (дата обращения: 20.01.2023).

Рольникайте, М. Дневник Маши Рольникайте / М. Рольникайте // Детская книга войны. – Москва : Аргументы и факты, 2017. – С. 267–287.

Смолень К. Освенцим 1940–1945. Путеводитель по музею / К. Смолень. – Крайова. Agencja Wydawnicza, 1981 г. – 120 с.

Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии... // Известия. – 08 мая 1945, № 106 (8716). – С. 2–3.

Стенькин, П. «Меня не сломили!» / П. Стенькин // Побег из Освенцима. Остаться в живых. – Москва : Яуза ; Эксмо, 2005. – С. 229–284.

Фельштейн, Ж. В оркестре Аушвица / Ж. Фельштейн. – Москва : Эксмо, 2021. – 288 с.

Франк, А. Дневник Анны Франк. 12 июня 1942 – 1 августа 1944 / А. Франк. – Москва : РО ОИ ММЕО, 2020. – 317 с.

Франкл, В. Сказать жизни – «Да». Упрямство духа / В. Франкл. – Текст : электронный // Nitsolim.org : сайт. – URL: <https://nitsolim.org/R/OrgR/Library/Frankl/FranklDA.pdf> (дата обращения: 15.06.2023).

Фрид, Х. Осколки одной жизни. Дорога в Освенцим и обратно. – Москва : Издательство Рудомин, 1993. – 224 с.

Фридман, Т. Дочь Аушвица. Я пережила Холокост ребёнком и всё равно научилась любить жизнь. Это моя история / Т. Фридман, М. Брабант. – Москва : Эксмо, 2023. – 320 с.

Чёрная книга / составлена под ред. Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга. – Иерусалим : Тарбут, 1980. – 548 с.

Чудовищные преступления германского правительства в Освенциме // Правда. – 07 мая 1945, № 109 (9880). – С. 1.

Шлосс, Е. После Аушвица / Е. Шлосс. – Москва : АСТ, 2021. – 384 с.

Шмаглевская, С. Дым над Биркенау / С. Шмаглевская. – Москва : Художественная литература, 1970. – 288 с.

Шпигель, Р. В тени Холокоста. Дневник Рении / Р. Шпигель. – Москва : АСТ, 2020. – 320 с.

Штильман, А. Из Вены в Освенцим: история скрипачки Альмы Розэ (начало) / А. Штильман. – Текст : электронный // Заметки по еврейской истории. – 2006. – № 3 (39). – URL: <https://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer3/Shtilman1.htm> (дата обращения: 05.06.2023).

Штильман, А. Из Вены в Освенцим: история скрипачки Альмы Розэ (окончание) / А. Штильман. – Текст : электронный // Заметки по еврейской истории. – 2006. – № 4 (40). – URL: <https://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer4/Shtilman2.htm> (дата обращения: 05.06.2023).

Шулевиц, У. Бегство от Холокоста. – М. Карьера Пресс, 2022. – 336 с.

Эдлингтон, Л. Портнихи Освенцима. Правдивая история женщин, которые шили, чтобы выжить / Л. Эдлингтон. – М. : АСТ, 2022. – 352 с.

Эгер, Э. Е. Выбор. О свободе и внутренней силе человека / Э. Е. Эгер, Э. Швалль-Вейнганд. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2023. – 448 с.

Adlington, L. The Dressmakers of Auschwitz: The True Story of the Women Who Sewed to Survive / L. Adlington. – New York : Harper, 2021. – 304 p.

Améry, J. Jenseits von Schuld und Sühne // Werke / Jean Améry. – Stuttgart : Klett-Cotta, 2002. – С. 7–177.

Bornstein, M. Survivors Club: The True Story of a Very Young Prisoner of Auschwitz / M. Bornstein, D. B. Holinstat. – New York : Farrar, Straus and Giroux, 2017. – 352 p.

Borowski, T. U nas w Auschwitzu ... / T. Borowski. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1961. – Wyd. elektroniczne: Fundacja Nowoczesna Polska. – URL: <https://wolnelektury.pl/media/book/pdf/borowski-u-nas-w-auschwitzu.pdf> (дата обращения: 12.03.2023). – Текст : электронный.

Brandman, B. The Girl Who Survived: A True Story of the Holocaust / B. Brandman. – New York : Scholastic, 2010. – 91 p.

Dronfield, J. The Boy Who Followed His Father into Auschwitz / J. Dronfield. – London : Penguin, 2019. – 432 p.

Dunicz Niwińska, H. One of the Girls in the Band: The Memoirs of a Violinist from Birkenau / H. Dunicz Niwińska. – Oświęcim : Auschwitz-Birkenau State Museum, 2018. – 180 p.

Eger, E. E. The Choice: Embrace the Possible : текст / Е. Е. Эгер. – New York : Scribner, 2017. – 392 с.

Felstein, J.-J. Dans l'orchestre d'Auschwitz / Jean-Jacques Felstein. – Paris : Éditions Imago, 2010. – 208 p.

Frankl, V. E. ...trotzdem Ja zum Leben sagen: Ein Psychologe erlebt das Konzentrationslager / Viktor E. Frankl. – Текст : электронный. – URL: <https://keinding.com/onewebmedia/Trotzdem-Ja-zum-Leben-sagen.pdf> (дата обращения: 15.08.2023).

Friedman, T. The Daughter of Auschwitz: My Story of Resilience, Survival and Hope / T. Friedman, M. Brabant. – Электрон. текст. – URL: <https://www.rulit.me/books/the-daughter-of-auschwitz-my-story-of-resilience-survival-and-hope-read-808729-1.html> (дата обращения: 12.06.2023).

Geve, T. The Boy Who Drew Auschwitz: A Powerful True Story of Hope and Survival / T. Geve. – New York : HarperCollins, 2021. – 304 с.

Children in the Holocaust / The National Holocaust Centre and Museum. – Текст : электронный. – URL: <https://www.holocaust.org.uk/children-in-the-holocaust> (дата обращения: 21.11.2024).

Gruenbaum, M. Somewhere There Is Still a Sun: A Memoir of the Holocaust / M. Gruenbaum, T. Hasak-Lowy. – New York : Aladdin, 2017. – 384 p.

Historia KL Auschwitz-Birkenau [Электронный ресурс]. – Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. – URL: <https://www.auschwitz.org/historia/> (дата обращения: 21.06.2024).

Höss, R. KL Auschwitz Seen by the SS / R. Höss, P. Broad, J. P. Kremer. – New York : H. Fertig, 1984. – 340 p.

Kubica, H. Dzieci w KL Auschwitz : po materiałach Archiwum Państwowego Muzeum Auschwitz-Birkenau w Oświęcimiu / H. Kubica [Электронный ресурс]. // Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. – URL: https://lekcja.auschwitz.org/dzieci_PL (дата обращения: 20.11.2024).

Kubicek, P. Memories of Evil: Memoir of a World War II Childhood, Written in the Fervent Hope, Perhaps Naive, That Hegel's Dictum Is Wrong / P. Kubicek. – San Bernadino, CA : Peter Kubicek, 2012. – 110 p.

Levi, P. I sommersi e i salvati / P. Levi. – Milano : Einaudi, 2003. – 238 p.

Levi, P. Se questo è un uomo / P. Levi. – Torino : Einaudi, 2000. – 223 p.

Macadam, H. D. 999: The Extraordinary Young Women of the First Official Jewish Transport to Auschwitz / H. D. Macadam. – New York : Kensington Publishing Corp., 2020. – 480 p.

Nyiszli, M. Auschwitz: A Doctor's Eyewitness Account / Miklós Nyiszli. – New York : Arcade Pub. ; [Boston] : Distributed by Little, Brown, and Co., 1993. – 222 p.

Perl, G. I Was a Doctor in Auschwitz / G. Perl. – NY : International Universities Press, 1948. – 189 p.

Pogozhev, A. Escape from Auschwitz / A. Pogozhev. – Philadelphia : Casemate, 2007. – 174 p.

Schloss, E. After Auschwitz: A Story of Heartbreak and Survival by the Stepsister of Anne Frank / E. Schloss, K. Bartlett. – Rearsby, Leicester : W. F. Howes Ltd, 2013. – 360 p.

Stolen childhood. War memories of children and young people from 1945–1946 – Текст : электронный // Academia.edu – URL: https://www.academia.edu/102539504/Stolen_childhood_War_memories_of_children_and_young_people_from_1945_1946 (дата обращения: 21.03.2025).

Szmaglewska, S. Dymy nad Birkenau / S. Szmaglewska. – Warszawa : Czytelnik, 1967. – URL: <https://docer.tips/seweryna-szmaglewska-dymy-nad-birkenau.html> (дата обращения: 12.04.2023). – Текст : электронный.

The fate of the children / Auschwitz-Birkenau Memorial and Museum. – Текст : электронный. – URL: <https://www.auschwitz.org/en/history/fate-of-children/the-fate-of-the-children/> (дата обращения: 21.10.2024)

Waisman, R. Boy from Buchenwald: The True Story of a Holocaust Survivor / Robbie Waisman with Susan McClelland. – New York ; London ; Oxford ; New Delhi ; Sydney : Bloomsbury Children's Books, 2021. – 288 p.

Wiesel, E. La Nuit : texte / Elie Wiesel. – Paris : Éditions de Minuit, 1958. – 177 p.

Żywulska, K. Przeżyłam Oświęcim / Krystyna Żywulska. – Warszawa : tCHu, dom wYdawniczy, 2008. – 320 s.

Научное издание

Виктория Алексеевна ФИЛАТОВА

ДЕТИ В АДУ АУШВИЦА

Монография

Технический редактор:

Н. А. Сытник

Компьютерная вёрстка и макетирование:

Э. А. Бояринцева

*За достоверность представленной информации и ссылок
ответственность несёт составитель*

Подписано к изданию 27.06.2025 г.

Формат 60х84/16. Бумага 80 г/м².

Усл.-печ. л. – 15,57. Уч.-изд. л. – 15,25.

Усл.-изд. л. – 14,18.

Тираж 500 экз. Зак. № 63.

Издательство ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
педагогический университет им. В. Шаталова»
Справка ГЛАВСТАТА ДНР Серия АА № 08-22/1277 от 05.03.2020
284626, ДНР, г. о. Горловка, г. Горловка, ул. Рудакова, 25